Максимилиан Волошин

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

В ДВУХ ТОМАХ

Общая редакция Б. А. Филиппова, Г. П. Струве и Н. А. Струве
при участии А. Н. Тюрина

YMCA-PRESS

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ТОМ ВТОРОЙ

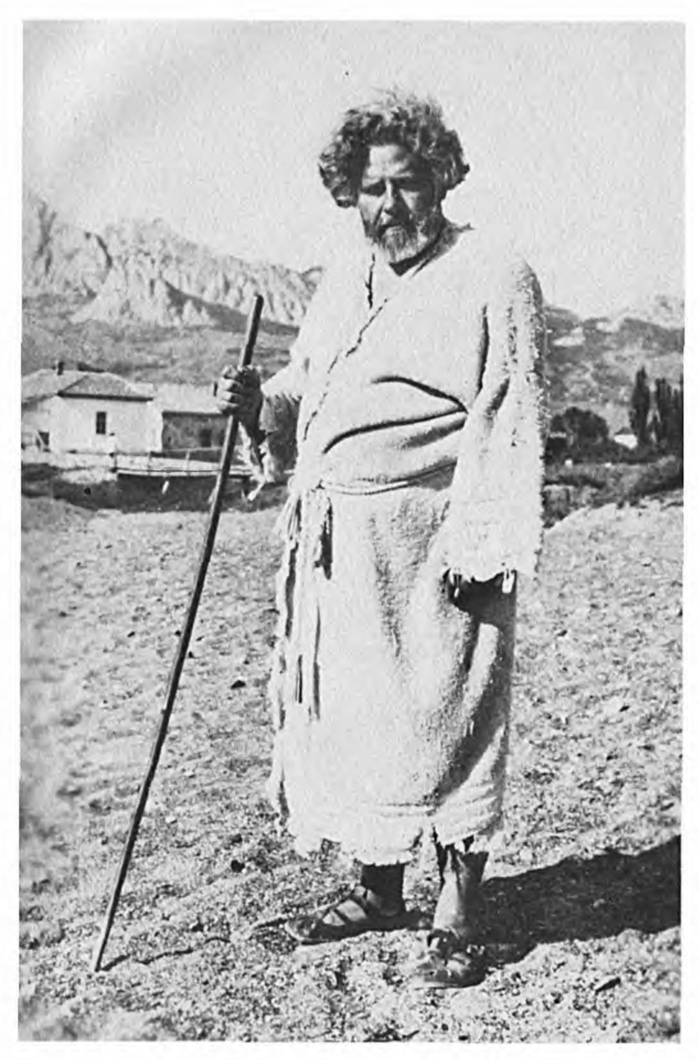
YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève - 75005 PARIS

1984

Обложка работы С. Голлербаха

ISBN 2-85065-040-4



М.А. Волошин. Коктебель. Ок. 1926–1930.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

1. Отца не помню, но знаю, что он в юности писал стихи. Мать любила строго-классическую русскую литературу (Пушкина, Гоголя, и т. д.).

2. (Лица, благоприятствовавшие и препятствовавшие развитию литературного таланта). Ни тех, ни других не было. – Мать относилась строго, но не препятствовала.

С писателями лично познакомился только в 1902 году (с Бальмонтом), а в 1903 г. со всеми остальными. – До этого, в Париже, находился под влиянием французских поэтов.

3. Рос совершенно одиноко, среди взрослых. Читал очень много (начал с пяти лет); до этого знал наизусть половину Пушкина, Лермонтова и Некрасова. – До пятнадцати лет внешних серьезных впечатлений не было. Начал регулярно писать стихи с двенадцати лет.

4. Фантазия была в смысле комбинаций, но не в смысле выдумки. В детстве наблюдений над людьми не делал. Очень сильно было впечатление природы (в Крыму). Промежуток с 9 до 15-ти лет, потом опять Крым, но пустынная его часть, голая (не Ялта, а окрестности Феодосии). – Наибольшее влияние, как творческое перерождение, оказали путешествия: в 1900 году в Средней Азии (в Голодной степи, куда был выслан), затем исходил почти всю Испанию, Италию, Балеарские острова и Грецию. Также Альпы и Пиренеи. Сильные впечатления в Париже 1899-1909 гг.; с большими промежутками возвращался в Петербург, как домой.

Путешествовал не как литератор, а как художник, смотрел на живопись как на подготовку к художественной критике и как на выработку точности эпитетов в стихах.

Раньше чем написать пейзажное стихотворение – записывал все те слова и предметы данных оттенков, чтобы выработать надлежащее соотношение.

5. (Под влиянием какого писателя... создавалось первое произведение?). Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Верлен, Малларме; до них немецкие писатели: Гейне, Ленау, Уланд и Фрейлиграт (которых переводил).

6. (Случайное совпадение фабулы... с фабулой отечественного или иностранного писателя). Анатоль Франс и Реми де Гурмон; но только идеи.

7. (Первое написанное и оставшееся в рукописи произведение). Сохранились все стихи с 12-ти лет.

8. Вошел в литературу незаметно, без попытки, благодаря личному знакомству с редактором "Русской Мысли".

9. (Мытарства по редакциям). Не было. Начались, когда составилось имя и физиономия.

10. (Возвращение редакциями или издательствами рукописи...). Тоже только за последнее время.

11. (Первое напечатанное произведение). "Русская Мысль", май 1900 г. Статья в защиту Гауптмана (критика перевода Бальмонта драмы "Потонувший колокол").

12. В Поливановской гимназии (в Москве) читал товарищам свои стихи, очень ими одобряемые. Тем не менее, явился глубокий скептицизм по отношению к самому себе, и не появилось желания – скорее выступить печатно.

13. (Изменения или сокращения, сделанные в рукописи автором по требованию редактора или издателя). Ничего особенного не было.

14. (Самовольное исправление, добавление, сокращение и искажение редактором или издателем первоначальной рукописи). В "Новом Пути" 12 стихотворений – масса исправлений и сокращений, сделанных П.П.Перцовым.

15. (Опечатки). Масса в газете "Русь".

16. (Цензурные препятствия). Не было. За статью о романе Реми де Гурмона (Une Nuit) № "Руси" за кощунство был конфискован.

17. (Даром ли было отдано для напечатания первое произведение). За статьи в "Русской Мысли" – да, за стихи в "Новом Пути" – нет.

18. (Первый гонорар). 100 рублей с листа в "Русской Мысли".

19. (Неисправность в платежах издателя...). Недобросовестных не было; несостоятельных – да.

20. (Отношение родственников и посторонних лиц к первому напечатанному произведению). Поощрительное, но строгое.

21. (Псевдонимы). Иногда Кириенко, иногда Волошин, но псевдонима не было.

22. (Первые критические отзывы). После первых стихотворений в "Новом Пути", в том же журнале появилась ругательная статья Зин. Мережковской (Антон Крайний), где она называет меня "комми-вояжером".

23. (Нравственная удовлетворенность или неудовлетворенность автора при напечатании его первого произведения). Никакого впечатления.

24. (Дальнейшая судьба возвращенных редакторами или издателями первых рукописей. Невозвращенные (затерянные или уничтоженные). Таких не было. Из невозвращенных разные, довольно ценные, рукописи были утеряны в редакциях.

25. (Борьба за существование в начале литературной деятельности и теперешнее положение). В начале – очень благоприятные, теперь неблагоприятные.

(ок. 1910).

Вопросы анкеты нами приводятся в сокращенном виде и только в тех случаях, если ответы Волошина без этого непонятны.

Ред.

О САМОМ СЕБЕ*

Автор акварелей, предлагаемых вниманию публики под общим заглавием "Коктебель", не является уроженцем Киммерии по рождению, а лишь по усыновлению. Он родом с Украины, но уже в раннем детстве был связан с Севастополем и Таганрогом. А в Феодосию его судьба привела лишь в 16 лет, и здесь он кончил гимназию и остался связан с Киммерией на всю жизнь. Как все киммерийские художники, он является продуктом смешанных кровей (немецкой, русской, итало-греческой). По отцовской линии он имеет свои первокорни в Запорожской сечи, по материнской – в Германии. Родился я в 1877 году в Киеве, а в 1893 году моя мать переселилась в Коктебель, а позже и я здесь выстроил мастерскую.

В ранние годы я не прошел никакого специально живописного воспитания и не был ни в какой рисовальной школе, и т е п е р ь рассматриваю это как большое счастье – это не связало меня ни с какими традициями, но дало возможность оформить самого себя в более зрелые годы, сообразно с сознательными своими устремлениями и методами.

Впервые я подошел к живописи в Париже в 1901 году. Я только что вернулся туда из Ташкента, где был в ссылке около года. Я весь был переполнен зрительными впечатлениями и совершенно свободен в смысле выбора жизни и профессии, так как был только что начисто выгнан из университета за студенческие беспорядки "без права поступления". Юриди-

---

* Печатается по изданию: Пейзажи Максимилиана Волошина, Л., 1970. Подготовлена к печати В. А. Мануйловым.

ческий факультет не влек обратно. А единственный серьезный интерес, который в те годы во мне намечался, – искусствоведение. В Москве в ту пору – в конце 90-х годов прошлого века – оно еще никак не определилось, а в Париже я сейчас же записался в Луврскую школу музееведения, но лекционная система меня мало удовлетворяла, так как меня интересовало не старое искусство, а новое, текущее. Цель моя была непосредственная: подготовиться к делу художественной критики.

Воспоминания университета и гимназии были слишком свежи и безнадежны. В теоретических лекциях я не находил ничего, что бы мне помогало разбираться в современных течениях живописи.

Оставался один более практический путь: стать самому художником, самому пережить, осознать разногласия и дерзания искусства.

Поэтому, когда однажды весной 1901 года я зашел в мастерскую Кругликовой и Елизавета Сергеевна со свойственным ей приветливым натиском протянула мне лист бумаги, уголь и сказала: "А почему бы тебе не попробовать рисовать самому?" – я смело взял уголь и попробовал рисовать человеческую фигуру с натуры. Мой первый рисунок был не так скверен, как можно было ожидать, но главными его недостатками были желание сделать его похожим на хорошие рисунки, которые мне нравились, и чересчур тщательная отделка деталей и штрихов. Словом, в нем уже были все недостатки школьных рисунков, без знания, что именно нужно делать. Словом, я уже умел рисовать и мне оставалось только освободиться от обычных академических недостатков, которые еще не стали для меня привычкой руки. На другой же день меня свели в Академию Коларосси. Я приобрел лист "энгра", папку, уголь, взял в ресторане мякоть непропеченного хлеба и стал художником. Но кроме того я стал заносить в маленькие альбомчики карандашом фигуры, лица и движения людей, проходящих по бульварам, сидящих в кафе и танцующих на публичных балах. Образцами для меня в то время были молниеносные наброски Форена, Стейнлена и других рисоваль-

щиков парижской улицы. А когда три месяца спустя мы с Кругликовой, Давиденко и А. А. Киселевым отправились в пешеходное путешествие по Испании через Пиренеи и Андору, я уже не расставался с карандашом и записной книжкой.

В те годы, которые совпали с моими большими пешеходными странствиями по Южной Европе – по Италии, Испании, Корсике, Балеарам, Сардинии, – я не расставался с альбомом и карандашами и достиг известного мастерства в быстрых набросках с натуры. Я понял смысл рисунка. Но обязательная журнальная работа (статьи о художественной жизни в Париже и отчеты о выставках) мне не давала сосредоточиться исключительно на живописи. /... /

Оказавшись в Коктебеле, я воспользовался вынужденным перерывом в работе, чтобы взяться за самовоспитание в живописи. Прежде всего я взялся за этюды пейзажа: приучил себя писать всегда точно, быстро и широко. / ... /

Я начал писать не масляными красками, а темперой на больших листах картона. Это мне давало, с одной стороны, возможность увеличить размеры этюдов, с другой же, т. к. темпера имеет свойство сильно меняться высыхая, это меня учило работать вслепую (т.е. как бы писать на машинке с закрытым шрифтом). Это неудобство меня приучило к сознательности работы, и тот факт, что /в/ темпере почти невозможно подобрать тон раз взятый, – к умеренности в употреблении красок и чистоте палитры.

Акварелью я начал работать с начала войны. Начало войны и ее первые годы застали меня в пограничной полосе – сперва в Крыму, потом в Базеле, позже в Биаррице, где работы с натуры были невозможны по условиям военного времени. Всякий рисовавший с натуры в те годы, естественно, бывал заподозрен в шпионстве и съемке планов.

Это меня освободило от прикованности к натуре и было благодеянием для моей живописи. Акварель непригодна к работам с натуры. Она требует стола, а не мольберта, затененного места, тех удобств, что для масляной техники не требуются.

Я стал писать по памяти, стараясь запомнить основные линии и композицию пейзажа. Что касается красок, это было нетрудно, так как и раньше я, наметив себе линейную схему, часто заканчивал дома этюды, начатые с натуры. В конце концов я понял, что в натуре надо брать только рисунок и помнить общий тон. А все остальное представляет логическое развитие первоначальных данных, которое идет соответственно понятым ранее законам света и воздушной перспективы. Гражданская война ограничила мои технические средства только акварелью. У меня был известный запас акварельной бумаги, и экономия красок позволила мне его длить долго. Плохая акварельная бумага тоже дала мне многие возможности. Русская бумага отличается малой проклеенностью. Я к ней приспособился, прокрывая сразу нужным тоном, и работал от светлого к темному без поправок, без смываний / ... /.

Если масляная живопись работает на контрастах, сопоставляя самые яркие и самые противоположные цвета, то акварель работает в одном тоне и светотени. К акварели больше, чем ко всякой иной живописи, применимы слова Гете, которыми он начинает свою "теорию цветов", определяя ее как трагедию солнечного луча, который проникает через ряд замутненных сфер, дробясь и отражаясь в глубинах вещества. Это есть основная тема всякой живописи, а акварельной по преимуществу.

Ни один пейзаж из составляющих мою выставку не написан с натуры, а представляет собою музыкально-красочную композицию на тему киммерийского пейзажа. Среди выставленных акварелей нет ни одного "вида", который бы совпадал с действительностью, но все имеют темой Киммерию. / ... /

Я пишу акварелью регулярно, каждое утро по 2-3 акварели, так что они являются как бы моим художественным дневником, в котором повторяются и переплетаются все темы моих уединенных прогулок. В этом смысле акварели заменили и вытеснили совершенно то, что раньше было моей лирикой и моими пешеходными странствованиями по Средиземноморью.

Вообще в художественной самодисциплине полезно всякое самоограничение /:/ недостаток краски, плохое качество бумаги, какой-либо дефект материала, который заставляет живописца искать новых обходных путей и сохранить в живописи лишь то, без чего нельзя обойтись. В акварели не должно быть ни одного лишнего прикосновения кисти. Важна не только обработка белой поверхности краской, но и экономия самой краски, как и экономия времени. Недаром, когда японский живописец собирается написать классическую и музейную вещь, за его спиной ассистирует друг с часами в руках, который отсчитывает /... / количество времени, необходимое для данного творческого пробега. Это описано хорошо в "Дневнике" Гонкуров. Понимать это надо так: вся черная техническая работа уже проделана раньше, художнику, уже подготовленному, надо исполнить отчетливо и легко свободный танец руки и кисти по полотну. В этой свободе и ритмичности жеста и лежат смысл и пленительность японской живописи, ускользающие для нас, – кропотливых и академических европейцев. Главной темой моих акварелей является изображение воздуха, света, воды, расположение их по резонированным и резонирующим планам.

В методе подхода к природе, изучения и передачи ее я стою на точке зрения классических японцев (Хокусаи, Утамаро), по которым я в свое время подробно и тщательно работал в Париже в Национ./альной/ Библиотеке, где в Галерее эстампов имеется громадная коллекция японской печатной книги – Теодора Дерюи. Там /у меня/ на многое открылись глаза, например, на изображение растений. Там, где европейские художники искали пышных декоративных масс листвы (как у Клода /Лоррена/), японец чертит линию ствола перпендикулярно к линии горизонта, а вокруг него концентрические спирали веток, в свою очередь окруженных листьями, связанных с ними под известным углом. Он не фиксирует этой геометрической схемы, но он изображает все дефекты ее, оставленные жизнью на живом организме дерева, на котором жизнь отмечает каждое отжитое мгновенье.

Таким образом, каждое изображение является в искусстве как бы рядом зарубок, сделанных на коре дерева. Чтобы иметь возможность отличать "дефекты" от нормального роста, художник должен знать законы роста. Это сближает задачи живописца с задачами естественника. / ... / В истории европейской живописи в эпоху Ренессанса произошел горестный сдвиг и искажения линии нормального развития живописи. Точнее, этот сдвиг произошел не во времена Ренессанса, а в эпоху, непосредственно за ним последовавшую. При Ренессансе опытный метод исследования был прекрасно формулирован Леонардо. Но на го̀ре живописцев этот метод не был тогда же воспринят наукой, а был принят два поколения спустя в формулировке не художника, а литератора Фр. Бэкона. /... / Таким образом, экспериментальный метод попал из рук людей, приспособленных и природой и профессией к эксперименту, к опыту и наблюдению, в руки людей, конечно, способных к очень точному наблюдению, но никогда не развивавших и не утончавших своих естественных чувств восприятия, что привело прежде всего к горестному дискредитированию "очевидности", но через это и к неисправимому разделению путей искусства и науки. / ... /.

В свое время Ренессанс еще до раздвоенности науки и искусства создал различные дисциплины для потребностей живописцев: художественную перспективу и художественную анатомию. Но в наши дни художник напрасно будет искать так необходимых ему художественной метеорологии, геологии, художественной ботаники, зоологии, не говорю уже о художественной социологии. Правда, в некоторых критических статьях, например, у Рескина /есть/ нечто заменяющее ему эти нехватающие дисциплины (в статьях о Тернере), но ничего по существу вопроса и детально разработанного еще не существует в литературе.

Точно так же, как художник не имеет сотрудничества ученого, точно так же и ученый не имеет сейчас часто необходимого орудия эксперимента и анализа – отточенного тонко карандаша, потому что научный рисунок – художественная дисциплина, которую еще не знает современная живописная школа.

Пейзажист должен изображать землю, по которой можно ходить, и писать небо, по которому можно летать, т. е. в пейзажах должна быть такая грань горизонта, через которую хочется перейти, и должен ощущаться тот воздух, который хочется вдохнуть полной грудью, а в небе те восходящие токи, по которым можно взлететь на планере.

Вся первая половина моей жизни была посвящена большим пешеходным путешествиям, я обошел пешком все побережья Средиземного моря, и теперь акварели мне заменяют мои прежние прогулки. Это страна, по которой я гуляю ежедневно, видимая естественно сквозь призму Киммерии, которую я знаю наизусть и за изменением лица которой я слежу ежедневно. / ... /.

P.S. Я горжусь тем, что первыми ценителями моих акварелей явились геологи и планеристы, точно так же как и тем фактом, что мой сонет "Полдень" был в свое время перепечатан в Крымском журнале виноградарства. Это указывает на их т о ч н о с т ь.

/1930 г./

Книга четвертая

ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

I. МЯТЕЖ

1

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежом.
И все, что есть, нача́лось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противуборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир, разумный и жестокий, –
Был обречен природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в "Я", и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.
И в каждой точке мира
Движение, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье –
Творящий ритм мятежного огня.

4

Мир — лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды — шлаки плоти,
Перегоревшей в творческом огне;
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья,
Мятеж — безумие;
Законы
Природы — неизменны.
Но в борьбе
За правду невозможного
Безумец —
Пресуществляет самого себя.
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени. Зверь
Приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.
Он утверждает Бога — мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло — смерть.
А глина — вихри собственного духа.

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком, —
Опаснейшим и злейшим из зверей —
Безумным логикой
И одержимым верой.
Разум
Есть творчество навыворот, и он
Вспять исследил все звенья мирозданья,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,
Вник в вещество, впился как паразит
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя,
Он заблудился в собственных пещерах
И стал рабом своих же гнусных
Слуг.

7

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
"Возвратитесь в стадо!"
Мятежнику:
"Пересоздай себя!"

25 января 1923
Коктебель

II. ОГОНЬ

1

Плоть человека свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй —
Раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе,
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла,
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы.
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав.
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.
И женщина, блюстительница пепла,

Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага –
Пещера стала храмом,
Трапеза – таинством,
Огнище – алтарем,
Домашний обиход – богослуженьем.
И человечество
Питалось и плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

7

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-Птицы
И под напевы огненных Ригвед
Праманта – пестик в деревянной лунке,
Вращавшийся на жильной тетиве, –
Стал знаком своеволья, –
Прометеем.
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

25 января 1923
Коктебель

III. МАГИЯ

1

На отмели Незнаемого моря
Синдбад-Скиталец подобрал бутылку
Заклепанную
Соломоновой печатью,
И, вскрыв ее, внезапно впал во власть
В ней замкнутого Яростного Джинна.
Освободить и разнуздать нетрудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы
И радужные грезы застилали
Видения дневного мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,
А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека;
И пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
В дыханьи ветра чей-то вещий голос,
Когда разъятые
Потом сознаньем силы
Ему явились в подлинных обличьях,
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду, –

Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов сознанья
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
Дар ясновиденья
И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу:
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число, – он позабыл,
Что в обезбоженной природе живы
Все те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные кобольды
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев саламандр пылает в жарких топках,
В живом луче танцующие эльфы
Скользят по проволокам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают роторы машин;
Ундины рек и никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий,
Не видя, что на рынках и базарах
За призрачностью биржевой игры
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор,
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расползшуюся жижу;
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе,
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.
Ступени каждой в области познанья
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И Магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребленья и машинах.

30 января 1923
Коктебель

IV. КУЛАК

1

Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен: "Враги нам близкие,
И тот, кто не оставит
Отца и мать, – тот не пойдет за мной".
Он понял истину,
Что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он – первый земледелец – ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови.
Но был отвергнут
Его бескровный дар,

И он убил
Кочевника, топтавшего посевы.
— А эта кровь Тебе угодна, Ягве?
И прочь ушел с пылающим клеймом:
"Отмстится всемеро тому, кто тронет
Отныне Каина".

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял
Хмель одиночества
И горький дух свободы.
Строитель городов —
Построил первый тюрьмы;
Ковач металлов, —
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки, —
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей — он на стенах пещеры
Обвел резцом
Видения разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов,
Кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков — зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак – горсть пальцев, пясть руки,
Сжимающая сручье иль оружье –
Вот сила Каина!

6

В кулачном праве выросли законы,
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха
И правом пулемета.
Их равенство – в предельном напряженьи
Свободных мускулов;
Свобода – в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

7

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
– "Свобода, братство, равенство иль смерть!" –
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин!

11 марта 1922
Коктебель

V. МЕЧ

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья, –
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей.
(Эфес поднять до губ –
Доныне жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту,
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
– "Марии – Деве милосердной – Слава".
– "Не обнажай меня без нужды",
– "Не вкладывай в ножны без чести".
– "In te, o Domine, speravi!"
Восклицают средневековые клинки.
Меч сосвященствовал во время
Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещенья.
Их имена "Отклер" и "Дюрандаль"
Сверкают, как удар.
И в описях оружья
К иным прибавлено рукой писца:
"Он – Фея".

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом

Его лицо и плоть его, а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на "Да" и "Нет",
На зло и на добро.
"Si! Si! No! No!"
Как утверждает Сидов меч
"Тисона".

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека, –
Меч не погиб, но расщепился в духе:
Защитницею чести стала шпага –
(Ланцет для воспаленных самолюбий),
А меч –
Вершителем судебных приговоров,
Но, обесчещенный,
Он для толпы остался
Оракулом
И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
В лесах Германии
Усталые мечи,
Которые отсекли
Девяносто девять.

6

Казнь реформировал
Хирург и филантроп,

И меч был побежден
Машинным производством,
Введенным в область смерти, и с тех пор
Он стал характером,
Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной —
Антиномией Кантова ума.

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чаши мира! — "Горе побежденным!" —
Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?
Не Тот ли, Кто принес — "Не мир, а меч",
В нас вдунул огнь, который
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,
Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
— "Отмщенье Мне и Аз воздам за
зло".

1 февраля 1922
Коктебель

VI. ПОРОХ

1

Права гражданские писал кулак,
Меч – право государственное, Порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему,
Со дна реторт преступного монаха
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.

3

"Несчастные, тащите меч на кузню
И на плечо берите аркебузы:
Честь, сила, мужество бессмысленны.
Теперь
Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей..." –
– "О, сколь благословенны
Века, не ведавшие пороха,
В сравненьи с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего..."
Так восклицали
Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот –
Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях
Порох
Свил черное гнездо
На дне ружейных дул,
В жерле мортир, в стволах стальных орудий,
Чтоб в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью – прицел,
Стволу – нарез,
Солдатам – строй,
Героям – дисциплину, –
Связал узлами недра земных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину,

Он сбил с героев шлемы и оплечья.
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Все оперение турниров и парадов
И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла, —
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся неимоверной ночи,
И видим облики чудовищных теней,
Не названных, не мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.
Им кончился не только век Меча,
Но все расцветы огненной культуры:
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом разверзшихся времен.

28 января 1922
Коктебель

VII. ПАР

1

Пар вился струйкой
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь

Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усильем сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи – рыть руду и уголь,
В болота – строить насыпи,
В пустыни –
Прокладывать дороги:
Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажей,
Луч солнца – копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство, сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок.
Замкнул
Просторы путнику;
Лишил ступни
Горячей ощупи
Неведомой дороги,
Глаз – радости открытых новых далей,
Ладони – посоха, и ноздри – ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженьем,
Кратчайшим расстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу – в канавы
Для стока одичалых скоростей,
Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысьи ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье – заглушили
Живую человеческую речь,

Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

4

Адам изваян был
По образу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобью человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры.
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову одел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал, как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

8 февраля 1922
Коктебель

VIII. МАШИНА

1

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,

Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты
И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
А воды
Вращали мельничное колесо —
Их силы
Не нарушали древних равновесий.
Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,
Овладевши
Сознаньем и страстями человека,
Себе построили
Железные тела
Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

4

Как ученик волшебника, призвавший
Стихийных демонов,
Не мог замкнуть разверстых ими хлябей,
И был затоплен с домом и селеньем, —

Так человек не в силах удержать
Неистовства машины: рычаги
Сгибают локти, вертятся колеса,
Скользят ремни, пылают недра фабрик,
И, содрогаясь в непрерывной спазме,
Стальные чрева мечут, как икру,
        Однообразные ненужные предметы
        (Воротнички, автомобили,
        Граммофоны) –
Мильонами мильонов – затопляя
        Селенья, области и страны –
        Целый мир,
        Творя империи,
        Захватывая рынки, –
        И нет возможности
        Остановить их ярость,
Ни обуздать разнузданных рабов.

5

        Машина победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.
Сказала Хаму: "Ты венец культуры"
(И, высосанный ею до мозгов,
Себя почувствовал царем вселенной);
Другим же зарубила: "Нет закона
Иного, кроме классовой вражды".
Так был на зависти заложен свод
И основалось Каиново братство
Всех граждан мира в рабстве и в труде.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек — такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений — вырожденье, что культура
Увеличение числа потребностей,
Что идеал —
Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок,
И нет иных богов, кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят столбы, звенят антенны, токи
Стремят в пространствах звуки и слова,
Разносит молния
Декреты и указы
Полиции, правительства и бирж, —
Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке: —
О древнем, замурованном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порта и рынки ломятся от яств,

Горячей снедью пышут рестораны, –
Но ни единой корки для голодных –
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальные рыщут рыбы,
Взрывают хляби тяжкие суда,
        Поют пропеллеры
        В заоблачных высотах:
Земля и воды, воздух и огонь –
Все ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы,
Распахнуты театры и музеи,
        Клокочут площади,
        Ораторы в толпу
        Кидают лозунги
        О ненависти классов,
О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен, –
И нищий с оскопленною душой,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда.

1 марта 1922

IX. БУНТОВЩИК

1

Я – голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов –
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано:
— Ступай на рынки —
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Но не мечи им истин, а взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовьется как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва!
Беда тому, кто убедит глупца!
Принявший истину на веру —
Ею слепенеет,
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой;
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств:
Кто хочет бунта — сей противоречья,
Кто хочет дать свободу — соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы — мертвецы заклепанных гробов!
Вы — суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, —
Вы мыслите разрушить динамитом
Все то, что прорастает изнутри —
Из вас самих с неудержимой силой!
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества —
К последнему безумью —
К пересозданью самого себя.

4

Кто написал на этих стенах кровью:
"Свобода, братство, равенство,
Иль смерть?"
Свободы нет.
Но есть освобожденье.
Среди рабов единственное место
Достойное свободного — тюрьма.
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства — есть только равновесье,
Но в равновесьи — противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры — счастье,
Что благосостоянье — идеал?
Страдание и голод — вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

5

Закона нет — есть только принужденье.
Все преступленья создает закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам, —
Перед преступником
Виновно государство.
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти,

Не противьтесь злому
Проникнуть в вас;
Все зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство мятеж,
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть.
Довольно вам заповедей на "не":
Всех "не убий", "не делай", "не укради", –
Единственная заповедь: "ГОРИ!"
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник – Ты!
Бог есть любовь.
Любовь же огнь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явленьям жизни:
Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех, и страсть – цветенье, а не зло;
        Обеззараженность –
        Отнюдь не добродетель.

6

Законодатель строит государство
Не на правах, а на лишеньи прав:

Зане для дум не хватит в мире места
Раз оба не поступятся своим.
А вы стремитесь каждому вернуть
    Обменной ценностью
Плоды его работы?
Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
    Есть мзда, достойная творца.
    Как дерево – созревшие плоды
        Роняйте на́ землю
        И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
        Дано и отдано?
        Подарено и взято?
Все погашается возвратом?
        Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
        Поймать в зародыше
        И удушить добро?
Не отдавайте давшему: отдайте
        Иному,
Чтоб тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же
Принадлежит кому –
Владельцу вещь,
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить.
Вы отдали – и этим вы богаты.
Но вы – рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный храм угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови.
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин.
В едином миге яростного взрыва
Вы истощили вечности огонь:
Век Прометея кончился – на смену
Пришел век взрыва. В горне очага
Паялся род, алтарь и государство,
Но очагом отныне будет взрыв,
Что сплавит мир иным вселенским сплавом.
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя,
И ныне вы заложены, как мина
Заряженная, в недрах вещества!
Вы – пламя, замурованное в безднах,
Вы – факел, кинутый
В пороховой подвал.
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! Ожившую планету
Швыряйте бомбой в звездные миры!
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнет новым солнцем –
Косматым сердцем Млечного Пути?

25 января 1923

X. ВОЙНА

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились, довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего, и разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок, –
И снова успокаивались.
В мире
Все шло как следует:
Трильон колес
Работал молотами, рычагами;
Ковали сталь,
Сверлили пушки,
Химик
Изготовлял лиддит и мелинит;
Ученые изобретали способ
За способом для истребленья масс;
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог;
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,
А женщины качались в гибком танго
И обнажали пудреную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: "Время
Топтать точило ярости! За то,
Что люди демонам,

Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью
Текучих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити, –
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества
И в пляске вихрей,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,
Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смирив и оборов
Гнев, жадность, своеволье, безразличье..."

3

И Демон бездн воскликнул издеваясь:
"Снимается проклятье Вавилона!
Языков разделенью
Пришел конец: одни и те же речи
Живут в устах врагов:
Но смысл имен и емкость слов

Я исказил внутри.
Понятья спутались, язык же стал
Безвыходно – единым. Каждый мыслит
Войной убить войну,
И одолеть жестокостью жестокость.
И мученик своею правдой множит
Мою же ложь.
Мудрость,
Бесстыдно обнажившись, как блудница,
Ласкает воинов,
А истины, сошедшие с ума,
Резвясь, скользят по лужам
Оледенелой крови. Человеку,
Достигшему согласия во всем,
Не остается ничего иного,
Как истреблять друг друга до конца!"

4

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездьи Льва, и бесы
На землю ринулись.
Оставив домы,
Сгрудились люди по речным долинам,
Означившим великих царств межи,
И, вырывши в земле
Ходы змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри и пища.

5

Время как будто опрокинулось,
И не крещенным водами Потопа
Казался мир: из тины выползали

Огромные коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом;
В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца;
Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей
Горючие личинки оставляли, –
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человечью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли,
Жевали, пожирали.
А города, подобно жерновам,
Без устали вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступленьем
И радостью под обода колес.
Все новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир.

6

Еще! Еще! И все казалось мало…
Тогда раздался новый клич: "Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!"
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали села,
Насиловали, отымали скот,
Расстреливали голодающих,
Питались человечиной, детей
Засаливали впрок, – была разруха,
Был голод. Наконец пришла чума.

7

Безглазые настали времена.
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше.
Но для них
Среди пустынь не доставалось места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончились предродовые схватки,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди – ничему.

23 апреля 1915, Париж –
29 января 1923, Коктебель

XI. КОСМОС

1

Созвездьями мерцавшее Чело,
Над хаосом поднявшись,
Отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза —
И брызнул свет.
Два огненных луча,
Скрестясь в воде,
Сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста,
И поднялось из недр молчанья
Слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая респределила воды,
От чресл размножилась земная тварь.
От жил — растения,
От кости — камень,
И двойники —
Небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром,
Мир же был Адам.
Он мыслил небом,
Думал облаками,
Он глиной плотствовал,
Растеньем рос,
Камнями костенел,
Зверел страстями,

Он видел Солнцем,
Грезил сны Луной,
Гудел планетами,
Дышал ветрами.
И было все –
– Вверху, как и внизу, –
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков,
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне Океана.
С высоких башен,
Сложенных людьми
Из жирной глины тучных межиречий,
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса,
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы,
И семь планет свой суточный пробег
Алмазными орбитами свершали.
А в дельтах рек халдейский звездочет
И пастухи иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер
И к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.

Все в приходящем было только знак
Извечных тайн,
Начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес.
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Палестрою для Олимпийских игр
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли,
Играя медью мускулов — атлеты
Крылатым взмахом умащенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф
И звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Все было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть
И чувствовал объем,
Мял глину перст,
И разум мерил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощеный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа, и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь и сепия и желчь —
Цвета земли понятны были глазу,

Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.
Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в исступленный сон –
Сплетенье рук
И напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Пиндаровых строф.

Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь.
Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина.
В разрыве облаков
Был видим холм
И три креста –
Голгофа,
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд
И Первосилы,
И все включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы
Внутрь земли – воронкой –
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью,
А центром Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий,
И громоздились библии камней —
Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры,
Шквалы ересе́й,
Смерчи народов —
Гунны и Монголы.
Набаты,
Интердикты
И костры,
Сто сорок Пап
И шестьдесят династий,
Сто императоров,
Семьсот царей,
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов —
Труба Суда
И черный луч Голгофы.
В пространстве и во времени земля
Была сосредоточием вселенной:
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир.
Но Галилей
Сорвал его,
Зажал в кулак
И землю
Взвил кубарем

По вихревой петле,
Вокруг безмерно выросшего Солнца.

Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей,
И только Богу не хватало места.
Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший:
"Не поверю,
Покамест пальцев в раны не вложу", —
Разворотил тысячелетья веры.
Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук
Проверил осязаньем,
Он взвесил свет,
Измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.

Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел —
Всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом,
Вездесущ — эфир:
Всепроницаемый,
Всетвердый,
Скользкий —
"Его ж никто не видел и нигде".

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир был тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол —
Механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По правилам закона сохраненья
Материи и Силы.

Человек,
Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем –
Злейшею из вер.
А вкруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб
Сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи,
Он мыслил
Вселенную
Как черный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неуемный разум разложил
И этот мир,
Построенный наощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Все относительно:
И бред и знанье.
Срок жизни истин:
Двадцать-тридцать лет –
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости,
Ни смысла тяготенья,
Ни масс планет,
Ни формы их орбит,

На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом "завтра" от "вчера".

Нет вещества –
Есть круговерти силы;
Нет твердости –
Есть натяженье струй;
Нет атома –
Есть поле напряженья;
(Вихрь малых "не" вокруг большого "ДА").
Нет плотности,
Нет веса,
Нет размера –
Есть функции различных скоростей.
Все существует разницей давлений,
Температур,
Потенциалов,
Масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство – лишь многообразье форм;
Есть не одна,
А много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется,
Ничто не создается;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложенья и распада,
А человек –
Могильный паразит, –
Бактерия всемирного гниенья.

Вселенная – не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть – только случай
Посереди необратимых струй.
Бессмертья нет.
Материя конечна.

Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять мильонов солнц
Возникли
В единый миг,
И сгинут все зараз.
Все бытие случайно и мгновенно.
Явленья жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье – вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

7

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей,
Облачных кулис,
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, –
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.
Система мира –
Слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знанья.

И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом!
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим Вавилонских башен
– Ты! – заклинатель Сфинксов и Химер!..

12 июня 1923
Коктебель

XII. ТАНОБ

1

От Иоанна Лествичника чтенье:
– "Я посетил взыскуемый Таноб
И видел сих невинных осужденцев.
Никем не мучимы себя же мучат сами.
Томясь, томят томящего их дух.
Со связанными за спиной руками
Стоят всю ночь, не подгибая ног,
Одолеваемые сном, качаясь,
Себе ж покоя не дая на миг.
Иные же себя томящи зноем,
Иные холодом, иные, ковш
Воды пригубив, отвергают, только б
Не умереть от жажды, хлеб иные,
Отведав, прочь бросают, говоря,
Что жившие по-скотски недостойны
Вкушать от пищи человеческой,
Иные как о мертвецах рыдают
О душах собственных, иные слезы
Удерживают, а когда не могут

Терпеть – кричат. Иные головами
Поникшими мотают, точно львы
Рыкающе и воя протяженно.
Иные молят Бога покарать
Проказою, безумьем, беснованьем,
Лишь бы не быть на муки осужденным
На вечные. И ничего не слышно
Опричь: "Увы! Увы!" и "Горе! Горе!"
Да тусклые и впалые глаза,
Лишенные ресниц глазничных веки,
Зеленые покойницкие лица,
Хрипящие от напряженья перси,
Кровавые мокроты от биенья
В грудь кулаком, сухие языки,
Висящие из воспаленных уст
Как у собак...
Все темно, грязно, смрадно".

2

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах, совлекая
Отравленный хитон Геракла – плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, мятущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,

А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось, –
Могучая заклепанная хоть
Искала выхода. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху
В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом. Солнце – печью
Для грешников. Спаситель – палачом.

3

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кощунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени – Царя
С чудовищным оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм

Отпадших ангелов и человечий
Мир, отданный в управу Сатане: —
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине — Дьявол —
Дух разложенья, воля вещества,
Князь времени, Владыка зе́мной плоти —
И Бог, пришедший яко тать в ночи —
Поруганный, исхлестанный, распятый.
В последней безысходности пред Ним
Развертывалось новое виденье:
Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц
И Девушка с Божественным Младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: Она
Сама была материей и плотью,
Еще не опороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Вознесенной выше ангелов, землей,
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолеет разложенье
Греха и смерти в недрах бытия.
И к Ней тянулись упованья мира,
Как океаны тянутся к луне.

4

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фрауенбургского собора
Смиреннейший Коперник, Галилей,
Неистовый и зоркий, вышиб двери, —
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,

А Ньютон — Дантов Космос как чулок
Распялил, выворотил наизнанку.
Все то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Все вещество в его ночных корнях,
Извилинах, наростах, и уклонах —
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке.
Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,
Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетья был преображен
Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мирозданья,
Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога.

5

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье,
Старухам в пах вшивал звериный пол,
Отрубленные пальцы в термостатах,

В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственною жизнью:
Разъятый труп кусками рос и цвел,
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше
В себе стремился выжечь человек
Все то, что было плотью, так теперь
Отвсюду вытравлял заразу духа,
Охолощал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу
На все, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мирозданья
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под ощупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенного тлею Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,
Секундами отсчитывавших время, —
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.
Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов куб — наглядный и простой

Оборотился Римановой сферой:
Вчера Фома из самого себя
Ступнею мерил радиус вселенной
И пядями окружность. А теперь,
Сам выпяченный на поверхность шара,
Не мог проникнуть лотом в глубину: –
Отвес, скользя, чертил меридианы.
Так он постиг, что тяготенье тел
Есть внутренняя кривизна пространства,
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани: –
Библейский змий поймал себя за хвост.

7

Строители коралловых атоллов
На дне времен, среди безмерных вод –
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем – мы сами свой Таноб.
Мир познанный – есть искаженье мира,
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты,
И догматы отстроенной культуры: –
Познание должно окостенеть,
Чтоб дать жерло и направленье взрыву.
История проникнута до дна
Колониальной спазмой аскетизма,
Сжимающею взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух – междупланетная ракета,
Которая взрываясь из себя
Взвивается со дна времен, как пламя.

16 мая 1926
Коктебель

XIII. ГОСУДАРСТВО

1

Из совокупности
Избытков, скоростей
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом.
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль – здоровый эгоизм.
Цель бытия – процесс пищеваренья.
Мерило же культуры – чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови. Судия,
Как выполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент; ему пощады нет:
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитанья —
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачикосов,
Искусных в производстве
Обеззараженных,
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья. Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке — герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальца
На антропометрическом листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,

Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники – одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, –
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное:
Ей надо
Людей практических,
Не брезгующих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство страны.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда:

Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности,
И вкусы, и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды, –
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, –
Из патентованных наркотиков –
Газета
Есть самый сильнодействующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами, –
В чем
По существу нет разницы.
Но каждый
Дорвавшийся до власти сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.

Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив усобиц.
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор –
Вот достижения
И гений революций.

13 апреля 1922

XIV. ЛЕВИАФАН

Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством – Civitas. – Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее, – этого смертного бога.

Гоббс. "Левиафан".

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов,

На гноище поруганной вселенной, –
Мне – Иову – сказал Господь:
"Смотри:
Вот царь царей – всех тварей завершенье, –
Левиафан!
Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости Моей".

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь Зверей –
Чудовищный, свирепый, многочленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зерцал,
И беглый огнь, и молний излученье.

3

"Он в день седьмой был Мною сотворен, –
Сказал Господь, –
Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы. Лишен
Сознания – он весь пищеваренье.
И человечество извечно включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта, и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь. Рдяною рекой
Струится свет мерцающий в огромных
Чувствилищах;

А глубже — в безднах темных
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах медленных и злобных
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ ему подобных
И дам им власть друг друга пожирать".

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.

5

Я говорил:
— "Зачем меня сознаньем
Ты в этой тьме кромешной озарил,
И дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?"

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь: —
"Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты,
И смысл хулить Моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянная
Мной
Не станут ли чистейшим из сияний,

Когда Любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый шаг к пожарищам любви,
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам огнем томлюсь в твоей крови,
Как Я – тебя, так ты взыскуешь землю.
Сгорая – жги!
Замкнутый в гроб – живи!
Таким Мой мир приемлешь ли?"

7

– "Приемлю"...

9 декабря 1915, Париж
– 1924, Коктебель

XV. СУД

1

Праху – прах...
Я стал давно землей...
Мною
Цвели растенья,
Мною
Светило солнце.
Все, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль,
Живая, безымянная,
И Океан времен
Катил прибой столетий...

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную;
И вспомнил себя
Я каждою частицей,
Рассеянною в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.
В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
И травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели.
Холодело солнце.

4

Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурые нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бедной плоти.
Пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли;

Ладони розовели;
Стебли рук и ног с усильем прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались,
И быстро поднималась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша...

5

Когда же темным клубнем,
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи, – небо
Раздралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть...

6

И каждый
Внутри себя увидел Солнце
В Зверином круге...

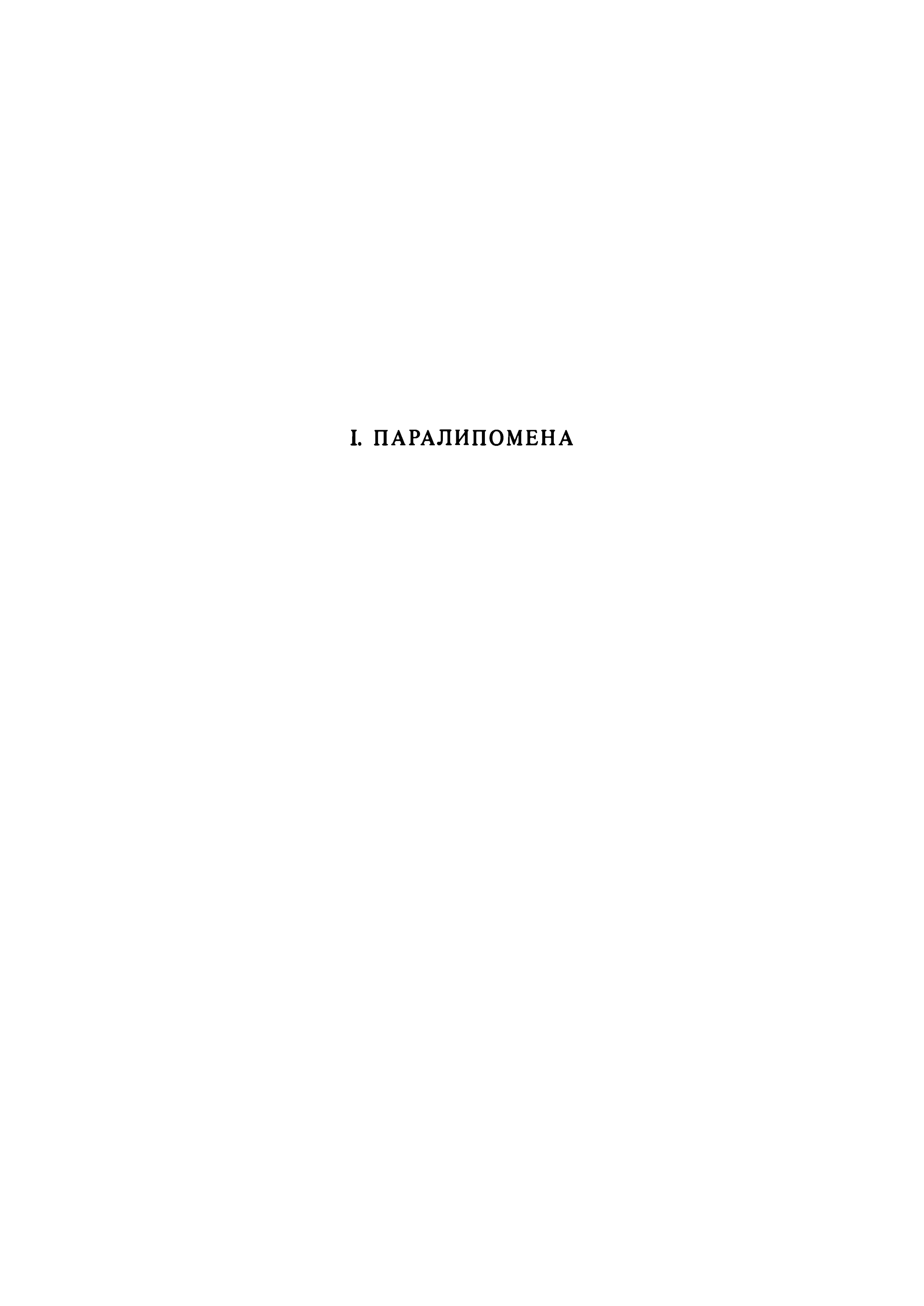
7

...И сам себя судил...

1 февраля 1915
Париж

Книга пятая

ПАРАЛИПОМЕНА



I. ПАРАЛИПОМЕНА

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости. Ко мне был нежен мрак:
В неверных снах, в зачатьях и рожденьях
Я не иссяк.

Но я коснулся изначальных граней,
Где слепнет сиротливая мечта:
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Руководительной: я в ней горю.
За горечь трав земных, за едкость соли
Благодарю.

И успокоенный ночною синью –
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О мать-земля!

7 ноября 1910
Москва

ДОБЛЕСТЬ ПОЭТА

I

Править поэму, как текст заокеанской депеши.
Сухость, ясность, нажим – начеку каждое слово.
Букву за буквой врубать на твердом и тесном камне:
Чем скупее слова, тем напряженней их сила.

Мысли заряд волевой равен замолчанным строфам.
Вытравить из словаря слова "красота", "вдохновенье" –
Подлый жаргон рифмачей... Творцу же поэту – понятья:
Правда, конструкция, план, равносильность, строгость и точность.
В трезвом, тугом ремесле – вдохновенье и честь поэта:
В глухонемом веществе заострять запредельную зоркость.

II

"Что" важнее, чем "как", но что несравненно важнее: –
Творческий ритм – от весла, гребущего против теченья.
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой, – ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином.
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах.
Совесть народа – поэт. В государстве нет места поэту.

17 октября 1925
Коктебель

ПОЭТУ

1

Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте, над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества, шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых, – живым она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств!

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом, –
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает о сущности братства –

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

1925

Памяти В.К. Церасского

Он был из тех, в ком правда малых истин
И веденье законов естества
В сердцах не угашает созерцанья
Творца миров во всех его делах.

Сквозь тонкую завесу числ и формул
Он Бога выносил лицом к лицу,
Как все первоучители науки:
Пастер и Дарвин, Ньютон и Паскаль.

Его я видел изможденным, в кресле,
С дрожащими руками и лицом
Такой прозрачности, что он светился
В молочном нимбе лунной седины.

Оба́пол слов таинственно мерцали
Водяные литовские глаза,
Навеки затаившие сиянья
Туманностей и звездных Галактей.

В речах его улавливало ухо
Такую бережность к чужим словам,
Ко всем явленьям преходящей жизни,
Что умиление сжимало грудь.

Таким он был, когда на Красной Пресне,
В стенах Обсерватории – один
Своей науки неприкосновенность
Он защищал от тех и от других.

Правительство, бездарное и злое,
Как все правительства, прогнало прочь
Ее зиждителя и воспретило
Творцу – творить, ученому – учить.

Российская усобица застигла
Его в глухом прибрежном городке,
Где он искал безоблачного неба
Ясней, южней и звездней, чем в Москве.

Была война, был террор, мор и голод...
Кому был нужен дряхлый звездочет?
Как объяснить уездному завпроду
Его права на пищевой паек?

Тому, кто первый впряг в работу солнце,
Кто новым звездам вычислил пути, –
По пуду за вселенную, товарищ!
Даешь жиры астрóному в паек!

Высокая комедия науки
В руках невежд, армейцев и дельцов!
Разбитым и измученным на север
Он уезжал, чтоб дома умереть.

И радостною грустью защемила
Сердца его любивших – весть о том,
Что он вернулся в звездную отчизну
От тесных дней, от душных дел земли.

10 ноября 1925
Коктебель

ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, бéленых известкой,
Вздыхает ветр, живет глухой раскат

Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций –
Она у дома вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Ассиметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда Вулкан
Метал огонь из недр глубоких трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там – за профилем прибрежных скал,
Запечатлевших некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье), –
Как рухнувший готический собор,
Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы над морем, вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Ни высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,

Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.
И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и смене поколений.
Доселе грезят берега мои
Смоленые ахейские ладьи,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то древних рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глет зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!..
Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень –
Простор столетий был для жизни тесен,
Покуда мы – Россия – не пришли.

За полтораста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады,
Народ ушел, источники иссякли.
Нет в море рыб, в фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомеровой страны,
И патетически обнажены
Ее хребты, и мускулы, и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились
В недавние трагические годы.
Усобица, и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь Древний Ужас подняла со дна.
В те дни мой Дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Спасавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал все, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,
И сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил,
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар –
Нечаянный, – мне вверенный судьбою,

Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская.
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Войди, мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога…
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.
Мой кров – убог. И времена – суровы,
Но полки книг возносятся стеной.
Здесь по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни зимний ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты… Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я – мы все имели честь
"Мир посетить в минуты роковые"
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я – не изгой, а пасынок России
И в эти дни – немой ее укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все – Европа, и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется… Расставит новый век

В житейских заводях иные мрежи…
Ветшают дни, проходит человек,
Но море и земля – извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

19–25 декабря 1926

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА
(1900–1925)

Каждый рождается дважды. Не я ли
В духе родился на стыке веков?
В год изначальный двадцатого века
Начал головокружительный бег.
Мудрой судьбой закинутый в сердце
Азии, я ли не испытал
В двадцать три года всю гордость изгнанья
В рыжих песках туркестанских пустынь?
В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознает
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств.
Я проходил по тропам Тамерлана,
Отягощенный добычей веков,
В жизнь унося миллионы сокровищ
В памяти, в сердце, в ушах и глазах.
Солнце гудело, как шмель упоенный

Зноем, цветами и запахом трав,
Век разметал в триумфальных закатах
Рдяные перья и веера.
Ширились оплеча жадные крылья
И от пространств пламенели ступни,
Были подтянуты чресла и вздуты
Ветром апостольские паруса.
Дух мой отчаливал в желтых закатах
На засмоленной рыбацкой ладье —
С Павлом — от пристани Антиохии,
Из Монсеррата — с Лойолою в Рим.
Алые птицы летели на запад.
Шли караваны, клубились пески,
Звали на завоевание мира
Синие дали и свертки путей.
Взглядом я мерил с престолов Памира
Поприща Западной тесной земли,
Где в утаенных портах Средиземья
На берегах Атлантических рек
Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнезд.
Как я любил этот кактус Европы
На океане азийских пустынь,
Эту кипящую магму народов
Под неустойчивой скорлупой!
Это огромное содроганье
Жизни, заклепанной в недрах машин:
Эти высокие камни соборов,
Этот горячечный бред мостовых,
Варварский мир современной культуры,
Сосредоточившей жадность и ум,
Волю и веру в безвыходном беге
И напряженности скоростей.
Я со ступеней тысячелетий,
С этих высот незапамятных царств
Видел воочью всю юность Европы,
Всю непочатую ярь ее сил.

Здесь, у истоков арийского мира,
Я, преклонившись, ощупал рукой
Наши утробные корни и связи,
Вросшие в самые недра земли.
Я ощутил на ладони биенье
И напряженье артерий и вен —
Неперекушенную пуповину
Древней праматери рас и богов.
Я возвращался, чтоб взять и усвоить,
Все перечувствовать, все пережить,
Чтобы связать половодное устье
С чистым истоком азийских высот.
С чем мне сравнить ликованье полета?
Из Самарканда на запад — в Париж?
Взгляд Галилея на кольца Сатурна...
Знамя Писсаро над сонмами вод...
Было... все было... так полно... так много...
Больше, чем сердце может вместить:
И золотые ковчеги религий,
И сумасшедшие тромбы идей...
Хмель городов. Динамит библиотек.
Книг и музеев отстоянный яд.
Радость ракеты рассыпаться в искры,
Воля бетона застыть, как базальт.
Все упоение ритма и слова,
Весь Апокалипсис туч и зарниц,
Пламя горячки и трепет озноба
От надвигающихся катастроф.
Я был свидетелем сдвигов сознанья,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса "в двадцать вторых степенях".
И над широкой излучиной Рейна
Сполохов первых пожарищ войны
На ступенях Иоаннова зданья
И на сферических куполах.
Тот, кто не пережил годы затишья

Перед началом великой войны,
Тот никогда не узнает свободы
Мудрых скитаний по древней земле.
В годы, когда расточала Европа
Золото внуков и кровь сыновей
На роковых перепутьях Шампани,
В польских болотах и прусских песках,
Верный латинскому духу и строю,
Сводам Сорбонны и умным садам,
Я ни германского дуба не предал,
Кельтской омеле не изменил.
Я прозревал не разрыв, а слиянье
В этой звериной грызне государств,
Смутную волю к последнему сплаву
Отъединенных историей рас.
Но посреди ратоборства народов
Властно окликнут с Востока, я был
Брошен в плавильные горны России
И в сумасшествие Мартобря.
Здесь, в тесноте, на дне преисподней,
Я пережил испытанье огнем:
Страшный черед всероссийских ордалий
Новым тавром заклеймивших наш дух.
Видел позорное самоубийство
Трона, династии, стран, алтарей,
Славу "какангелия"* от Маркса,
Новой враждой разделившего мир.
В шквалах убийств, в исступленьях усобиц
Я охранял всеединство любви,
Я заклинал твои судьбы, Россия,
С углем на сердце, с кляпом во рту.
Даже в подвалах двадцатого года,
Даже средь смрада голодных жилищ
Я бы не отдал всей жизни за веру

---

* Ев – по-гречески "благой".
Какос – "злой, дурной".

Этих пронзительных звонких минут.
Но... я утратил тебя, моя юность!
В людоворотах гражданской войны,
На перепутьях и росстанях Понта,
В зимних норд-остах, в тоске Сивашей...
Из напряженного стержня столетий
Ныне я кинут во внешнюю хлябь,
Где только ветер, пустыня и море
И под ногой содроганье земли...
Свист урагана и топот галопа
Эхом еще отдается в ушах:
Стремя у стремени четверть пробега,
Век, мой ровесник, мы вместе прошли.

16-XII-1927 г.
Коктебель в дни
землетрясения

АДЕЛАИДЕ ГЕРЦЫК

Лгать не могла, но правды никогда
Из уст ее не приходилось слышать:
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В ее речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную мерцающую ткань –
Покров Изиды. Под ее ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых:
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки,
Ей грамота мешала с детства чтенью
И обедняла щедрый смысл письмян.

А физики напрасные законы
Лишали чуда таинства Игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептала с вещим напряженьем,
Как заговор от сглаза и огня.
Слепая к дням, физически глухая, –
Юродивая, старица, дитя, –
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:
Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий
(– Черед родин, болезней и смертей –)
В ее душе отображались снами
– Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,
Она, с доверьем протянувши руки,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб воистину есть Плоть Христова,
Что кровь и скорбь – воистину Вино.
И смерть пришла, и смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании пустынных плоскогорий,
В седых камнях сугдейской старины.

10 февраля 1929

ЗАКЛИНАНИЕ

Марусе (По Куэ)

Закрой глаза и разум угаси.
Я обращаюсь только к подсознанью:
К ночному "Я", что правит нашим телом.

Слова мои запечатлятся крепко
И врежутся вне воли, вне сознанья,
Чтобы себя в тебе осуществить.
Творит не воля, а воображенье:
Весь мир таков, каким он создан нами.
Достаточно сказать себе, что ЭТО
СОВСЕМ ЛЕГКО, и ты без напряженья
Создашь миры и с места сдвинешь горы.

Все органы твои работают исправно:
Ход вечности отсчитывает сердце,
Нетленно тлеют легкие, желудок
Причастье плоти превращает в дух
И лишние отбрасывает шлаки.
Яичник, печень, железы и почки –
Сосредоточия и алтари
Высоких иерархий – в музыкальном
Согласии. Нет никаких тревожных
Звонков и болей: руки не болят,
Здоровы уши, рот увлажен, нервы
Выносливы, отчетливы и чутки...
А если ты, упорствуя в работе,
Физических превысишь меру сил, –
Тебя удержит тотчас подсознанье.

Устав за день здоровым утомленьем,
Ты вечером заснешь без сновидений
Глубоким сном до самого утра.
А сон сотрет вчерашние тревоги
И восстановит равновесье сил,
И станет радостно и бодро, как бывало
Лишь в юности, когда ты просыпалась
Весенним утром от избытка счастья:
Вокруг тебя любимые друзья,
Любимый дом, любимые предметы,
Журчит волна, вдали сияют горы...
Все, что тебя недавно волновало,

Будило гнев, рождало опасенья,
Все наважденья, страхи и обиды
Скользят, как тени, в зеркале души,
Глубинно, тишины не нарушая.

Будь благодарной, мудрой и смиренной,
Люби в себе и взлеты, и паденья.
Люби приливы и отливы счастья,
Людей и жизнь во всем многообразьи,
Раскрой глаза и жадно пей от вод
Стихийной жизни – радостной и вечной!

21 марта 1929

ВЛАДИМИРСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Не на троне – на Ее руке, –
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею,
Нет ни сил, ни слов на языке...
Собранный в зверином напряженьи
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К Ней прильнул и замер без движенья,
Весь – порыв, и воля, и вопрос.
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где престол пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?

Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не печерский темный богомаз.
В раскаленных горнах Византии
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, – он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой над Русью вознесенный
В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Воинов в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим Лицом.
Не погром ли ведая Батыев –
Степь в огне и разоренье сел –
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол.
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и глушь владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Железный-Хромец предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал

И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к Тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь в Успенском – в сердце стен кремлевских
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымкие сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья светилась пелена,
Что осьмивековою молитвой
Всей Руси в веках озарена.
И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На дорогах киевских ладьям
Указуя правильный фарватер.
Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик, –
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный Свой Лик.
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в Грядущем – Лик самой России –
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда

Древний Кремль и не цветут цветы:
Нет в мирах слепительнее чуда
Откровенья вечной красоты!

Посыл А.И. Анисимову

Верный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской, – тебе –
Два ключа: Златой в Ее обитель,
Ржавый – к нашей горестной судьбе.

II. СВЯТОЙ СЕРАФИМ

ПОЭМА

СВЯТОЙ СЕРАФИМ

Келия инока есть пещь Вавилонская, в ней же три отроцы Сына Божия обретоша.

Петр Дамаскин, кн. 1-я

... Когда я говорю о Боге, – слова как львы ослепшие, что ищут источника в пустыне...

Пролог

У ступеней Божьего престола
Волнами гудящих ореолов
Бьет ключом клокочущая бездна...
На закатах солнц в земных пустынях
Так кипят рубиновые ветры
Устремленных к солнцу облаков.
А когда стихают ураганы
Песнопений ангельских и хоров,
То со дна миров из преисподней
Слышен еле различимый голос
К небесам взывающей земли:

– "Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая,
Радость радости земной!
Торжество непобедимое,
Ангельски дориносимая
Над родимою землей
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая
Огнезрачных серафим!
Очистилище чистейшее!
Госпожа всенепорочная,
Без истленья Бога родшая
Незакатная звезда,
Радуйся, о, Благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!
Ангелами охраняемый
Цвет земли неувядаемый,
Персть сияньем растворенная,
Глина девством прокаленная,
Плоть рожденная сиять,
Тварь до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная мать!
Ты – Покров природы тварной,
Свет во мраке,
Пламень зарный
Путеводного столба!
В грозный час, когда над нами –
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на суд.
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется,
Солнце мраком обернется
И как книга развернется
Небо надвое, –

И развернется пучина
И раздастся голос Сына:
– "О, племя упрямое!
Я стучал – вы не открыли,
Жаждал – вы не напоили,
Я алкал – не накормили,
Я был наг – вы не одели"...
И тогда ответишь Ты:
– "Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила,
В чреве темноты".
В час последний,
В тьме кромешной,
Над Своей землею грешной
Ты расстелешь плат –
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе – одесную
Агнцу предстоят,
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины.
Без изъятья – навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного суда.

Со ступеней Божьего Престола
Смотрит вниз на землю Богоматерь.
Под ногами серп горит алмазный,
А пред Нею кольчатая бездна
Девяти небесных иерархий:

Ангелы, Архангелы, Архаи,
Власти и Начала, и Господства,
Троны, Херувимы, Серафимы...
Дышит бездна
Разжимаясь и сжимаясь,
Поглощая свет и отдавая,
И дыханье бездны:
Алилуйя!
Алилуйя!
Слава Тебе, Боже!

И вокруг Господнего подножья
В самом сердце вечности и славы,
Чище всех и ближе всех к престолу —
Пламенные вихри Серафимов
Веют ночной вьюгою любви.
И в плаще клубящихся сияний,
Звездных бурь и ураганов солнц,
В пламенах гудящих шестикрылий,
Весь пронизан зреньем, и очами
Весь покрыт извне и изнутри,
Предстоит пред Девою Пречистой
Серафим.
И Серафиму Дева
Молвит:
— "Мой любимиче! Погасни
В человеках. Воплотись. Сожги
Плоть земли сжигающей любовью!
Мой любимиче! Молю тебя: умри
Жизнью человеческой, а Я пребуду
Каждый час с тобою в преисподней".
И, взметнув палящей вьюгой крыльев
И сверля кометным вихрем небо,
Серафим низринулся на землю.

3 декабря 1919

I.

Каждый сам находит пред рожденьем
Для себя родителей. Избравши
Женщину и мужа, зажигает
В их сердцах желанье и толкает
Их друг к другу. То, что люди
Называют страстью и любовью,
Есть желанье третьего родиться.
Потому любовь земная – бремя
Темное. Она безлика
И всегда во всех себе подобна.
И любовники в любови неповинны:
Нету духам в мир иного входа,
Как сквозь чрево матери. Ключарь же
Сам не знает, для кого темницу
Юдоли земной он отпирает.
Вечный дух, сливающийся с плотью,
Сразу гаснет, слепнет и впадает
В темное беспамятство. Отныне
Должен видеть он очами плоти,
Помнить записями вещества.
Потому, входящий в жизнь, вначале
Пробегает весь разбег творенья:
В чреве матери он повторяет пляску
Древних солнц в туманных звездовертях.
Застывая в черный ком земли,
Распускается животной, дремной жизнью
Незапамятного прошлого: покамест
Все кипенье страстных руд и лав
Не сжимается в тугой и тесный узел
Слабого младенческого тела.
И, прорвав покровы черных уз,
С раздирающим, бессильным криком
Падает на дно вселенных – землю.

Богородица Сама для Серафима
Избрала чету
В час рожденья:
Сидора с Агафьей Мошниных,
В граде Курске,
В месяце июле,
Девятнадцатого дня,
За шесть лет до смерти
Государыни Елисаветы –
Дочери Петра Великого.
Сын рожденный наречен был Прохор.

Сидор Мошнин был благочестив,
Брал подряды на строенье храмов:
Курский храм
Во имя Сергия Радонежского
Строил он по планам
Зодчего Растрелли.
Рано умер,
И вдова
Приняла все мужские дела,
Отроду имея здравый смысл
И строгий распорядок
В делах житейских;
Выстраивала храм,
Вела торговлю,
Наставляла сына в Святом Писании
И житии святых.

Дремной жизнью жил младенец Прохор.
Дивные виденья озаряли
Детский сон. В душе звучали хоры
Ангельских далеких песнопений.
Жития подвижников пленяли
Детский дух преодоленьем плоти.
И о чудесах повествованья
Были милы, как напоминанья

Об утраченном живом законе жизни.
Лет семи с верхушки колокольни
Оступился он. Но чьи-то крылья
Взвились рядом. Чьи-то руки
Поддержали в воздухе и невредимым
На землю поставили.
Отроком он захворал
Так крепко,
Что надежды не было на выздоровленье.
Мальчику приснилась Богоматерь
И сказала:
"Я Сама приду исцелить тебя".
И вскоре,
В образе иконы чудотворной
Крестным ходом
К дому их пришла.
Вынесли больным,
Воротился здоровым.
Мать шептала про себя:
– "Что убо будет
Отроча сие?" И прозревая
Дивные предназначенья, сына
К жизненным делам не понуждала,
Прохор же читал святые книги,
В церкви служб не пропускал и в храме
Чувствовал себя как в доме отчем.
Вырос Прохор юношей и стал
Круглолицым, русым и румяным
Статным русским молодцем. Славянство
Плоть имеет детскую – нетронутую тленьем,
Чистую от закиси страстей,
И как воск готовую принять
Пламя духа и сгореть лучистым,
Ярым светочем пред темною иконой.
Стало Прохора тянуть в пустыню,
Прочь от суеты, в лесные скиты,
К подвигам, к молчанью и к молитвам.

Девятнадцать лет имел он от рожденья.
Дух небесный врос в земное тело,
Земный узел был затянут туго.
Духу наступало время снова
Расплести завязанное…

II.

Богородица сама избрала место
На Руси меж Сатисом и Сарой
Для подвижничества Серафима.
По́гиб гор порос от века бором,
Дремный лес пропах смолой и зверем,
Жили по рекам бобры и выдры,
Лось, медведи, рыси да куницы.
Место то незнаемо от человека.
Сотни лет безлюдья и пустыни,
Сотни лет молитвы и молчанья.

Раз пришел на гору юный инок,
Много лет провел один в молитвах.
Разверзалось небо над лесами,
Звезды и планеты колдовали,
И струились пламенные токи,
И пронизаны неизреченным светом
Цепенели воды и деревья.
В Благовещенье
Гора заколебалась
Благовестом колокольным.
Слыша звон,
Окрестные крестьяне
На горе искали
Тайных кладов
И открыли шесть крестов дубовых,

А седьмой был медный.
Поняли, что место
Свято,
И Господь его прославит.
Инок же срубил из сосен церковь
В честь Пречистой Девы Живоносных Вод.
Основал обитель. Был над ней игумен.
В старости замучен был в темнице
Грешною императрицей Анной.
Так возник в лесах дремучих
Саров.
А стеречь его
Поставлены Пречистой
Были иноки
Иосиф и Пахомий:
Два святых и прозорливых
Старца, –
Как столпы от неба до земли.

Поздней осенью, замерзшими полями
Прохор шел в обитель. Было ясно.
Изморозь березовые рясна
Убирала к утру хрусталями.
В Саров он пришел в канун Введенья.
Слышал в церкви всенощное бденье,
Восторгаясь пенью и усердью
Иноков в молитве.
Настоятель пустыни Пахомий
Принял Прохора
И отдал в послушанье
На семь лет отцу Иосифу.
Так начался монастырский искус.
Прохор
Был сперва келейником при старце,
После послушанье нес в столярне.

Сладок подвиг плотничьей работы,
Ибо плоть древесная – безгрешна
И, не зная боли, радуется
Взмаху топора и ласке струга,
Как земля – сохе, как хворост – искре.
Плоть сосны благоухает солнцем,
Телом девичьим нежна береза,
Вяз и дуб крепки и мускулисты,
Липа – женственна, а клен – что отрок.
Больше всех других дерев любил он
Кипарис – душистый, с костью схожий.
Резал крестики для богомольцев
И престол из кипарисных досок
Выстроил для храма.
Все же время ни за отдыхом, ни за работой,
Умственной не прекращал молитвы.
Стала жизнь его одною непрерывной
Ни на миг не прекращаемой молитвой:
"Господи Иисусе, Сыне Божий,
Господи, мя грешного помилуй!"
Ею он звучал до самых недр
Каждою частицей плоти, как звучит
Колокол всей толщей гулкой меди.
И как благовест – тяжелыми волнами
В нем росло и ширилось сознанье
Плоти мира – грешной и единой.

Как ни туго вяжет плоть земная,
Как ни крепко выведены своды
И распоры тела, но какой темнице
Удержать верховный омут света,
Ураган молитв и вихри славословий?
Тело Прохора не вынесло напора
Духа. Прохор слег в постель. Три года
Болен был. И саровские старцы
От одра его не отходили.
Иноки служили литургии,

И справляли всенощные бденья,
Чтобы вымолить его у Смерти.
А когда больного причастили,
У одра явилась Богоматерь,
Протянула руку и сказала:
— "Сей есть рода нашего. Но рано
Землю покидать ему". Коснулась
Правого бедра. Раскрылась рана,
Вытекла вода, и исцелился Прохор.
Выздоровев был Прохор посылаем
По Руси за сбором подаяний.
Он ходил по городам, по селам,
По глухим проселочным дорогам,
По лесным тропам, по мшистым логам,
Голым пашням, пажитям веселым.
С нежной лаской лыковые лапти
Попирали и благословляли
Землю темную, страдальную, святую.

Так минули годы послушанья.
Возвратившись в монастырь, он вскоре
Удостоен был монашеского сана.
Старец же Пахомий, прозревая
Прохора божественную тайну,
Повелел, чтоб в иноческом чине
Он именовался С е р а ф и м о м,
Что означает "пламенный".

III.

Служба утром шла в Страстной Четверг.
Серафим — иеродиакон служит
Литургию. Воздух в церкви полон
Вещим трепетом незримых крыльев,

Мо́лнийные юноши сверкают
В златотканных белых облаченьях,
И звенит, сливаясь с песнопеньем,
Тонкий звон хрустальных голосов.
Говорит священник тайную молитву:
– "Сотвори со входом нашим входу
Ангелов сослужащих нам быти!"
Вспыхнул храм неизреченным блеском;
В окруженьи света, сил и славы,
Точно в золотистом пчельном рое,
С западных церковных врат к амвону
Сын Господень в лике человечьем
К ним идет по воздуху. Вошел
В образ свой и все иконы церкви
Просветились, и обстала служба
Сонмами святых. Преображенье
Было зримо только Серафиму.
Онемел язык и замер дух.
Под руки ввели его в алтарь;
Три часа стоял он без движенья,
Только лик – то светом разгорался,
То бледнел как снег.

С тех пор еще смиренней
И усерднее стал Серафим.
Целый день не выходил из храма
И жалел о том,
Что человек не может
Господу служить, подобно ангелам.
Через семь лет
Пахомий, умирая,
Сам благословил его
На новый подвиг – на пустынножительство.

IV. ТВАРЬ

Не из ненависти к миру инок
Удаляется в пустыню: русла
И пути ему видней отсюда,
Здесь он постигает различенье
Всех вещей на доброе и злое,
На порок, цветенье и распад.
Мир в пустыне виден по-иному,
За мирским виднее мировое,
Мудрость в нем рождается иная,
Он отныне весь иной – он Инок.
Серафим из монастырской кельи
Жить ушел в пустыню со зверями.
Сам себе в лесу избу построил
На речном обрыве возле бора,
Огород вскопал, поставил ульи.
(Пчелки в улье то же, что черницы).
Мох сбирал, дрова рубил, молился
По пустынножительскому чину.
Раз в неделю он ходил за хлебом
И, питаясь крохами, делился
Со зверьми и птицами лесными.
В полночь звери в келье собирались:
Зайцы, волки, лисы да куницы,
Прилетали вóроны и дятлы,
Приползали ящерицы, змеи
Принимали хлеб от Серафима,
Тишину и строгость любят звери,
Сердцем чтут молитву и молчанье.
Раз пришла монахиня и видит:
Серафим сидит на пне и кормит
Сухарями серого медведя.
Онемела и ступить не смеет.
Серафим же говорит: – "Не бойся,
Покорми его сама". – "Да страшно –

Руку он отъест". — "Ты только веруй,
Он тебя не тронет... Что ты, Миша,
Сирот моих пугаешь-то? Не видишь:
Гостью-то попотчевать нам нечем?
Принеси нам утешеньица".
Час спустя медведь вернулся к келье:
Подал старцу осторожно в пасти
Пчельный сот завернутый в листы.
Ахнула монахиня. А старец:
"Лев служил Герасиму в пустыне,
А медведь вот Серафиму служит...
Радуйся! Чего нам унывать,
Коли нам лесные звери служат?
Не для зверя, а для человека
Бог сходил на землю. Зверь же раньше
Человека в нем Христа узнал.
Бык с ослом у яслей вифлеемских
До волхвов Младенцу поклонились.
Не рабом, а братом человеку
Создан зверь. Он преклонился долгу,
Дабы людям дать подняться к Богу.
Зверь живет в сознанье омраченном,
Дабы человек мог видеть ясно.
Зверь на нас взирает с упованьем,
Как на Божиих сынов. И звери
Веруют и жаждут воскресенья...
Покорилась тварь недобровольно,
Не по воле покорившего, в надежде
Обрести через него свободу.
Тварь стенает, мучится и ищет
У сынов Господних откровенья,
Со смиреньем кротким принимая
Весь устав жестокий человека.
Человек над тварями поставлен
И за них ответит перед Богом:
Велика его вина пред зверем,
Пред домашней тварью особливо.

Вот, матушка, послушай
Присказку о некоем монашке".

1 апреля 1929

V. СВЯТОЙ ФРАНЦИСК

Ходит по полям
Босой монашек,
Созывает птиц.
Рукою машет
И тростит ногами —
Точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит,
Поет
И причитает:
"Брат мой — солнце,
Старшее из тварей!
Ты восходишь в славе и в пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым.
Одеваешь землю
Пламенным покровом.
Брат мой — месяц
И сестрички-звезды!
В небе Бог
Развесил вас, как грозды.
Братец-ветер, —
Ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо,
Вольный и летучий.
Ты, водица,
Милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,

Чистой, ясной,
Драгоценной,
Работящей и смиренной.
Брат-огонь,
Ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен,
Весел, ярк и красен.
Матушка Земля,
Ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.
Брат мой, тело,
Ты меня одело,
Научило боли и терпенью
И смиренью;
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.
Смерть земная, –
Всем сестра старша́я!
Ты ко всем добра,
И все смиренно
Чрез тебя проходят, будь благословенна!"
Вереницами к нему слетались
Птицы;
Стаями
Летали над кустами
Легкокрылым
Кругом окружали.
Он же говорил им:

–"Пташки-птички,
Милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком
Множеств ваших не объемлю:
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна
Да поете.

Бог вам крылья дал
Да вольный воздух,
Перьями одел
И научил вить гнезда;
Вас в ковчеге приютил
Попарно.
Божьи птички,
Будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите,
Пойте и свистите!" ...

Приходили, прибегали,
Приползали
Звери кроткие, и лютые,
И гады,
Чрез кусты, каменья и ограды.
И, крестя их,
Говорил он волку:
"Брат мой, волк,
И въявь и втихомолку
Убивал ты Божии творенья
Без Его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Примирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло
Тебя толкает голод.
Дай мне клятву
От убийства воздержаться,
Тогда вины твои простятся;
Люди все твои злодейства
Позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам,
Юродивым и нищим,
Каждый даст тебе
И хлеб и пищу.

Братья звери!
Будьте крепки в вере.
Царь Небесный
Твари бессловесной
В пастухи дал – голод,
Страх и холод;
Научил смиренью,
Мукам и терпенью".

И монашка звери окружали,
Перед ним колена преклоняли,
Ноги прободенные лизали...
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
С ястребами горлицы играли,
Агнец с волком рядышком лежали;
Птицы пели, и ключи журчали –
Господа хвалою прославляли.

23 ноября 1919
Коктебель

VI.

Келья инока есть огненная пещь.
В коей тело заживо сгорает.
И пустынножительство избравший
Трудится не о своем спасеньи:
Инок удаляется в пустыню
Не бежать греха, но грех приняв
На себя, собой его очистить.
Не уйти от мира, но бороться
За него лицом к лицу с врагом.

Не замкнуться, но гореть молитвой
Обо всяком зле, о всякой твари,
О зверях, о людях и о бесах.
Ибо бесы паче всякой твари
Милосердьем голодны, и негде
Им его искать, как в человеке.
Бес рожден от плоти человечьей:
Как сердца цветут молитвой в храме,
Как земля весной цветет цветами,
Так же в мире есть цветенье смерти –
Труп цветет гниеньем и червями,
А душа захваченная тленьем –
Бесами – затем что Дьявол – дух
Разрушенья, тленья и распада.
Человек, пока подвластен миру
И законам смерти и гниенья,
Сам не знает ч т о есть искушенье.
Но лишь только он засветит пламя
Внутренней молитвы, тотчас бесы,
Извергаемые прочь, стремятся
Погасить лампаду и вернуться
В смрадные, насиженные гнезда.
Грешник ходит – и не слышно беса.
Вслед же иноку они клубятся стаей.
Потому что монастырь, что крепость –
Осаждаем бесами всечасно.

Бес уныния приходит в полдень –
И рождает беспокойство духа,
Скуку, отвращение, зевоту,
Голод и желанье празднословить.
Гонит прочь из кельи точно хворост
Ветрами носимый, иль внушает:
То почистить, это переставить,
Ум бесплодным делает и праздным.
Бес вечерний сердце жмет и тянет
Горестной, сладимою истомой,
Расстилается воспоминаньем,

Соблазняет суетою неизжитой.
Бес полуночный наводит страхи,
Из могил выходит мертвецами,
Шевелится за спиной, стучится в окна,
Мечет вещи, щелкает столами,
На ухо кричит, колотит в двери,
Чтоб отвлечь сознанье от молитвы.
Бес же утренний туманит мысли
Теплым телом, манит любострастьем,
Застилает мутным сном иконы,
Путает слова и счет в молитвах.
Хитры и проникновенны бесы.
Но в обителях со вражьей силой
Братья борется, как с голубями,
А пустынники – те как со львами
Или леопардами в пустыне.
Ибо к тем, кто трудится в пустыне,
Дьявол сам с упорством приступает.
Соблазнивши человека,
Сатана
Исказил гниением и смертью
Божий мир;
И, плотию земною
Сам себя связав, –
Он должен
Вместе с ней спастись, или погибнуть.
Посулил:
"Вы будете, как боги".
Дондеж слово это не свершится,
Он невольник соблазненной твари.
Каждый день он всю обходит землю,
Всюду рыщет,
Ищет неустанно
Тех, кто плоть свою преодолели,
И, найдя такого, испытует
И вступает с ним в единоборство,
Дабы

Быть им побежденным,
Дабы
Семя Евы – Змию жало стерло.

VII.

Серафим лицом к лицу боролся
С дьяволом и с бесами. Нельзя
Ангелу в лицо взглянуть от блеска,
Так же нестерпимо видеть бесов.
Ибо бесы – гнусны. Все, что скрыто
Человеку в собственной природе
Темного, растленного и злого,
Явлено ему воочью в бесе:
Сам себе он в бесьем лике гнусен.
Серафим, приняв всю тягу плоти,
Чрез нее был искушаем бесом.
Русский бес паскудлив и озóрист,
Но ребячлив, прост и неразумен.
Ибо плоть славянская незрела
И не знает всех глубин гниенья.
Бес сперва хотел его отвадить
От молитв посредством "страхований":
Выл зверьми вокруг пустынной кельи,
Лез в окно ощеренным медведем,
В дверь швырял тяжелым корневищем,
То вздымал его высоко в воздух
И с размаха ударял о землю.
Эти искушения подобны
Паутине – дунь – и нет ее;
Перекрестишься – и наважденья
Сразу кончатся.
Но вскоре дьявол
Приступил к святому самолично.

Тысячу ночей и столько ж дней
Серафим лицом к лицу боролся
С дьяволом коленопреклоненный
На гранитном камне, среди леса,
Лишь одно оружие имея
Против сил нечистого – молитву –
"Боже,
Буди милостив ко мне,
Грешному".
И сей молитвой
Поборол его;
И отошел до срока
Сатана
И стал пытаться старца
Из пустыни выжить по-иному:
То придут просить его
Принять
Настоятельство
В обители далекой,
То внушит разбойникам,
Что старец
Укрывает в келье много денег.
Три разбойника его однажды
До смерти избили.
Еле жив приполз в обитель старец,
Но восстав с одра,
Опять вернулся
В лес,
В пустыню,
К прерванным молитвам.
Он сосредоточился на новом подвиге:
На подвиге молчанья.
Угасил в себе все чувства
И все мысли,
Кроме мыслей, обращенных к Богу.
К посетителям не выходил,
Перед встречным падал ниц

И не вставал,
Пока
Тот не проходил;
В обитель
Не являлся даже в день воскресный.
Совершенное безмолвие есть крест,
На котором должен человек
Со страстьми
И с похотьми распяться, –
Таинство есть будущего века.
Раз бродил в лесу
Захожий инок
И набрел на келью Серафима.
Слышит – вихрь кругом гудит,
И видит –
Келья потрясается
И ходит
Ходуном.
А заглянул в оконце:
В воздухе, аршина два от пола,
Старец молится коленопреклоненный.
Ужаснулся инок
Этой тихой
И сосредоточенной молитве.
Рассказал в монастыре монахам.
Дьявол же пустил в умах соблазны,
Как, мол, старец там живет
В пустыне,
В праздники в обитель не приходит
И Святых Даров не принимает.
Собирались старшие монахи,
Рассмотрели, обсудили и – решили,
Чтоб ему в обитель возвратиться.
Старец молча выслушал и следом
Посланному в монастырь вернулся.
Он пятнадцать лет провел в пустыне
И теперь молчальничества не нарушил,

А замкнулся снова, усугубив
Прежний подвиг – подвигом затвора.

VIII.

Вместо сосен, –
Каменные стены,
Вместо неба –
Закоптелый полог,
Вместо синего, студеного простора –
Людный монастырь
И келья с гробом.
Раньше он уста замкнул,
А ныне –
Скрыл лицо от человечьих взоров.
Пищу приносившего встречал он
Молча
И коленопреклоненный,
Темной тканью голову покрыв.
Он в себя весь мир земной
С грехами,
С бесами,
Зверьми
И с человеком
В подвиге молчальничества принял.
А теперь,
Стерев лицо,
Он вспомнил
Самого себя и свой небесный облик.
Прояснилось зеркало, и стал он
До конца прозрачен
Всею плотью.
Дивное
Творилось в тесной келье:

Разверзались ангельские бездны,
Небо
Светами и славами кипело;
Серафим
Из преисподней бездны
Пламенем молитв
Святил слепую землю.
Сотни свеч
Горели в малой келье
За живых,
За мертвых,
За неживших,
Ураган ли к Сарову подходит,
Громоздя по небу буреломы,
Он возжжет свечу,
Помолится –
И буря
Сразу стихнет.
Он за души грешных
Состязался с дьяволом:
Однажды
Умерла монахиня.
Он видел,
Как душа по мытарствам водилась,
Истязуема была,
Судима
И осуждена.
В когтях у сатаны
Видел он потерянную душу.
Трое суток
Умолял он Богоматерь:
Вымолил и выплакал прощенье, –
Чистой голубицей
Из когтей бесовских
Вырвалась душа.
И не стерпев потери,
Сатана на старца ополчился,

Поразил его ударом в спину.
"Если б не Христос
Да Богоматерь, –
Старец говорил, –
Никто бы
Исцелить меня не мог...
Но уж стоять –
До конца стоять
В борьбе с нечистым"...
Так еще пятнадцать лет
В затворе
Он провел,
Уставы естества
Силою молитвы побеждая.
И еще семь лет
Ему осталось жизни
На земле.
Приказала Богоматерь
Быть ему с людьми,
В людских делах.
И когда он вышел из затвора,
То увидели, что лик его
Стал сгущенным светом, все же тело –
Что клубок лучей,
Обращенных внутрь.
В небе ближе всех он был у Бога,
Здесь же стал у б о г и м Серафимом.
Был на небе он покрыт очами,
А теперь его покрыли раны.
Ибо раны – очи, боль есть зренье
Человеческой смиренной плоти.
А над поясницей развернулось
Шестикрылье огненное, оку
Неви́димое. И стал согбенен
Серафим под тягой страшной крыльев.
И ходил он, опираясь на топорик.
А затем, чтоб пламенным порывом

От земли не унестись, с тех пор
На плече носил мешок с камнями
И землей, а сверху клал
Самую большую тягу,
Приковавшую его к земле:
Евангелье Христово. А так как крылья
Не давали ему ни сесть, ни лечь — он спал,
Став на колени, лицом к земле,
На локти опершись,
Голову держа в руках.

IX.

Так, очищенный страданьем, прозорливый,
Растворил он людям двери кельи
И отверз свои уста, уча.
        Хлынула вся Русь к его порогу.
В теплой келье залитой огнями
Белый старец в белом балахоне
Весь молитвами как пламенем овеян,
Сам горел пылающей свечой.
        Приходили ежедён толпами
Праведники, грешники, страдальцы,
Мужики, чиновники, дворяне,
Нищие, калеки и больные —
И несли ему на исцеленье
Плоть гниющую
И омертвелый дух.
Приводили ребятишек бабы,
Землю, где ступал он, целовали.
Лаяли и кликали кликуши,
В бесноватом бес в испуге бился
И кричал неистово: "Сожжет!"

Серафим встречал пришедших с лаской,
Радостный, сияющий и тихий;
Кланялся иным земным поклоном,
Руки целовал иным смиренно,
Всех приветствовал: ”Христос Воскрес!”
Говорил: ”Уныние бывает
От усталости. Не грех веселость:
Весел дух перед лицом Творца!
Надо скорбь одолевать, нет дороги унывать.
Иисус – все победил, смертью смерть Христос убил.
Еву он преобразил, а Адама воскресил!”
Говорил, встречая темный народ:
– ”Ох, беда-то какая ко мне идет...
Люди с людьми-то что делают...
Что слез-то пролито, что скорби тут!”
Матери, которой сын резвился
Средь лампад, стоявших пред иконой:
– ”С малюткой ангел Божий играет, матушка.
Дитя в беспечных играх –
Как можно останавливать!”
О свечах горящих говорил он:
– ”Телом человек свече подобен –
Как она он пламенем сгорает.
Вера – воск. Светильник есть надежда.
Огнь – любовь. Будь Господу свечой!
Если кто ко мне имеет веру,
За того горит перед иконой
У меня свеча. Потухнет – преклоняю
За него колени, ибо знаю,
Что он впал сегодня в смертный грех.
Как не может воск не разогретый
Оттиск дать печати, так и души,
Не смягченные грехами и страданьем,
Не воспримут Божию печать”.
Говорил монаху:
”Жизнь монаха
Есть смертельный бой

С собой и с миром.
На войну не ходят без оружья.
В монастырь
Не входят без молитвы.
Послушанье, кротость и терпенье –
Вот нам истинная власяница.
Если кто нас оскорбляет,
Мы же с радостью обиды переносим, –
Вот нам подвиг,
Вот вериги нам.
Пост не только в изнуреньи плоти,
Но чтоб брату, алчущему хлеба,
Дать кусок, который хочешь съесть".
Говорил игумену:
"Ты, пастырь,
Не дерзай напрасно беспокоить
Путников, идущих в вечность,
Ибо слово сильно,
Посох твой – как бич".
Девушку, просватанную замуж,
Уговаривал:
"Останься с нами,
Радость моя,
Твой Жених – Христос".
Говорил желавшему постричься:
"Воздержись,
Ты должен ожениться:
Нынче вечером твоя невеста
Будет здесь,
Иди ее встречать".
Прибежал однажды утром в Саров
Мужичонко в зипуне, без шапки,
Спрашивал у встречных, у монахов:
– "Батюшка, ты что ли Серафим?"
Привели его. Он бухнул в ноги,
Говорит: "Украли лошадь,
Нищий я, семья... Кормить чем буду?

Говорят, угадываешь ты..."
Серафим, за голову обнявши,
Приложил ее к своей и молвит:
– "Огради себя молчаньем, сыне!
Поспеши в посад Борисоглебов;
Станешь подходить, сверни налево,
Да пройди задами пять дворов.
Тут в стене калитка. Против входа
Прямо у колодца конь привязан.
Отвяжи и выведи. Но молча!"
Как сказал, так и случилось все.

Он вникал во все дела людские,
Малые, житейские, слепые,
Говорил с душевным человеком
О мирском, с духовным – о небесном.
А таких, кому речей не надо,
Деревянным маслицем помажет,
Даст воды испить из рукавички,
Даст сухарик, напоит вином
И с души весь слой дорожной пыли
Отряхнет и зеркало протрет,
Чтоб земные души отразили
Божий лик в глубинах темных вод.

X.

Болен был помещик Мотовилов.
На руках был принесен он в Саров.
Старец строго вопросил больного:
– "Веруете ль вы в Христа, что Он –
Богочеловек, а Богоматерь
Истинно есть Приснодева?" – "Верю". –
– "Веруете ль, что Господь как прежде
Исцелял, так и теперь целит?"

— "Верую". — "Так вот, извольте видеть:
Иисус исцелил больных, снимая
С них грехи, болезни ж принимая
На Себя. И есть Он — прокаженный,
Все-больной, все-грешник, все-страдалец.
Было так, так и поныне есть.
Коли верите, так вы здоровы".
— "Как же я здоров, коль вы и слуги
Под руки поддерживаете меня?"
— "Вы совершенно здравы,
Всем вашим телом. Крепче утверждайтесь
Ногами на земле. Ступайте смело.
Вот, ваше боголюбие, как хорошо пошли!
Божья Матерь Сына упросила:
Ей молитесь и благодарите!"
В ноябре приехал Мотовилов
Старца поблагодарить. Снежило.
День был пасмурный. Пошли по лесу.
Старец посадил его на пень,
Сам присел на корточки, и молвит:
— "Каждый человек есть ангел,
Замкнутый в темницу плоти.
Если бы соизволеньем Божьим
Мы могли увидеть душу
Ничтожнейшего из людей, такою,
Как есть она, мы были б сожжены
Ее огнем в то самое мгновенье,
Как если б были ввергнуты в жерло
Вулкана огнедышащего.
Был сотворен Адам
Неподлежащим действию стихий,
Ни огнь сжечь, ни потопить вода
Его не в силах были.
Каждой твари имена он ведал
И понимал глаголы Господа и ангелов.
Был Адам в Раю подобен углю
Раскаленному. И вдруг погаснув

Плотен стал и холоден, и черен.
Но Христос вернул ему прообраз,
Дух святой вздохнув в учеников".
— "А что же значит
Быть в Духе, батюшка?"
А Серафим, взяв за плечи:
— "Теперь мы оба в Духе.
Что ж ты не смотришь на меня?"
"Не могу смотреть на вас... От лика
Точно молния ... Глаз от боли ломит".
— "Не устрашайтесь, ваше боголюбие,
Теперь вы сами светлы, как и я,
Ибо тоже в полноте вы Духа Божьего,
Иначе вам меня таким не увидать.
Не бойтесь. Смотрите прямо мне в глаза".
Глянул — и ужас объял его: поляна
Белая, и лес, крупа снежит,
А посреди поляны ярче солнца
В самом знойном блеске полуденных лучей —
Как вихрь сверкающий клубится шестикрылье,
А в сердце света Лик Серафима —
Уста шевелятся, глаза глядят,
Да руки поддерживают плечи.
— "Что чувствуете, ваше боголюбие?" — "Мир
И тишину такую, что нету слов". —
— "Се есть мир, о коем сказано:
Мой мир даю вам! А что еще
Вы чувствуете?" — "Радость. —
Необычайную". — "Се есть радость
В духе рожденного. Жена когда рожает
Терпит боли. А родив,
Себя не помнит от радости.
Еще что чувствуете?" — "Теплоту". —
— "Какую ж теплоту-то, батюшка?
Ведь мы в лесу сидим. Теперь зима.
Под нами снег и снег на нас.
Какая ж теплота?" — "А вот как в бане

Как пару поддадут"... – "А запах тоже
Такой же как в бане?" – "Нет.
В детстве матушка бывало покупала
Духи в Казани в лучших магазинах –
Так даже в них благоуханья нет такого". –
– "Так, ваше боголюбие,
Я так же как и вы все чувствую,
Но спрашиваю, дабы убедиться: так ли
Вы все восприняли? Нет слаще
Благоухания Святого Духа.
Вот вам тепло, а снег на вас не тает,
Затем, что теплота не в воздухе, а в нас.
О ней же сказано, что Царство Божье
Внутри нас есть. Сиянье же такое
От Духа, если Он просветится сквозь плоть.
Рассказывают о пустыннике Сисое,
Что перед смертью лик его
Как месяц просиял.
Он говорит:
– "Вот лик пришел пророков..."
Потом лицо сильнее заблистало.
– "Вот лик апостолов..."
И стало вдвое сильней сияние:
– "Ангелы пришли за мной!"
Вдруг стал он точно солнце:
– "Вот сам Христос грядет!"
И предал дух и стал
Он весь как молния.
Вера, ваше боголюбие, не в мудрости,
А в сих явлениях Духа.
Вот в этом состояньи
Мы оба и находимся.
Запомните сей час:
Для ради сокрушений сердца вашего
Предстательством самой Пречистой Девы
И по смиренным просьбам Серафима
Господь вас удостоил лицезренья

Великолепной славы".
Так "Служке Божьей Матери и Серафима",
Как звал себя до смерти Мотовилов,
Был явлен подлинный небесный облик старца.

XI.

В очищенье и в преображенье плоти
Три удела емлет Богоматерь:
Иверский, Афонский и Печерский,
А теперь – Дивеевский – четвертый –
Послан был устроить Серафим.
Как лампаду в древнем срубе старец
Женский монастырь возжег с молитвой
В самом сердце северной Руси.
Ни един был камень не положен,
Ни одна молитва не свершилась,
Ни одна не принята черница
Без особого соизволенья
Старцу Божьей Матери на это.
Каждый колышек был им окрещен,
Каждый камешек им был омолен,
И сама Небесная Царица
Собственными чистыми стопами
Всю обитель трижды обошла.
А отдельно, рядом с общим скитом,
Рядом с женской скорбною лампадой,
Серафим затеплил скит девичий –
Ярый пламень восковой свечи
От сердец Марии и Елены –
Двух святых и непорочных дев.
Девочкой Мария увязалась
За сестрой монахинею в Саров,
Было ей тринадцать лет. Крестьянка.

Тонкая. Высоконькая. Ликом
Нежная и строгая. Так низко
Над глазами повязь опускала,
Что видала лишь дорогу в Саров,
Кончики бредущих ног, а в мире
Только лик святого Серафима.
В девятнадцать лет отроковица
И молчальница ушла из жизни.
Серафим ей тайны о России
Открывал, пред смертию посхимил,
Называл ее своей невестой
И начальницей небесных дев.
Во миру была сестра Елена
Светской девушкой. Любила танцы,
Болтовню и смех, и развлеченья.
Раз в пути она ждала в карете
Лошадей. Раскрыла дверцу:
Видит в небе, прямо над собою,
Черный змий с пылающею пастью.
Силы нет ни крикнуть, ни позвать.
Вырвалось: "Небесная Царица!
Защити!" И сгинул змий. Воочью
Поняла она весь смрад и мерзость беса,
И решилась в монастырь уйти.
За благословеньем к Серафиму
Обратилась, а в ответ ей старец:
– "И не думай, и никак нельзя.
Что ты – в монастырь! Ты выйдешь замуж!"
Три зимы молила Серафима.
Он же все:
– "Как в тягостях-то будешь,
Лишь не будь скора: ходи потише –
Понемногу с Богом и снесешь".
Уж совсем отчаялась. Но старец
Ей пока дозволил поселиться
В о́бщине дивеевской. И снова:
"Ну, теперь пора и обручиться

С женишком". – "Я замуж не могу". –
– "Все еще не понимаешь, радость?
Ты поди к начальнице-то нашей,
Ксении Михайловне – скажи ей,
Что тебе убогий Серафим
С женихом велит, мол, обручиться,
В черненькую ряску обрядиться –
Вот ведь замуж за Кого итти!
Вижу весь твой путь боголюбивый –
Здесь тебе и жить и умереть.
Будь всегда в молитве и в молчаньи,
Спросят что – ответь. Заговорят – уйди".
Слишком быстрою была Елена:
Вся – порыв, вся – пламень, вся – смиренье.
Потому пред ней и обнажилась
Нежить гнусная и бесья суета.
Серафим же говорил: – "Не бойся.
Львом быть трудно. Будь себе голубкой.
Я ж за всех за вас пребуду львом".
Раз призвавши, он сказал Елене:
– "Дать тебе хочу я послушанье:
Болен братец твой, а он мне нужен
Для обители. Умри за брата".
Преклонясь ответила: – "Благословите,
Батюшка!" И вдруг смутилась: – "Смерти
Я боюсь..." – "Что нам с тобой бояться?" –
Успокоил Серафим. Вернулась
И слегла. И больше не вставала.
Перед смертью Огнь Неизреченный
Видела и райские чертоги.
Так и умерла "за послушанье".
И в гробу два раза улыбнулась.
Серафим же, зная час кончины,
Торопил сестер: – "Скорей грядите,
Ваша Госпожа Великая отходит".
Плачущим же говорил: – "Не плачьте.
Ничего не понимают – плачут!

Кабы видели – душа-то как взлетела, –
Точно птица выпорхнула! Расступились
Серафимы с Херувимами пред нею".

XII.

В Благовещение к Серафиму
Евдокия-старица пришла.
Светлый встретил инокиню старец:
– "Радость-то нам, радость-то какая!
Никогда и слыхом не слыхалось:
Божья Матерь будет в гости к нам".
– "Не достойна я..." – "Хотя и недостойна,
Упросил я Деву за тебя.
Рядом стань и повторяй за мною:
"Аллилуя! Радуйся, Невеста
Неневестная!" Не бойся. Крепче
За меня держись. Нам Божья
Благодать является". Раздался
Шум, подобный шуму леса в бурю,
А за ветром ангельские хоры,
Распахнулись стены и под сводом
Затепли́лись тысячи свечей.
Двое ангелов вошли с ветвями
Расцветающими. Следом старцы
И сама Небесная Царица,
И двенадцать чистых дев попарно.
Говорит Царица Серафиму:
– "Мой любимиче, проси, что хочешь –
Все услышу, все исполню Я".
Стал просить убогий о сиротах
Серафимовых – и всем прощенье
Вымолил. А старица упала
Замертво. А после слышит будто

Спрашивает Богоматерь: – "Кто же
Здесь лежит?" А Серафим:
– "Старица, о коей я молился".
Божья Матерь говорит: – "Девица!
Встань. Не бойся: здесь такие ж девы,
Как и ты. Мы в гости к вам пришли.
Подойди сама и расспроси их
Кто они". Сначала Евдокия
Светлых юношей спросила: "Кто вы?"
– "Божьи Ангелы". А после старцев:
– "Я – Креститель. Я на Иордане
Господа крестил. И обезглавлен
Иродом". "Я – Иоанн, любимый
Ученик. Мне да́но Откровенье".
После к девам подошла по ряду.
Назвались святые девы Феклой,
Юлианией, Варварой, Пелагеей,
Ксенией, Ириной... Все двенадцать
Рассказали ей и жизнь и муки,
Все как писано в Четьи-Минеях.
После с Серафимом все прощались,
Руку в руку с ним поцеловались.
И сказала Богоматерь: – "Скоро,
Мой любимиче, ты будешь с нами".

Старец стал готовиться к отходу.
Телом одряхлел, ослабли силы.
Говорил – "Конец идет. Я духом
Только что родился. Телом – мертв".
Начал прятаться от богомольцев,
Издали и молча осеняя
Знаменьем собравшийся народ.
В Новый Год был чрезвычайно весел,
Обошел во храме все иконы,
Всем поставил свечи, приложился,
С братией простился, ликовался,
Трижды подходил к своей могиле,

В землю все смотрел, как бы ликуя.
После же всю ночь молился в келье:
Пел пасхальные веселые каноны:
— "Пасха Велия! Священнейшая Пасха!"
Духом возносясь домой — на небо.
И взнесенный дух не воротился в тело.
Умер, как стоял — коленопреклоненный.
Только огнь, плененный смертной плотью,
Из темницы вырвавшись, пожаром
Книги опалил и стены кельи.
Но земли любимой не покинул
Серафим убогий после смерти.
Раз зимой, во время снежной вьюги,
Заплутал в лесных тропах крестьянин.
Стал молиться жарко Серафиму.
А навстречу старичок согбенный,
Седенький, в лаптях, в руке топорик.
Под уздцы коня загреб и вывел
Сквозь метель к Дивеевским заборам.
— "Кто ты, дедушка?" — спросил крестьянин.
— "Тутошний я... тутошний..." — и сгинул.
А зайдя к вечерне помолиться,
Он узнал в часовне на иконе
Давешнего старичка, и понял,
Кто его из снежной вьюги вывел.
Все, с чем жил, к чему ни прикасался:
Вещи, книги, сручья и одежды,
И земля, где он ступал, и воды
Из земли текущие, и воздух —
Было все пронизано любовью
Серафимовой до самых недр.
Все осталось родником целящей,
Очищающей и чудотворной силы.
— "Тутошний я... тутошний..." Из вьюги,
Из лесов, из родников, из ветра
Шепчет старческий любовный голос.
Серафим и мертвый не покинул

Этих мест, проплавленных молитвой,
И, великое имея дерзновенье
Перед Господом, заступником остался
За святую Русь, за грешную Россию.

12–30 декабря 1919

III. ПОСЛАНИЯ

Алекс. Мих. Петровой
(на книге)

Тысячелетнего сердца семь раз воскресшей Ардавды
Вещий глухой перебой, вещая, слушаешь ты!

6. III. 1910
Феодосия.

Богаевскому
(на книге)

Киммериан печальная страна
Тебя в стенах Ардавды возрастила.
Ее тоской навеки сожжена
Твоя душа в горах ее грустила
Лучами звезд и ветром крещена.

7. III. 1910
Феодосия.

Сергею Маковскому

В городе шумном построил ты храм Аполлону Ликею,
Я ж в Киммерии алтарь Горомедону воздвиг.

7. III. 1910
Феодосия.

Марине Цветаевой

К Вам душа так радостно влекома!
О, какая дышит благодать
От страниц "Вечернего альбома"!
(Почему "альбом", а не "тетрадь"?)
Почему скрывает чепчик черный
Чистый лоб, а на глазах очки?

Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы? Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня – невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живем для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)

Ваша книга странно взволновала –
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню все: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было все... так много!
Как давно я перешел порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость все сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга – это весть "оттуда",
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: "Чудо – есть!"

9 декабря 1910

Милая Вайолет, где ты?
Грустны и пусты холмы.
Песни, что ветром напеты,
Вместе здесь слушали мы.
Каждая рытвина в поле,
Каждый сухой ручеек
Помнят глубоко, до боли,
Поступь отчетливых ног.
Помнят, как ты убегала
В горы с альпийским мешком,
С каждою птицей болтала
Птичьим ее языком.
Помнят, как осенью поздней
Жгли на горах мы костры...
Дни были чутко-остры,
Ночь становилась морозней.

Приблиз., август 1912

МАЙЕ

Когда февраль чернит бугор
И талый снег синеет в балке,
У нас в Крыму по склонам гор
Цветут весенние фиалки.

Они чудесно проросли
Меж влажных камней в снежных лапах,
И смешан с запахом земли
Стеблей зеленых тонкий запах.
И ваших писем лепестки
Так нежны, тонки и легки,
Так чем-то вещим сердцу жалки,
Как будто бьется в них, дыша,
Темно-лиловая душа
Февральской маленькой фиалки.

28 января 1913

Лиле Эфрон

Полет ее собачьих глаз,
Огромных, грустных и прекрасных,
И сила токов несогласных
Двух близких и враждебных рас,
И звонкий смех, неудержимо
Вскипающий, как сноп огней,
Неволит всех, спешащих мимо,
Шаги замедлить перед ней.
Тяжелый стан бескрылой птицы
Ее гнетет, но властный рот,
Но шеи гордый поворот,
Но глаз крылатые ресницы,
Но осмугленный стройный лоб,
Но музыкальность скорбных линий
Прекрасны. Ей родиться шло б
Цыганкой или герцогиней.
Все платья кажутся на ней
Одеждой нищенской и сирой,
А рубище ее порфирой
Спадает с царственных плечей.

Все в ней свободно, своенравно,
Обиды, смех и гнев всерьез,
Обман, сплетенный слишком явно,
Хвосты нечесаных волос,
Величие и обормотство,
И мстительность, и доброта...
Но несказанна красота
И нет в моем портрете сходства.

29 января 1913

ТАТИДЕ

(надпись на портрете)

Безумной, маленькой и смелой
В ваш мир с луны упала я,
Чтоб мчаться кошкой угорелой
По коридорам бытия.

1918

Л.П. Гроссману

В слепые дни затменья всех надежд,
Когда ревели грозные буруны
И были ярым пламенем Коммуны
Расплавлены Москва и Будапешт,

В толпе убийц, безумцев и невежд,
Где рыскал кат и рыкали тиуны,
Ты обновил кифары строгой струны
И складки белых жреческих одежд.

Душой бродя у вод столицы Невской,
Где Пушкин жил, где бредил Достоевский,
А ныне лишь стреляют и галдят,

Ты раздвигал забытые завесы
И пел в сонетах млечный блеск Плеяд
На стогнах голодающей Одессы.

12 сентября 1919

М.С. Волошиной

Весь жемчужный окоем
Облаков, воды и света
Ясновиденьем поэта
Я прочел в лице твоем.

Все земное – отраженье,
Отсвет веры, блеск мечты...
Лика милого черты –
Всех миров преображенье.

16 июня 1928
Коктебель

Вс. И. Попову

Лишь тот, кто ведает рукопожатье смерти,
Имеет власть пленять и нежным быть, как ты.

1929

О.Ф. Головиной
(надпись на портрете)

Каждый год мы видим те же сны,
И в июле по пескам залива
Ты меж нас проходишь молчаливо,
Как виденье знойной тишины.

24 июля 1929

IV. СТИХИ И НЕОКОНЧЕННЫЕ ПОЭМЫ О РОССИИ И РЕВОЛЮЦИИ

К ГЕРЦЕНУ

Слава великим гробам!
Буря надвинулась снова...
Но недоступна рабам
Тайна свободного слова.

Раб обнажил уже меч...
Рушится старое зданье...
Мы же скуем ему речь
В огненном горне познанья.

12 мая 1902
Париж

Казнимый может при известных условиях остаться живым...

П. Минаков

Лежать в тюрьме лицом в пыли
Кровавой тушей теплой, сильной...
Не казнь страшна, не возглас "пли!",
Не ощущенье петли мыльной,

Нельзя отшедших в злую тень
Ни потревожить, ни обидеть.
Но быть казнимым каждый день!
И снова жить, и снова видеть...

1905

НАБАТ (НА БАШНЕ)

Зовет... гудит... Иду! Иду!
Теперь... сейчас... во сне, в бреду...
Как гулко бьется сердце башни —
Опалено, потрясено...

А сквозь стрельчатое окно
Синеет даль, желтеют пашни…
Перебивая, торопясь,
Как змеи тонкие виясь
И завиваясь в складках знамени –
Удар за ударом
Гудящим пожаром,
Клубами ревущего пламени,
Гудя, вырастая,
К земле припадая,
Неся миллионы бичей
Спокойствию будней,
Летят над затишьем янтарных полудней
Торжественно-мирных полей.
Удар за ударом бичует и хлещет,
И жжет мою душу, и мечется в ней,
И башня собора гудит и трепещет
До самых гранитных корней.
И сердце, сожженное жгучим приливом,
Сжимая руками, слепой, как в бреду,
За огненным кличем, за Божьим призывом –
        Иду!!

[1906]

КОРОЛЬ

Царь-жертва! Ведаю и внемлю:
Властные безвластны и провидец слеп…
Здесь, во дворце, собой душившем землю,
В тесных залах, гулких, точно склеп,
Вырос царь.
Бродит он, бессильный и понурый,
За стеной скрипит людской усталый ворот –
Хмурый город,

Мутный, красный, бурый.
Бред камней. Слои кирпичных стен,
Как куски обветренного мяса.
Сеть каналов — влага синих вен,
Впалых окон мертвая гримаса.
Над уступом крыш и толпы   труб
[Над толпой кривляющихся труб]
Едких дымов черные знамена.
Грузно давит этот город-труп
Мутной желчью полог небосклона.
Город грезит древнею бедой;
Лютость волчью, чудится, таит он.
Каждый камень липкой мостовой
Человечьей кровию напитан.
[Камень этот] чует злую весть,
Стоки жаждут   крови новой.
В тесных щелях затаилась месть,
Залегла во тьме многовековой.
И дворец всей тяжестью своей
Давит их — и бурый город-змей
Сжался весь, как душный злобой аспид,
И тяжел его тягучий взгляд.
Бледный царь своей [страной] сораспят
И клеймен величием стигмат.

1906

Нет в мире прекрасней свободы,
Чем в наручнях. Вольной мечте
Не страшны темничные своды.
Лишь в узах, в огне, на кресте
Плененных архангелов крылья
Сверкают во всей красоте.
Свобода — в стесненном усильи,
В плененном полете комет
И в гордом молчаньи бессилья:

Смиренья не будет и нет.
Мгновенно из камня и стали
Рождается молнийный свет.
Лишь узнику ведомы дали...

10 февраля 1915

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Земля наша велика и обильна. А порядка в ней нет и не было.
Третий год войны. Десять миллионов мобилизованных.
Нет ни снарядов, ни ружей: а пушечного мяса сколько угодно.
Через день сменяют министров. [Убили]
Спустили под лед Гришку Распутина.
Ждут ответственного министерства или дворцовых переворотов.
В феврале началось. Думали – Революция – ан солдатский бунт.
Убивали городовых, гордились "бескровной революцией".
В три месяца покончили с царем и самодержавием.
(Чтобы ликвидировать империю, понадобится семь месяцев).

*

Первое марта. [День] [отре]чения от престола [царя]. Конец Дома Романовых.
(Москва. Салтыковский переулок. Егор Егорович Егоров)
Старик с детскими голубыми глазами; с зеленой бородавкой. Сапоги бутылками. [Рубаха] навыпуск.
Водит по беспоповской молельне, хвастается старыми иконами:
"Вот новгородские... строгановского письма, московского,
Ну а эти не стоит – новенькие: времен Алексея Михайловича".

*

На Красной площади – парад: торжество Революции.
Народу видимо-невидимо: в красных бантах, с красными знаменами.

На плакатах надписи: "Без аннексий и контрибуций!"
А по паперти, у Спасских ворот и у Лобного места:
Поют перехожие слепцы голосами старинными
Стихи об Алексее Человеке Божьем да о Голубиной книге:
Заунывное пение – дивное, благостынное и пустынное.
И куда-то провалились и парад, и плакат, и ораторы.
Остались только старые стены кремлевские,
Собор Покрова, Лобное место, да по всей по Красной по площади
Над черной московской толпой проступила алыми пятнами
Жаркая кровь кумачей. Это кровь всея Руси,
Здесь пролитая, выступила из-под старых камней
И кличет свежую кровь. Горе Московской земле:
Кровавой и долгой будет Великая Разруха.

*

Царское Село. Царь в Могилеве. Царица с больными детьми.
Приехал Корнилов от Временного Правительства с приказом о
домашнем аресте.
Злится, волнуется, бумага дрожит в руках: она отвечает спо-
койно:
"Я рада, что с этим приказом посланы *Вы*, генерал.
Ибо *Вы* знаете лучше других, что значит лишение свободы".
[?], царственность, жест – совсем Мария-Антуанетта.
В тот же день беседа с глазу на глаз: – "Уезжайте
Вместе с детьми в Швецию". – "Граф, *Вы* сами ненормальны,
О чем Вы просите... Разве я могу оставить Россию?"
(Жест в окно на зимний пейзаж царскосельского парка)
"Это значит терять свою родину. Я ее раз потеряла.
Этого нельзя пережить дважды в жизни".
Сложная тайна души несчастной Алисы Гессенской:
Последней русской царицы. Из лютеранской семьи –
Страстно религиозная и честная. Принятие православия
Было надрывом, но принявши – поверила.
Душа стосковалась в голых стенах протестантского храма.
Поверила и в святых, и в мощи, в калик, в богоделок, в юроди-
вых –

И весь древнерусский торжественный чин православный,
Как не верил никто со времен царицы Марии Ильиничны.
Двор был в ссоре с дворянством. Ненавидел интеллект.
"Мы с народом. И народ нас понимает".

*

В ЧК. Палач джентельмен. Очень вежливый.
Родом латыш. Слегка заикается.
Все делает собственноручно без помощников.
Если пациент протестует и начинает разговаривать,
Он отвечает: "Простите, товарищ, мне некогда.
Будьте добры, разденьтесь и лягте.
Я вас сперва разменяю, а потом вы будете разговаривать".

*

На площадке, где расстреливают, висит объявление
От здравотдела: "Не целуйте детей:
Поцелуи – первоисточник заразы".

*

Иногда напивался и говорил сестре милосердия:
– "Ох, лезут, лезут, сестрица, лезут из-под земли".

*

Очень аккуратен, корректен и тверд в убеждениях.
"Судья не имеет права затруднить других исполнением приговора".
Сам обходит лежащих носом в землю, со связанными на спине руками,
И каждому аккуратно пускает пулю в затылок.

*

Пытать не пытают, но делают все приготовления для казни:
Дадут полежать. Потом скажут: "Ну, одевайтесь,
Расстрел отложен на завтра. А пока вас нужно еще допросить".

*

"Вошь есть главный враг Советской Республики".

*

На станции стоит сгоревший санитарный поезд,
Черные скелеты корчатся в обугленных клетках,
А около поезда гуляют мещане в ярких ситцах,
Лузгают семечки и говорят о ценах на хлеб.

*

"При взятии Перекопа погибло полтораста тысяч...
И все это темные крестьяне, совершенно бессознательный
элемент:
Они даже не знали, за какое великое дело гибнут...
Какое геройство, товарищи! Какое служение Интернационалу".

*

Калмыки поднялись и побежали на юг целым племенем.
Голодали, сося кукурузные охвостья и ремни от седел.
Сами топили жен, лошадей и детей в Черном море,
Погрузились на транспорт и были добиты в Крыму.

*

Командарм, путешествуя в спальном вагоне, говорит литератору:
– "Я занят идеей об освобождении земли... от законов всемирного тяготения.
Мы обратим ее в междупланетный корабль. Но ране выправим
ось.

Полюса переведем на экватор. На полюсе создадим социальную республику".

*

"Я, товарищ, моей супруге сшил туалетов на много лет.
Нельзя же ей будет так показаться, когда революция кончится:
Мы ведь теперь новую буржуазию образовываем".

*

Откройте, товарищи, – Прифронтовая Чрезвычайная Комиссия!
Разве вам неизвестно, что по случаю осадного положения
Евпаторийским Советом Солдатских и Рабочих депутатов
Воспрещается спать с бабами. А ежели у вас в постели
Я нахожу барышню, значит вы – контрреволюционер.

*

На стене висела отчаянная прокламация:
"Товарищи! Спасайте анархию: анархия в опасности".
На следующий день на том же месте другое объявление:
– "Революционные танц-классы для пролетариата со спиртными напитками".

*

Буржуазная семья, сохранившая даже женскую прислугу:
Ночью стук – "Отворите!" – "Кто там?"
– "Главкозап!" (Главнокомандующий западным фронтом).
"Сию минуту. Что вам угодно, товарищ?" – "Что, Дуня дома?"

*

Выстроили по росту. У каждого две винтовки. У пояса алимент [?].
Черное пламя через всю площадь: "Террористы-анархисты".

Вид свирепый и добрый. Спрашиваю у правофлангового:
– "Вы не немцы?" – "Ja, wir sind Freunde!"
– "Теперь анархистам очень хорошо платят!"

*

Бывший адъютант Его Императорского Величества.
Сидел у индусских иогов в каменном мешке два года.
Был приятель с Филиппом, повздорил с Распутиным,
В последний раз воплощался в одиннадцатом веке.
Морфинист. Лечит внушением. Ухаживает за барышнями.

Осень 1921 [?]

ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ
(по Аристову)

1

Владения твои обнимают Европу и Азию,
Ты захватила целую треть земли.
Окна раскрыла ко всем пяти Океанам,
Солнце в твоей не заходит стране никогда.

2

Ты возглавляешь в Европе собою славянство,
В Азии расы Турана ведешь за узду,
Совесть и сердце воссоединенной Евразии,
Новому миру несешь правду и мир.

3

Сторож Европы от азиатских нашествий,
Азии щит от культурнейших дикарей,

Тысячу лет между молотом и наковальней
Ты вырабатывала своеобычный уклад.

4

Ты вопреки всем невзгодам, разгромам и бедствиям
Миру даешь ежегодно три миллиона рук,
Множится племя твое на равнинных просторах,
Хватит земли на полтора миллиарда людей.

5

Мощный русский язык, полнозвучный и гибкий,
Выковал и углубил многонапевный твой дух.
Пушкин, Толстой, Достоевский – учители мира
Не для тебя ли нашли пронзительнейшие слова?

6

Ты сочетала в себе начала плоти и духа:
И созерцательность Руд [?], и Европейский потир.
Грезу свою предпочла осуществленному царству –
В вечных снегах подожгла неимоверный пожар.

7

Ты не желаешь войны и войны не боишься
В стенах природных границ и морских берегов,
Ты сопрягла своеволье мятежного духа
С единокупностью образующих сил.

8

Сердцем ты веришь в смирение нищего Бога,
Духом объединяя служенье всех вер:

Иконоборствуя и разрушая, ты строишь
Град невидимый, взыскуемый, чаемый град.

9

Царство Христа и царство багряного Зверя
Воссоединяешь в себе. Россия и Русь!
В мире останешься ты воплощеньем Славы и Слова,
Славия, греза былых — явь наступающих дней!

1922

(Написано для Аристова
по его прозаической
программе).

РЕВОЛЮЦИЯ

Она мне грезилась в фригийском колпаке,
С багровым знаменем, пылающим в руке,
Среди взметенных толп, поющих Марсельезу,
Иль потрясающей на гребне баррикад
Косматым факелом под воющий набат,
Зовущей к пороху, свободе и железу.
В те дни я был влюблен в стеклянный отсвет глаз,
Вперенных в зарево кровавых окоемов.
В зарницы гневные, в раскаты дальних громов
И в жест трагический, и в хмель красивых фраз.
Тогда мне нравились подмостки гильотины
И вызов, брошенный гогочущей толпе,
И падающие с вершины исполины,
И карлик бронзовый на завитом столпе.

1924

РУСЬ
(Фрагменты)

Корни из Азии, сердце в России,
Дух мой в закатах западных солнц...

*

Грязный и бледный, всегда исступленный,
Юный, преступный, святой народ.

*

Все мы кочевники и бегуны,
Мы лишены и почвы и корней
Преемственности, родины и рода.
Колючий ветр – морозный и сухой –
Гоняет нас по северным равнинам.

*

Мы все родились с вывихом сознанья:
Мы кинуты под жернова машин:
А наше "Я" в глухих просторах дремлет.
Наш дух разорван между "завтра" мира
И неизжитым предками "вчера".
Одни из нас шаманят новый день
За полночью дряхлеющей Европы,
Другие же не вышли до сих пор
Из века мамонта, из ледниковой стужи,
Звериных шкур, кремневых топоров.

*

Безмерная волнистая равнина –
Земное дно – Россия и Сибирь!

Здесь дух течет, как облачное небо,
Клубясь над первозданною землей,
Чуть брезжущей из мглы тысячелетий.

*

Под панцирем тысячелетних льдов,
Перетиравших сырты и увалы,
Взрывали русла Волга, Обь и Лена –
Людской орды грядущие пути.
В глухих лесах – стоянки звероловов,
На топях рек – остатки городищ.

*

На Индию и на Мадагаскар

*

Кто скажет нам, кто были эти скифы –
Оратаи по Истру [?] И Днестру?
И прорусел на киевских нагорьях –
Из скифской ночи первый русский день...

*

В глуши болот и [по] теченьям рек
Имен и рас смешенье и бродило...
И на могильниках великой Скифии
Сплавляется в Москву Великорусь.

*

На западе – язык, обычай, право
Сложились разно в каждой из долин,
А мы – орда: у нас одна равнина,
На сотни верст – единый океан,

Да вековые синие дороги
Извилистых, неторопливых рек.
У нас в крови еще бурлят кочевья,
Мы странники, бродяги, бегуны,
И нет у нас ни родины, ни рода,
Преемственности дома, ни корней.

*

Степной простор исчерченный тропами,
Петлями рек и звездами путей,
И шляхами торговых караванов.
Речные волоки, ведущие к Царьграду,
Индийский путь чрез Крит и чрез Босфор,
Лесные вотские и пермские дороги,
На Монгозею, Персию, Китай...
И весь размах: Хвалынь и Колывань.

*

И завязи торговых городов
Обнесены дубовым частоколом.
На тех же волоках и на колесах,
На тех же луках рек и тех же бродин
Из века в век вне смены царств и рая [?]
Путь янтаря – от Балтики на Греки.
Путь бирюзы – из Индии на Дон,
Меха и мед, смола и хлеб, и козни
И нес верблюд   шелки и камни
Из недра Азии на Дон и на Кубань.

*

Китайский плуг кусал луга манчжуров,
А римский меч – германские леса.

*

Все та же рознь – невнятная земля,
Живущая обычаем звериным,
А на распутьях те же города –
Извечный склад товаров и культуры,
Становье воинов, правителей, гостей...

*

Под панцирем тысячелетних льдов
Перетиравших сырты и увалы,
Моловших лесс, пески и валуны,
Взрывали дно чудовищное Оби,
Монгольских орд грядущие пути.

Декабрь – 10–18
1925

Земной простор, изрезанный стезями,
Петлями рек и свертками дорог,
И шляхами торговых караванов,
И плешами лодейных волоков.

Путь янтаря – от Балтики на Греки,
Путь бирюзы – из Персии на Дон,
Нефритов путь – на Турок из Сиама,
Путь жемчугов – из Индии в Москву.

Лесные вятской и пермской дороги
За камень в Монгозию и Китай,
Где шли гужом чеканы Сасанидов
И золотые слитки, и меха.

1925

История утаена в курганах,
Записана в зазубринах мечей,
Шифрована в чеканных узорочьях,
Рассказана забытыми костьми.

1925

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенетах паучьих,
Надругаться, высосать их.

Драконоборец Егорий,
Всю ты жизнь провел на посту –
В уединении лабораторий
И в сраженьях лицом к лицу.

1931

V. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В комнате скучно…
Падает,
Падает снег за окном…
тихо… беззвучно…
Не радует
Время ни грезой, ни сном.

Осени мглистой
рыдания
Снег оковал и занес
шубой пушистой…
Молчание…
Нет ни порывов, ни слез…

Сходятся мысли
свинцовые.
С сумраком слилась печаль.
Тени повисли
лиловые.
Белая, белая даль…

[1903]

Дрожало море вечной дрожью.
Из тьмы пришедший синий вал
Победной пеной потрясал,
Ложась к гранитному подножью.
Звенели звезды, пели сны…
Мой дух прозрел под шум волны.

1904 (?)

Город умственных похмелий,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий
Между глыбами домов.

Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских.

В мир глядим с высоких гор мы,
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь родятся формы
Под концом карандаша.

Со сверкающей палитры
Льется огненный поток.
Солнце больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.

Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами.
Серый город я затку
Разноцветными лучами.

По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я,
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.

Как большие пауки
Ветви тянутся из мрака,
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.

Париж, [1906]

Я – понимание. Поэты, пойте песни
В безгласной пустоте.
Лишь в раковине уха различимы...
Я – ухо мира, и во мне гудит
Таинственное эхо мирозданья.
Лишь в зеркале очей моих живут
Скользящие обличия вселенной.
Мое сознанье – нитка, на которой
Нанизаны мгновенья: оборвется –
Жемчужины рассыплются...
И ожерелью времени – конец!
Мое мгновенье – вечность.
Смертью утверждаю
Бессмертье сна, распятого в веществе.

1907

К древним тайнам мертвой Атлантиды
Припадает сонная мечта,
Смутно чуя тонкие флюиды
В белых складках чистого листа.
Но замкнуто видящее око
Лобной костью, как могильный склеп.
Не прочесть мне волящего рока –
Я оглох сознаньем, светом я ослеп.

1907

Пришла изночница: в постель
Она со мной легла.
И мыслей сонную метель
Качает мгла.

Придет волна, отхлынет прочь,
Опять плеснет в лицо,
И пред зарею птица-ночь
Снесет яйцо...

1908

Светло-зеленое море с синими полосами,
Тонко усеяно небо лепестками розовых раковин,
Плачут стеклянные волны ясными голосами,
Веет серебряный ветер и играет звонкими травами.

1908

Дубы нерослые подъемлют облик крон.
Таятся в толще скал теснины, ниши, гроты.
И дождь, и ветр, и зной следы своей работы
На камни врезали. Источен горный склон,
Расцвечен лишаем и мохом обрамлен,
И стены высятся, как древние киоты;
И чернь, и киноварь, и пятна позолоты,
И лики стертые неведомых икон...

1909

О да, мне душно в твоих сетях
И тесен круг
И ты везде на моих путях —
И враг, и друг.

Вкусили корня земной мечты
        Единых недр,
Но я не стану таким, как ты —
        Жесток и щедр.
В ковчеге слова я скрыл огонь,
        И он горит,
Мне ведом топот ночных погонь,
        Крик Эвменид.

1909

Я не пойду в Твой мир гонцом,
Но расстелюсь кадильным дымом —
В пустыне пред Твоим лицом
Пребуду в блеске нестерпимом.
Я подавил свой подлый крик,
Но я комок огня и праха.
Так отврати Свой гневный Лик,
Чтоб мне не умереть от страха...
Сиянье пурпурных порфир
Раскинь над славе предстоящим...
... И кто-то в солнце заходящем
Благословляет темный мир.

Январь 1910

[*В знойный полдень был мне глас*]

В полдень был в пустыне глас:
        "В этот час
Встань, иди и все забудь...
        Жгуч твой путь",

Кто-то светел и велик,
Встал на миг.
В полдень я подслушал сны
Тишины.
Вестник огненных вестей,
Без путей
Прочь ушел я от жилищ
Наг и нищ.
И среди земных равнин
Я один.
Нет дорог и граней нет –
Всюду свет.
Нету в жизни ничего
Моего,
Розлил в мире я, любя,
Сам себя.
Все, что умерло в огне, –
Часть меня.
Толща скал и влага вод –
Все живет.
В каждой капле бытия –
Всюду я.
Влажный шар летит, блестя –
Бог – дитя.
Пламя радостной игры –
Все миры.

9 апреля, 1910

На пол пала лунная тень от рамы,
Горько в теплом воздухе пахнут травы,
Стены низкой комнаты в тусклом свете
Смутны и белы.

Я одежды сбросила, я нагая
Встала с ложа узкого в светлом круге,
В тишине свершаются этой ночью
Лунные тайны.

1910

Как ночь души тиха, как жизни сон ненастен.
Терновый нимб на каждой голове.
Я смертью, как резцом, изваян в веществе,
И сном души истоку снов причастен.

1910

Возьми весло, ладью отчаль,
И пусть в ладье вас будет двое.
Ах, безысходность и печаль
Сопровождает все земное.

1911

Ты из камня вызвал мой лик,
Ты огнь вдохнул в него Божий,
Мой двойник –
Он мне чужд, иной и похожий.
Вот стоит он, ясен и строг,
И его безликость страшна мне:
Некий бог
В довременном выявлен камне.

1911

Нагота тела, как скользящая ткань,
Опрозрачила движенья ее души.
Вот несется она в танце,
Вскидывая перекрещенные стебли рук
С зацветающими пальцами,
Высоко подымая колена,
А голова ее бессильно закинута на плечо,
И ее улыбка – улыбка мертвой девушки,
Познавшей сладостное объятье Смерти.
В этой улыбке – древнее лицо человеческого тела.

Начало 1911

И были брови как стрелы сдвинуты,
Взгляд стеклянел, чернели губы,
Рот приоткрылся, зубы
Сверкали мертвым блеском. Руки
Изгибались, угрожая,
Как головы рогатых змей,
С шипеньем вырастая.
Она была то быстрым арабеском,
То тонким слепком греческих камей.

1911

Так странно свободно и просто
Мне выявлен смысл бытия,
И скрытое в семени "Я",
И тайна цветенья и роста.

В растеньи и в камне – везде,
В горах, в облаках над горами
И в звере, и в синей звезде
Я слышу поющее пламя.

Август 1912

Я люблю тебя, тело мое –
Оттиск четкий и верный
Всего, что было в веках.
Не я ли
В долгих планетных кругах
Создал тебя?
Ты летопись мира,
Таинственный свиток,
Иероглиф мирозданья,
Запись погибших вселенных.
Ты мое знамя,
Ты то, что я спас
Среди мировой гибели
От безвозвратного небытия.
В день Суда
Я подыму тебя из могилы
И поставлю
Пред ликом Господним:
Суди, что я сделал.

1912, 18. VIII

Шоссе... Индийский телеграф,
Екатерининские версты,
И разноцветны, разношерстны
Поля осенних бурых трав.

Взметая едкой пыли виры,
Летит тяжелый автобус,
Внутри трясутся пассажиры.
От сочетанья разных тряск
Спиною бьешься о пол, о кол,
И осей визг, железа лязг,
И треск, и блеск, и дребезг стекол.
Летим в огне и облаках,
Влекомы силой сатанинской,
И на опаснейших местах
Смятенных обормотов страх
Смиряет добрый Рагозинский.

1912

Сидела царевна,
Подпершись рукой.
Свирелил напевно
Пастух за рекой.
Унылое пенье
Прерви, о пастух,
Она в сновиденьи
Тревожит мой слух –
И вечер потух,
И вечер потух.
Царевна грустила
На башне одна
И ветер уныло
Рыдал у окна.
О, пой же мне песни,
Далекий пастух,
Без песни безвестней
Томится мой дух:
Свет солнца потух,
Свет солнца потух...

И снова напевно
Рыдает свирель
И ходит царевна,
Свивая кудель,
Томится и плачет
И молится вслух:
"О, Боже! Маячит
Во мраке мой дух:
Свет солнца потух,
Свет солнца потух".

1912

И нет в мирах страшнее доли
Того, кто выпил боль до дна,
Кто предпочел причастье соли
Причастью хлеба и вина.
Ужаленного едким словом
Меня сомненья увели
Вдоль по полям солончаковым,
По едким выпотам земли.

1912

Я соль земли. В горючей соли
Вся мудрость горькая земли,
Кристаллы зла и темной боли
В ней белым снегом процвели.
Сквозь воскресенье, сквозь могилу
Я пронесу святую боль.
Ведь если соль утратит силу
Кто сделает соленой соль?

1912

Бойцам любви – почетна рана
На поле страсти, в битве битв.
Охотница! Ты вышла рано
В опаснейшую из ловитв.
Ты в даль времен глядела прямо,
Так непокорно, так упрямо
Качая юной головой.
К перу склоняя русый локон,
Ты каждый проходящий миг
Вплетала тайно в свой дневник,
Как нити в шелковичный кокон.

1914

Снова
Мы встретились в безлюдьи. И как прежде,
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчанье говорит во мне:
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоем
Преображались
В ответы...
Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты –
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаянье молчаньем просветлялось.

Тебя встречал я ночью, или
На закате… и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

9. VIII. 1914

Верь в безграничную мудрость Мою:
Заповедь людям двойную даю.
Сын Благодати и пасынок нив!
Будь благодарен и будь справедлив!
Мера за меру. Добро за добро.
Честно сочти и верни серебро.
Да не бунтует мятежная кровь.
Равной любовью плати за любовь.
Два полюбивших да станут одно.
Да не расплещут святое вино!

1915

СЕРЕНЬКИЙ ДЕНЕК

И.Г. Эренбургу

Грязную тучу тошнило над городом,
Шмыгали ноги. Чмокали шины.
Шоферы ругались, переезжая прохожих.
Сгнивший покойник с соседнего кладбища

Во фраке, с облезшими пальцами,
Отнял у девочки куклу. Плакала девочка.
Святая привратница отхожего места
Варила для ангелов суп из старых газет:
  – Цып, цып, цып, херувимчики...
   цып, цып, цып, серафимчики...
   Брысь ты, архангел проклятый,
   Ишь отдавил серафиму
   Хвостик копытищем...
А на запасных путях
Старый глухой паровоз
Кормил жаркой чугунной грудью
Младенца – Бога.
В яслях лежала блудница и плакала.
А тощий скелет на сносях,
Волосатый, небритый и смрадный,
В райской гостиной, где пахло
Духами и дамской плотью,
Ругался черными словами,
Сражаясь из последних сил
С голой Валлотоновой бабой
И со скорпионами,
Ухватившими серебряной лапкой сахар.
Нос в монокле, писавший стихи,
Был сораспят аскету,
И пах сочувственно
Пачулями и собственным полом.
Медведь в телесном трико кувыркался.
Райские барышни
Пили чай и были расстроены.
А за зеркальным окном
Сгнивший покойник во фраке,
Блудница из яслей,
Бог паровозный
И Божья Матерь,
Грустно мешая ногами навозную жижу,
Шли на запад

К желтой сусальной звезде,
Плясавшей на небе.

10. XII. 1915

И, погасив огонь текучий
Горящих свастик и ракет
И рифм зарничный пересвет –
Затеплит в тишине поэт
Лампады внутренних созвучий.

1915

Не отвергайся духа злого,
Люби, живи, преображай,
Не убивай в себе живого
И мертвого не забывай.

1918

Светоч косматый в вечернем тумане,
В мутном прибое расплесканный луч,
К солнцу из пены простертые длани,
Пламенных грамот закатный сургуч.

1918

Широки окоемы гор
С полета птицы,
Но еще безбрежней простор
Белой страницы.
Ты дала мне эту тетрадь
В красном сафьяне,
Чтоб отныне в ней собирать
Рифмы и грани.
Каждый поющий мне размер,
Каждое слово –
Отголоски глухих пещер
Мира земного, –
Вязи созвучий и рифм моих –
Я в ней раскрою
И будет мой каждый стих
Связан с тобою.

14 марта 1919
Одесса

КИММЕРИЙСКАЯ СИВИЛЛА

С вознесенных престолов моих плоскогорий
Среди мертвых болот и глухих лукоморий
Вся туманом и мглой и тоской повитая
Киммерии печальная область.
Я пасу костяки допотопных чудовищ.
Здесь базальты хранят ореолы и нимбы
Отверделых сияний и оттиски слав,
Шестикрылья распятых в сказах херувимов
И драконов, затянутых илом, хребты.

Сентябрь 1919

С тех пор как в пламени косматом и багровом
Столетья нового четырнадцатый лев
Взошел рыкающий и кинулся на землю
И солнце налилось багровой дымной кровью
И все народы мира, охваченные страстью,
Сплелись в объятии смертельном и любовном,
Мир сдвинулся и разум утратил равновесье,
Мой дух был опрокинут в кромешной тьме
И так висящий в беспредельном мраке
Я сам внутри себя, лишенный указаний,
И не зная в темноте, где верх, где низ,
Я как слепец с простертыми руками
И ощупью найти опору в самом себе
Хочу.

12 сентября 1919

Мир знает не одно, а два грехопаденья:
Грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасен Голгофой. Сатана же
Спасенья ждет во тьме. И Сатана спасется:

То, что для человека совершил Христос,
То каждый человек свершит для дьявола.
В мире дело идет не о спасеньи человека,
А о спасеньи дьявола. Любите. Верьте.

Любите Дьявола. Одной любовью
Спасется мир. А этот мир есть плоть
Страдающего Сатаны. Христос
Распят на теле Сатаны. Крест – Сатана.

Воистину вам говорю: покамест
Последняя частица вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний,
"Я" человека не сойдет с креста.

Зло — вещество. Любовь — огонь. Любовь
Сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.
Грех страждет [?] потому, что в нем огонь любви.
Где нет греха — там торжествует Дьявол.

И голод, и ненависть — не отрицанье,
А первая ступень любви.
Тех, кто хочет спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горит огнем и холодом,
Тех изблюю из уст моих!

13 сентября 1919

СОН

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век,
Как время,
Против которого я выгребаю днем,
Уносит по теченью,
И, увлекаемый плавной водовертью,
В своем страстном и звездном теле,
Я облаком вьюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озаренных солнцем,
Отданный во власть
Противовесам всех дневных явлений —
И чувствую, как над затылком
Распахиваются провалы.
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и черный змей
Плавает в озерах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.

А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездия
Гудят в Зверином круге.
А после наступает
Беспамятство
И насыщенье:
Душа сосет от млечной, звездной влаги...
Потом отлив ночного Океана
Вновь твердый обнажает день:
Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни — сгущенной пустотой...
А в обликах вещей — намеки,
Утратившие смысл.
Реальности еще двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся
И с беспощадной
Наглядностью
Вновь обступают жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон и дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений,
И где сквозняк событий
Сбивает с ног,
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумья.

12 ноября 1919
Коктебель

Был покойник во гробе трехдневен,
И от ран почерневшее тело
Зацветало червьми и смердело.
Правил Дьявол вселенский молебен.
На земле стало душно, что в скрыне:
Искажалися ужасом лица,
Цепенели, взвивались зарницы,
Вопияли камни в пустыне.

Распахнувшаяся утроба
Измывалась над плотью Господней...
Дай коснуться дна преисподней,
Встать, как Лазарь, с тобою из гроба!

27. X. 1921
Феодосия

Папирус сдержанный, торжественный пергамент
И строго деловой кирпич,
Сухой и ясный пламень
И властный медный клич.

И щедрая ритмическая память
Рапсодов и певцов –
Полезный Ремингтон, болтливая бумага,
Распутная печать –
Из сонма всех бесов, рожденный в Вавилоне.

Конец 1922 г.

АНГЕЛ СМЕРТИ

В человечьем лике Азраил
По Иерусалиму проходил,
Где сидел во славе Соломон.

И один из окружавших трон:
"Кто сей юноша?" – царя спросил.
– Это Ангел Смерти – Азраил. –
И взмолился человек: "Вели,
Чтобы в Индию меня перенесли
Духи. Ибо не случайно он
Поглядел в глаза мне". Соломон
Приказал, и было так. – "Ему
Заглянул в глаза я потому, –
Азраил сказал, – что шел за ним
В Индию, а не Иерусалим".

25 ноября 1923
Коктебель

СОЛОМОН

Весенних токов хмель, и цвет, и ярь,
Холмы, сады и виноград, как рама,
Со смуглой Суламифью юный царь.
Свистит пила, встают устои храма.

И властный дух строителя Хирама
Возводит Ягве каменный алтарь,
Но жизнь течет, на сердце желчь и гарь.
На властном пальце – перстень: гектограмма.

Офир и Пунт в сетях его игры,
Царица Савская несет дары,
Лукавый Джин и бес ему покорны.

Он – царь, он – маг, он – зодчий, он – поэт...
Но достиженья жизни иллюзорны.
Нет радости: "Все суета сует!"

1924

ЭДГАР ПО И ДОСТОЕВСКИЙ

7 окт. 1849 г. – 22 дек. 1849 г.

На одной из улиц Балтиморы
В эти дни был найден без сознанья
Джентльмен в запачканной одежде.

"... Я раздавлен сводами небес...
Пишет Бог на лбу у каждой твари
Явственно последний приговор.
Принимают Демоны обличья.
Но они еще заключены
В закипающих водоворотах
Черного отчаянья. Убийца
Самого себя, я вижу пристань
По ту сторону разъятой бездны.
Дайте мне ладью спастись... Корабль
Из огня и океан из меди...
Стихло все... Нет больше берегов..."

1924

Как магма незастывшего светила
Ломает суши хрупкую кору
И гибнет материк, подобный утлой лодке, –
Так под напором раскаленных масс,
Зажженных гневом, взмытых ураганом,
Пылая, рушатся громады царств
И расседаются материки империй.
Беда тому, кто разнуздает чернь,
Кто возмутит народных бездн глубины.

Мы тонкой скорлупой отделены
От ропщущей и беспокойной хляби,
Ее же дна не мерил человек.
Передвиженья гуннов и монголов,
Кочевья незапамятных времен...

Июнь 1924

Среди верховных ритмов мирозданья
Зиждитель Бог обмолвился землей.
(Но дьявол поперхнулся человеком).
Для лжи необходима гениальность.
Но человек бездарен. И напрасно
Его старался дьявол просветить.
В фантазии и творчестве он дальше
Простой подмены фактов не пошел.
(Так школьник лжет учителю.) Но в мире
Исчерпаны все сочетанья. Он
Угадывает в мире комбинаций
Лишь ту, которой раньше не встречал.

18 января 1926
Коктебель

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КОРНЕЮ ЧУКОВСКОМУ
(в альбом "Чукоккала")

Вышел незванным, пришел непрошенным,
Мир прохожу я в бреду и во сне...
О, как приятно быть Максом Волошиным —
Мне!

Лето 1923

Не в желто-буром Коктебеле,
Не на бесстыжем берегу
И радовались и скорбели –
(Я память сердца берегу)
Благоприятнейшая Фрима
И всеобрюченнейший Макс
О том, что непристойность Крыма
Еще не выродилась в загс.

2 мая 1924
Ленинград

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ О КОКТЕБЕЛЕ

УТРО

Чуть свет, Андрей приносит из деревни
Для кофе хлеб. Затем выходит Пра
И варит молоко, ярясь с утра
И с солнцем становясь к полудню гневней.

Все спят еще, а Макс в одежде древней
Стучится в двери и кричит: "Пора!"
Рассказывает сон сестре сестра,
И тухнет самовар, урча напевней.

Марина спит и видит вздор во сне.
А "Dame de Piques" уж на посту в окне,
Меж тем как наверху мудрец чердачный,

Друг Тобика, предчувствием объят,
Встревоженный, решительный и мрачный
Исследует открытый в хлебе яд.

ОБЕД

Горчица, хлеб, солдатская похлебка,
Баран под соусом, биток, салат
И после чай. "Ах, если б шоколад!" –
С куском во рту вздыхает Лиля робко.

Кидают кость: грызет Гайдана Тобка;
Мяучит кот; толкает брата брат...
И Миша с чердака – из рая в ад –
Заглянет в дверь и выскочит, как пробка.

Опять уплыл недоенным дельфин?
Сережа! ты не принял свой фитин.
Сереже лень. Он отвечает: "Поздно".

Идет убогих сладостей дележ.
Все жадно ждут, лишь Максу невтерпеж.
И медлит Пра, на сына глядя грозно.

ПЛАСТИКА

Пра, Лиля, Макс, Сергей и близнецы
Берут урок пластического танца.
На них глядят два хмурых оборванца,
Андрей, Гаврила, Марья и жильцы.

Песок и пыль летят во все концы,
Зарделась Вера пламенем румянца,
И буйвол-Макс, принявший вид испанца,
Стяжал в толпе за грацию венцы.

Сергей скептичен, Пра сурова, Лиля,
Природной скромности не пересиля,
— "Ведь я мила?" — допрашивает всех.

И утомясь показывать примеры,
Теряет Вера шпильки. Общий смех.
Следокопыт же крадет книжку Веры.

ФРАНЦУЗ

Француз — Жулье, но все ж попал впросак.
Чтоб отучить влюбленного француза,
Решилась Лиля на позор союза:
Макс — Лилин муж: поэт, танцор и маг.

Ах! сердца русской не понять никак,
Ведь русский муж — тяжелая обуза.
Не снес Жулье надежд разбитых груза:
— "J'irai périr tout seul à Karadak!"

Все в честь Жулья городят вздор на вздоре,
Макс с Верою в одеждах лезут в море,
Жулье молчит и мрачно крутит ус.

А ночью Лиля будит Веру: — "Вера,
Ведь раз я замужем, он как француз
Еще останется? Для адюльтера?"

ПРА

Я Пра из Прей. Вся жизнь моя есть пря.
Я, неусыпная, слежу за домом.

Оглушена немолкнущим Содомом,
Кормлю стада голодного зверья.

Мечась весь день, и жаря, и варя,
Варюсь сама в котле давно знакомом,
Я Марье раскроила череп ломом
И выгнала жильцов, живущих зря.

Варить борщи и ставить самовары
Мне, тридцать лет носящей шаровары,
И клясть кухарок?! – Нет! Благодарю!

Когда же все пред Прою распростерты,
Откинув гриву, гордо я курю,
Стряхая пепл на рыжие ботфорты.

ТОБИК

Я фокс-терьер по роду, но батар.
Я думаю, во мне есть кровь гасконца.
Я куплен был всего за пол-червонца,
Но кто оценит мой собачий жар.

Всю прелесть битв, всю ярость наших свар
Во тьме ночей, при ярком свете солнца
Видал лишь он, глядящий из оконца,
Мой царь, мой бог – колдун чердачных чар.

Я с ним живу еще не больше году,
Я для него кидаюсь смело в воду,
Он худ, он рыж, он властен, он умен,

Его глаза горят во тьме, как радий.
Я горд, когда испытывает он
На мне эффект своих противоядий.

ГАЙДАН

Я их узнал, гуляя вместе с ними.
Их было много, я же шел с одной.
Она одна спала в пыли со мной,
И я не знал, какое дать ей имя.

Она похожа лохмами своими
На наших женщин. Ночью под луной
Я выл о ней, кусал матрац сенной
И чуял след ее в табачном дыме.

Я не для всех вполне желанный гость,
Один из псов, когда кидают кость,
Залог любви за пищу принимает.

Мне желтый зрак во мраке Богом дан,
Я тот, кто бдит, я тот, кто в полночь лает.
Я черный бес, а имя мне — Гайдан.

ПОДПИСИ ПОД ПОРТРЕТАМИ НА СТЕНАХ КОКТЕБЕЛЬСКОГО КАФЕ "БУБНЫ"

1. Под портретом Волошина в рубахе и с мешком за плечами

Бесстыжий Макс; он враг народа!
Его извергнув, ахнула природа!

2. Под портретом балерины Эльзы Вилль — ко дню ее приезда

Вот балерина Эльза Вилль —
Классический балетный стиль.

3. **Под изображением девицы в тунике**

Многочисленны и разны
Коктебельские соблазны.

4. **К неосуществленному изображению сына хозяина кафе**

Нет милее ухажора,
Чем хозяйский мальчик Жора.

VI. НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

1.

Багряные своды вечерних дерев
И озера синее око.

2.

Безгрустна грусть сквозь утренний хрусталь.

3.

Безмерная журчащая равнина,
Бегущая навстречу кораблю.

4.

Берега рассказывают сумеречный сон.

5.

Бился в вихре прах летучий,
Полдень белый жег костер,
Погромыхивали тучи,
Индевели срывы гор.

6.

Бледный свет на серые холмы
С головокружительного свода.

7.

Бурые спины холмов над зеркальною зыбью залива.

8.

Был влажный вечер, выцветший от зноя,
И дали осмугленных облаков.

9.

В багровых сумерках
Литавры и фанфары
И взрывы облаков.

10.

В вечернем небе буйное смятенье
Янтарных облаков.

11.

В желтых закатах заливы, заливы...
Башни и стены былых городов.

12.

В зелено-палевых туманах
Грустят осенние холмы.

13.

В изломах гор сияет тень...
Долина дышит ранним летом,
Как драгоценный камень – день
Проникнут четким синим светом...

14.

В каждом слове – семя,
В каждом камне – город.

1907

15.

В какую синюю страну
Ведет цветущее ущелье? . . .

16.

В лунных зеркалах арабских сказок
Очертанье стен и куполов.

17.

В скорбном золоте листов
Гор лиловые молитвы,
И зазубренные бритвы
Дальних снеговых хребтов.

18.

В туманах потонувшие
Озера и холмы.

19.

В часы заката волны утихали.

1928

20.

В шафранных сумерках лиловые холмы.

21.

Ветр свистит осенними шелками.

22.

Вечерняя затеплилась звезда
Над отмелями синего залива.

23.

Взбегают тропы по холмам
К зелено-розовым просторам.

24.

Вместе с тропинками,
Вместе с деревьями
К далям, ликуя, стремится душа...

25.

Воздушной и дымной вуалью
Ложится вечерний покров.
Над сизо-дождливою далью
Сияют снега облаков.

26.

Волна шуршит о коктебельский берег.

27.

Волны земли омываются волнами моря.

28.

Волокнистых облак пряжи
И холмов крылатый взмах,
Как японские пейзажи
На шелках.

29.

Где по весенним половодьям
Скользят скрипучие плоты...

30.

Голубые дали и гулы глубоких аулов.

31.

Голых прутьев переплеты,
А за ними в дымке сизой
Влажный очерк тонких крыш.

1908

32.

Грозою осененная земля,
Вся воспаленная от зноя.

33.

Громады дымных облаков
По веронезовскому небу.

34.

Гряды синеющих холмов
И груды белых облаков
На фоне мраморного неба.

35.

Дожди лучей с кисейных покрывал.

1928

36.

Дымится море зыбкими столбами,
С налету ветры бьются грудью оземь.
Будь легка стопам твоим дорога,
А душе – отрадна тишина.

37.

За ветвями синеет река,
А над дымно-лиловыми кручами
Опоясаны тонкими тучами
Белоснежные облака.

38.

Зажигая костры по холмам,
Опрозрачила осень долины.

39.

Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

40.

Зеленый воздух дня и охра берегов.
(Одесса).

41.

Зеркальность лунной тишины.
1928

42.

Зеркальных утр лучистые кристаллы.
1929

43.

И бездны вниз сорвались под пятой,
И глубина простерла к небу руки.

44.

И волны гор, и зеркало залива,
И тишина небес в безмолвии земли.

45.

И гудит, гудит, гудит прибой
По широким отмелям песчаным,
И кипит под южным ураганом.

46.

И дикий виноград под сенью темных круч
Широко распростер сияющие крылья.

47.

И дышит утренняя свежесть
На темной зелени лугов.

48.

И земля, и небо, и заливы
Угасают в желтой тишине.

49.

И к морю меж дубов
Ведут песчаные дороги.

50.

И льнет душа к твоим излогам,
И слышит шорохи шагов
По бледно-розовым дорогам
В молчаньи рдяных вечеров.

51.

И малахитовые дали
В хитоне ночи голубой.

52.

И на плече Опун-горы
Остатки стен Киммерикона.

53.

И низких сыртов известняк
Оснежен тусклым лунным светом.

54.

И озеро меркнет в оправе холмов
Жемчужиной темной и влажной.

55.

И под дыханием междупланетной стужи
Оцепенелая в отчаяньи земля.

56.

И прозелень травы, и поросли кустов
Лилово-розовых и розово-пунцовых.

57.

И про́свет в глубине аллеи —
Язык лазурного огня.

58.

И розовой жемчужиною день
Лежит в оправе сонного залива.

59.

И снова увидали мы
Холмов взволнованное море
И вод зыбучие холмы.

60.

И солнце, полное избытком бытия,
В туманных вихрях Мирозданья...
1908

61.

И тусклый свет, как мыльная вода,
Омыл полынные долины.

62.

Из померкших далей холм
Рыжим выхвачен закатом.

63.

К лазурному заливу тропы
Бегут по охряным холмам.

64.

Как быстро осенью трава холмов провяла
Под влажною стопой.
О, эти облака с отливами опала
В оправе золотой!

65.

Как Микель-Анджеловский "День"
Из-под громад полдневных облаков.

66.

Как молоко свернувшееся – ряби
Жемчужных облаков.

67.

Камень, проникнутый воздухом далей,
Серый и синий…

68.

Камни древних городов,
Осиянные лучами.

69.

Клекот орлий, говор птичий,
А внизу среди камней
Обезглавленный Возничий
Гонит каменных коней.

70.

Лазурь небес и золото земли.

71.

Лилово-палевые дали
И дремлющие облака.

72.

Луна восходит в тишине
Благоухающей полынью…

73.

Луна восходит над заливом.
1926

74.

Материки огня, встающие во мраке.

75.

Медный бубен гудел
Над взволнованной хлябью залива.

76.

Мир – чаша, до краев наполненная темью
И синим сумраком.

77.

Моей земли панические полдни.
1931

78.

Мой легкий путь сквозь лунные туманы…

79.

Молчанье, как полная чаша
В оправе вечерних холмов.

80.

Молчат в предвечернем покое
Дома и холмы, и кусты.

81.

Морская зыбь и водопад холмов.

82.

На белых отмелях
Осенние костры.
И волны гор, и зеркало залива,
И тишина небес в безмолвии земли...

83.

На грозовом синем небе
Раскаленный светом холм.

84.

На дне долин, напитанных полынью,
С утра лежит пустая тишина.

85.

На лучами заката разодранном,
На пурпуровом вретище туч...
(Надпись на акварели "Бурюс")

86.

На небе тамарисковые тучи.
У моря призраки дерев.

87.

На огненной земле, в экстазе дня и света...

88.

На светлом облаке гранитные зубцы
Отчетливым и тонким силуэтом…

89.

На серо-голубые горы
За дымчатым стеклом дождя…

90.

Нагроможденье медных скал
На фоне грозового неба.

91.

Над Карадагом мрачные завесы
И арки триумфальных облаков.

92.

Над перламутровыми лбами
Клубятся белыми столбами
Предгрозовые облака.

93.

Над полями – марные горы,
Над горами – гряды облаков…
И уводит в земные просторы
Легкий шелест незримых шагов.

94.

Над серебристыми холмами
Необагренными лучами
Изваянные облака.

95.

Не иссякают сны Шахерезад,
Но рдяный луч колена студит,
Но утр таких, как тридцать лет назад,
Теперь уж нет и более не будет.

96.

Неторопливые беседы идущих под гору дерев.
1927

97.

Но отсвет затененного заката
Лиловую просвечивает мглу.

98.

Облака, простертые над миром,
Облака над далями земли.

99.

Одна луна луне другой
Глядится в мертвенные очи.

100.

Она склонилась над пустыней
В лилово-дымной, дымно-синей
Прозрачной траурной фате.

101.

Опорошил зеленый иней
Лилово-серые леса.

102.

Осенней четкостью зеленых янтарей,
Морскими далями и окнами развалин
Грустит душа...

103.

Осенний день по склонам горным
Зажег прощальные костры.

104.

Осенних сумерек лиловые миражи.

105.

Отвесный взор вперила высота
И глубина простерла к небу руки.
(Надпись на акварели "Карадаг")

106.

Песчаные холмы, кустарники и воды
Прозрачные... и взмывы облаков

107.

По пескам деревья-арлекины
Пляшут танец осени и смерти.

108.

По траве глухой и бурой
Вяло-желтые листы.

109.

По холмам бегут к заливам тропы.
Сентябрь 1907

110.

Под темно-алыми ветвями
Полузаросшими тропами
Пройти к осенним берегам.

111.

Поля из мрамора и горы из стекла,
И к небу взвившийся оледенелый пламень.

112.

Поляны снежные под изморозью звезд.

113.

Последней лаской закат
Дарит сожженные предгорья.

114.

Послеполуденный нагрев
Вздымает облака.
Лазурь над купами дерев
Темна и глубока.

115.

Прикрыв крылом края долины
И напоив луга, припал
Вечерний лебедь на вершины –
Лилово-дымчатые – скал.

116.

Пурпурных рощ осенние трельяжи
И над вершинами хребта
Победных облаков султаны и плюмажи.

117.

Пустынные заливы
Полдневных берегов,
Жемчужные отливы
Волнистых облаков.

118.

Ртутный отблеск и сиянье оссиановских ночей.

1928

119.

Рыжий ветер… радужные дали…
Вянущие вретища земли…
Геральдические корабли
Паруса по небу разметали.

120.

Свернувшись змеем, время спало
Во тьме невидимых пространств.

1908

121.

Седые груды облаков
Над омраченным Карадагом.

122.

Седым стеклярусом строений
Посеребренная гора.

123.

Серень утра и серень прозрачных далей.

124.

Синим пламенем над рыжими холмами,
Пламенем дымятся облака.

125.

Сквозь блеск зеленого стекла
        Сквозят каменья дна,
И голубая тишина
        На берег прилегла.

126.

Сквозь желтые смолы полудней
Сквозят бирюзой небеса.

127.

Сквозь зелень сизую растерзанных кустов
Стальной клинок воды в оправе гор сожженных,
В шафранных сумерках лиловые холмы.

128.

Сквозь прозелень вечерней тишины
В оправах гор мерцающие воды.

129.

Сквозь розово-призрачный свет
Просветились лунные дни.

130.

Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой.

131.

Скелеты призрачных дерев.

1926

132.

Стеклянная прозрачность предвечерий.

133.

Тех не отпустит Коктебель,
Кто раз вкусил тоски полынной...

5 июля 1925

134.

Тишина от луны, от холмов и от скал Карадага.

135.

Тонкой дымкой прикрытые дали
И залитые солнцем холмы.

136.

Трепещет и плещет
Средь скудных песков
Бессонное водное око…

137.

Туманные сиянья и лучи,
Кипенье вод, и ртутный блеск парчи,
И гулкий ропот рушащейся пены.

138.

Тяжелый шрифт земли и ленты облаков
Глубоко врезаны, как на цветной гравюре.

139.

Холмы, окованные медью,
Сквозь дымно-розовый янтарь.

140.

Холмы пустынь и синих гор зубцы,
Вечернею увенчанные славой.

141.

Хрусталь земли сквозь утренний топаз.

142.

Цветенье белых облаков
Над поясами туч лиловых.

143.

Черной тушью четких теней
Отчеканенная даль.

144.

Чудесно возникали
Над крылами облаков
Фиолетовые дали
Аметистовых холмов.

145.

Эти облачные пряжи
И победные плюмажи
На победных шлемах гор.

146.

Эти пределы священны уж тем, что однажды под вечер
Пушкин на них поглядел с корабля, по дороге в Гурзуф...

27 августа 1927
Коктебель
(Надпись на акварели "Коктебельские берега")

147.

Янтарный свет в зеленой кисее...
И хляби волн, и купол Карадага.

148.

Ясен вечер... Облаков громады,
Точно глыбы светлых янтарей.

Книга шестая

ИВЕРНИ

СТИХИ ЮНОШЕСКИХ И СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ

ИЗ ПРОЗЫ

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

I. ИВЕРНИ

(Неоконченное)

1.

Забыть не значит потерять:
А окончательно принять –
В себя, на дно, навек.

1907

2.

Horas non numero nisi serenas.
(Надпись на солнечном диске часов).
Море купало в своем серебре нас.

1907

3.

Мысли мои – корни мои
В огненных нивах солнца!

1907

4.

А ароматом прошлое земли
Проникнуто...

1907

5.

Быть семенем исчезнувших вселенных...

1907

6.

Мы живем, пока противоречим.

1907

7.

Все мы кажемся жалкими
Перед страстью нежданною:
Ты овила фиалками
Мою душу туманную.

1908

8.

В золотых водоворотах
Зацветающего танца
Ярко вспыхивают юбки
На внезапном повороте.

1908

9.

И над садами Тюильри
В тумане пламенно-шафранном
Закатных светов янтари.

1908

10.

И знаешь, и волишь
Курение ладана.
Незыблемо то лишь,
Что сердцем угадано.

1908

11.

И на розах усталых
Тяготеет золото зноя.

1908

12.

Алтарь, откуда к небесам
Дымились первые молитвы.
1908

13.

Это танец влажно-зыбкий,
Упоенный свет улыбки.
1908

14.

Имена, посеянные в мире,
Всходят жатвой новых форм.
1908

15.

Все прошлое ты сделала неверным.
1908

16.

И птица – ночь – снесла яйцо.
1908

17.

Нагой Эрот – стрелец слепой.
1908

18.

Я полдень духа, к солнцу, на вершину
Я принес свое земное "Я"

И, подняв в лазури, опрокину
В темный пламень чашу бытия.

1909

19.

Я погружен горящим корнем
В живую влагу женских недр:
Так суждено в совете горнем —
Из чрева Девы встанет кедр.

1909

20.

И там, вдали, на отмели пустынной
Огнем и золотом трепещущий эфир.

1909

21.

Дафна-заря убегает пред солнцем,
Пальцы ее зацветают листвой.

1909

22.

Дымную нежность люблю я
Цветущих ветвей миндаля.

1909

23.

Я жизни творческое семя
Пролью в твою глухую ночь.

1909

24.

Придешь, окутанная в саван
Нераспустившегося сна.

1909

25.

Что скучнее сизого моря
Сквозь глухой переплет окна?

1909

26.

Последняя из рода Валуа
На Гревской площади клейменная "воровкой".

1909

27.

Чертит гранью бриллианта
На стекле окна в Шамборе.

1909

28.

Замки Тура и Блуа...
Королевою Наваррской
Маргаритой Валуа.

1909

29.

В честь жемчужины жемчужин
Маргариты Маргарит.

1909

30.

И ветр трагический в развалинах домов.
1909

31.

Мысли, что гости, желанья, что дети.
1909

32.

Дикий и горький запах земли.
1909

33.

Заденет ветер матовым крылом.
1909

34.

Он телу придал необычайные размеры,
Торс свернул в бедре. Прорыл глубоко
Глазные впадины. И лоб
Избороздил морщинами. Приподнял на плече
Сплетенье мускулов клубками змей,
И сухожилия напружил на хребте.
А позвонкам
Дал напряжение тяжелой цепи
Готовой лопнуть.
1910

35.

Лишь темным сном души я бытию причастен
И смертью, как резцом, изваян в веществе.
1911

36.

Молчат поля, молясь о сжатом хлебе,
Молчат вершины тополей и верб,
И сердце ждет, угадывая в небе,
Невидный лунный серп.

1910

37.

За переплетом строгих пиний
Пустынно гасли вечера –
Синеглазый, темносиний
Отлив павлиньего пера.

1910

38.

Земную тягу побеждая
Упругим вихрем колеса.

1910

39.

Ты проросла, как скудный терн
На плоскогорьи оголенном.
Я был тебе купель и горн.

1910

40.

Как древний грек, встречаясь с человеком
Высоким и красивым, спрашивал:
– Не бог ли это?

1910

41.

И солнце на закате
Яйцом расплывшимся в опаловой реке...
1910

42.

Помочь совсем сойти с ума
Тому, кто был уже безумен.
1910

43.

Горькой водой степного колодца
Запахом горьких отрав.
1911

44.

Из края в новый край и от костра к костру
Иду я странником, [чтоб кануть] без возврата.
Я в каждой девушке предчувствую сестру,
Но между юношей ищу напрасно брата.
1911

45.

Цветов развертывая свиток,
Я понял сердца тайный крик:
И пламя пурпурных гвоздик
И хрупкость белых маргариток.
1911

46.

Мне суждено теперь бродить
Без спутников в лесистых чащах,

Ушедших кликать и любить
Молчанье ликов преходящих.
1912

47.

После глубоких и нежных
Розово-бурых полей
Снова уныние снежных
Однообразных степей.
1912

48.

Отныне верю нерушимо,
Что все, что здесь непримиримо,
Сопряжено в иных мирах.
1912

49.

Эти творческие сны,
Как мираж среди пустыни,
Голой степью рождены...
1912

50.

И голос мне кричит насмешливый и жесткий:
Прощай, Пер-Гюнт, на новом перекрестке
Чрез малый срок мы встретимся с тобой.
1912

51.

Рыжие с медными бликами косы
Круто завязаны на голове.
1912

52.

Я как трава, разбуженная солнцем,
Не сохнущая в яростном огне.

1912

53.

Я зрею медленно во тьме,
Во чреве чувственного мира.

1912

54.

Качанья ветров полны влажных
Осенних запахов земли...

1912

55.

Мое таинственное "Я"
Нерастворимо во вселенной.

1912

56.

Я живу в глухом размахе
Набегающей волны.

1912

57.

Играя в призраки, мы потеряли
Самих себя.

1912

58.

Я, сам не зная, что Фалог
Стал зодчим Вавилонской Башни.

1912

59.

И мироносицы Нерона,
Как мироносицы Христа.

1912

60.

Басы глухие шумов дальних.

1912

61.

Я счастьем слеп, тоска же видит зорко.

1912

62.

Я проходил, а вы стояли
У двери сада вдалеке:
Царевна в белом покрывале
С цветком подснежника в руке.
– Войди, прохожий, в сад мой тайный!
Здесь тишь, цветы и водомет.
– О нет, свободной и случайной
Стезей судьба меня ведет.

1913

63.

И низко над уступами вершин
Переливается созвездье Скорпиона,

Имея вид еврейской буквы "Шин",
Лежащей у подошвы небосклона.

1913

64.

И стиль стремительный, и нервный, и нагой,
Как тело постника горящий в лихорадке,
Страницы жгучие дрожащею рукой
Крылатым почерком исписывал в тетрадке.

1913

65.

Холодная эффектность декораций
И лунной тени тонкий арабеск,
Бессонных волн за ветками акаций
Текучий блеск и дальний переплеск.

1913

66.

По лунно-радужному стеклу
Скользнет и двинется луч дозорный
И опрокинется на полу
Оконницы переплет узорный.

1913

67.

И вдруг иссяк поток речей,
И жизнь внезапно тесной стала,
И море липких мелочей
Безвыходное нарастало.

1913

68.

Она идет по щебням балок
В венке из бледных анемон,
В лиловом трауре фиалок,
И сыплет их на горный склон.

1913

69.

Гурты и выкружки, нервюры, каннелюры,
Как лес живых стеблей, ветвясь, уходят ввысь.

1913

70.

Журчат внизу и поют ключи,
Огонь горит золотой в ночи.

1913

71.

Я воззвал Орла от Востока
В исполненье темных воль.

1913

72.

И по щитам запутал пятилучья
И вызвездил зеленой бирюзой.

1913

73.

И синие фаянсовые блюда,
Песок оранжевый на голову верблюда.

1913

74.

Море мутное от пены
Выносить лицом к лицу.

1913

75.

Я ничего не объясняю,
Но мною все объяснено.

1913

76.

Из ветра и пламени
Сотканный голос.

1913

77.

Горечь губ, познавших вкус отравы.

1913

78.

От ветра горного облипшие власы.

1913

79.

От корня головы отрубленное тело.

1913

80.

Как ритм мулюр, как строфы профилей.

1913

81.

С иронией свирельной и кинжальной.

1913

82. БАХЧИСАРАЙ

На розовом и бирюзовом
Темно-коричневом ковре
Кинжалы в черном серебре.

1913

83.

Веет волею изжитых лет,
Зарослями темного бурьяна
От травных вязей древнего Корана
И надписи серебряных монет.

1913

84.

Соседствие Корана и Талмуда
Содружество Кенассы с Медрессэ.

1913

85.

Там с минарета кличет муэдзин
И благовест гудит с соседней колокольни.

1913

86.

В непрерывной работе
Начертала она
Письмена
На пергаменте плоти.

1913

87.

Бес Уныньия, бес Молчанья,
Бес бессмысленного чаяния,
Бес полдневного молчанья.

1914

88.

Где острый очерк сизых далей
Слепым лучом осеребрен.

1914

89.

Узы мышц, подушки душной плоти.

1914

90.

Но – идущих за Граалем
Неуклонный путь ведет
С вечно-женственных высот
К вечно-мужественным далям.

1915

91.

Когда, устав от гари
Сожженных душ и тлеющих сердец,
Он находил спокойствие у Вари
Лопухиной и Кати Быховец.

(Лермонтов)

1915

92.

И долго зоркими лучами
Они ощупывают мрак.
1915

93.

Она была из Нанта, что в Бретани,
И делала в Париже тротуар...
И разглядела на одной из карт
Неведомое имя: Бонапарт.
1916

94.

И нет на всей земле такого места,
Где [б] ныне кровь людская не лилась.
1916

95.

Еще земля трепещет дрожью
Растерзанных и жгучих тел.
1916

96. МИК[ЕЛЬ]-АНД[ЖЕЛО]

Как сей пожар дерзнувший взгромоздить
На колоссеум купол Пантеона...
Трагические профили и тени
Абсид Петра и Пиевых ворот...

Убрать все лишнее, отсечь и сжать,
Все сделать кратким, сильным
напряженным,

Звучащим ясно и трагически, как
звук
Ночной тревоги, поданной Бундирой.
1921

97.

Что подвиг одному, другому — грех,
И нет для двух людей единого пути,
Для двух сердец — единого закона.
1924

98.

Кровь Богоматери — в еврейке
И Иисусов лик в жиде!..
1924

II. СТИХИ ЮНОШЕСКИХ И СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ

Пускай осмеян я толпою,
Пусть презирает меня свет,
Пускай глумятся надо мною,
Но все же буду я поэт.
Поэт и сердцем и душою.
И с непреклонной головою
Пойду среди всех этих бед.
Мне дела нет до мнений света –
Пустой бессмысленной толпы.
Ей песни не понять поэта,
Ей не понять его мечты.

1892

Травою покрыто зеленою
   Безбрежное море степей,
Ковыль, будто волны, колышется,
   Становится запад алей.
По небу заря разливается,
   Последний луч солнца блестит,
И к северу с юга далекого
   Журавлей вереница летит.

УТРО

Потянул ветерок,
По осоке шурша,
Заалелся восток,
Загорелась заря,
Понеслись облака
Из-за лесу гурьбой,
Заблестел на кресте
Солнца луч золотой.

Зазвонили вдали.
Люди в церковь идут.
Все проснулось кругом,
Птицы песни поют,
В голубой вышине
Заливаются...

Люблю вечернею порою,
Когда с полей встает туман,
Сидеть над спящею рекою,
Глядеть, как в небе надо мною
Несется тучек караван,
Как, ярким пурпуром блистая,
В последних солнечных лучах
Несется цепь их золотая,
На горизонте пропадая.
Кругом нисходит ночи мрак.
Замолкли птицы. Все безмолвно.
Царит ночная тишина,
Какой-то неги будто полна.
Свои задумчивые волны
Струит заснувшая река.
Покрыто все серебристой мглою.
Стоит в тумане темный лес.
Кричит вдали сова порою
И над спокойною рекою
Сияет месяц средь небес.

Солнце жаром палит,
Раскаляя гранит,
И ни облачка на небосклоне.

Все деревья стоят,
И листы не шуршат,
И не движется ветер на воле.
Тихо плещет волна,
Будто неги полна,
И гуляет себе на просторе.
И без меры в длину,
Без конца в ширину
Расстилается Черное море.

1893

ВЕЧЕР

Тихо все. Стоят чинары
В надвигающейся мгле.
Зажигаются стожары
В поднебесной вышине.
На вершине Четыр-Дага
Солнца луч еще горит,
А внизу – на дне оврага
Ручеек во мгле журчит.
Море тихо, и волною
Ветерок не шелохнет.
Из аула под горою
Говор смешанный идет.

1893

Выйди, писатель, на поприще жизни,
Сей просвещенье любви и добра,
Верь, ты послужишь на пользу отчизне,
Честно посеяв свои семена.

Верь, что принявшие словоученье
Свято в сердцах его будут хранить,
Верь, что и внуки твои с восхищеньем
Будут тогда о тебе говорить.
Сей просвещенье рукою ты смелой,
Семя ученья бросай в борозды,
Верь, что приидет час жатвы обильной,
Он же – награда тебе за труды.

... Вперед! Вперед! Долой сомненья!
Долой отставших ряд идей!
Мы будем сеять просвещенье,
Возбудим силу и движенье
В среде замолкнувшей своей!
Возбудим нашим словом к жизни
Во тьме погрязнувших глупцов!
Вперед! На мой придите зов!
Послужим правдой мы отчизне...

Песня могучая, песня народная!
В чем твоя сила великая?
Сила поэзии, сила свободная,
Мощь необузданно-дикая?
Где ты находишь огонь вдохновения?
В битве ли с Божьими грозами?
В жизненной ль школе труда и терпения,
Вечно стоящих угрозами?
Или сама эта сила могучая
Входит в сердца неизвестных избранников

И выливается громом созвучия
И утешеньем несчастных изгнанников,
Нищих, скорбящих, терпящих насилия?
Что эта сила стихийно-свободная?
Ум пред тобой сознается в бессилии,
Песня могучая, песня народная.

1895

Татьяне Маркс

Там у моря есть дом, прямо в окна глядит
Само море во всей красоте,
Даль чаруя манит и куда-то зовет,
Так и просит отдаться мечте.
И бывал я не раз в этом доме у вас,
Слушал тихие песни волны,
И теперь в тишине вспоминаются мне
Эти песни, да море, да вы.

1895

НАД МОГИЛОЙ В.К. ВИНОГРАДОВА

Да, он умер... Полны изумленья,
Мы стоим пред могилой немой,
Будто здесь отдохнул от мученья
Кто-то близкий, любимый, родной.

Да, он умер... Ужасное слово!
Оно страшно и дико звучит!
Не найдем никого мы другого,
Кто его нам теперь заменит.

О болезни его мы слыхали,
Знали все, как он страшно страдал,
Но, что будет, мы знать не желали,
И удар неожиданно пал.

Весть о смерти мгновенно промчалась,
Всякий был глубоко поражен.
"Да, он умер!" кругом повторялось,
Но казалось, что жив еще он.

Только тут вот, при этой могиле
Мы познали вполне в первый раз,
Как его глубоко мы любили,
И как много он сделал для нас.

1895

МНОГИМ

Когда, одушевясь идеею святой,
Вам юноши твердят про высшие права,
Про правду, про любовь... качая головой,
Вы отвечаете: "Ах, это все одни красивые слова!"

Когда вам говорят о деле просвещенья,
Что мы идем вперед с трудом, едва-едва,
Что есть же все-таки предел долготерпенья...
Вы отвечаете: "Ах, это все одни лишь странные слова!"

Когда вам говорят про братство и свободу,
Что нужно мысли дать гражданские права,
Зовут на честный труд, служение народу...
Вы отвечаете: "Ах, это все одни лишь громкие слова!"

"Слова, слова, слова!" – твердите вы с презреньем.
Настанет ли тот час, как ваша голова,
Внезапно осветясь, постигнет с изумленьем,
Что это все для вас "забытые слова"?

[Декабрь] 1896

ЧЕЛОВЕК

Душа моя широка:
Как небесный свод
Вмещает она в себе
Всю вселенную.
Ревет ли буря,
Сияет ли солнце,
Плывут ли облака
По синему небу –
Все отражается в ней,
Все находит в ней отклик.

Сердце мое глубоко:
Оно, как море,
Бывает спокойно,
Как море, – прекрасно,
Как море, – бурно.
Много сокровищ
Лежит в глубине его,
Но только буря
Их бросить может
Из глубины на берег.

Мысль моя – это молния:
Огненным зигзагом
Рассекает она
Черные тучи,

И на мгновенье
Озаряет мрак,
Окружающий меня...
Сам я – червяк.

[Январь] 1897

Брожу ли я с душой печальной,
Внимая грохоту волны,
Как отголосок тихий, дальний
Полузабытой старины,
Зовет и манит звук прибоя
Куда-то ввысь, куда-то вдаль,
И всюду тихая печаль
Разлита в мире надо мною.

12 августа 1898

Лазурное море
Живет и горит
И каждой волною
Со мной говорит.

О солнце! О море –
Простор голубой –
С какою любовью
Я рвусь к вам душой.

1898

Но только люблю я не эту толпу
Бульваров, кофеен и прочих
Вертепов и зрелищ. Люблю я толпу
Здоровых парижских рабочих.

Ноябрь 1899

Душно в комнате! Как только
Снег растает над лугами, –
Закажу себе ботинки
С двухдюймовыми гвоздями.

Приготовлю "Lederhosen",
Альпеншток с крюком из рога,
"Rückensak" себе достану,
Колбасы возьму немного.

И лишь первый луч заглянет
В запыленное оконце –
Набекрень надену шляпу,
Порыжелую от солнца.

И пойду себе я в горы
С неизменным красным гидом,
Поражая и пугая
Всех идущих диким видом.

Побегут за мной мальчишки
Восхищенною толпою –
Я люблю быть популярным
(От читателей не скрою).

А когда минуя город
Я один останусь в поле,

А кругом засвищут птицы,
Запоют ручьи на воле,

Затяну я тоже песню,
Откликаясь птичкам дальним,
Хоть отнюдь не обладаю
Я талантом музыкальным.

Хоть ни разу верной ноты
Я не взял... Но вот привычка:
Если я один останусь,
То пою всегда как птичка.

[Начало 1900?]

НА ДУНАЕ

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река...
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.

В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой
И кипит в водоворотах
Мутно-желтою волной.

Уплывают вдаль селенья.
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Непробудной старины.

И душа из тесных рамок
Рвется дальше на простор...

Вот встает старинный замок
На скалистом кряже гор.

Эти стены полный ласки
Обвивает виноград...
Как глаза античной маски
Окна черные глядят.

И рисуется сурово
Стен зловещий силуэт,
Точно мертвого былого
Страшный каменный скелет.

31 мая 1900
Линц

"В Италию!" – громко звенело в ушах,
"В Италию!" – птицы мне пели,
"В Италию!" – тихо шуршали кругом
Мохнатые старые ели.

[Июль] 1900

В камень черный,
В берег голый
Бьет упорный
Вал тяжелый. ...

... Ах, к пустыне той
Рвуся я душой!

Июль 1900

НОЧЬ В КОЛИЗЕЕ

Посвящается его сиятельству кн. И.

Спит великан Колизей,
Смотрится месяц в окошки.
Тихо меж черных камней
Крадутся черные кошки.

Это потомки пантер,
Скушавших столько народу,
Всем христианам в пример,
Черни голодной в угоду.
Всюду меж черных камней
Черные ходы. Бывало
В мраке зловещих ночей
Сколько здесь львов завывало!
Тихо. Подохли все львы,
Смотрится месяц в окошки,
Смутно чернея средь тьмы,
Крадутся черные кошки...

Колизей. 12 часов ночи. 15 июля 1900

* * *

Думы непонятные
В глубине таятся,
Силы необъятные
К выходу стремятся.
Путь далек, – ладья легка.
Жизнь как море широка.
Дышится и верится
И легко поется,

Силами помериться
Сердце так и рвется.

Путь далек... Ладья легка...
Жизнь как море широка...

1901

Александре Васильевне Гольштейн

На заре. Свежо и рано.
Там вдали передо мною
Два столетние каштана,
Обожженные грозою.
Уж кудрявою листвою
На одном покрылась рана...
А другой в порыве муки
Искалеченные руки
Поднял с вечною угрозой –
Побежденный, но могучий,
В край, откуда идут грозы,
Где в горах родятся тучи...
И чернея средь лазури,
Божьим громом опаленный,
Шлет свой вызов непреклонный
Новым грозам, новой буре...

Над чернеющими пнями
Свеже-срубленного леса
Шепчут тонкие побеги
Зеленеющих берез...
А в лесу темно, как в храме...
Елей темная завеса...
Пахнет хвоей под ногами...

И как гроздья среди леса
Всюду пятна птичьих гнезд.

И от карканья ворон
Гул стоит со всех сторон,
Как торжественный, спокойный
Колокольный мерный звон –
Гулкий, стройный
И унылый...
А над срубленными пнями,
Как над братскою могилой,
Тихо двигая ветвями
Им березы шелестят...
"Мир уставшим...
Мир усопшим..." –
Вместе с ровным гулом сосен,
Наклоняясь, говорят...

И им вторит издалека,
Нарушая цепь их дум,
Рокот вольного потока –
Вечной жизни бодрый шум.
Думой новою объятый
Я стою... И мне слышны
Точно дальние раскаты
Человеческой волны...

22 июля 1902
Неаполь

Антонопуло Феодосія

Моему лучшему
и единственному
другу Шуре. Пусть на всю
жизнь отношенія
наши останутся та-
кими же, какими они
теперь. Пусть во всю
жизнь не [illegible] ра-
въ насъ чувства,
которыя связываютъ
насъ теперь.

Максъ

11 августа 1896 г.
Феодосія.

М.А. Волошин. Феодосия, 1896. На обороте – дарственная надпись Волошина Александру Пешковскому.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

М.А. Волошин. Париж, 1901.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

М.А. Волошин. 1903.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

М.А. Волошин. Набросок Е. Кругликовой. Париж, 1903.
С дарственной надписью М. Волошина
Александре Васильевне Гольштейн
Из собрания А.А. Ляпина
(Публикуется впервые)

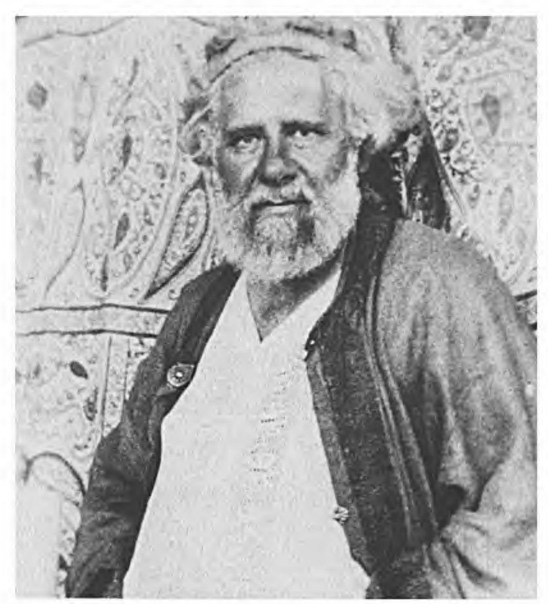
М.А. и М.С. Волошины. Коктебель, 1925.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

М. Волошин в своей мастерской. Коктебель, 20-е годы.

М.А. Волошин. Ленинград, 1924. Фотогр. Напельбаума.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя

М.А. и М.С. Волошины. Коктебель, ок. 1927.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)

М.А. Волошин. Ок. 1927–1929.
Из собр. проф. Гордона Мак-Вэя
(Публикуется впервые)



М.А. Волошин. 1932.
Из собрания проф. Гордона Мак-Вэя

III. ИЗ ПРОЗЫ

ТРИ ДНЯ

Фантазия

I

В начале сотворил Бог небо и землю. – Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

Бытия 1, 1–2.

Ревет, клубится, пылает, грохочет... Мира нет.
Нет земли, нет людей, нет неба, нет веков, нет будущего, нет прошлого...
Хаос.
Постоянное движение, тьма и страх, страх за грядущее, за страдания, за слезы... Все предопределение в хаосе, вся жизнь в нем, вся смерть в нем, – начало и конец, альфа и омега...
Ревет, трубит, стонет. Скалы сталкиваются, раскалываются в пыль. Ревет ветер – живой ветер. Огонь дрожит и жмется. Все стихии в одной, и одна во всех. Нет грани времен; нет граней пространства. Все "есть", и все – бесконечность. Все различия, все цвета, все формы – все одно, все хаос.
И он пляшет, он кружится, гремит и стонет, стонет и поет.
В песне – жажда жизни, разделение и преодоление, и страх, и кровь... – Буду, буду, – поет он, – знаю, должен... вижу, все... Страх жизни, страх смерти, они придут... Бледный, с синими губами, всегда согнутый, – он подкрадется, охватит мир и толкнет в руки к Ней – белой, стынущей, с запахом трупа и красным мечом... Зачем? – будут кричать, надрывая голос. – И не узнают. Здесь тайна, – бессмертия...
– Буду, буду – поет он: миллионы лет мелькнут как день, свершится мировой круговорот; разложусь на части, восстану в гармонии, а затем – вечный покой... И тайна зла, тайна страдания откроется для всех. Больной, измученный, страдающий – все все поймут и утешатся.

Мчится хаос быстрей, страшней. – Свистит, ревет, и стоны его сливаются с вечностью...
Светлое, лучезарное Пятно... Непостижимое, непонятное, – оно явилось, явилось; – это Он. Он полюбил хаос. Он призовет хаос... Но опять: зачем, зачем? – Предопределение... Ведь Он видит будущее, Он знает все, – зачем? Но Он полюбил хаос. Он – сама любовь...
Хаос мчится, ревет, кружится. Он чувствует конец: сейчас начнется новое, великое, непонятное. И с еще большей силой плачет вихрь, скалы скачут, давят, грохочут... Но свет ближе, – Он ближе. Откуда Он? В хаосе вечность, – но откуда Он? Он больше вечности. Хаос все, но откуда Он? Тайна, – всюду тайна.
Вот последний вздох хаоса. Силы напряглись, стихии слились, завыло все... И белое, и красное, – все в одном. Смерть хаосу. Он дрожит и бьется.
Страх, страх, в хаосе уже страх, – это новое, от Него, от Любви...
... И вдруг...

II

И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке,
и поместил там человека, которого создал.

Бытия II, 8.

... Нежный воздух, белый, прозрачный, как тонкий дым. Поет чистый ручей, зеленые счастливые ветви радостно склонились над ним, любуются собой...
Небо обнимает мир. Солнечные лучи целуют землю... Птицы поют о тихом, утреннем счастье. Розовым ароматом полон божественный сад... Всюду дрожит белая божественная любовь, божественный свет повсюду, везде Его воля, Его бытие...
Вот идут двое. Идут, обнявшись, нагие, бесстрастные, ибо нет скверны, нет стыда, нет пола. Лица сияют, волосы пали на плечи, сердца сильны, уши слышат дыхание жизни, глаза видят Его... Зеленым бархатом порос холм, далекое небо сливается с вечностью. Обнявшись, садятся они, – поют гимн Творцу.

Тихо... Молчат птицы. Ласкает солнце. Ветер целует белые лилии. – Бог любви, Бог милости, счастья, – Великий Бог, с нами Бог, с нами...
И льется в ответ гимну неизреченная сила любви, – на весь мир, на все века в оправдание и во искупление. Тайна искупления в ней. О тайна! Но тихая, любовью омытая, не слезами; лучами солнца согретая, а не кровью... Ты в золотистых лилиях, в воздушном дыме; ты в ангельских очах, в снежных ангельских крыльях, в их ясных одеждах... Ты источник жизни, – источник движения.
– Великий Бог, – с нами Бог!
Вечереет. Прохладой дышит ручей. Деревья склоняются ниже, ниже, загорается белая заря. Ветер нежно поет. На бледном небе засветились белые, чистые звезды...
Двое встали с холма и тихо идут вглубь темнеющего сада... Вечереет.
Откуда-то выползла и смотрит им вслед черная толстая змея...

III

Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть.

Откровение св. Иоанна, XIII, 2.

"В те дни будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них"... Сбылось. Мир прожил. Наступает вечность. Раскаленное небо. Багрово-красное, потухающее солнце. Кровь вместо росы. Кровь вместо золота. Затихло все. Страх во всем: Все ждет начала конца. Зло назрело, стянулось. Наступил его последний день. Притихло. Зловеще ждут знамений, воинственного крика. И ужас пролетел с края и до края. Рев чудовища, как стон, наполнил землю. Он – враг сына. Он – с кровавым взором, с рыжими взбитыми волосами, сжимая скипетр из змеи, провозгласил новую любовь...
И притихшие народы встрепенулись.

Багрово-красное солнце стало почти черным.

В безумных криках, в страшных оргиях они хлынули топить свою муку греха...

— Он — царь! Он Бог! — выли они.

И он шел, и никто не видел следующего за ним страшного чудовища с ногами медведя и пастью льва. Никто не видел красного дракона с семью головами и десятью рогами. Они не видели... Они видели только свой страх. Но топили его в вине и в новой любви, идя за лже-Христом...

.. Пусто... Бесцельно... Жизнь исчерпана... Последний день. Последний дерзкий грохот зла.

Он царь, он Бог. Он все знает, он все видит. Он поет о новой любви. Он власть и жизнь...

Но откуда страх, пустота, смерть?

И топят они себя, оргиями окружая лже-Христа.

Идет он с края земли до другого края. Народы склоняются перед ним. Ликующий крик несется за ними. Льется вино, сладострастие без стыда, без покрова, убийства и вопли...

Солнце стало черным. Звезды блестят, как кровавые слезы. Идет он и творит великие знаменья, низводит огонь с небес. Число его шестьсот шестьдесят шесть. С холодных забытых пустынь веет смрадом смерти. Горы горят красноватым светом. Новая любовь красным пламенем заливает мир.

— Целуйте друг друга... Бейте... Забудьте, где дочь, где сестра, где мать. Любите всех новою любовью. Сладострастием и безумной пляской служите Творцу и пейте, пейте вино... Это кровь Его.

И пляшут кругом. Красный дракон хохочет. В исступленном сладострастии обнимаются сестра и брат... Холодно и страшно, но крики заглушают все; вино заливает всех, все поют в кровяном восторге: Царь! Царь! Бог, Бог! Новая, новая любовь!

Кровавые слезы-звезды — падают на землю. Багровый хвост дракона застилает небо. . . Холодом льда дышит пустыня. Пурпуром светятся вершины гор. И видел некто выходящих из уст лже-пророка трех жаб...

Солнце стало черным.

Скоро, скоро. Ей, гряди, Господи Иисусе!..

[1904]

ЧЕМУ УЧАТ ИКОНЫ?

Лучшей охраной художественных произведений во все времена были могила и варварство. Весь Египет встал из гробниц; статуэтки Танагры и Миррины были выкопаны из могил. Микенские гробницы, Римские катакомбы, Керченские курганы, засыпанная Помпея, разрушенная землетрясением Олимпия – вот сокровищница древнего искусства. С другой же стороны, пожар Кносса, щебни Гиссарлика, Campo Vaccino на месте Форума, война, разрушения, пренебрежение, забвение – вот силы, сохранившие нам драгоценнейшие документы прошлого. Имя Константина, по ошибке данное конной статуе Марка Аврелия, имя Богоматери, данное изображениям Изиды (Les Vierges noires – французских соборов) – вот что охраняло эти произведения и дало им возможность дойти сохранными до наших дней...

Смерть охраняет. Жизнь разрушает. До самого начала Ренессанса обломки античного мира лежали нетронутыми, как их оставили варвары. Возрождение, воскресшая любовь к древности разрушили гораздо больше произведений искусства в одно столетие, чем все варварство в тысячу лет. Жирардон, ретушевавший Венеру Арльскую, не исключение в истории искусства. Так поступали со всеми античными статуями: стоит только сравнить Ватиканский музей с музеем Терм или Афинским музеем. Любовь к искусству всегда разрушительнее забвения.

Варварство русских людей сохранило для нас дивное откровение русского национального искусства. Благочестивые варвары, ничего не понимавшие в красоте тона и колорита, каждый год промазывали иконы слоем олифы. Олифа, затвердевая, образовывала толстую стекловидную поверхность, из-под которой еле сквозили очертания ликов. Но под этим слоем сохранились нетронутыми первоначальные яичные краски, которые теперь возникают перед нами во всем своем горении. Олифа была той могилой, которая сохранила и донесла нетронутым старое искусство до наших дней. Реставраторам

икон приходилось делать настоящие раскопки, снимая с доски две-три, иногда даже четыре позднейших росписи, прежде чем добраться до древнейшего и подлинного произведения. Точно так же и Шлиман должен был снять пять слоев безвестных развалин, прежде чем достичь развалин гомеровской Трои...

Кто знает, не повлечет ли за собою это обнажение от олифы очищенных икон их окончательную гибель впоследствии? Но теперь, на мгновение, как античный мир для людей Ренессанса, древнее русское искусство встало во всей полноте и яркости перед нашими глазами. Оно кажется сейчас так ярко, так современно, дает столько ясных и непосредственных ответов на современные задачи живописи, что не только разрешает, но и требует подойти к нему не археологически, а эстетически, непосредственно.

Новизна открытия лежит прежде всего и главным образом в тоне и цвете икон. Никогда нельзя было предположить, что в коричневой могиле олифы скрыты эти сияющие, светлые, земные тона. Господствующими тонами иконной живописи являются красный и зеленый: все построено на их противуположениях, на гармониях алой киновари с зеленоватыми и бледно-оливковыми, при полном отсутствии синих и темнолиловых. О чем это говорит?

У красок есть свой определенный символизм, покоящийся на вполне реальных основах. Возьмем три основных тона: желтый, красный и синий. Из них образуется для нас все видимое: красный соответствует тону земли, синий — воздуха, желтый — солнечному свету. Переведем это в символы. Красный будет обозначать глину, из которой создано тело человека — плоть, кровь, страсть. Синий — воздух и дух, мысль, бесконечность, неведомое. Желтый — солнце, свет, волю, самосознание, царственность. Дальше символизм следует законам дополнительных цветов. Дополнительный к красному — это смешение желтого с синим, света с воздухом — зеленый цвет, цвет растительного царства, противупоставляемого — животному, цвет успокоения, равновесия физической радости, цвет надежды. Лиловый цвет образуется из слияния красного с синим. Физическая природа, проникнутая чувством тайны, дает

молитву. Лиловый, цвет молитвы, противуполагается желтому — цвету царственного самосознания и самоутверждения. Оранжевый, дополнительный к синему, является слиянием желтого с красным. Самосознание в соединении со страстью образует гордость. Гордость символически противопоставляется чистой мысли, чувству тайны. Если мы с этими данными подойдем к живописным памятникам различных народов, то увидим, что основные тона колорита характеризуют устремление их духа. Лиловый и желтый характерны для европейского средневековья: цветные стекла готических соборов строются на этих тонах. Оранжевый и синий характерны для восточных тканей и ковров. Лиловый и синий появляются всюду в те эпохи, когда преобладает религиозное и мистическое чувство. Почти полное отсутствие именно этих двух красок в русской иконописи — знаменательно! Оно говорит о том, что мы имеем дело с очень простым, земным, радостным искусством, чуждым мистики и аскетизма.

Невольно вспоминаются указания Гладстона, что греки времен Гомера не знали синего цвета и не имели в языке слова для его обозначения. В греческой живописи было то же самое: во времена Полигнота живописная гамма ограничивалась черным, белым, желтым и красным цветами. Синяя же краска, давно известная египтянам и употреблявшаяся греками при раскраске погребальных статуй, не проникала в живопись. Ее впервые начинает употреблять Апеллес. Зеленая краска была известна греческой живописи только как смешение черной и желтой, т.е. в своих притупленных, сероватых тонах. Символически эта гамма красно-желто-черного цвета говорит о творчестве земном, реалистическом, каковым мы и знаем греческое искусство, но — на фоне глубокого пессимизма. Если бы у нас было больше данных, мы бы могли попытаться наметить эволюцию развития религиозного чувства греков, проследив, как в византийской живописи желтый цвет становится золотом — т.е. еще больше приближается к солнечной славе, а красный становится пурпуром — лиловым цветом молитвы...

Совпадая с греческой гаммой в желтом и красном — славянская гамма заменяет черную — зеленой. Зеленую же она

подставляет всюду на место синей. Русская иконопись видит воздух зеленым, зелеными разбелками дает дневные рефлексы. Таким образом, на место основного пессимизма греков, подставляется цвет надежды, радость бытия. С византийской же гаммой нет никакого соотношения.

Эти черты находятся в полном противоречии со всем тем, что мы привыкли видеть в старых иконах, и с тем, о чем говорит рисунок и композиция икон.

А они так внятно и убедительно говорят о постничестве, аскетизме, умерщвлении плоти, ожидании Страшного Суда, исступленных молитвах и покаяниях, о мистическом трепете и ужасе. Глядишь издали, как на красочные пятна – видишь радость, полноту земной жизни, утверждения бытия. Рассматриваешь вблизи: – все говорит о Смерти и Суде.

Этому противоречию может быть одно объяснение. Русская иконопись развилась как искусство каноническое. Но канон касался главным образом рисунка и композиции. Они шли от Византии и изменялись медленно и в деталях, на протяжении целых поколений. Но рядом с этой строгой канонической формой текла широкая и свободная струя народного творчества. В расцветке икон сказывались вся полнота жизни, весь радостный избыток юного славянства, который мы знаем по цветам вышивок и кустарных работ. Строгое академическое творчество, стесненное установленными подлинниками, дозволявшими лишь комбинации выработанных форм, открывало пути прихотливому индивидуальному пониманию цветов. Древняя, тяжелая, строгая священная чаша жесткого чекана, а в нее налито сладкое, легкое, пенное, молодое вино. Какое единственное и счастливое сочетание!

Не то же ли самое делает поэт, когда берет строго определенную поэтическую форму, например сонет, и вливает в этот заранее данный и выработанный ритмический и логический рисунок лирическое состояние своей души? В глубоких и органических проявлениях искусства всегда можно рассмотреть канонический ствол растения и свободное цветение индивидуального творчества на его ветвях.

Когда ближе присматриваешься к самой технике иконного письма, то испытываешь глубокую художественную радость от простоты и наглядности технических приемов. Подкупает последовательность работы, метод, которого так не хватает живописи в наши дни. Хочется представить себе, какие результаты дал бы иконописный подход к человеческому лицу, если применить его к современному портрету.

Есть одно требование, которое никогда не удовлетворяется современным искусством: хочется, чтобы художественная работа была так последовательно распределена, чтобы в любой стадии своего развития она давала законченное впечатление. Башни Парижской Notre Dame могли бы еще продолжаться вверх суживающимися осьмигранниками, между тем они вполне закончены в том виде, как они есть. Точно так же и любой недостроенный готический собор.

Эта возможность остановить работу в любой момент есть и у иконописного метода. Когда иконописец прежде всего намечает общую линию фигуры и заливает ее одним санкирным тоном – он сразу выявляет характерный силуэт, существующий уже сам по себе. Намечая черты лица, он как бы приближает эту далекую тень на один шаг к зрителю. Начинается процесс разбелки. Яичный желток дает прозрачность даже белилам. Пробеляя санкирный тон прозрачным слоем белил там, где падает свет, иконописец как бы погашает дневным светом внутреннее горение вещества плоти... Во время этих последовательных пробелок, ложащихся одна на другую, лик постепенно выделяется из мглы и шаг за шагом приближается к зрителю. От художника вполне зависит остановить его на той ступени приближения, которая ему нужна. Он может с математической точностью довести его из глубины вплоть до поверхности иконы, может, если надо, вывести вперед за раму, может оставить отодвинутым далеко в глубине. Здесь падают все вопросы о законченности и незаконченности: все сводится к степени удаления или приближения. Фигура с самого начала работы постепенно "идет" на художника, и он должен только знать, на какое расстояние ему надо "подпустить" ее.

Могилы не разверзаются случайно. Произведения искусства встают из могил в те моменты истории, когда они необходимы. В дни глубочайшего художественного развала, в годы полного разброда устремлений и намерений, разоблачается древнерусское искусство, чтобы дать урок гармонического равновесия между традицией и индивидуальностью, методом и замыслом, линией и краской.

[1914]

IV. ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ПРЕДВАРЕНИЕ О ПЕРЕВОДАХ

У переводов могут быть различные цели: если перевод хочет быть документом, он должен представлять собою отрешенный и точный гипсовый слепок; в таком случае он должен быть сделан в прозе, хотя бы оригинал и был написан в стихах.

Но перевод имеет право быть и субъективным. Таковы все переводы поэтов поэтами. Естественно желание найти на своем языке слова, равносильные прозвучавшим на языке ином. От такого перевода нельзя требовать объективной точности, в его индивидуальности его ценность и острота. Поэт переводит другого поэта на язык своего творчества: это неизбежно. Шиллер, переведенный Жуковским, становится Жуковским, не переставая быть Шиллером.

Стихотворный перевод не может быть точным: на это кроме субъективности понимания есть еще и внешние причины: можно перевести смысл, можно перевести стиль, можно перевести синтаксис и ритм, но нельзя перевести рифмы, которая иррациональна в каждом языке.

Поэтому в стихотворном переводе приходится жертвовать не столь важным для главного: если стихотворение построено на игре созвучиями, переводчик неизбежно отступает от точного смысла и главным образом от синтаксиса, стараясь найти равносильный звуковой эффект. Если же главное лежит в содержании, в образе, в синтаксическом развертываньи фразы, то переводчик должен честно пожертвовать рифмой.

Мои переводы Верхарна сделаны в разные эпохи и с разных точек зрения. В одних, как *Ноябрь, Осенний вечер, На север*, я стремился передать только инструментовку верхарновского стиха, в других, касающихся города, я, отбросив рифмы, старался дать стремление его метафор и построение фразы, естественно образующей "свободный стих". Только в трех стихотворениях, посвященных войне, мне глубоко

чуждых, перевод которых был сделан по поручению, я соблюдал одновременно и рифму, и размер, и точность содержания, то есть делал то, что теоретически отрицаю.

Верхарн поэт неровный и никогда не доводивший формы своих произведений до конца, всегда боровшийся с формами французской речи, в которых не умещался его сложный и нечеткий германский дух.

Это давало мне право более свободно обращаться с его текстом, угадывая его намерения, досказывать по-русски то, что не могло быть выражено по-французски, и опускать в переводе стихи и строфы, что обременяли поэму. Поэтому мои переводы отнюдь не документ: это мой Верхарн, переведенный на мой язык.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРН (1855–1916)

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

О, вечера, распятые на сводах небосклона,
над алым зеркалом дымящихся болот...
Их язв страстна́я кровь среди стоячих вод
сочится каплями во тьму земного лона.
О, вечера, распятые над зеркалом болот...

О, пастыри равнин! Зачем во мгле вечерней
вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо Смерть взошла тяжелою стопой...
Вот... в свитках пламени... в венце багряных терний
Голгофы – черные над черною землей!..

Вот вечера, распятые над черными крестами, –
туда несите месть, отчаянье и гнет...
Прошла пора надежд... Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод...

1905

УЖАС

В равнинах Ужаса, на север обращенных,
седой пастух дождливых ноябрей
трубит несчастие у сломанных дверей –
свой клич к стадам давно похороненных.

Кошара из камней тоски моей былой
в полях моей страны унылой и проклятой,
где вьется ручеек, поросший бледной мятой,
усталой, скучною, беззвучною струей.

И овцы черные с пурпурными крестами
идут послушные, и огненный баран,
как скучные грехи, тоскливыми рядами.

Седой Пастух скликает ураган.
Какие молнии сплела мне нынче пряха?
Мне жизнь глядит в глаза и пятится от страха...

1904

НА СЕВЕР

С темными бурями споря
возле утесистых стен
два моряка возвращались на север
из Средиземного моря
с семьею сирен.

Меркнул закат бледно-алый.
Плыли они, вдохновенны и горды...
Ветер попутный, сырой и усталый,
гнал их в родные фиорды.
Там уж толпа в ожиданьи
с берега молча глядела...
В море сквозь сумерки синие
что-то горело, алело,
сыпались белые розы,
и извивались, как лозы,
линии
женского тела.

В бледном мерцаньи тумана
шел к ним корабль, как рог изобилья
вставший со дна океана.
Золото, пурпур и тело...
Море шумело...
Ширились белые крылья
царственной пены...

И пели сирены,
запутаны в снасти,
об юге, о страсти...

Мерцали их лиры.
А сумерки были и тусклы и сыры.
Синели зубчатые стены.
Вкруг мачт обвивались сирены.
Как пламя дрожали
высокие груди...
Но в море глядевшие люди
их не видали...

И мимо прошел торжествующий сон —
корабли подобные лилиям, —
потому что он не был похож
на старую ложь,
которую с детства твердили им.

1904

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

В дикой скачке тучи скачут.
Тучи в пляске завились.
Эй, Луна, берегись!

Мгла гудит и разрывается,
и деревья на полях
то застонут, то заплачут, —
выгибаются...
Эй, Луна, берегись!
Желтый лик больной Луны
мертвый пал в зеркальность пруда,
раздробясь о грань волны,
окруженный бледной просинью —
это ветер свадьбу правит с Осенью.
Эй, Луна, берегись!
Как тяжелый всадник, рвется ураган,
в двери бьет размашисто и хлестко,
и гуляет буйный, распален и пьян,
с рыжей Осенью по дальним перекресткам.
Эй, Луна, берегись!
Этот лик святой и чистый
звезд, лампады нимб лучистый
здесь не к месту средь разгула
пьяного, тяжелого,
там, где Осень с Ветром потеряли голову...
В судоргах объятий
вздохи все короче.
Беспредельность ночи...
Да лишь лес кричит из вихря и тумана
под ударами ночного урагана.
Эй, Луна, берегись!
Рыщут псы и липнет грязь на лапах.
От полей идет сырой и пьяный запах.
И на юг, на север, на восток, повсюду
разлилось дыхание похоти и блуда,
как кошмар прерывистый и рдяный.
Ветер с Осенью распутною и пьяной
в буйных судоргах упали и сплелись.
Эй, Луна, берегись!
И собаки воют, точно волки.

НОЯБРЬ

Большие дороги лучатся крестами
в бесконечность между лесами.
Большие дороги лучатся крестами длинными
в бесконечность между равнинами.
Большие дороги скрестились в излучины
в дали холодной, где ветер измученный,
сыростью вея,
ходит и плачет по голым аллеям.

Деревья, шатаясь, идут по равнинам.
В ветвях облетевших повис ураган.
Певучая вьюга гудит, как орган.
Деревья сплетаются в шествии длинном.
На север уходят процессии их.
О, эти дни "Всех Святых"...
"Всех Мертвых"...

Вот он – Ноябрь – сидит у огня,
грея худые и синие пальцы.
О, эти души, так ждавшие дня!
О, эти ветры-скитальцы!
Бьются о стены, кружат у огня,
с веток срывают убранство,
и улетают, звеня и стеня,
в мглу, в бесконечность, в пространство.
Деревья, мертвые... все в памяти слились.
Как звенья, в пеньи, в вечном повтореньи
ряды имен жужжат в богослуженьи.
Деревья в цепи длинные сплелись.
Кружатся, кружатся верны заклятью.
Руки с мольбою во тьме поднялись.
О, эти ветви, простертые ввысь,
Бог весть, к какому Распятью!

Вот он — Ноябрь — в дождливой одежде,
в страхе забился в углу у огня.
Робко глядит он, а в поле, как прежде,
ветры, деревья, звеня и стеня,
в сумраке тусклом, сыром и дождливом
кружатся, вьются, несутся по нивам.
Ветры и деревья, мертвые, святые,
кружатся и кружатся цепью безнадежною
в вечерах, подернутых серой мглою снежною.
Ветры и деревья... мертвые... святые...
И Ноябрь дрожащими руками
зажигает лампу зимних вечеров
и смягчить пытается слезами
ровный ход безжалостных часов.

А в полях все то же. Мгла все тяжелее...
Мертвые... деревья... ветер и туман.
И идут на север длинные аллеи,
и в ветвях безумных виснет ураган.
Серые дороги вдаль ушли крестами
в бесконечность тусклых, дремлющих полей.
Серые дороги и лучи аллей —
по полям... по скатам... вдаль... между лесами...

1904

ДЕКАБРЬ
(Гости)

— "Откройте, люди, откройте двери,
я бьюсь о крышу, стучусь в окно,
откройте, люди, я ветер, ветер,
одетый в платье сухих листов!"

— "Входите, сударь, входите, ветер,
для вас готовый всегда очаг;
труба дымится, камин побелен,
входите, ветер, входите к нам".

— "Откройте, люди, — я непогода,
во вдовьем платье, в фате дождя;
она сочится, она струится
сквозь тускло-серый ночной туман".

— "Входите смело, вдова, входите,
ваш сине-бледный мы знаем лик,
сырые стены и норы трещин
всегда готовый для вас приют".

— "Откройте, люди, замки, засовы,
я вьюга, люди, откройте мне,
мой плащ клубится и платье рвется
вдоль по дорогам седой зимы".

— "Входите, вьюга, царица снега,
просыпьте лилий своих цветы
по всей лачуге, вплоть до камина,
где в красном пепле живет огонь".

Мы беспокойны, мы любим север,
мы люди диких, пустынных стран,
входите, ветры и непогоды,
за все невзгоды мы любим вас.

1905

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Широкой молнией сквозь сизые туманы
разверст проход;

Святой Георгий, в золоте и в перьях,
на белом взмыленном коне без поводов
спускается...

Алмазный путь раскрыт
торжественному нисхождению на землю
святого милосердия небес.
Князь утренней зари,
сверкающий, звенящий и кристальный, –
о, как он озаряет ореолом
меча гудящего мое ночное сердце!
Я слышу свисты ветра
скользящего вокруг его кольчуги
и знамени в полете битв!
Святой Георгий, – сверкающий и приходящий
средь воплей моих желаний
поддержать
мои простертые к его опоре руки!
Подобно кличу великой веры
он держит прямо свое копье –
Святой Георгий.
Он полнит шумом золотым окрестность
небесную и пламенеющую;
он на челе несет сверканье мира –
Святой Георгий – рыцарь долга,
прекрасный сердцем и самим собой.

Звените, все голоса моей надежды!
Звените во мне, звените под ветвями
дорог залитых солнцем!
Серебряные блестки, будьте радостью камней!

Речные гальки,
откройте глаза в воде
сквозь влагу ваших век!
Земля с лазурными озерами,

будь зеркалом полетов огней
Святого Георгия – к моей душе!

Против зуба черного дракона,
против брони язвы и проказы, –
он мой меч и он моя защита;
милосердием горят его доспехи,
в мужестве его крушенье
черных побуждений и багровой хоти.

Золотые смерчи, ореолы,
вихри звезд и кольца ярых слав,
выбитых его копытом,
ослепляют память и глаза.
Это он – посланник дивный – белой,
осиянной мрамором страны,
где в садах у моря, на деревьях
вечно зреют нежность и любовь.
Знает он, каких я далей житель,
и какой туман в моем сознаньи,
и какими черными крестами
метил нож израненные мысли,
как я нищ добром,
какие расточил я силы,
и в каких личинах, и в каком безумьи,
и в каком позоре.

Малодушный, – я бежал в ограду
болестей и плачей бесполезных;
подымал, теснимый мраком, глыбы
золотого мрамора враждебных знаний
на высоты черных прорицаний:
только смерть царит над вечерами,
только утром радостны порывы;
лишь с цветами распускаются молитвы,
тем же ароматом дышат их уста;
утреннее солнце на воде жемчужной – то же,

что рука ласкающая – каждому и миру;
как откровенье, распускается рассвет, и каждый,
кто его услышал, тот спасен
от топи черной,
где ни одно вовеки прегрешенье отмыто не было.

Святой Георгий – быстрый и блестящий,
прыжками пламени сквозь радостное утро
промчался к моей душе:
и был он юн и был прекрасен верой;
и он склонялся тем ниже предо мной,
чем ниже я пригибал колени;
как золотом крепительным и тайным
он переполнил меня своим полетом
и нежным ужасом;
склонясь перед высоким видением,
сложил я в гордую и пламенную руку
печальные цветы моих скорбей;
и наложив на душу послушанье мужества,
и начертав копьем
крест на моем челе,
умчался он к престолу Господнему,
с собою унося мое земное сердце.

СТАТУЯ
Монах

Он крест здесь некогда воздвигнул на утесах
И город основал, придя, как пилигрим,
из дальних южных стран, – в руках пастуший посох,
великий под плащом монашеским своим.
Он чудеса творил. Народ внимал и плакал
на светлых просеках, в таинственных лесах,

где прорицал языческий оракул
и руны древние чернели на камнях.
Он стал потом как сон невозвратимым,
и был он весь – печаль и красота,
что некогда сползла с позорного креста
к скорбящим и гонимым.
Он бережно хранил их хрупкие сердца,
разбитые безжалостной рукою;
он обещал им счастье без конца
и убаюкивал евангельской мечтою.
Потом король, палач и судия
его слова, принявши, исказили,
и тексты древние явились в новой силе,
как меч карающий, законов бытия.
И против милости, которую с любовью
на обездоленных он призывал,
восстала жизнь, внезапная, как шквал,
безумная и залитая кровью.
Но он в сердцах растопленных пребыл,
как солнце кроткое смиренья и прощенья,
и черпало народное терпенье
в его лучах источник новых сил.
И празднуют его весною, в мае, рано –
целителя болезней и скорбей,
и матери несут детей
омыть в струе старинного фонтана.
Звучит в конце печальных литаний
широкое и благостное имя
в сияньи свеч, в колеблющемся дыме,
в мерцаньи риз, крестов и панагий.
На фоне старого романского портала
встает его годами стертый лик,
и камень весь дрожит, когда несется зык
с высот зовущего металла.

ДЕРЕВО

Одинокое, –
лето ль баюкает, треплют ли зимы,
иней ли ствол серебрит, иль зеленеет листва,
вечно – сквозь долгие дни гнева и нежности –
оно налагает свое бытие на равнины.

Сотни и сотни лет видит всё те же поля,
те же пашни и те же посевы.
Ныне умершие очи –
очи отдаленнейших предков –
видели,
как петля за петлей заплеталась кольчуга
крепкой коры и сильные ветви,
мирно и мощно царило оно над работами дня,
ложе из мха в косматых ногах раскрывая
в полдень усталым жнецам,
и сладок был сумрак его
детям, любившимся здесь –
некогда.

Ранним утром по нем в деревнях
определяют погоду:
оно причастно тайнам клубящихся туч
и солнц, на заре замутненных.
Оно – образ былого на страже осиротелых полей.
Но как бы глубоко проедена плоть ни была его
памятью, –
только январь склоняться начнет,
и соки в старом стволе забурлят, –
всеми ветвями своими и завязью почек –
руки и губы его! –
оно, напрягаясь в едином порыве, кидает свой крик
в будущее...

Нитями вешних лучей и дождей закрепляет
нежные ткани листов, напрягает узлы,
ветви свои расправляет,
выше к небу подымает чело,
так далеко простирает жадные корни,
что истощает болото и пашни соседние,
и порой
вдруг остановится — само пораженное
яростью этой работы — немой и глубокой.
Но чтоб расцвесть и царить во всей полноте своей силы,
выдержать столько борьбы приходилось зимою:
ветра ножи, проникавшие в тело,
толчки ураганов и бешенство бури,
иней, как острый напильник,
ненависть дробного града и снежной метели,
мертвый мороз, проникавший
белым зубом до самых глубинных волокон, —
все было вязким страданьем и болью звенящей...
Но оно никогда и ни разу
не отказалось от воли к расцвету,
более полному, более пышному
каждой новой весною.

В октябре, когда золото блещет в листве его,
часто шаги мои, тяжко-усталые,
но все же широкие, я направлял в богомолье
к этому дереву, пронзенному ветром и осенью.
Как исполинский костер листьев и пламени,
оно подымалось спокойно в синее небо —
все напоенное миллионами душ,
певших в дуплистых ветвях.
Шел я к нему с глазами, повитыми светом,
трогал руками его, и чувствовал ясно,
как движутся корни его под землей —
нечеловеческим мощным движеньем.
Я грубою грудью своей к стволу приникал
с такою любовью и страстью,

что строем глубоким его и целостной мощью
сам проникался до самого сердца.
Смешан и слит с глубокой и полною жизнью,
я прилеплялся к нему, как ветвь средь ветвей,
глубже любя эту землю, леса и ручьи –
это великое голое поле с клубящимся небом.
Жребий не страшен, и руки
жаждут пространство обнять,
мускулы тело легчат,
и кричал я: "Сила – свята!
Надо, чтоб сам человек метил печатью ее
дерзкие планы свои – грубо и страстно.
Рая ключарница – ей право выламывать двери".
Ствол узлистый без памяти я целовал...
Когда же вечер спускался с небес,
я терялся в мертвых полях,
шел неизвестно куда, прямо вперед, пред собой –
с криком бьющим со дна сумасшедшего сердца.

23 ноября 1916

ЛЮБОВЬ

Спокойным вечером ласкающего мая
идущие сюда гулять меж светлых дюн
влюбленные
не думают о том,
что их любовь подобна
плющу, завившему каменья этих стен.

Они идут так медленно,
что тело их кажется усталым,
но верески, но мхи, но мята, но полынь,

но каждый камень, каждая песчинка,
и скромная тропа, ведущая их шаг, —
следя за отягченною любовью
четой обнявшихся,
творят молитву о вечно плодоносной почве
Фландрии.
А издали, за крышами домов,
высокая, резная колокольня
глядит на них старинными часами.
Ты, девушка, ты, парень из деревни,
любитесь крепче в этот мирный вечер:
час благоприятен — только ветер слышит
короткое дыханье сплетенных страстью тел.
В ваших сердцах сосредоточена та жизнь,
что столько дней и столько лет упорно
питается, растет и крепнет по опушкам
суровой Фландрии.
И дюна мощная с ее широким светом
и влажные поля с кустарником вокруг,
лачуги скромные и тесные ограды,
все любятся сейчас любовью вашей.
Они вас сделали такими, как вы есть:
тебя — суровым, грубым, молчаливым,
тебя — здоровой, крепкой и румяной,
как полевой букет родных цветов.
Они ведь знают лучше, чем вы сами,
влюбленный лепет ваших смутных чувств.
Слова любви — они ведь нашептали
тем, кто любились здесь,
с тех пор, как Фландрия умеет говорить.
Вы любите, как некогда любили
те, что спят на кладбище;
вы любите согласно возрасту и жребию,
как ваши предки смуглые любили русых жен,
и как со временем любиться будут те,
которые родятся от вашей любви,
когда умрете вы.

Ты, девушка, ты, юноша, — вы, дети
приморских деревень и горького песка,
идите вечером, лицом на запад, к морю
в тот час, когда закат пылает на песках.
Жизнь будет вам тяжелой и суровой:
мужчине — море, женщине — дитя.
Но дух, живущий в вас, суровый и упорный,
умеет скрыть печаль и удержать слезу.
Вам долго маяться: и месяцы, и годы,
под шум и плач крикливой детворы,
в рыбацкой хижине средь снасти и сетей.

И будет вам единственным желаньем —
чтоб жадная беда убогий ваш очаг
и счастье скромное не жалила до крови.
О злой сосед — свирепый Океан!
Улов потерянный, грозящая погибель,
растущий вал, внезапный ураган
под звездами жестоких равноденствий!
Вы будете терпеть, склонив упрямый лоб,
тяжелый натиск разъяренной жизни —
герои, — сами того не ведая!
Но Фландрия, которой нужно племя
упорное,
гордится и следит за каждым вашим шагом.
Поэтому, когда в вечерний час
идете вы обнявшись —
молодые, тяжелые любовью, —
издалека резная колокольня
глядит на вас старинными часами.

МИКЕЛЬАНДЖЕЛО

Когда Буонаротти вошел в Сикстинскую капеллу —
он насторожился,

как бы прислушиваясь;
потом измерил взглядом высоту,
шагами – расстоянье до алтаря,
обдумал свет, сочащийся сквозь окна,
и то, как надо взнуздать и укротить
крылатых и ретивых коней своей работы…
Затем ушел до вечера в Кампанью.

И линии холмов и массы гор
в его мозгу теснились могучими изгибами;
в узлистых и разлатых деревьях,
изогнутых и скрюченных от ветра,
он видел напряженье спины, изгибы торсов,
и порывы простертых к небу рук…
В эти минуты в глазах его все человечество
– движенья, жесты, позы – принимало
расширенный и полный облик всех вещей.
Он возвратился в город ночью,
и торжествующий, и недовольный собою,
потому что ни одно из прожитых видений
в душе его не умиротворилось в статую.

На следующий день пред вечером
недовольство в нем прорвалось, подобно грозди
черных виноградин,
и к Папе пошел он ссориться:
"Зачем он – Микельанджело – ваятель
выбран, чтобы писать по влажной штукатурке
святую легенду на потолке часовни?
Сикстинская капелла темна и плохо построена:
и самый яркий день в ней не разгонит ночи!
И что за толк трудиться над темным потолком,
чтоб мрак расцвечивать и сумрак золотить?
И, наконец, откуда и кто ему достанет балки
для подмостков такой величины?"
Папа, не меняя выраженья лица, ответил:
"Я прикажу срубить мой самый крупный лес".

И Микельанджело ушел обратно в город,
враждебный Папе, миру, людям, и ему казалось,
что в закоулках дворца, скрываясь в тени,
за ним следят враги, заране осуждая
неистовство, и мрачность, и величье
нового творенья, что зрело в его душе.
Стал сон его одним огромным взмывом
трагических телодвижений, вздымавшимся в мозгу.
Он с вечера ложился на спину на ложе
и нервы продолжали гореть во время отдыха;
он весь звенел, дрожащий как стрела,
вонзившаяся в стену.
Чтоб растравить еще свои обиды ежедневные,
он распалялся страданьями и просьбами своих.
И грозный мозг его, казалось, был пожаром
огней снедающих и пламеней грозящих.
Но чем сильней его страдало сердце,
чем глубже проникали горечь и обида,
чем больше ставил он препятствий самому себе,
чтоб задержать миг молнии и чуда,
внезапно преображающий работу, –
тем полнее зрело в душе
творенье пламенеющее и мрачное,
чье торжество и страх он нес в себе.

То было в мае;
звонили к утрени;
он, наконец, вернулся в Сикстинскую капеллу.
Силой мысли
он собрал свои идеи в связни:
группы резкие и четкие, и линии широкие и ясные
пред оком зыбились в спокойном ровном свете.
Подмостки были построены так крепко,
что могли вести на небо;
широкий, ясный свет сиял под сводами,
лаская выгибы и зажигая стены;
Микельанджело взбежал по сходням,

легкий, шагая через три ступеньки.
Новый пламень разгорался под веками;
пальцы с лаской ощупывали камень,
который должен был одеться славой и красотой.
Затем он торопливо спустился
и твердою рукою двери
замкнул на ключ.
Он затворился на дни, на месяцы, на годы,
свирепо охраняя неприступность и тайну
своей работы – одинокой и неисчетной;
каждый день с рассветом, той же тяжелой поступью,
он переступал порог часовни
и, между тем как солнце вдоль стен описывало круг,
он, как поденщик, – молчаливый и яростный,
трудился над бессмертным созданием.

Уже
двенадцать вспарущенных сводов замыкали
семь Пророков и пять Сивилл,
упорно проникавших в текст вещих книг,
незыблемо сковавший
живую зыбь грядущего.
Вдоль по карнизу пронизанные светом тела
лепились дерзко,
торсы их и спины населяли архитрав
цветущей зрелостью и осмугленной плотью.
Пары нагих детей фронтоны подпирали;
гирлянды здесь и там тянулись фестонами;
Змий Медный выступал из глубины угла;
Юдифь кичилась кровью Олоферна;
Как зданье рушился огромный Голиаф;
и к небесам вздымалась казнь Амана.

День ото дня, без отдыха, без срока,
без ошибок и без поправок,
росло и утверждалось
творенье в стройной полноте.

Вскоре
посередине свода развернулась книга Бытия:
Бог, как атлет, боролся с предвечным хаосом,
с водами и с землей;
солнце и луна двойной печатью отметили
на пламенном и новом небе свои места;
Иегова устремлялся в пространства,
повитый светами и бурями несомый;
небо, море и горы жили мощной жизнью –
широкой, медленной и строго размеренной;
Ева в изумленьи перед своим Творцом,
сложивши руки, колена преклоняла;
Адам же чувствовал перст Бога ревнивого,
касающийся пальцев, – призыв к деяниям;
Каин и Авель готовили дары;
а Искуситель, став женщиной, тяжелой грудью
украшал властительное Древо;
под золотыми лозами заветного точила
Ной опьяненный преклонялся к земле;
и черный Потоп распростирал в полете
крыло воды над лесом и землей.

В работе титанической, что он вершил один,
Иеговы пламенем горел Буонаротти;
он создавал искусство сверхчеловечное;
он населил плафон свой новой расой
существ великих, неистовых и мыслящих.
Гений его сверкал суровый и судоржный,
подобный духу Данта и Савонароллы;
уста, что он отверз, вещали слова иные,
и очи, им разверстые, провидели иные судьбы;
под лбами вознесенными
и в гордых торсах бился
и рокотал его глубокий, его великий дух;
он пересоздал по-своему и мир и человека.

В холодный осенний день
узнали, наконец,

что работа в Сикстинской капелле окончена
и удалась.
И стала хвала расти, подобная приливу
волнами страстными и рокотом широким.
Но папа Юлий Второй молчал…
Его молчанье было, как ожог.
И мастер снова ушел в свое уединенье.
Он с радостью вернулся
к старым своим мученьям,
и гнев, и гордость, и непонятная тоска,
обиды, подозренья
устремили снова
свой ураган трагический сквозь душу
Микельанджело.

ГОРОД

Все пути в город ведут…
Там
из тумана и дыма,
громоздя над ярусом ярус,
точно со дна сновидений,
Город встает.

Там
мосты из стали сплетенные кинуты
прыжками сквозь воздух;
глыбы камня, пилястры, колонны
возносят лики Горгоны;
предместья дыбятся башнями;
трубы, и вышки, и шпили —
в ломаных взлетах над крышами…
Это Город-спрут
дыбом взметнулся
в глубине равнины над пашнями.

Там
красные светы
вздеты
на столбы и высокие мачты, —
светятся даже в полдень,
подобно чудовищным яйцам.
Солнца не видно —
света исток затянут
углем и дымом.

Там реки из нефти и олова
бьют о камни и сваи.
Резкие свисты проходящих судов
от страха воют в тумане;
зеленый сигнал — их взгляд
в океан, в пространство.

Там
на набережных гулко звенят, сталкиваясь, вагоны,
лязгают цепи, краны скрипят, дребезжат фургоны,
тяжко весы роняют темные кубы,
тюки по трапам скользят в огненные подполья,
спины мостов разверзаются посередине,
в чаще снастей подымаясь, подобно
виселицам; а медные буквы
вдоль по крышам, карнизам и стенам
стремятся изназвать вселенную.

Сверху вертятся колеса, проносятся кебы,
летят поезда, устремляя усилья
к станциям, версты и версты
тянущим нити огней золотого фронтона.
Рельсы ползут, разветвляясь, под землю,
вдоль по туннелям, по кратерам,
чтобы вновь появиться и, сталью сверкая, мчаться мимо
в облаке пара и дыма.

Все пути в Город ведут.
Это Город-спрут.

Улица — петли ее, как узлы,
вкруг монументов захлестнуты —
уходит и снова приходит обходами.
Неразрешимые толпы ее
с руками безумными, лихорадочным шагом,
с завистью злобной в глазах,
жадно хотят ухватить уходящее время.
Ночью, вечером, утром,
в шуме, в спорах, в тоске,
наобум кидают они
страстное семя своей работы,
уносимое временем.
И в порывистом ветре безумия их
хлопают двери темных и скучных контор,
двери банков и мрачных притонов.
На улицах пятна ватного света
разодранно-красного, точно горящее вретище,
отступают от фонаря к фонарю.
Жизнь алкоголем заквашена,
бары разверзают на тротуары
зеркальные скинии,
в которых дробятся опьянение и буйство.
Слепая свет продает у стены —
по копейке — коробку.
Голод и блуд обнимаются в дальних углах,
и черный порыв ярости плотской
пляшет танец смерти в глухих переулках.
Вожделенье растет и растет,
ярость становится бурей,
давят друг друга, не видя, жаждут
упиться золотом, пурпуром, телом.
Женщины — бледные идолы — бродят
со знаками пола в своих волосах.
Воздух, воспаленный и рыжий,

иногда от солнца отхлынет, день обнажая. —
И тогда — это точно великий крик,
кинутый хаосом к свету:
площади, рынки, дома и дворцы
ревут, распаляясь, с такою яростью,
что умирающий ищет напрасно минуты молчанья,
которое нужно глазам, чтоб закрыться навеки.

Днем он таков.
Меж тем, когда вечера
ваяют небесные своды ударами черного молота,
Город вечерний вдали царит над равниной,
как образ безмерных ночных упований.
Он воззывает желанья, великолепья и чары,
зарево меди кидает до самого неба.
Газ мириадный мерцает золотой купиною.
Рельсы становятся дерзкой тропою, ведущей
к лживому счастью в сопровожденьи удачи и силы.
Стены его представляются издали крепостью,
и все, что идет от него — и туманы, и дымы —
светлым призывом доходит к далеким селеньям.

Это Город-спрут —
осьминог пламенеющий,
гордый скелет на распутьи.
И все дороги отсюда
ведут в бесконечность —
к Городу.

29 ноября 1916

ДУША ГОРОДА

Во мгле потонули крыши:
колокольни и шпили скрыты
в дымчато-красных утрах,
где бродят сигнальные светы.

По длинной дуге виадука
вдоль тусклых и мрачных улиц
грохочет усталый поезд.
Вдали за домами в порте
глухо трубит пароход.

По улицам душным и скучным,
по набережным, по мостам,
сквозь сизый сумрак осенний
проходят тени и тени —
толпы живущих там.

Воздух дышит нефтью и серой,
солнце встает раскаленным шаром,
дух внезапно застигнут
невозможным и странным.
Ревность к добру, или клубок преступлений —
что там мятется средь этих строений?
Или над крышами черных кварталов
это встают на последней мете
башни пилонов, колонны порталов,
жизнь уводящих к безмерной мечте?

О, века и века над ним, —
великим прошлым своим —
пламенеющим городом, полным,
как и в этот утренний час, — призраков!
О, века и века над ним
с их огромной преступной жизнью,
бьющей, — о, сколько лет! —
в каждое зданье, в каждый камень
прибоем безумных желаний и гневов кровавых!

Сперва — вблизи двух-трех лачуг — священник-пастырь;
приют для всех — собор, и сквозь узор оконниц
сочится свет церковных догм к сознаньям темным.
Стена, дворец и монастырь, зубцы на башнях,

и папский крест, которым мир овладевает,
монах, аббат, король, барон, рабы, крестьяне,
каменья митр, узорный шлем, камзол и ряса;
борьба страстей: за честь герба, за честь хоругви;
борьба держав... и короли неполновесный
чекан монет хотят прикрыть гербами лилий,
куют ударами мечей свои законы
и суд вершат на площадях слепой и краткий.

Потом рождается – как медленно! – гражданство:
те силы, что хотят из права прорасти.
Народа когти против челюстей правителей...
И яростные морды в тени, в подпольях зазыванье
Бог весть к какому идеалу, скрытому в туманах,
набаты плавят в вечерах неведомые ярости;
слова освобожденья и надежды – в атмосфере,
насыщенной кипеньем мятежей;
страницы книг, внезапно просветленных,
жгут чувством истины, как Библии когда-то;
герои светлые, как золотой ковчег, откуда
выходят совершенья вооруженными и крепкими;
надежда безумная во всех сердцах
сквозь эшафоты, казни и пожары
и головы в руках у палачей...

Городу – тысяча лет –
терпкому долгому городу.
Страстному натиску дней,
Тайным подкопам народов
не устает он противиться.
Сердце его – океан, нервы его – ураган!
Сколько стянула узлов эта упорная воля!
В счастьи сбиратель земель,
сломленный – ужас вселенной –
всюду в победах своих и разгромах
он остается гигантом:
гудит его голос, имя сверкает,

светы его среди ночи пылают
заревом медным до самого звездного свода.

О, века и века над ним!

В эти мрачные утра душа его
дышит в каждой частице тумана
и разодранных туч:
душа огромная, смутная, подобная этим соборам,
стушеванным дымною мглой;
душа беспокойная в каждой из этих теней,
спешащих по улицам мрачных кварталов;
душа его, сжатая спазмами, грозная,
душа, в которой прошедшее чертит
сквозь настоящее смутные лики наступающих дней.
Мир лихорадочный, мир буйного порыва,
с дыханием прерывистым и тяжким,
стремящийся к каким-то смутным далям;
но мир, которому обещаны законы
прекрасные и кроткие, – они
ему неведомы, но он добудет их
когда-нибудь из глубины туманов.
Угрюмый мир, трагический и бледный,
кладущий жизнь и дух в один порыв,
и день, и ночь, и каждый час несущий
все – к бесконечности!

О, века и века над ним – городом буйным!
Старая вера прошла, новая вера куется.
Она дымится в мозгах, она дымится в поте
гордых работою рук, гордых усильем сознаньях;
глухо клокочет она, подступая к самому горлу
тех, кто несет в груди уголь желанья
громко крикнуть ее, с рыданьями кинуть в небо.

Отовсюду идут к нему –
от полей, от дальних селений,

идут испокон веков, из незапамятных далей.
Бити вечных дорог,
свидетели их стремленья:
этот живой поток –
сердца его биенье.

Мечта! мечта! Она превыше дымов
отравленных его вознесена.
И даже в дни сомненья и уныния
она царит над заревом ночей,
подобно купине, пылающей звездами
и черными коронами...

Но что до язв? То было и прошло...
Что до котлов, где ныне бродит зло?
Коль некогда сквозь недра туч багровых,
в лучах изваянный, сойдет иной Христос
и выведет людей из злой юдоли слез,
крестя огнем созвездий новых!

ГОРОДА

О, эти города, напитанные ядом гнилого золота!
О, каменные вопли, взлеты и жесты дыма,
и купола, и башни, и колонны
в звенящем воздухе средь кипени труда...

Ты возлюбил ли ужас и тоску их,
странник,
печальный и задумчивый,
на огненных вокзалах, что опоясали вселенную?
О, вихрь колес сквозь горы и пространство...

Набат глухой и тайный, что лихорадил душу твою,
он в городах гудел по вечерам; их пламя
неисчислимое и красное твой озаряло лоб,
их черный лай и мстительные крики, и улюлюканье охоты
были лаем, криком и травлей твоей души;
все существо твое глубоко искажалось их богохульствами,
и воля твоя была добычей их потока:
вы ненавидели друг друга, обожая.

О, взлеты их, кощунства, преступленья,
вонзенные, как в спину нож, закону!
Сердца колоколов и лоб их колоколен
забыли их жертв число;
чудовищные их нагроможденья заслоняют небо;
ужас века сосредоточен в них;
но их душа таит тот вечный миг,
что в неисчетных днях собою метит время.
История была плодотворима
из века в век приливом их идей;
их мозг и кость питались новой кровью,
что в старый мир вливаются надеждой
и гением.

Они калят дерзанья, причащают
пространствам и колдуют горизонты;
их притяжения вникают в дух, как яд;
и каждый вознесенный над другими, —
ученый ли, апостол иль поэт —
несет свой пламенник в пыланье их пожаров.
Они в неведомое строят лестницы
для восхожденья дерзностных исканий,
светлыми ногами топчут ложь, что заковала цепью
мир с человеком, человека с Богом.

Видали ль ночью вы короны их огней
и храмы из стекла и золота, откуда
чудовищные взгляды одетых медью стекол
устремлены к созвездьям сиви́ллинским?

В кварталах молчаливых посещали ль
лаборатории, в которых неотступно
от вывода до вывода, от связи и до связи,
сквозь бесконечности преследует ученый
мельчайший трепет жизни?

Тот человек, что судит, мыслит, волит,
ими весит и мерит сам себя.
Все тайны, все загадки мира
им служат ставкой уже целый век
в борьбе великой с судьбами.
О, ярость знания и осторожность схваток!
Загадка здесь – ее следят и травят,
и настигают, как зверя свирепого,
чтоб уловить мгновение, когда
ее глаза, раскрытые внезапно, разорвут
покровы тьмы и истину откроют.
Тогда пусть ветры, волны, и небеса, и звезды,
и тяжкие мосты, что давят глыбы устоев каменных,
базальты порта и градские стены
трепещут на четыре стороны пространства, –
они не потрясутся столь полной радостью,
как страстный дух искателя
пред новою победой.
Нечто в мире внезапно изменилось
этим взрывом света из темноты;
и все равно прославят иль ославят гений того,
кто выломал враждебные ворота,
что защищали тайну, –
сила его поглощена великой силой городов:
их бытие еще полнее ею.

Так те, что мыслят, будущему мира
от времени до времени несут ярь мозга своего;
а между тем встают еще иные,
те, что горят с толпой и для толпы.

Огни болотные и мученики грезы,
они провидят ее идущей по садам мучений
и крови — к светлому свершению времен,
когда дух справедливости проникнет человека.
Ложь издала законы — тексты черных истин;
их надо грызть всечасно,
ожидая, пока не сломят их тараны мятежа;
а если надо кровавых удобрений для светлых всходов,
если нужен великий гнев для полноты любви,
если нужно исступленье для сердца рабьего, —
то гулы набатов черных взмоют города
рыкающим приливом вкруг новых прав.

Там, наверху, в кварталах старых, в тусклых залах,
где светы газа безграничат жесты,
а голоса, и кулаки, и крики трибунов светлых
утверждают потребность всех нормальным кругом права,
таблицы, тексты, правила, системы и библии
даются в передержках торжественных речей:
для человека в мире нет господина иного, чем он сам,
а в нем самом владычествует — мир;
оратор говорит и сильно, и высоко; слово его сверкает,
косматое и истребительное, как полет кометы,
как знамя безумное, простертое к победе;
а если он берет толпу трамплином —
что до того? он тот, чья воля полна через край
вскипающими токами расцветов;
отчаянья, и ярости, и гневы,
и грозовое молчание горят в его руках;
как некий тайный властелин, он видит
подземное глухое набуханье внезапных сил.
Когда ж в согласии простом и неизбежном сопрягутся
полет искателя с порывами трибуна,
то нет у неба такой грозы,
таких громов у власти, у порядка такого произвола,
чтоб раздавить собой победу мировую.

1916

ТОЛПА

В городах из сумрака и черни,
где цветут безумные огни;
в городах, где мечутся, беснуясь,
с пеньем, с криками, с проклятьями, кипя,
как в котле, – трагические толпы;
в городах внезапно потрясенных
мятежом иль паникой, – во мне,
вдруг прорвавшись, блещет и ликует
утысячеренная душа.
Лихорадка с зыбкими руками,
лихорадка в буйный свой поток меня
увлекает и несет, как камень, по дорогам.
Разум меркнет,
сердце рвется к славе, или преступленью,
и на дикий зов единокупной силы
я бегу из самого себя.

Ярость ли, безумие, любовь ли, –
все пронзает молнией сердца;
все известно прежде, чем сознанье
верной цели в мозг впилось, как гвоздь.

Факелами потрясают руки,
рокот волн на папертях церквей,
стены, башни, вывески, вокзалы –
пляшет все в безумьи вечеров.
Простирают мачты золотые светы
и отчаянные огни,
циферблаты отливают кровью;
и когда трибун на перекрестке
говорит, то ловишь не слова –
только жест, которым исступленно
он клеймит венчанное чело
императора и рушит алтари.

Ночь кипит и плещет грозным шумом,
электричеством напитан воздух,
все сердца готовы отдаться,
душа сжимается безмерною тревогой, разрешаясь
криками... и чувствуешь, что каждое мгновенье
может вспыхнуть, иль раздавить рождающийся мир.
Народ — тому, кому судьба судила
руки, владеющие молнией и громом,
и власть открыть средь стольких смутных светов
ту новую звезду, которая пребудет
магнитом новой всемирной жизни.
Чувствуешь ты, как прекрасно и полно
сердце мое
в этот час,
в сердце мира поющий и бьющий?

Что нам до ветхих мудростей, до солнц
закатных отсиявших истин?
Вот час кипящий юностью и кровью,
вот ярый хмель столь крепкого вина,
что всякая в нем гаснет горечь;
надежда широкая смещает равновесья,
что утомили души:
природа ваяет новый лик
бессмертья своего;
все движется, — и сами горизонты идут на нас.
Мосты, аркады, башни
потрясены до самых оснований.
Внезапные порывы множеств
взрывают города.
Настало время крушений и свершений,
и жестов молнийных, золотых чудес
на высотах Фаворов осиянных.

Как волна, потерянная в реках,
как крыло, исчезшее в пространство,
утони, душа моя, в толпе,

бьющей город торжествующею яростью и гневом.
Посмотри, как каждое безумье,
каждый ужас, каждый клич калятся,
расплавляются и прыщут в небо;
собери в единый узел миллионы
напряженных мускулов и нервов;
намагниться всеми токами,
отдайся
всем внезапным превращеньям
человека и вещей,
чтоб ощутить внезапно, как прозренье,
грозный и жестокий закон, что правит ими, —
написанным в тебе.

Жизнь, согласись с судьбою, что толпа,
сама того не зная, возглашает
этой ночью, озаренной томленьем духа.
Она одна глубинным чувством знает
и долг, и право завтрашнего дня.
Весь мир и тысячи неведомых причин
поддерживают каждый ее порыв
к трагическим и красным горизонтам
творимым ею.

Грядущее! я слышу, как оно
рвет землю и ломает своды в этих
городах из золота и черни, где пожары
рыщут, как лев с пылающею гривой.
Единая минута, в которой потрясены века,
узлы, которые победы развязывают в битвах.
Великий час, когда обличья мира меняются,
когда все то, что было святым и правым, —
кажется неверным,
когда взлетаешь вдруг к вершинам новой веры,
когда толпа — носительница гнева, —
сочтя и перечтя века своих обид,
на глыбе силы воздвигает право.

О, в городах внезапно потрясенных
кровавым празднеством и ужасом ночным,
чтоб вознести и возвеликолепить — себя,
душа моя, замкнись!

Июнь 1917

ЗАВОЕВАНИЕ

Земля дрожит раскатом поездов,
кипят моря под носом пароходов;
на запад, на восток, на север и на юг
они бегут,
пронзительны и яростны,
зарю, и ночь, и вечер разрывая
свистками и сигналами.
Их дымы стелятся клубами средь туманов
безмерных городов;
пустыни, отмели и воды океанов
грохочут гулами осей и ободов;
глухое, жаркое, прерывное дыханье
моторов взмыленных и паровых котлов
до самых недр глубинных потрясает
землю.

Усилья мускулов и фейерверк ума,
работа рук и взлеты мыслей дерзких
запутались в петлях огромной паутины,
сплетенной огненным стремленьем поездов
и кораблей сквозь пенное пространство.
Здесь станции из стали и стекла,
там города из пламени и теней,
здесь гавани борьбы и сновидений,
мосты и молы, уголь, дымы, мгла;

там маяки, вертясь над морем бурным,
пронзают ночь, указывая мель;
здесь Гамбург, Киль, Антверпен и Марсель,
а там Нью-Йорк с Калькуттой и Мельбурном.
О, этих кораблей в путях заросший киль!
О, груз плодов и кож, для неизвестных целей
идущий сквозь моря самумов и метелей,
сквозь ярость бурь и раскаленный штиль!
Леса, лежащие на дне глубоких трюмов,
и недра гор на спинах поездов;
и мраморы всех пятен и цветов,
как яды темные, запекшиеся руды,
бочонки и тюки, товаров пестрых груды,
и надписи: Кап, Сахалин, Цейлон.
А возле них, кипя со всех сторон,
взмывает и бурлит, и бьется в исступленьи
вся ярость золота... Палящее виденье!

О, золото! кровь беспощадной, вседвижущей силы,
дивное, злое, преступное, жуткое золото!
Золото тронов и гетто, золото скиний,
золото банков-пещер, подземное золото, —
там оно грезит во тьме, прежде чем ринуться
вдоль по водам океанов, изрыскать все земли,
жечь, питать, разорять, возносить и мятежить
сердце толпы — неисчетное, страстное, красное.
Некогда золото было богам посвященным
пламенным духом, рождавшим их молнии.
Храмы их подымались из праха нагие и белые,
золото крыш отражало собою их небо.
Золото сказкою стало в эпоху русых героев:
Зигфрид подходит к нему сквозь морские закаты,
видит во тьме ореолы мерцающей глыбы,
солнцем лежащей на дне зеленого Рейна.
Ныне же золото дышит в самом в человеке,
в цепкой вере его и в жестоком законе,
бродит отсветом бледным в страстях его и безумьи,

сердце его разъедает, гноит его душу,
тусклым бельмом застилает божественный взор.
Если же вдруг разражается паника – золото
жжет, пепелит и кровавит, как войны, как мор,
рушит безмерные грезы ударами молота.

Все же
золото раз навсегда в человеке вздыбило
волю – к завоеванью безмерного.
О, ослепительный блеск победителя-духа!
Нити металла – носители быстрого слова
сквозь сумасшедшие ветры, сквозь сумасшедшее море
тянут звенящие нервы одного огромного мозга.
Все повинуются некому новому строю.
Кузня, в которой чеканят идеи, – Европа.
Расы древних культур, – расчлененные силы,
общие судьбы свои вы вяжете вместе с тех пор,
как золото жалит ваш мозг общим желаньем!
Гавани, липкие молы от дегтя и вара,
черные склады, кипящие штольни, гудящие домны,
ваша работа вяжет все уже узлы паутины
с тех пор, как золото здесь, на земле,
победило золото неба!
Золото жизни иль золото смерти, – страстное золото
Азию тянет петлей, проливается в Африку;
золото – скиптр океанов, бродячее золото,
с полюсов белых срывается к рыжим экваторам.
Золото блещет в победах, в разгромах мерцает,
золото кружится в звездных орбитах веков,
золото властно ведет в державно намеченных планах
мачты своих кораблей, рельсы своих поездов
вдоль по пустыням земли, вдоль по водам океанов...

30 ноября 1916
Коктебель

ОКРОВАВЛЕННАЯ БЕЛЬГИЯ

Уж скоро тридцать лет,
как в радостном и дружном напряженьи
росло свободное движенье
всечеловеческих побед.
А войны
казались людям тех годов
проклятым местом старой бойни
сокрытым чащею разросшихся цветов.

Был запад горд под небом беспечальным
и мыслить, и творить в согласьи музыкальном,
подобном плавному движению светил.
И каждый день прекраснейшие дали
раздвигали
прозренья тех, кто мыслил и учил.

Они поведали всемирно,
что с человеком человек
согласовать свободный бег
отныне может только мирно,
что право лепит силу так,
как сок весною ствол вздувает,
что справедливость побеждает,
что мысль надежней, чем кулак,
что правду высшего свершенья
откроет скоро человек,
что уж назрел прекрасный век,
когда враждебные теченья
должны свой бег соединить:
так электрическая нить
с другою в соприкосновеньи
рождает искру: да и нет
вдвоем дадут единый свет.

Так в летних сумерках возвышенно мечтая
и тон апостольский делами подтверждая,
они, гордясь собой и будущим людей,
дивились сами смелости своей.
А чрез поля, холмы, леса и воды
Европа кликами несла им свой привет,
и эти возгласы, звучавшие в ответ,
тревожили германские народы
вдоль Рейна грозного...
Для них союз людей
был праздной выдумкой, а их мечты достойны
лишь свист бичей, сверкания мечей
и землю гулом полнящие войны.

Размеренная ненависть жила
у них в душе. Трудились мастерские
всегда над новым примененьем зла.
Упорные, искусные, сухие —
они умели скрыть смертельных знаний плод.
В дни мира человек к другим идет
доверчивей: — они ж везде следили,
шпионили и молча стерегли;
а их мыслители догматику несли
на оправдание насилию и силе.
Слова свирепые и мрачные порой
вещались с высоты и правдой становились,
они заранее жестокости учились
во имя мудрости — грядущей, грозной, злой.
Боренье воль, свободное кипенье
страстей и дум, и дел — широкой жизни пир —
они отвергнули. Машинное их рвенье,
казалось, погасить хотело прочий мир.

И наконец они дождались: в исступленьи
холодной ярости, им заменившей честь,
и жгли, и грабили, пролили огнь и месть
на страны, города, соборы и строенья —

святилища наук, сокровища времен...
Ты – Франция! Ты – Бельгия! Врагами
окровавленные, принявшие удар!
Поведайте, как в эти дни пожар
метался в городах, клубился над лугами.

Вы бились доблестно за жизнь своих детей,
за честь могил, за мир родимых сеней, –
они ж искали жертв для новых всесожжений
жестокости своей.

В забытых хижинах – вдали военных станов,
где тяжким топотом прошел поток уланов,
мы видели ножи в груди у матерей
с червленными в крови и в молоке клинками,
и дряхлых стариков, стоящих вдоль путей
коленопреклоненными рядами
над ими же раскопанными рвами
и казни ожидающих своей.
Подростков-девочек в руках ватаги пьяной.
Солдаты тешились кровавым кутежом...
Когда же плоть детей была сплошною раной –
им вырезали грудь ножом.
Повсюду к городам из брошенных селений
спешили беженцы с безумием в глазах;
за ними шел поток огня и разрушений,
гудел набат в смятенных городах;
страна была, как разоренный улей...

А если им, подбитый меткой пулей,
немецкий труп встречался на пути –
в карманах брюк серебряные ложки,
браслет украденный случалось им найти
и детские отрубленные ножки.

О, Фландрия! каких невыразимых дел,
какого ужаса, безумия, трагизма

ты стала зрелищем! Как страшен твой удел
быть жертвой голода германского садизма!

ЗАЩИТНИКИ ЛЬЕЖА

Пусть мир войной кощунственной мятежим,
пусть родину, открытую врагам,
удастся размолоть германским жерновам, —
бессмертна слава их — за всех погибших там —
под Льежем!

Горе подобная
с устоев сдвинутой и рушащей лавины
в долины,
на города, на пашни, на равнины —
так двигалась Германия на нас,
огромная и злобная.

В тот страшный час,
когда бежали все, ища защиты... Где же?
Не все ли рушилось? Не всюду ль смерть и мрак?
Они одни держались в Льеже.

Они боролись так
затем, что ведали, что их отваге вверен
священный стяг
и Франции, и Рима, и Афин.
Сверх сил боролись все, и каждый пребыл верен
и против толп — один.

Кто думал в эти дни проклятий,
что враг со всех концов,
что против неисчетных ратей —

они – лишь горсть бойцов?
За город, за форты дерясь поочередно, –
за боем бой
выдерживали бодро и свободно;
и каждый шаг упорно кровеня,
сражались на бегу, не знали счета ранам, –
и ловки и быстры под ураганом
огня.
Когда же цеппелин под небом серно-рдяным,
внезапно в ночь вонзая зоркий взгляд,
их открывал прицелам и ударам –
никто не шел назад:
все, как один, вперед кидались с жаром
столь ярым,
что их уж не было на тех местах дорог,
куда срывался огненный поток.

Когда в хмелю атак
теснил ряды и шел на приступ враг,
кривые молнии сомкнувшихся орудий
хлестали веером живую стену грудей,
кося за рядом ряд,
и, опрокинув, гнали их назад.

Лонсен и Шофонтен, Бонсель, Баршон
гудели тяжкими стальными куполами
и день и ночь у них над головами;
был воздух взрывами и громом потрясен,
и сталь, и медь им рушились на шеи...
А между тем толпы ребят
вино и хлеб в траншеи
таскали для солдат.

С веселым юмором сердец неукротимых
беседа шла о подвигах простых,
и души даже самых молодых
в те ярые часы смертей неотвратимых

опасность сплавила, так крепко закаля,
что равных стойкостью не ведает земля.

В раскатах бури город,
пылая, ликовал
и с пламенем вдыхал
бесстрашие и порох.
Перерождаясь от огней,
дышали тверже груди,
существование людей
преображалось в чуде;
сверхчеловечеством был каждый озарен.

О, люди будущих времен!
Пусть мир войной кощунственной мятежим,
пусть родину, открытую врагам,
удастся размолоть германским жерновам —
бессмертна слава их — за всех погибших там —
под Льежем!

К БЕЛЬГИИ

Со дней последних битв, смывая дом за домом,
все смел и затопил сорвавшийся бурун.
И вот земля твоя: лоскут песчаных дюн
да зарево огней за темным окоемом.

Антверпен, Брюж, Брюссель и Льеж — из рук твоих
врагами вырваны и стонут в отдаленьи.
Твой стерегущий взор не видит их мученья,
в руках израненных защиты нет для них.

Как жены скорбные на побережьи моря,
ты учишься сносить удары ярых гроз,

упорствуешь, молчишь, лия потоки слез,
и терпишь до конца, с судьбою гордо споря.

Ты, побежденная, безмерно-велика!
Прекрасна, доблестна, светла, как в те века,
когда венчала честь вождей победных главы
и гибнуть стоило и жить во имя славы!

На эту пядь земли, где не закрыв лица
стоит герой-король под бурей безвозвратной,
ты собрала солдат — остатки силы ратной,
чтоб здесь трагически бороться до конца.

Ты так вознесена своей судьбою славной,
твой подвиг так велик, твой пламень так высок,
что образ твой в сердцах пребудет одинок
и нет в иных веках тебе по духу равной.

Пред этой жертвою, что́ смерть твоих сынов?
Пусть Ипр в развалинах, Диксмюд разрушен, пашни
затоплены водой, а труп сожженной башни
огромный высится на фоне вечеров!

О, пусть вся родина лишь в этом пепле рдяном,
ее мы любим так, что ниц упав пред ней,
мы будем целовать страдальный прах камней,
прижмем уста и грудь к ее священным ранам.

А если гнусный враг, недобрый выбрав час,
сожжет последний дом, страстей исполнив меру,
о, Бельгия моя, храни восторг и веру:
земля не умерла — она бессмертна в нас!

ХОЗЕ МАРИА ДЕ ЭРЕДИА (1839–1907)

БЕГСТВО КЕНТАВРОВ

Сорвавшись с дальних гор гудящею лавиной,
Бегут в бреду борьбы, в безумьи мятежа.
Над ними ужасы проносятся кружа,
Бичами хлещет смерть, им слышен запах львиный...

Чрез рощи, через рвы, минуя горный склон,
Пугая гидр и змей... И вот вдали миражем
Встают уж в темноте гигантским горным кряжем
И Осса, и Олимп, и черный Пелион...

Порой один из них задержит бег свой звонкий,
Вдруг остановится, и ловит запах тонкий,
И снова мчится вслед родного табуна.

Вдали, по руслам рек, где влага вся иссякла,
Где тени бросила блестящая луна –
Гигантским ужасом несется тень Геракла...

1904

PONTE VECCHIO

Там мастер ювелир, работой долгих бдений,
По фону золота вплавляя тонко сталь,
Концом своих кистей, омоченных в эмаль,
Выращивал цветы латинских изречений.

Там пели по утрам с церквей колокола,
Мелькали средь толпы епископ, воин, инок;
И солнце в небесах из синего стекла
Бросало нимб на лоб прекрасных флорентинок.

Там юный ученик, томимый грезой страстной,
Не в силах оторвать свой взгляд от рук прекрасной,
Замкнуть позабывал ревнивое кольцо.

А между тем иглой, отточенной как жало,
Челлини молодой, склонив свое лицо,
Чеканил рукоять тяжелого кинжала.

1904

СТЕФАН МАЛЛАРМЭ (1842–1898)

ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий,
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно-синий лед?

И Лебедь прежних дней, в порыве гордой муки,
Он знает, что ему не взвиться, не запеть:
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шеей отряхнет смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не позор земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной земного одеянья,
И стынет в гордых снах ненужного изгнанья,
Окутанный в надменную печаль.

•

... О, зеркало, – холодная вода, –
Кристалл уныния, застывший в льдистой раме!
О, сколько вечеров, в отчаяньи, часами,
Усталая от снов и чая грез былых,
Опавших как листы в провалы вод твоих,
Сквозила из тебя я тенью одинокой...
Но – горе! – в сумерки, в воде твоей глубокой
Постигла я тщету своей нагой мечты...

(Из "Иродиады")

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ (1864–1936)

КРОВЬ МАРСИЯ

Как голос вод в лесных ключах различен,
Так у дерев есть голос – долгий, смутный...
Прислушайся: у каждого свой голос в ветре.
И ствол немой передает листве живой
Подземные слова своих глухих корней.
Весь темный лес – один широкошумный голос.
Прислушайся, как дуб шумит, береза
Лепечет, замирая, глухо ропщут буки,
И стонут ясени, а беглый трепет ивы
Звучит почти как речь невнятная,
И слышатся в порывах
Морского ветра
Таинственные жалобы сосны...
Ее кора и ствол обагрены
Горячей кровью бедного сатира...

Марсий!
Я знал и видел
Марсия,
Чьей дерзкой флейтою была побита Лира.
Я видел, как он был привязан
Руками и ногами
К стволу сосны,
И рассказать могу,
Что было
Меж Богом и Сатиром,
Ибо видел,
Как он привязан был, лишенный кожи,
К стволу сосны.

Он кроток был, задумчив, скрытен
И молчалив;
Маленький и с сильными ногами,
С ушами длинными, заостренными,
С темной бородкой,
В которой вились нити седых волос.
Зубы были
Ровны, белы, и смех его короткий, редкий
В глазах светился
Какой-то ясностью –
Печальной и внезапной –
Молчаливой...
Ступал он четко, сухо,
Ходил походкой быстрой и танцующей,
Как некто, в глубине себя несущий
Какую-то большую радость, но молчащий.
Он редко улыбался, говорил немного,
Поглаживая темную бородку,
С серебряною проседью.

В дни осени,
Когда сатиры празднуют сбор винограда
И пьют из бурдюков, и славят дивный плод,
И тамбурин
Гудит, грохочет, бьет;
В дни осени,
Когда они танцуют,
Скача с копыта на копыто, вкруг
Больших амфор и красного точила,
С лозою меж рогов
И с факелом в руках;
В дни осени,
Когда все пьяно, Марсий
За их толпой
Шел легкими шажками, не мешаясь
В их оргию,
И не алила

Струя вина его лохматой шерсти: он
Сорвавши гроздь, серьезный, сев на землю,
Ел осторожно ягоду за ягодой
И в руку
Сплевывал пустые шкурки.

Он жил один у рощи гулких сосен.
Была его пещера низка и глубока –
В плече скалы у горного ключа.
В ней помещалась
Постель из мха,
Глиняная чаша,
Миска деревянная,
Скамейка
И связка тростников в углу.
А рядом,
В защите от ветров,
Он, будучи искусен в плетении корзин
И лаком
До меда свежего, поставил ульи.
И гул роев сливался с гулом сосен...
Так жил Марсий-Сатир.

Днем
Бродил он по полям, повсюду где текут
Подземные, таинственные воды;
Он ведал все ключи:
Те, что из скал сочатся за каплей капля,
Те,
Что из песков бегут, и бьют в траве,
Те, что жемчужатся,
Те, что кипят,
Обильные, скупые,
Истоки рек, начала ручейков,
Те, что в лесах, и те, что на равнине,
Священные ключи и сельские колодцы –
Он знал все воды
Окрестности.

Марсий был искусен
Из тростника вырезывать свирели:
Умел обрезать
В должном месте ствол,
Чтоб стал он
Сиринксом или флейтой,
Сделать дырки для пальцев
И одну большую для губ,
Смиренное дыхание которых
Вдруг наполняло лес таинственною песнью,
Нежданною и чистой,
И росло, смеялось, плакало, роптало и шуршало.
Марсий был искусен и терпелив.
Он иногда работал на заре иль при луне,
Поглаживая темную бородку,
С серебряною проседью.

Он знал прекрасно тысячи приемов
Срезать тростник – короткий или длинный,
И о звуке:
Как следует приставить губы, сделать,
Чтоб брызнул звук пронзительный и чистый,
Иль нежный, иль глухой, короткий или тихий,
Как сохранять дыханье,
Как сидеть,
Как ставить руки
Локтями вниз,
И многое другое...

Он не любил играть, когда могли услышать.
Он никогда из грота не спускался,
Чтоб вызывать на состязанье в пеньи
Окрестных пастухов, как прочие сатиры.
По вечерам, когда все люди спали,
Беззвучно он скользил по влажным травам
И уходил, порою до рассвета,
На склоны гор, и, севши там меж сосен,

Глядел, в молчаньи, в бесконечность, в ночь...
И флейта лес дыханьем наполняла,
И чудо! – каждое, казалось, пело
Во мраке дерево. Его таким я слышал.
И был велик, таинственен, прекрасен
Огромный лес, живущий в малой флейте,
Со всей своей душой, с листвой, с ключами,
И с небом, и с землей, и с ветром.

Но те, что слышали его,
Смеялись, повторяя:
"Этот Марсий сошел с ума,
Его напевы плачут, потом смеются,
Вдруг смолкают, возникают...
И, Бог весть почему,
Умолкнув, плачут снова".
– "Он не умеет петь по правилам,
И прав, играя только для лесных деревьев", –
Так говорил фавн Агес – знаменитый
Певец, завистливый соперник.
Он был стар, имел один лишь рог,
И не любил он
Марсия.

В то время Аполлон
Остановился, проходя страною Аркадийской,
На несколько часов у жителей Келены.
Был собран хлеб и близки сборы
Винограда.
А так как грозди были тяжелы,
И полны житницы,
И все довольны,
То с радостью приветствовали бога-
Кифареда.
Прекрасен был, стоявший в диске солнца,
Касаясь струн великолепным жестом,
Надменный бог, торжественный, довольный

И царственный. Порою отирал
Он пот с чела. И струны лиры пели,
И черепаха рокотала глухо.
И гимн вставал, размеренный и строгий,
Над мирною и пурпурной землею.
А лира пела под руками бога,
Как бы охваченная пламенем...

Толпились все кругом –
И пастухи, и пастыри,
Пастушки, рыболовы, дровосеки
Сидели вкруг него;
И я – старик – один в живых из всех,
Кто некогда внимали звукам
Великой Лиры.
И фавны, и сильваны, и сатиры
Окрестных рощ, равнин и гор
Сошлись, чтобы послушать Аполлона.
Один лишь Марсий
Оставался наверху –
В пещере,
И, лежа,
Слушал сосны, пчел и ветер.

О Марсий!
Туда они пришли искать тебя...
Когда умолкла лира, все хотели,
Чтобы Певец послушал наших песен.
И кто на дудочке, а кто на флейте,
Будили эхо.
По очереди каждый пел.
И доходили песни до уха бога –
Наивные, глухие, грубые.
Порою два певца перекликались,
И песни двух соперников, сменяясь,
Фальшивили, и ритмы их хромали.
А Аполлон их слушал благосклонный,

Безмолвный, стоя в сияньи солнечном,
Внимательный и к пастухам, и к фавнам,
Неутомимый, снисходительный,
Бесстрастный...
Пока не появился Агес. Был он стар,
Морщинист, безголос, страдал одышкой,
А когда-то искусен был на флейте,
Но с годами лишились силы пальцы. И когда
Беззубым ртом он дунул —
Из флейты знаменитой родился звук
Такой пронзительный и режущий,
Что Аполлон не мог не улыбнуться,
И сделал вид, что поправляет струны лиры.
Но старый Агес
Заметил улыбку
И был расстроен.
"Раз он улыбнулся, услыхав меня,
Наверно рассмеется, услышав Марсия", —
Подумал Агес,
И богу о сатире начал говорить.
Как съевший меду уж не помнит воска —
Улыбку Лирника, когда он рассмеется
Над Марсием,
Они забудут.

Он пришел.
Толпа раздалась,
Чтоб пропустить его.
Он шел, спеша,
Сухими, быстрыми, короткими шагами,
Как некто, кто торопится скорее кончить дело.
Он нес с собою флейту —
Маленькую,
Верную,
Из одного куска.
Он сел на землю против Аполлона,
Скромный, опустив глаза

Пред богом ослепительным,
Стоявшим в диске солнца с золотою лирой!

И он запел...
Сперва казалось
Как будто ветерок шуршит в саду,
Как будто воды текут в траве иль по пескам...
Потом, как будто, дождь, потоки, ливень...
Потом, как будто, ветер или море, –
Потом он замолчал... И снова флейта
Запела ясно... Вдруг мы услыхали
Жужжанье пчел, и ропот гулких сосен...
Покамест пел он, обернувшись к солнцу, –
Светило медленно закатывалось.
И Аполлон теперь стоял в тени,
Обеззолоченный и сразу ставший темным
Из светлого,
Как будто вдруг вошедший в ночь.
А Марсий между тем,
Ласкаемый последними лучами,
Аливщими лицо, багрянившими шерсть,
Пел упоенный солнцем, и казалось,
Что к флейте золотой он прижимал уста.
И слушали все Марсия-Сатира.
И приоткрывши рты, все ждали смеха бога
И смотрели на лик божественный,
Который теперь
Казался ликом медным.
Вдруг, ясными глазами на бога глядя, Марсий
На два куска сломал об ногу флейту.
Тогда огромный вопль, звериный, долгий,
Вопль радости и гиканья, восторга, топанье ногами
Внезапно поднялись, и смолкли сразу,
Потому что средь возгласов и смеха
Аполлон
Стоял один – жестокий и безмолвный
И не смеялся, все поняв.

Марсий говорит:

Пусть так! Он сам хотел! Я победитель бога.
Привет тебе, земля, так долго и так много
Меня питавшая! Леса мои! Родник
Текучих вод, где я срезал сухой тростник,
В котором трепетно смеется и рыдает
Мое дыхание – растет и ропщет, тает,
То всхлипами ручья, то шумами листвы.
Лица, над водами склонившегося, вы
Уж не увидите. Мне не следить глазами
В небесной синеве за стройными ветвями!
Накажет грозный бог Сатира. Взрежет нож
Мой мягкий бурый мех, сдерет покровы кож,
Кровавя шерсть мою. Умру я. Но напрасно
Завистник царственный, соперник мой опасный,
Рукой неопытной наладивши свирель,
Мой голос отыскать захочет… А теперь
Вы тело Марсия, дрожащее от боли,
Из кожи вынете, зане – не все равно ли,
Что я уйду с земли: мой голос не умрет,
Покамест ветр морской в стволе сосны поет.

1911

•

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного ветра в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках…
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным

И срезал ветвь ясеня,
И у спящей осени взял мимоходом
Три золотых листа...
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Алыми жилками,
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы,
Подержи их немного в своих нежных руках –
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто, уходя, унес
Свой черный посох
И оставил тебе эти золотистые листья
Цвета смерти и солнца...
Разожми руку, прикрой за собой дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет...

1910

•

Приляг на отмели. Обеими руками
Горсть русого песку, зажженного лучами,
Возьми и дай ему меж пальцев тихо течь.
А сам закрой глаза и долго слушай речь
Журчащих волн морских, да ветра трепет пленный,
И ты почувствуешь, как тает постепенно
Песок в твоих руках. И вот они пусты.
Тогда, не раскрывая глаз, подумай, что и ты --
Лишь горсть песку, что жизнь порывы воль мятежных
Смешает, как пески на отмелях прибрежных.

5 мая 1910
Коктебель

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)

Стон и рыданья
И трепетанья
Дальной
Скрипки осенней
До истомленья
Печальной.
Под рокот шумный
Я вспоминаю
Былое,
Пережитое
И как безумный
Рыдаю.
Ночной порою
Я вьюсь с толпою
Видений…
Как лист опавший,
Увявший,
Осенний…

ВИКТОР ГЮГО (1802–1885)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
Из книги "Страшный Год". Май 1871 г.

I. РАССТРЕЛЯННЫЕ

Война, которая ждет Тацита и оттолкнет Гомера:
Победа завершается всеобщею резнею,
Удовлетворенные безжалостны. Я слышу
Речи:
"Надобно покончить со всеми недовольными".
Альцест сегодня расстреливается Филинтом.
Валяйте. Всюду смерть. Но ни одной жалобы.
Невызревшая рожь, подкошенная роком.
О, народ!
Его ведут к подножью глухой стены.
Пусть так. Они повержены враждебной бурей.
Муж говорит солдату, взявшему его на мушку: "Прощай,
товарищ".
Жена же говорит:
"Мой муж убит. Довольно.
Не знаю, прав ли он иль нет, но знаю,
Что вместе мы влачили нашу долю,
Мы были скованы единой цепью. Ежели отнимут
Его, к чему мне жить? А раз
Расстрелян он, то надо, чтоб умерла и я. Спасибо".
И по перекресткам растут нагроможденья трупов.
В толпе других проводят двадцать девушек.
Они поют. Их красота, спокойствие, невинность
Тревожат смутную толпу. Прохожий
Вздрагивает. "А вы куда?" он спрашивает самую красивую.
"Мне кажется, что нас ведут расстреливать".

Зловещий грохот внутри казарм Лобо:
То гром распахнутых и замкнутых дверей могилы.
Там груды расстрелянных, но слез не видно.
Как будто они торопятся бежать из мира жестокого,
слепого,
И с радостью встречают свое освобожденье.
Никто не дрогнет. К той же стенке ставят
Внука и деда. Дед насмехается, а мальчик –
Кудрявый, радостный кричит со смехом: "Пли!"
И этот смех и это трагическое равнодушье – откровенье.
О, ледяная бездна. О, загадка, перед которой теряется
пророк:
Так значит они не держатся за жизнь, так значит жизнь их
такова,
Что им уйти из мира безразлично.
И это в мае месяце, когда все хочет жить, когда
Душа сливается с расцветом всех вещей.
Тем девушкам сбирать бы розы,
Ребенку бы играть лучом зари,
Зиме бы старика растаять в майском солнце!
Их душам быть как полные корзины
Цветов и запахов, жужжащих пчел
И полниться весенним птичьим пеньем,
Быть трепетом любви, быть лепестком рассвета...
И что же? В этот прекрасный месяц радости и хмеля –
О! ужас, – смерть встает – внезапная, слепая,
Безглазая, безжалостная!
О, как они должны кричать, взывая к небу,
Рыдать и трепетать и звать на помощь город,
И нацию – всю Францию, и нас. –
О, как они должны молить штыки и ружья, пушки,
С руками простертыми, сжав кулаки: ослепшие от слез, –
Лезть на стены, цепляться за прохожих,
Стараться убежать, бороться у могилы,
Кричать: "на помощь к нам, спасите, убивают!"
Нет! Чуждые всему, что совершается,
Они глядят на смерть, которая пришла за ними:

Ну пусть! Они не сделают ей чести удивляться.
Они сжились издавна с этим зловещим призраком.
А в их сердцах могила давно уже вырыта:
Здравствуй, смерть!
Жить вместе с нами – это их душило,
И они уходят. Что сделали мы им?
О, позднее открытие. Кто ж мы сами, ежели они
Кидают этот мир и всех людей
Без сожаления, без крика, не желая унизиться до слез?
1921

II. НА БАРРИКАДЕ

На баррикаде посреди камней,
Запятнанных преступной кровью и омытых кровью праведных,
Мальчишка лет двенадцати захвачен вместе с коммунарами.
"Эй, ты! из ихних, что ль?"
Ребенок отвечает: "Мы были вместе".
"Ладно, – промолвил офицер: – ты будешь расстрелян с ними вместе.
Стань в очередь".
Сверкнули выстрелы. Ребенок видит,
Как рухнули товарищи к подножию стены.
Он просит офицера: "Позвольте сбегать домой,
Чтоб матери отдать часы".
– "Ты хочешь улизнуть?" – "Нет, я вернусь".
– "Все эти негодяи – трусы. Где ты живешь?"
– "Там, около фонтана. И я вернусь, мой капитан".
– "Брысь, постреленок". Мальчишка убежал – убогая уловка.
Солдаты хохочут вместе с офицером.
Хрип умирающих мешается со смехом.

Но смех утих, когда внезапно мальчик –
Бледный и гордый – появился вновь,
Сам подошел к стене и им сказал: "Я – здесь".
Бессмысленная устыдилась смерть, и офицер его помиловал.
Дитя, я сам не знаю – в этом урагане,
В котором смешалось все: добро и зло, геройство и злодейство,
Что в эту схватку тебя влекло, но говорю,
Что дух незрячий твой – высокий дух,
Мужественный и прямой – ты сделал на дне последней бездны
Два шага: один навстречу матери, другой – навстречу смерти.
Ребенок, который предпочел спасенью, бегству, жизни,
Весне, расцвету, детским играм – стену,
У которой пали его друзья, – прекрасен.
Слава поцеловала тебя в чело, о мужественный отрок!
Ты был бы в древности отмечен Стезихором,
Чтоб защищать одни из врат Аргоса,
Ты был бы вписан в ряды священных отроков
Тиртеем в Сицилии, Эсхилом в Фивах,
Твое бы имя было начертано на медных досках,
Ты был бы одним из тех, во след которым дева
С кувшином на плече, у водопоя, где дремлют буйволы,
Глядит задумчиво, не в силах оторвать взволнованного взгляда.

15 марта 1921

ЛЮДВИГ УЛАНД (1787–1862)

ГРАФ ЭБЕРШТЕЙН

Бал в полном разгаре. И блеск и движенье...
Граф Эберштейн пляшет – он весь увлеченье.
И тихо ночь
Уходит прочь.
С ним в паре идет королевская дочь.

Все в бешеном танце по залам кружатся,
Она ж ему шепчет – не может сдержаться:
"Ты весел, рад,
Но говорят,
Что в ночь твой замок будет взят".

"Э! – думает граф. – Вы любезны так были...
Затем-то на праздник меня пригласили"...
Граф хмурит взор,
Спешит во двор
И к замку несется во весь опор.

А к замку, закрыты туманною мглою,
Ползут уж солдаты... Но их под стеною
Ждет граф. Им он
Отвесил поклон
И сразу отбил их со всех сторон.

Когда же на утро король сам явился,
Уверен, что замок ему покорился, –
Взошел на вал...
Он видит бал –
Сам граф там со свитой своей танцевал.

"Брать замки украдкой, король, не беритесь,
А лучше сперва танцевать научитесь,
Дочь ваша умней
И танцует смелей –
Мой замок раскроется только пред ней".

Пир в замке у графа. Бал в полном разгаре.
Граф Эберштейн пляшет – граф нынче в ударе.
И тихо ночь
Уходит прочь,
С ним в паре идет королевская дочь.

Все в свадебном танце по залам кружатся,
И он ей уж шепчет – не может сдержаться:
"Я так богат
И горд, и рад –
В ночь чей-то замок будет взят!?"

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797–1856)

ОЛАФ

Пред собором ждут их двое,
Оба в красный плащ одеты,
И один – король могучий,
А другой – палач придворный.
Палачу король заметил:
"Я по песням заключаю,
Что к концу идет венчанье:
Приготовь топор свой острый".

Перезвон и рев органа.
И народ идет из церкви
Пестрой лентой. Посредине
Идут двое новобрачных.
Как мертвец бледна, печальна
Молодая королевна,
А Олаф могуч и светел,
И уста его смеются.
Алым ртом своим смеяся,
Обратился к королю он:

"Добрый день, мой тесть!
Сегодня... ты мне голову отрубишь?
Я умру сегодня. Только
Дай мне свадьбу справить с честью:
С пиром, с музыкой и с пляской.
Дай прожить, пока не выпью
Я до дна последний кубок
И спляшу последний танец –
Дай до полночи прожить мне!"

Палачу король промолвил:
"Зятю нашему желаем
Дать мы жизни до полночи:
Приготовь топор свой острый".

В разгаре пир. Олаф до дна
Последний кубок осушает.
    Припав к нему, его жена
    Навзрыд рыдает...
Палач стоит у дверей...

Олаф танцует... Пляски, пенье...
С женой своей под шум, под звон
    До исступленья
    Танцует он...
Палач стоит у дверей...

Звенит веселой скрипки звук,
И флейты грустный вздох несется,
    И сердце, кажется, от мук
    На части рвется.
Палач стоит у дверей...

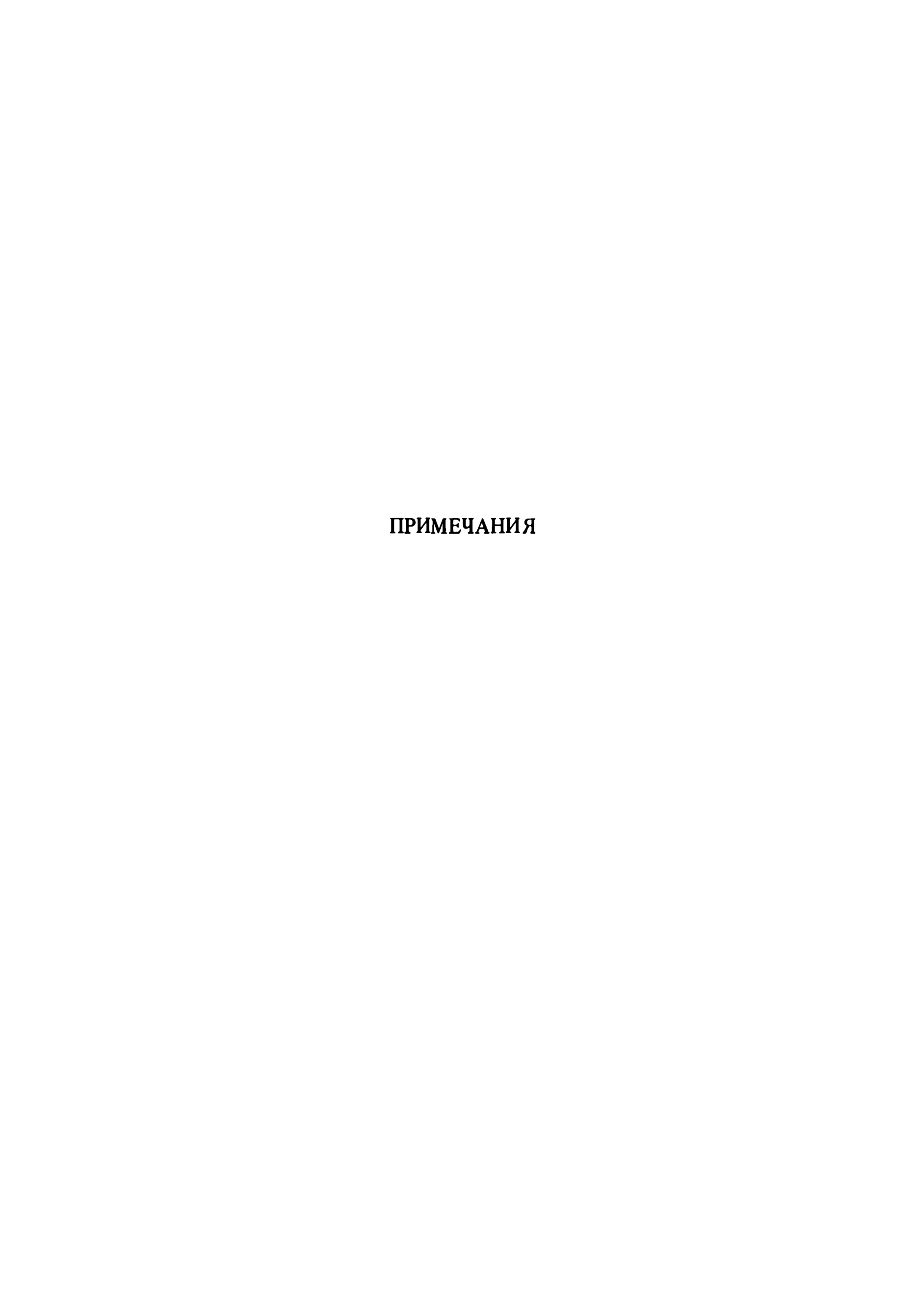
Олаф танцует... горд, прекрасен...
"Как я люблю", – ей шепчет он:
    И как ужасен
    Могильный сон!"
Палач стоит у дверей...

Олаф! Уж полночь бьет... Пора!
Прекрасный сон промчался!
Довольно с дочкой короля
Ты счастьем наслаждался...

Заупокойные псалмы
Бормочут вкруг монахи...
Палач, одетый в красный плащ,
Стоит у черной плахи.

Олаф готов... Кругом огни
Горят, переливаясь...
Смеются алые уста,
Он молвит, улыбаясь:

"Привет вам, и солнце и месяц! Привет
Вам, звезды на небе высоком!
Привет вам, и птички зеленых степей,
Поющие в небе далеком!
    Привет тебе, море! Привет вам, цветы,
    Расцветшие с дивною силой!
    Привет вам, фиалки, цветущие здесь,
    В прекрасных глазах моей милой...
Фиалки – глаза моей милой! За вас
Вся жизнь пронеслась... и умчалась.
Привет и зеленому дубу тому,
Где ты мне впервые отдалась!"



ПРИМЕЧАНИЯ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ.

Максимилиан Александрович Волошин. – Автобиография-анкета. Впервые: Первые литературные шаги. Автобиографии русских писателей. – Собрал Ф.Ф. Фидлер. М., 1911, стр. 165–167.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. – ПУТЯМИ КАИНА. – ТРАГЕДИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

"В философских послереволюционных стихах Волошина, несмотря на отдельные лирические взлеты, – может быть и больше мысли, метафизической риторики и выпукло-определительных слов, чем того, что собственно составляет поэзию, т. е. звучит з а мыслью и словами. Ритмованная мудрость, а не песня, во многих случаях – это стихи, так глубоко провеянные тысячелетиями средиземноморской культуры с ее эзотерической углубленностью в загадки духа и плоти, что и сам Волошин кажется, в наш немудрый век, не то каким-то последним заблудившимся гностиком-тамплиером, не то какой-то гримасой трагической нашей современности накануне новой, неведомой судьбы... Одно несомненно: бывает в стихах Волошина "риторика" такой силы, что тут грани стираются между изреченным словом и напором вдохновенного чувства. Это уже словесное волшебство, и оно убедительней всякой надуманной мудрости". (Мак., стр. 323). Над этим циклом стихов, вернее, философски-публицистической поэмой, Волошин работал долго. И перенес в нее из "Anno Mundi Ardentis" два из составляющих

поэму стихотворений. Говоря в письме (конец 1922?), посланном в Берлин, что ему хотелось бы "поехать взглянуть на Запад" и "издать заграницей "Неопалимую Купину", он прибавляет: "Сейчас замкнусь месяца на три в работу, так как мне надо много окончить из стихов (книгу "Путями Каина")..." ("Новая Русская Книга", 1923, № 1, янв.). В письме к В. В. Вересаеву, 2 апр. 1923 г., Волошин благодарит Вересаева, которому он поручил вести в Москве все его, Волошина, литературные дела, за присылку книг, "особливо за "Закат Европы" – необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя с нею в большинстве случаев я не соглашаюсь. Для моей работы над Путями Каина она драгоценна. ...Пойдут ли где-нибудь главы "Машина" и "Война" из Путей Каина? Или они совершенно неприемлемы? ("Война" настолько переработана и расширена, что я считаю себя вправе напечатать ее как совершенно новое стихотворение)". ("Время и Мы", № 28, 1978, стр. 203, 205). К темам отдельных главок поэмы "Путями Каина" Волошин обращался уже давно (см., например, примечания к стих.-главке "Меч"), и обращался не только как поэт и историософ, но и как мастер живописной формы: отсюда большая зрительность образов поэта. "Символизм слова и символизм форм, – писал поэт еще в 1904 г., – глубоко и в существе своем противоположны один другому. Символизм слова присущ от природы всем людям, потому что все имеют дело со стихией слова и правят струями своих речей. ...Символизм всегда рождается из самого материала". (Творчество М. В. Якунчиковой. "Весы", 1905, № 1, стр. 31). Преодолеть стихию словесного символизма и символизма слова, овеществить слово, сделать его плотным, осязаемым – и сообразовать не с материалом, а с материей: не содержанием той или иной главы, а материей самого предмета, о котором идет речь. Это в поэме "Путями Каина" доведено до плакатной броскости и тяжеловесной упругости. Иногда читаешь "Путями Каина" – и представляется сама богатырская фигура Волошина. "Навестив следующий раз Бориса Михайловича (Кустодиева, БФ), – пишет в своих воспоминаниях "Среди книг" М. А. Сергеев, – я увидел его новую работу – портрет Максимилиана Волошина. С поэтом я не встречался... и заметил, что он вызывает представление о Стеньке Разине. "Чудно́, – откликнулся Кустодиев, – а Голлербах находит совсем иное сходство – с Силеном. А голова и чувства у него золотые, – это настоящий, Божьей милостью поэт". (Борис Михайлович Кустодиев. Письма. – Статьи, заметки, интервью. – Встречи и беседы с художником... Л., 1967, стр. 366). Вот таким не то богатырем степной Руси, не то Силеном античности и выказывается в своей поэме Волошин. И даже ее явный "мистический рационализм" и публицистичность не мешают.

"Цикл, создававшийся в 1922–1929 гг., был задуман как философское произведение, связанное единством мысли и композиции. В процессе работы его заглавие менялось: "Война и мир", "Распятый Прометей",

"Пути человека" и т. д. Менялся и порядок расположения стихотворений: первым было то "Огонь", то "Магия", то "Мятеж". План, сохранившийся в творческой тетради № 3, позволяет думать, что Волошин предполагал включить в цикл стихотворения "Таноб", "Распад", "Наука", "Взрыв", "Цареубийство", "Боги-игрушки" ("Петрушка"), "Любодейство", "Евхаристия" и др. Из них был закончен лишь "Таноб". В автобиографии 1925 г. Волошин определил задачу цикла как "переоценку материальной и социальной культуры". 23 дек. 1923 г. он писал А. М. Пешковскому: "Путями Каина – это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и русская революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти все мои социальные идеи, большею частью отрицательные. Общий тон – иронический". Главные идеи цикла сложились у Волошина гораздо раньше: в 1904–1907 и в 1914–1915 гг., под воздействием трудов философов-идеалистов, начиная с Платона до В. Соловьева и О. Шпенглера. В цикле отразились также те увлечения Волошина, которые он сам охарактеризовал как "блуждания духа": теософия, антропософия, масонство, буддизм, интерес к магии. В результате произведенная им переоценка материальной и социальной культуры человечества свелась к анархическому отрицанию всякой государственности, пристрастному осуждению цивилизации и технического прогресса, к "космической" демонологии и попытке подменить социальные и политические проблемы психологическими, эстетическими и религиозно-этическими. Вместе с тем в лучших произведениях цикла Волошину удалось создать образцы "научной" поэзии..." (Евст.).

Несомненно, на Волошина, находившегося некоторое время под определенным влиянием Вячеслава Иванова, оказали влияние идеи "мистического анархизма" Георгия Чулкова, заразившего этими если не идеями, то настроениями и Вячеслава Великолепного, и, отчасти, Блока. "Под анархизмом, – писал Чулков в своей книжке "О мистическом анархизме", СПб, 1906, – я разумею учение о безвластии, т. е. учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним внешних обязательных норм – государственных и социальных. Под философским анархизмом я разумею учение о безвластии в более глубоком смысле, т. е. учение о путях освобождения индивидуума от власти над ним не только внешних форм государственности и общественности, но и всех обязательных норм вообще – моральных и религиозных. ...Под мистицизмом я разумею совокупность душевных переживаний, основанных на положительном иррациональном опыте, протекающем в сфере музыки. Я называю музыкой не только искусство, открывающее в звуковых сочетаниях начало мелодии и гармонии, но и всякое творчество, основанное на ритме и раскрывающее нам непосредственно ноуменальную сторону мира. ... Музыка не снимок явления, а непосредственно изображает вещь самое в себе. Причем, разумеется, мистический опыт, как

начало музыкальное, обуславливает утверждение личности в ее сущности, открывая единство индивидуума с миром. И, наконец, под мистическим анархизмом я разумею учение о путях последнего освобождения, которое заключает в себе последнее утверждение личности в начале абсолютном". (стр. 27–28). В предыдущих наших примечаниях уже говорилось о большом интересе Волошина к личности Бакунина. Он сравнивал даже с Бакуниным Аввакума, усматривая в них обоих некий стихийный взрыв христианского анархизма. Чулков также останавливается на титанической личности Бакунина: "...Бакунин, яркий представитель русского революционного бунтарства, враг всякой власти, всякой государственности, почему-то перестает быть последовательным, когда перед ним жизнь ставит последнюю проблему "о власти над человеком эмпирического мира". Эта проблема Бакунина смущает, и он не решается "не принять мира". А между тем в круге именно этих идей нужно искать разрешения роковой проблемы о последнем освобождении". (там же, стр. 43). А Волошин рискнул пойти и по этому пути, может быть и не слишком углубленно, но пошел. Тут ему, как и Вяч. Иванову, сослужило увлечение магией.

Мы не будем указывать всех известных нам разночтений в цикле (поэме) "Путями Каина": многие из них – простые опечатки или неверно прочтенные слова в тех списках, какие легли в основу берлинской публикации 1923 г. Но некоторые из разночтений восходят явно к рукописи самого Волошина. Их мы укажем и в нашем издании.

I. Мятеж. Впервые, очевидно: "Недра", кн. 2, М., 1923. Почти одновременно – "Стихи о терроре", Берлин, 1923 (в дальнейшем сокращ. СТ). Разночтения:

гл. 2, строка	1:	Из вихрей и противуборота возник
	5:	Но этот мир, и стройный и жестокий, –
гл. 3, строка	5:	Горенье – жизнь.
	7:	Дыхание, биенье и горенье.
гл. 4, строка	10:	Была надрывом творческого духа.
гл. 5, строки	4–5:	Мятеж – безумье, ибо все законы
	12:	На пройденной ступени. Зверь всегда
	21:	Но его ваяло – смерть.

гл. 6, последняя строка: Тварей.

II. Огонь. Впервые, очевидно: "Недра", кн. 2, М., 1923; почти одновременно: СТ. "Один из вариантов, написанный 9 июня 1922 г., служил вступлением ко всему циклу". (Евст.).

III. Магия. Впервые, очевидно: "Недра", кн. 2, М., 1923; почти одновременно: СТ. Разночтения – все в гл. 6-й:

строка 1: Поэтому за каждым новым, дерзким
9: В конечном счете, только равным силе
11: Каждой ступени в области познанья
15: Уравновешивается моралью,
16: И в этом – Магия:

IV. Кулак. Впервые, очевидно: "Недра", кн. 2, М., 1923; почти одновременно: СТ. Разночтение:

гл. 2, строка 2: Преступников, поэтов – зачинатель.

V. Меч. Впервые: "Красная Новь", 1922, № 3 (7). Разночтения (в СТ):

гл. 2, строка 11: Позорному столбу, что обратился
12: В священнейший из символов любви.
гл. 4, строка 13: Как утверждает Сидов меч "Колладо". (Кр.Новь)
гл. 5, строка 2: И в новых сплавах (Кр. Новь)
гл. 6, строка 3: И меч был вытеснен ("Библиотека Поэта")
гл. 7, посл. стр. : "Мне отомщение и Аз воздам за зло". (Кр.Новь).

"Поэтическое переложение статьи Волошина "Меч", входившей в его трактат "Демоны разрушения и закона" ("Золотое Руно", 1908, № 6). Написано под влиянием работ М. Метерлинка "Хвала стойлу", "Похвала шпаге" и "Бог войны". **Меч сподобился кресту.** "Средневековье было священным царством меча, являвшего прообраз креста", – писал Волошин. **На справедливой стали...** В статье "Меч" Волошин писал: "На клинке меча высечены слова молитвы, которую он возглашает каждым ударом. Слова, окрылявшие высоким значением справедливую сталь: "In Te, Domine, speravi!" – восклицает один меч XVI века". (Евст.). **Меч нарекался в таинстве крещенья.** В той же статье: "Меч воспринимал таинство Св. Крещения и нарекался христианским именем. ... Роландов меч назывался Дюрандалем, меч Рэно – Фламбо; меч Оливье – Отклэр. Его рукоять была священным ковчегом, в котором хранились части мощей" ... "Но самый краткий и значительный из девизов был на мече Колладо, тоже принадлежавшем Сиду Кампеадору: на одной стороне его было написано: Si! Si! – а на другой: No! No! : Да! Да! – Нет! Нет!" **Хоронили в лесах Германии...** "В Германии, когда меч отрубил 99 голов, собирались палачи со всей страны и торжественно, со сложными религиозными обрядами, в полнолуние, в полночь, в пустынном месте хоронили усталый меч". (там же). **Меч был вытеснен машинным производством...** Волошин опубликовал в газете "XX век", 30 июня/13 июля 1906 г. статью "Гильотина как филантропическое движение". И весь

ход размышлений, и форма в статье и в стихах совпадают, хотя стихи и были написаны на 14–15 лет позднее. Не является ли это лучшим доказательством того, что мнение о двух, резко несовпадающих друг с другом, периодах творчества Волошина – дореволюционном и послереволюционном, – по крайней мере, преувеличение...

VI. Порох. Впервые: "Красная Новь", 1922, № 3 (7). В Кр. Нови нет всей главки 7-й – и разночтения:

гл. 2, строка 6: Как старое железо.
гл. 3, строка 13: Орланд Неистовый и мудрый Дон-Кихот –
14: Последние служители меча.

16 авг. 1915 г. Волошин писал А. М. Петровой: "...есть для меня враги более важные, чем немцы. Это теперешние орудия разрушения, демоны взрыва, демоны машин, демоны организации". Как и в ст. "Меч", Волошин многое взял из своей же ст. "Порох", второй главки "Демонов разрушения и закона" ("Золотое Руно", 1908, № 6). Кроме Метерлинка, на него повлияла и ст. Поля де Сен-Виктора "Музей артиллерии". Волошин перевел книгу этого автора "Боги и люди", М., 1913.

VII. Пар. Впервые: "Красная Новь", 1922, № 3 (7). Разночтение в главке 3:

строка 10: В застенках фабрик, в шахтах под землей,

Те же идеи в статьях Волошина: "Бунт машин" ("Московская Газета", 20 сент. 1911), "Все мы будем раздавлены автомобилями" ("Московская Весть", 3 ноября 1911), "Современная одежда" ("Русь", 15/28 июня 1904) и др.

VIII. Машина. Впервые: СТ. Как мы видели из письма Волошина В.В. Вересаеву, "Машину" и "Войну" цензура не пропустила... Разночтение:

гл. 5, строка 5: А социально ей необходимы:

Есть общие мысли со ст. Волошина "Бунт машин" (Письмо из Парижа. – "Московская Газета", 20 сент. 1911).

IX. Бунтовщик. Впервые: СТ, под назв. "Пророк", с разночтениями:

гл. 4, строка 9: Чем братство Каина.
14: И две стены, свергаясь друг на друга,
18: Страдание и голод – вот резец свободе,
гл. 5, строка 16: Вы ж создали темницы и запреты:

гл. 7, строка 13–17: Окончилась культура Прометея,
И очагом отныне станет взрыв
И сплавит мир вселенским новым сплавом.
33: Косматым вихрем Млечного Пути?

X. **Война.** Впервые, в первой редакции, под назв. "Аполлион", в кн. "Anno Mundi Ardentis" с эпиграфом: "И открыл он кладязь бездны, – и вышла саранча... Апокалипсис, IX, 1–12", при этом без наших главок 1, 6 и 7-й, и без последних 8 строк главки 5-й; последовательность материала в "Аполлионе" (без нумерации частей в нем): главки: 2, 4, 5, кончая строкой "На пищу демонам", 3-я, кончая строкой "Оледенелой крови". Разночтения:

гл. 2, строка 1: Из звездной бездны внутренних пространств
4: Что люди для демонов,
11–14 в "Аполлионе" после нашей строки 17-й.
18: За то, что скупость руд
гл. 3, строка 1: И Ангел Бездны, ликуя, возвестил:

Полностью впервые: СТ, с разночтениями:

гл. 3, строка 1: И некий бес воскликнул, издеваясь:
гл. 6, строка 4: Да здравствует всеобщая война!"

В авторской машинописи сборника "Пламена" разночтения в главке 5-й:

строка 13: Свет застилался, падали на землю
21: И плоть, и лик, и злобу от людей,
26: Без устали работали, мололи

Посылая это стихотворение А. М. Петровой, поэт писал: "Там весь мой взгляд на войну" (Евст.). "Это ведь ложь, – писал он ей 16 авг. 1915 г. – что это война рас. Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы" (Купр., стр. 161). "22 янв. 1915 г. он писал матери о демонах, для которых человечество построило стальные и медные тела, а 13 авг. того же года сообщил ей: "Я Россию как народ исключаю из своих безнадежных выводов. Но Европа безнадежна. Она во власти Демонов машин. Демонов жадности" (Евст.). См. также примеч. к разделу "Война".

XI. **Космос.** Впервые: "Недра", кн. 5, М., 1924, и – почти одновременно – "Воля России", Прага, 1924, № 1–2. "Последняя, написанная летом глава Космос – эволюция космогонии от Каббалы до теории относительности (вернее, до новой физики), – сообщил Волошин А.М. Пешков-

скому 23 дек. 1923 г. – Весь этот круг мыслей, обычно не затрагиваемых поэзией, поэтому приходится идти совершенно непроторенными дорогами, и я не знаю, что удалось формулировать, что нет". (Евст.).

XII. Таноб. Впервые: только главки 2 и 7-я – "Вестник РСХД", № 107, 1973. Полностью публикуется впервые.

XIII. Государство. Впервые: СТ. "Анархизм есть точка пересечения двух принципов общественного развития: механического (государственного) и органического (религиозного). Государство и Церковь сталкиваются. Свободная личность есть точка этого столкновения. Вот почему индивидуализм всегда развивается на перевале сознания от одного строя к другому". (Андрей Белый. На перевале. "Арабески", М., 1911, стр. 279).

XIV. Левиафан. Впервые: "Anno Mundi Ardentis", с первым эпиграфом: "Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов... На все высокое он смотрит смело. Он царь надо всеми сынами гордости. Книга Иова, XII". Разночтения: нет первых 4 строк: начинается со строки "Мне, Иову, сказал Господь".

гл. 2, строка 3: Чудовищный, огромный, многочленный...
гл. 4, строка 4: Я день рожденья начал проклинать.

В авторской машинописи сборника "Пламена" разночтения:

гл. 1, строка 7: Вот царь зверей – всех тварей завершенье, –
гл. 6, строка 11: Я сам томлюсь огнем в твоей крови.

XV. Суд. Впервые: "Русская Мысль", 1915, № 4, под общ. назв. цикла "Anno Mundi Ardentis", и под назв. "Dies illa tam amara", и с эпиграфом: "И отдала земля мертвых, бывших в ней". Разночтение:

гл. 4, строка 16: И быстро подымалась

КНИГА ПЯТАЯ. – ПАРАЛИПОМЕНА.

Эта книга – составлена близкими М. А. Волошину людьми после его смерти, по ряду указаний и записок поэта. Конечно, в ней могут иметь место произвольные включения тех или иных стихотворений и поэм. В нашем собрании мы следуем самиздатскому изданию Стихотворений М.А. Волошина.

I. Паралипомена. Этот раздел, как и раздел следующий, содержит наиболее крупные и законченные произведения Волошина, не включенные им в предыдущие книги. Многие из этих стихов – или автобиографичны ("Четверть века", "Дом Поэта"), или являются высказываниями автора о долге и обязанностях поэта. Все они относятся к наиболее зрелым и умудренным годам жизни поэта (1925–1929).

Я не просил иной судьбы у неба. Публикуется впервые по рукописи поэта, находящейся в Русском Архиве при Колумбийском ун-те (Нью-Йорк).

Доблесть поэта.

I. Впервые полностью: "День Поэзии 1971", М., 1971 (только I). В цитатах отдельные строки публиковались и раньше. Впервые обе части (I и II) – "Вестник РСХД" № 107, 1973 (но I – без двух последних строк).

II. Впервые в виде цитаты в кн.: А. Кулинич. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 1920-х годов. Киев, 1967, стр. 28 (только II). Обе части, как сказано выше, – "Вестник РСХД", № 107, 1973. Но последние две строки впервые – в виде цитаты – в кн.: Евгений Ланн. Писательская судьба Максимилиана Волошина. М., 1926, стр. 21: "Время смыло с него этикетку "символист", но не смыло и, видимо, не смоет знаков его писательской судьбы: "Быть изгоем при всех царях и народоустройствах". Так сложилась писательская судьба поэта". Значительно больше процитировал в своей статье "На рубеже двух эпох" Вл. Орлов. Он прямо осуждает поэта, что у него, с одной стороны, "...поэтизация "гулящей России, всяческой смуты, разгула и разбоя; с другой – глубоко реакционная, идущая от славянофильско-националистических концепций идея непротивления злу и рабского смирения, якобы искони присущих русскому народу. Поэтому, мол, и Октябрьская революция пройдет, как прошли прочие "смуты", и "вчерашний раб", устав от свободы, опять "потребует цепей". Многие стихи вчерашнего эстета, как видно из сказанного, приобретали открыто контрреволюционный смысл. И все же ими не определяется целиком общественно-литературная позиция Волошина в послеоктябрьское время. Исходя из абстрактно-гуманистических иллюзий, он пытался встать "над схваткой", равно осуждая и "красных" и "белых" за творимое ими кровопролитие и взывая к милосердию и тех и других. ...В последние годы Волошин работал над большим циклом историко-философских поэм "Путями Каина"... Уже само заглавие передает мысль поэта: человечество идет "путями Каина", затевая войны и революции. Культура, наука, искусство, цивилизация, техника – все эти блага покупаются человечеством дорогой ценой – ценой утраты "духовной свободы". В отстаивании своей позиции Волошин проявил немалое упорство. В 1925 году он следующим образом поэтически сформулировал свое кредо:

Творческий ритм – от весла, гребущего против.
В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой, – ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином...

С такой позицией и историософией Волошину, конечно, не было и не могло быть места в советской литературе. . ." (Вопросы Литературы", 1966, № 10, стр. 126).

Поэту. Впервые: "Вестник РХД", № 120, 1977.

Памяти В. К. Церасского. Впервые: "Вестник РХД", № 120, 1977. В.К. Церасский – друг Волошина и сосед по Крыму. Астроном. 2 апр. 1923 г. в письме к В. В. Вересаеву Волошин сообщает об отъезде Церасских в Москву. Умер в 1925 г.

Дом Поэта. Впервые: "Новый Журнал", Нью-Йорк, № 31, 1952. В СССР впервые полностью – М. Волошин. Стихотворения. "Библиотека Поэта", мал. серия, Л., 1977. До того – с большими цензурными купюрами – "Радуга", Киев, 1965, № 9. В статье "Культура, искусство, памятники Крыма" (ее принадлежность Волошину установил неутомимый и настойчивый исследователь жизни и творчества Волошина Вл. П. Купченко) поэт как бы дает прозаический комментарий к своему "Дому Поэта": "Дикое Поле и Маре Интернум определяли историю Крыма. Для Дикого Поля он был глухой заводью. Во время человеческих половодий оно выступало из берегов и затопляло его. Соседний Кавказ был гребнем, о который чесались все народы, оставляя на его зубцах клоки руна и шерсти всех мастей – образцы расы. Что делает его этнографическим музеем. Крым – не музей. Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безысходной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались. Киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, печенеги, хазары, половцы, татары, славяне. . . – вот аллювий Дикого Поля. Греки, армяне, римляне, венецианцы, генуэзцы – вот торговые и культурные дрожжи Понта Эвксинского. Сложный конгломерат расовых сплавов и гибридных форм – своего рода человеческая Аскания-Нова, все время находящаяся под напряженным действием очень сильных и выдержанных культурных токов. Отсюда двойственность истории Крыма: глухая, провинциальная, безымянная, огромная, как

все, что идет из Азии, – его роль степного полуострова, и яркая, постоянно попадающая в самый фокус исторических лучей – роль самого крайнего сторожевого поста, выдвинутого старой средиземноморской Европой на Восток. Особое значение придавало Крыму то, что он лежал на скрещении дорог с древним караванным путем на Индию". (Крым. Путеводитель. М.-Л., 1925). Дача Волошина – "Дом Поэта" в Коктебеле, издавна стала неофициальным летним "клубом-общежитием" поэтов, писателей, художников. "Еще до первой мировой войны литераторы, актеры и художники летом устремлялись в Крым или ехали, без предупреждения, прямо к "Максу". Принимала их мать Волошина, странная женщина, коротко стригшая прямые седоватые волосы и всегда одевавшаяся по-мужски: балахон или кафтан, синие шаровары, козлиные сапожки, и вечная папироса в пожелтевших от никотина пальцах. Все почему-то звали ее Пра (сокращенное от Прародительница), хотя настоящее имя было Елена Оттобальдовна, – в венах Максимилиана Александровича было много немецкой крови, и, может быть, оттуда – эта внешность друида и холодные светло-голубые глаза, – холод их смягчала вечная улыбка на добром лице. Пра вела довольно сложное хозяйство, кое-как кормила порядочную ораву людей. В Коктебеле и в мирное время ели плохо, – чебуреки у татарина казались нам верхом изысканной гастрономии. Не было даже захудалой лавочки, кое-что привозили из соседней болгарской деревни или из Феодосии, и даже воды своей не было, – ее доставлял в бочке водовоз из далекого источника... Но жили весело и интересно: купались, собирали цветные камешки, совершали восхождения на Карадаг. ...Все в доме Волошина писали стихи и прозу, вели бесконечные споры, и Макс руководил дебатами... Пресловутый "Зеленый Крокодил", который потом распевала вся Россия, родился именно в Коктебеле... ...Помню отрывок из первого, коктебельского варианта: крокодил забрался ночью в башню поэта:

Максимилиан Волошин
Был так переполошен,
Что он и Пра
Не спали до утра".

(Андрей Седых. Далекие, близкие. Изд. 3-е, Нью-Йорк, 1979, стр. 23–24). Марина Цветаева, гостившая – вместе со своей сестрой Анастасией, – летом 1911 г. у Волошина, говорит о том, какой Волошин был бессребренник: "Он так же давал, как другие берут. С жадностью. Давал, как отдавал. Он и свой коктебельский дом, таким трудом добытый, так выколоченный, такой заслуженный, такой е г о по духовному праву, кровный, внутренне-свой, как бы с ним сорожденный, похожий на него больше, чем его гипсовый слепок, – не ощущал своим, физически своим. Комнаты (по смехотворной цене) сдавала Елена Оттобальдовна. Макс физически не мог сдавать комнат друзьям. Еще меньше – чужим.

Этот человек, никогда ни перед кем ни за что ни в чем не стеснявшийся, в человеческих отношениях – плавающий, стоял перед вами, как малый ребенок или как бык, опустив голову. – Марина! я правда не могу. Это невыносимо. Поговори с мамой... Я... И топот убегающих сандалий по лестнице". (Цвет. стр. 157–158). Зато молодые насельники Дома Поэта отнюдь не конфузились. Они на даче Волошина, и в ее "филиале", домишке в ближайшей деревне, – колонии артистической молодежи, именуемой "Обормотией", веселились вовсю. Шли купаться (купались в Коктебеле без всяческих костюмов. . .), возглавляемые Максом. "За Максом следовали несколько его поклонниц, одетых подобно ему... Вся эта компания отправлялась на пляж, или на прогулку в горы, исполняя хором гимн:

Стройтесь в роты, обормоты,
Кошкодавы, живоглоты,
Всеми нами правит Пра,
Эвоэ, гип, гип, ура..."

(Игорь Симонович. Воспоминания о Коктебеле. "Русская Мысль", 20 марта 1969). "Максина мастерская. Пять высочайших полукруглых, узких окон, обходящих пятигранную башню, и в эти окна – море: прибои, грохочущие и пенные, часы синего штиля, вечера розового золота, ночи, обрезающие звездный полушар о лунные и безлунные горизонты, снова заря, пурпуром летящая в волны, снова штиль, снова прибой... ...Если подойти к окнам, к крайнему правому – Карадаг: голова великана, утром светлая, в легком дыме голубизны, днем – груда лесистых кудрей, резкие тени лба, щеки, носа и борода у груди, легшей в блеск густой синевы, черноморской. Вечером – китайская тушь, очертившая на закатном полотне острие великанской головы. Я гляжу в левое с краю окно: плавно идут в море далекие и отлогие песчано-лиловые, рыжие, пепельно-сизые, гаснущие хребты и мысы, и один из них, плавнее и смелее других, вытянулся о морскую гладь и затих: Янычары. – Макс, а наверх к тебе можно? (С Максом все не ты). ...Я взлетаю наверх". (Анастасия Цветаева. Воспоминания. М., 1971, стр. 430). И потом, уже года так с 1924, Коктебель опять сделался летним средоточием отдыхающих там писателей, артистов, художников, да и просто любящих поэзию людей. Леонид Гроссман вспоминает: "Август 1924 г. Валерий Брюсов проводил в Коктебеле, в гостях у Максимилиана Волошина. Собравшееся здесь обширное общество поэтов, ученых, художников и музыкантов во главе с гостеприимным хозяином сумело создать оживленную, культурнонасыщенную атмосферу, которая, видно, пришлась по вкусу Брюсову... Он стал не только участником, но и руководителем многих "литературных игр" и культурных развлечений. Одной из таких забав, всецело организованной им, были стихотворные конкурсы". (Л. Гроссман. Борьба за стиль. М., 1927, стр. 286, 288). Тем же летом, в Коктебеле, примири-

лись Андрей Белый и Брюсов. "В Коктебеле, – рассказывает А. Белый, – для Макса Волошина, в день именин его, изображали пародию мы на кино...; но в легкой игре проскользнул лейт-мотив отношений – старинный, исконный: борьбы между нами; он изображал командующего аванпостом французским в Сахаре, сомнительного авантюриста, меня – арестовывал..." (Начало века. М.-Л., 1933, стр. 472). "Первый дом, в котором жили Максимилиан Александрович и Мария Степановна, стоял возле самого моря. Узенькая полоска пляжа отделяла его от воды. В осенние нордосты, очень свирепствующие в Коктебеле, серые, осенние, холодные волны лизали калиточку, ведущую в садик при доме. Дом непонятной конструкции – весь из каких-то пристроечек, но очень удобный. Каждая комната со своим выходом, у каждой балкон или терраса. Прямо лицом к морю – мастерская с тремя огромными окнами – фонарем. Обстановка, как и во всем доме, самая примитивная, все сколочено по-самодельному, из досок, ящиков. В глубине мастерской – ниша с двумя топчанами, тоже сколоченными из досок, с соломой набитыми тюфяками, но все покрыто болгарскими пестрыми дорожками-ковриками. А между топчанами бюст Таиах – "царевны древнего Египта". Из мастерской лестница наверх – вдоль стены книжные полки, несколько тысяч томов. Книги по философии, истории. Книги на многих языках. Кругом мастерской – хоры, где во время чтений и бесед, устраиваемых два-три раза в неделю, сидело по 20–25 человек. Затем кабинет Максимилиана Александровича. Большое окно – прямо на море. Если сидеть за столом или в кресле – не видно земли, а только море и Карадаг, круто спускающийся к морю и очертанием своим напоминающий профиль Максимилиана Александровича. На стене большой портрет первой его жены – Маргариты Васильевны Сабашниковой. На стене акварели, маски, полочки. На них "габриаки", отполированные до блеска морем корни каких-то деревьев, причудливой формы, напоминающие какие-то химеры, фигуры. Находка каждого габриака, выброшенного морской волной на пляж – всегда событие в Коктебеле. Его несут Максимилиану Александровичу, осматривают, начинают искать сходство с кем-нибудь или с чем-нибудь, иногда вставляют глаза из камешков. ...Из кабинета ход на чердак, отданный на летние месяцы во владение "отроков и отроковиц" – 12–18-летнего населения дома, – и ход на небольшой балкон, откуда поднимаешься на вышку, венчавшую дом – она открыта на все четыре стороны – это как бы крыша дома. Сюда Максимилиан Александрович выходит рано утром – смотреть на восход солнца. Здесь же он проводит часы своего раздумья, своей молитвы. ...Внизу музыкальная комната с роялем. Все стены в рисунках, шаржах, карикатурах, текстах юмористических стихов. Хозяева дома, конечно, фигурируют во всех видах. Второй дом не имеет в себе ничего индивидуального. Это место, где ночуют приехавшие гости. ...Радушно открыв двери своего дома,

Максимилиан Александрович не может, конечно, обставить приезжих какими-то удобствами. Ведь живут Волошины – без денег. Одно время, правда, Максимилиан Александрович получал пенсию. Выхлопотал ее ему и вообще покровительствовал ему в свое время нарком просвещения Луначарский. Откуда взялась эта симпатия – не знаю. Но пенсию эту Максимилиан Александрович получал только недолгое время. Да и может ли обеспечить кого-нибудь пенсия в СССР? В общем Волошины не имели ничего". (Л. Дадина. М. Волошин в Коктебеле. "Новый Журнал", № 39, 1954, стр. 178–180). Даже на поездки – очень редкие – в Москву и Ленинград – часто не было средств. И теперешние насельники столиц – в огромном большинстве своем – уже не принимали Волошина ни за Зевса, ни за Силена, ни даже за Стеньку Разина. Родион Березов рассказывает, как "однажды, приехав в Москву вместе с Марией Степановной, он затерялся в толпе на Каланчевской площади (возле Казанского вокзала). Жена бегала и звала: "Макс! Макс!" – "Здесь я, Марусечка!" – откликнулся поэт. Поблизости стояла группа красноармейцев. Увидев человека с седеющей шевелюрой и с большой бородой, чем-то похожего на Карла Маркса, удивленные красноармейцы стали толкать друг друга: "Ребята, глядите, Карл Маркс!"... Преисполненные трепета и уважения, они подошли к поэту, отдали ему честь и отрапортовали: "Товарищ Карл Маркс! Да здравствует ваш марксизм, который мы изучаем на уроках политграмоты!". Поэт не стал их разочаровывать и с улыбкой поощрил: "Учите, учите, ребятки!" (Д. Новоселов (Р. Березов). В Коктебеле. "Грани", № 5, 1949, стр. 55).

Но это все – мирные времена Дома Поэта. Хотя, как это видно и из вступ. статьи I тома, местное начальство до конца жизни поэта не давало ему покоя: то требовало непомерных налогов, то вообще старалось выбросить Волошина вон из Коктебеля. Но трагические времена Коктебеля также отразились – и преимущественно отразились – в поэме.

И красный вождь, и белый офицер,
Фанатики непримиримых вер,
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета...
...А сам читал в одном столбце с другими
В кровавых списках собственное имя.

В письме к обрушившемуся на него за "контрреволюционный" характер творчества критику Б. Талю Волошин писал 12 янв. 1924 г., сознательно принижая религиозно-нравственный мотив своего поведения в годы гражданской войны и террора: "Разумеется, красных при белых и белых при красных я защищал не из нейтральности и даже не из "филантропии", а потому, что массовое взаимоистребление русских граждан в стране, где культурных работников так мало и где они так нужны, является нестерпимым идиотизмом. Правители должны уметь использо-

вать силы, а не истреблять их по-дурацки, как велись все терроры, которых я был свидетелем. Коммунизм в его некомпромиссной форме мне очень близок, и моя личная жизнь всегда строилась в этом порядке, государственный же враждебен, как все, что идет под знаком Государства, Политики и Партийности". ("Время и Мы", № 28, стр. 207–208). В романе Д. Хаита "Полуостров", где Волошин выведен под именем Аполлона Осенева, он говорит скрывающемуся у него от белых коммунисту: "– Кто вы? ... Почему вы, русский, прячетесь от русских? Солнце светит одинаково всем. Классовая борьба – это грех против закона природы. Мир спасает не ваша скучная догматика, а инстинктивное ощущение жизни"... (Д. Хаит. Полуостров. М., 1959, стр. 191). Но в действительности Волошин, не задавая никаких вопросов спасаемым, старался спасти их. Так, когда осудили и хотели расстрелять генерала Н. А. Маркса белые, за то, что он работал в местном комиссариате просвещения при красных, то Волошин сразу бросился спасать его. В письме к И. А. Бунину, в ноябре 1919 г., он пишет: "Через три дня после освобождения Крыма (от большевиков. – БФ) я помчался в Екатеринодар спасать моего друга генерала Маркса, несправедливо обвиненного в большевизме, которому грозил расстрел, и один, без всяких знакомств и связей, добился таки его освобождения". (И.А. Бунин. Воспоминания. Париж, 1950, стр. 197). Н. А. Тэффи рассказывает о Волошине: "Он ходил по разным правительственным учреждениям и нужным людям и читал стихи. Читал он их не без толку. Стихами своими он, как ключом, отворял нужные ему ходы и хлопотал в помощь ближнему. Иногда войдет в какую-нибудь канцелярию и, пока там надумают доложить по начальству, начнет декламировать. Стихи густые, могучие, о России, о самозванце, с историческим разбегом, с пророческим уклоном. Девицы-дактило окружали его восторженной толпой, слушали, ахали и от блаженного ужаса у них пищало в носиках. Потом трещали машинки – Макс Волошин диктовал свои поэмы. Выглядывало из-за двери начальство, заинтересовывалось предметом и уводило Макса к себе. Уводило, и через запертую дверь доносилось густое мерное гудение декламации. Зашел он и ко мне. Прочел две поэмы и сказал, что немедленно надо выручать поэтессу Кузьмину-Караваеву (будущую мать Марию. – БФ), которую арестовали (кажется, в Феодосии) по чьему-то оговору и могут расстрелять. "– Вы знакомы с Гришиным-Алмазовым, просите его скорее". Кузьмину-Караваеву я немножко знала и понимала вздорность навета. "– А я пойду к митрополиту, не теряя времени. Кузьмина-Караваева окончила духовную академию. Митрополит за нее заступится". Позвонила Гришину-Алмазову. Спросил: "– Вы ручаетесь?" Ответила: "– Да". ...Кузьмину-Караваеву освободили. Впоследствии встречала я еще на многих этапах нашего странствования – в Новороссийске, в Екатеринодаре, в Ростове-на-Дону – круглый берет на крутых кудрях, разлетайку, гетры, и слышала

стихи и восторженный писк покрасневших от волнения носиков. И везде он гудел во спасение кого-нибудь. ...Екатеринодар – высокочиновный. И во всех учреждениях живописный берет и плащ и кудри Макса Волошина. Он декламирует стихи о России и хлопочет за невинно-осужденных". (Н. Тэффи. Воспоминания. Париж, 1931, стр. 130–131, 261). Когда летом 1919 г. врангелевская контрразведка по какому-то оговору арестовала О. Э. Мандельштама, Волошин немедленно обратился к начальнику разведки Апостолову с заявлением: "Политическим розыском на этих днях арестован поэт Мандельштам. Так как Вы по своему служебному положению вовсе не обязаны знать современную русскую поэзию, то считаю своим долгом осведомить Вас, что Ос. Мандельштам является одним из самых крупных имен в последнем поколении русских поэтов и занимает вполне определенное и почетное место в истории русской лирики. Сообщаю Вам это, дабы предотвратить возможные всегда ошибки, которые для Вас же могут оказаться неприятными. Мандельштам, как большинство поэтов, человек крайне нервный, поддающийся панике, а за его душевное здоровье перед русской культурной публикой в конце концов будете ответственны Вы. Не мне, конечно, заступаться за О. Э. Мандельштама политически, тем более, что я даже не знаю, в чем его обвиняют. Но могу сказать, что для всех, знающих Мандельштама, обвинение его в большевизме, в партийной работе – есть абсурд. Он человек легкомысленный и ни к какой работе не способный и никакими политическими убеждениями не страдает". (Купр., стр. 186–187). "Легкомыслие" приписано здесь Волошиным из тактических соображений, но то, что Мандельштам "никакими политическими убеждениями не страдает", – это, с точки зрения Волошина, – огромное достоинство: мы знаем, как он рассматривал всякую политику... Над. Я. Мандельштам иронически замечает: "...Шли годы, и Волошин, живший в атмосфере обожания тысячи женщин, постепенно привыкал к мысли, что всех спас он – в том числе и Мандельштама..." (Вторая Книга. Париж, 1972, стр. 101). Пусть такая уверенность и могла зародиться в Волошине. Но свидетельства многих и многих – в том числе и людей, Волошиным спасенных, все-таки не так легко оспорить. Называются имена спасенных Волошиным коммунистов-подпольщиков: Жеребина, Звонарева, даже будущего писателя Вишневского. Но, увы, имен спасенных от органов красного террора установить не удается – кроме мужа Марины Цветаевой, Сергея Эфрона, которому Волошин помог выбраться из Крыма. Но все-таки кое-какие, пусть смутные, свидетельства об этом тоже остались – это рассказы людей, знавших Волошина в те страшные годы. "Известно, – пишет поэт Юрий Трубецкой, хорошо знавший Волошина, – что в начале 1923 г. заграницу лицом, близким к Волошину, были привезены некоторые его рукописи. Все они были переданы старому другу М. Волошина проф. А. С. Ященко, редактировавшему тогда в Берлине библио-

графический журнал "Новая Русская Книга". Среди привезенных рукописей был цикл знаменитых стихов М. Волошина – "Стихи о терроре", которые впервые и были напечатаны в "Нов. Русск. Книге" (№ 2, февр., 1923 г.). Кроме этих стихов М. Волошин прислал А.С. Ященко письмо, страниц в 40–50, содержавшее страшное описание дней красного террора в Крыму, когда руководитель этого террора, известный коммунист Бела Кун, жил в Доме Поэта – у М. Волошина. Рукопись эта не предназначалась для печати, но А.С. Ященко читал ее многим литераторам, жившим тогда в Берлине... В этой рукописи Волошин рассказывал, как в дни этого террора он день и ночь молился за убиваемых и убивающих; как между ним и Бела Куном установились какие-то странные отношения, как он вел с ним бесконечные разговоры, и как Бела Кун разрешал Волошину вычеркивать из "проскрипционных списков" одного из людей, предназначенных к казни, и как в этих списках М. Волошин видел "собственное имя". ...Его страшный гость, Бела Кун, сам несколько позднее попал в проскрипционные списки; во время ежовщины он был арестован и исчез в подвалах НКВД; по слухам, он был расстрелян. Поэма "Дом Поэта" представляется мне одним из самых благородных и человечных произведений, написанных за весь период советской литературы. ...Советы объявили амнистию всем бывшим офицерам... армии генерала Врангеля. Это оказалось ловушкой. И ночью, за Феодосией, в Карантине – сотни людей были расстреляны. Бог и музы хранили Волошина. Скольких бывших белых прятал поэт в тайничках своей дачи в Коктебеле, ...где он осмеливался – может быть, он один не зараженный обывательским страхом перед апокалипсическим зверем большевизма, – говорить комиссарам всю правду, хлеща их негодующими стихами. И они его не трогали. Его считали просто полусумасшедшим". (Юрий Трубецкой. Максимилиан Волошин. "Русская Мысль", 15 марта 1949). "В свое время, – пишет мне Е.Ф. Данилов, – я имел удовольствие встретиться с М. Волошиным в Феодосии во время пребывания там Белой армии. Во время занятия Крыма красными лично читал телеграмму из Москвы за подписью Троцкого и Каменева, адресованную начальнику 3-й Казанской дивизии Калнину, коменданту г. Феодосии Калашникову, военкому Фельдману, начальнику ОГПУ дивизии (забыл фамилию, кажется, Островский), текст которой сохранился в моей памяти: "Под вашу личную ответственность разыщите Максимилиана Волошина и обеспечьте его безопасность". Это было время ужасных расстрелов белых узников. Кто-то близкий или почитатель М. В. в Москве добился этой телеграммы, которая устранила нависшую над ним опасность. ...Ю. Трубецкой пишет, что Бог и музы хранили Волошина. Комиссары его не трогали. Если бы не было указанной мной выше телеграммы из Москвы, ...комиссары в то дикое время ...живым бы М. В. не оставили..." (письмо от 22 июня 1963). Знавшая в те же годы Волошина Мария Мизинова приводит в статье "Встреча с Волошиным"

характерный рассказ поэта. Может статься, рассказ этот и несколько сентиментализирован, и облик Волошина идеализирован и даже отчасти приближен к мифу, но что-то в рассказе есть, заставляющее чувствовать его подлинность. Да и за те четыре с лишним десятка лет, какие прошли с тех дней, о которых идет речь – и до времени, когда записаны эти воспоминания, не могло не присочиниться многое. Но вот сам этот рассказ поэта по воспоминаниям Мизиновой: "– Как вы знаете, мой дом в Коктебеле просторный, и случилось то, что должно было случиться – меня уплотнили. Поселился у меня тот зверь-комиссар, который был послан Москвой для ликвидации прижатых к морю остатков Белой армии. Тысячи офицеров и солдат расстреливались по ночам... Огромный, тяжелый, мрачный комиссар был фанатик и садист, а к тому же пьяница. Каждый вечер, навеселе, он, покачиваясь, спускался к автомобилю и со своими адъютантами уезжал до утра в ближайший город. В тихие ночи слышны были залпы выстрелов и трескотня пулеметов. Что это были за ночи! Душа разрывалась от боли, сердце содрогалось от отчаяния. Ко мне комиссар, однако, благоволил; то ли ...ему импонировало, что я его не боялся, или что другое, но он со мною откровенничал, шутил грубо, но ласково. Сядет, бывало, против меня, упрет голову в ладони и смотрит тяжелым упорным взглядом своих маленьких налитых кровью глаз. Глубоко вздохнет и примется пить водку. И как ему было не пить – чтобы хоть на миг залить, затуманить все то, что должно было быть в его душе, а ведь душа живет в каждом человеке и вздрагивает, и трепещет от ужаса. Да, этот тип был исчадием революции, возвращением к первобытному троглодиту, да нет, куда хуже! Мне пришлось рано утром проезжать мимо места расстрела; помню, кружила метель, снег ложился на море и горы, а у скал, где грудами лежали мертвые тела, копошились женщины, разыскивающие родных и друзей, а собаки грызли окоченелые трупы. ...Раз вечером, когда комиссар поехал на расстрел, я опустился в углу своей комнаты на колени и стал молиться. Не слышал я, как отворилась дверь и скрипнула половица, но почему-то обернулся. Он стоит на пороге и глядит на меня. Вероятно, вернулся за чем-то позабытым, – в руках его бумаги. – Ты что это делаешь, старик? – Молюсь. – О чем молишься? – Молюсь за тех, кого ты убьешь в эту ночь, и за тебя молюсь. – За меня? Чего за меня молиться? – За кого же молиться, как не за тебя?.. Ведь ты в крови купаешься, душа-то твоя черная-черная, а на душе у тебя – ух, какая тяжесть! Кто же за тебя молиться будет, коли не я. – Он, шатаясь, подошел к столу и швырнул на него бумаги, сел и задумался. Поднял на меня мутный пьяный взор, указал на бумаги: – Слышь... вот тебе список; здесь человек с тысячу намечено к расстрелу. Вычеркни 200 душ – дарю тебе их, помилую этих. – Друзья мои, – сказал Волошин дрожащим голосом, – я полагаю, это была самая ужасная минута в моей жизни. Кого выбрать из этой тысячи обреченных, мне неизвестных людей? Я зачеркнул 200 имен

наобум. Он уехал. Утром зашел ко мне, тяжелый, усталый, осунувшийся. – Твоих двести отпустил... черт с ними! Ну что, старик?" (М. Авинова. Встреча с М. Волошиным. "Новое Русское Слово", 8 марта 1964). Прочитав эти воспоминания, мой скептический, хорошо осведомленный корреспондент Е. Ф. Данилов пишет мне в том же марте 1964 г.: "...зверь-комиссар, посланный Москвой для ликвидации остатков Белой армии и подозрительных лиц. ...Бела Кун? Подходящим по описанию мог быть начальник ОГПУ-3 Островский, который был по постановлению Особой Московской комиссии за пьянство, зверства и садизм вместе с группой его помощников расстрелян. В Коктебеле, как и во многих местах, были расстрелы местного характера. Массовые расстрелы производились в Севастополе, Симферополе, Ялте и Феодосии. В Феодосии массовые расстрелы велись за Карантином по дороге на мыс Св. Ильи, ближе к свалке нечистот, что нашло отражение в стихах М. В. "Бойня", "Террор" и, отчасти, "Дом Поэта". Спасение Волошиным 200 белых, якобы вычеркнутых из списка в 1 000 человек, исключается. Отпустить 200 человек – не 10, которые могли бы укрыться на время по домам феодосийских грузчиков, как прятались не явившиеся на регистрацию, удравшие с дачи Б. Суворина (это был сборный пункт, с которого многим посчастливилось, пользуясь темной ночью, убежать к берегу моря, а потом добраться до города)". Но сомнение у моего корреспондента вызывает не сам факт, а лишь количество вычеркнутых... Конечно, нет никакого сравнения: при белых было неизмеримо легче спасать красных, чем при красных – белых... К слову пришлось: в 1938 году Р. В. Иванов-Разумник в общей камере Бутырской тюрьмы провел несколько месяцев вместе с зятем Бела Куна, писателем-коммунистом Анталом Гидашем: "Признаюсь, – пишет в своей брошюре "Писательские судьбы" (Нью-Йорк, 1951, стр. 23) Иванов-Разумник, – не без некоторого удовлетворения узнал я от Гидаша, что его тесть, Бела Кун, палач, в свое время заливший кровью весь Крым, – сидит тут же, в соседней камере Бутырской тюрьмы, больной, разбитый допросами, в ожидании решения своей участи..."

"В 1925 г., отпраздновав свой юбилей и рассказывая о нем в письме Э. Ф. Голлербаху, Волошин заметил: "Волошинский Дом – это не я. А целый коллектив". 9 ноября 1926 г. он писал А. П. Остроумовой-Лебедевой: "Сейчас заканчиваю большое стихотворение о Коктебеле же – Дом Поэта, которое посвящается всем гостям и друзьям Коктебеля". ...В этих стенах прошел последний период жизни Волошина (1917–1932). В годы гражданской войны Волошин превратил Дом Поэта в политическое убежище. Так, в 1920 г. Волошин укрыл у себя И. Хмелько (Хмельницкого), одного из делегатов VII областной подпольной партийной конференции РКП(б), преследуемого белогвардейцами..." (Евст.). Совершенно понятно, почему так долго не было полного текста поэмы в советской печати. Вот как, например, ее оценивал Вл. Орлов:

"Разлад Волошина с современностью был глубок и непоправим, и он сам отдавал себе в этом полный отчет. В "Доме Поэта" (одно из последних и, пожалуй, самое сильное его стихотворение) он прямо, без обиняков, аналогий и аллюзий, сказал о своем добровольном самоотлучении от новой жизни России. Можно пожалеть о заблуждениях поэта, но нельзя отказать ему ни в искренности, ни в чувстве собственного достоинства". (Вл. Орлов. На перевале. "Вопросы Литературы", 1966, № 10, стр. 126). "Позиция "над битвой" плохо рекомендовала поэта в глазах борющихся сторон". (Купр., стр. 189).

Четверть века. Впервые, в сокращенном виде: "Литературная Грузия", 1972, № 10. Полностью – впервые: "Вестник РСХД", № 107, 1973.

Аделаиде Герцык. Впервые: Евгения Герцык. Воспоминания. Париж, 1973, стр. 95–96. 17 февр. 1929 г. поэт писал Евгении К. Герцык: "...Простите, что не сразу отвечаю. Но хотел исполнить просимое Вами, и исполнил. Но это вышла не страница мемуаров, а стихотворение, посвященное памяти Аделаиды Казимировны, которое я и посылаю Вам. Кроме того посылаю Вам законченную на этих днях поэму "...Епифания" – это pendant к Аввакуму. Его судьба меня давно волновала и трогала. . ." (Герцык, стр. 94). Марина Цветаева, очень дружившая с Аделаидой Герцык, с которой ее познакомил Волошин, вспоминает: "Подружились страстно. Кстати, одна опечатка – и везло же на них Максу! В статье обо мне, говоря о моих старших предшественницах: "древние заплатки Аделаиды Герцык"... – Но, М. А., я не совсем понимаю, почему у этой поэтессы – заплатки? И почему еще и древние? Макс, сияя: – А это не заплатки, это заплачки, женские народные песни такие, от плача... А потом, А. Герцык мне, философски: – Милая, в опечатках иногда глубокая мудрость: каждые стихи, в конце концов – заплата на прорехах жизни. Особенно – мои. Слава Богу еще, что древние! Ничего нет плачевнее – новых заплат!" (Цвет., стр. 159). О А. К. Герцык – см. примеч. к стих. "Париж. XI. Перепутал карты я пасьянса" – в книге "Годы странствий", см. том I наст. издания.

Заклинание. Впервые: "Вестник РХД", № 120, 1977. Посвящено второй жене поэта Марии Степановне, урожд. Заболотской. Ей же посвящено стих. "Русь гулящая" в разд. "Пути России". М. С. Волошина (1887–1976) была ангелом-хранителем Волошина. "У меня теперь в доме завелся порядок и даже благолепие благодаря хозяйничанью Маруси Заболотской, – писал он 2 апр. 1923 г. В.В. Вересаеву. – И даже гостей принять можно. Мне судьба посылает исключительно хороших людей, а

появление Маруси в нашем доме еще при жизни Пра – прямо благословение Божие". ("Время и Мы", № 28, 1978, стр. 202). "Мария Степановна – великая труженица. У нее много забот. Главная – муж. Пусть это философ, поэт и художник. Но кроме всего прочего – это большой ребенок, это птица небесная, которая "не сеет, не жнет и не собирает в житницы". Больше сорока лет за большим ребенком ухаживала его мать. Она строила дачу, покупала строительные материалы, рассчитывалась с рабочими. Весь дом держался на ней. Сын не умел ни нанимать, ни говорить о ценах. ...У евангельского Лазаря было две сестры: Марфа и Мария. ...Мы любим гостеприимных хозяев, и все же наши симпатии с детства на стороне Марии, которая, в то время, когда к ней пришел Спаситель, не бросилась помогать хлопотавшей по хозяйству сестре, а у ног Божественного Учителя слушала Его великое учение". (Д. Новоселов (Р. Березов). В Коктебеле. "Грани", № 5, 1949, стр. 55). Мария Степановна была и Марфой и Марией для Волошина.

Владимирская Богоматерь. Впервые: машинописный самиздатский журнал "Вече", Владимир, № 1, 1971. Почти одновременно: "Вестник РСХД", № 100, 1971. Посвящено крупнейшему исследователю русской иконописи, автору ряда книг и статей, в частности, книги "Владимирская икона Божией Матери", Прага, 1928, и статьи "История Владимирской иконы в свете реставрации". ("Труды Отделения Искусствознания Института Археологии и Искусствознания", 1926, I) Александру Ивановичу Анисимову.

II. Святой Серафим. Впервые поэма опубликована в неполном, повидимому, виде (с пропусками): "Новый Журнал", № 72, 1963; в следующем году вышла в издании монастыря в г. Магопаке (штат Нью-Йорк) отдельной книжкой. Помимо чудовищного искажения текста в рукописи, какая передана была архиепископом Сан-Франциским (Шаховским) "Новому Журналу", монастырский издатель, убоясь "католической ереси", произвольно выбросил главку о Св. Франциске, в версии "Нового Журнала" имеющуюся. Главка "Тварь" – в более позднем варианте впервые: М. Волошин. Стихотворения. Библиотека Поэта, мал. серия, Л., 1977. Опубликована, также без нескольких глав, в "Русском Возрождении", № 3, 1978. Полностью публикуется впервые. Наш список текста включает и главку о Св. Франциске, иногда входившую в текст поэмы, иногда выделявшуюся из него в отдельное стихотворение. Поэт и литературный критик Ю. К. Терапиано рассказывает: "Весной 1920 года в феодосийском литературном кружке "Флак" я познакомился с Максимилианом Волошиным. Он говорил о своей новой поэме "Святой Серафим Саровский": "Все уже готово, остается только отчеканить

стихи", – запомнилась его фраза. Я смог быть во "Флаке" только один раз, и мне не пришлось присутствовать при чтении поэмы, если оно состоялось. Рукопись "Святого Серафима", вполне законченную, позднее привез в Константинополь феодосийский поэт Петр Лампси. Мы сняли с нее две копии, из которых одна осталась у меня. Волошин, как передавал Лампси, вручил ему свою рукопись в момент эвакуации Феодосии Добровольческой армией. Сам он решил остаться в России, но просил, если представится случай, опубликовать эту рукопись заграницей. В 1925 году я дал мою копию поэмы Волошина на прочтение К. Бальмонту, но, несмотря на неоднократные напоминания, так и не получил ее обратно". (Ю. Терапиано. Встречи. Нью-Йорк, 1953, стр. 16–17). О версии, опубликованной в "Новом Журнале", архиепископ Иоанн писал, что он "получил (текст поэмы) в Берлине в период времени с 1932 года (мое туда назначение) и не позже 1944 года. . . .В январе 1943 года часть моих личных архивов была изъята из моей берлинской квартиры, при обыске гестапо, а в 1944 году другие бумаги сгорели при пожаре дома. Я считал список потерянным. Но в 1963 г., неожиданно для себя, я получил найденную в Берлине часть моего литературного архива и обнаружил среди рукописей одну из копий поэмы Волошина "Святой Серафим", сделанную на машинке... ...Таким образом поэма нашлась"... "Но важно то, – пишет Ю. Терапиано, – что читая теперь в Новом Журнале текст "Святого Серафима", я заметил в нем пропуски, этот текст кто-то процензурировал или – упустил многое по невниманию. ...Масон, мартинист и антропософ, М. Волошин вложил в свою поэму, помимо "общего, внешнего", еще и тайный оккультный смысл". (Ю. Терапиано. "Новый Журнал", кн. 72. Рец. "Русская Мысль", 20 июля 1963). Публикуемый нами текст – одна из позднейших версий поэмы. Публикуется полностью.

"...Поэму "Святой Серафим" ... Волошин начал писать 12 декабря 1919 г. Перелагая житие Серафима Саровского, Волошин пользовался книгой Чичагова "Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря", СПб., 1903". (Евст.). "В 72 книге Нового Журнала, – пишет в ст. "Люди, мысли, дела" Юрий Большухин, – помещена многим замечательная поэма Максимилиана Волошина "Святой Серафим", разысканная архиепископом Иоанном. . . .Вещь эта – точное переложение жития преподобного Серафима Саровского, но какое переложение! Включен в поэму подлинный разговор – и не только разговор, но и явление Божией любви к великому подвижнику – с исцеленным им помещиком Мотовиловым. . . .Сложные мистические, религиозно-философские построения, как и поэтические красоты поэмы, могут быть поняты людьми самого различного уровня: осуществлена творческая задача огромной трудности". ("Новое Русское Слово", 7 июля 1963). У Волошина мелькала и мысль о триптихе: Аввакум – Епифаний – Серафим: три светильника Руси...

III. П о с л а н и я. Это – и послания, и надписи (дарственные) на книгах, на портретах. Очевидно, таких посланий, неизвестных нам, еще немало, немало и пропало навсегда.

Александре Михайловне Петровой. Публикуется, очевидно, впервые. О А. М. Петровой – см. примеч. к разделу "Звезда Полынь" в I томе.

Богаевскому. Публикуется, очевидно, впервые. О К.Ф. Богаевском – см. примеч. к стихотв. циклу "Киммерийские сумерки" в разделе "Звезда Полынь" в I томе.

Сергею Маковскому. Публикуется впервые. О С.К. Маковском – см. прим. к стих. "Дэлос", в разделе "Алтари в пустыне" в I томе.

Марине Цветаевой (К Вам душа так радостно влекома). Впервые: в ст. М. Цветаевой "Живое о живом": "Современные Записки", № 52, 1933, с сокращениями. Полностью: М. Волошин. Стихотворения. Библиотека Поэта, мал. серия. Л., 1977. Послано в письме к Марине Цветаевой. "Вечерний Альбом" – первая книга стихов Цветаевой (М., 1910), изданная, когда Цветаева еще училась в гимназии. "...он мне предстал впервые в дверях залы нашего московского дома на Трехпрудном. . . Звонок. Открываю. На пороге цилиндр. Из-под цилиндра безмерное лицо в оправе вьющейся недлинной бороды. Вкрадчивый голос: – Можно мне видеть Марину Цветаеву? – Я. – А я – Макс Волошин. К вам можно? – Очень! ... – Вы читали мою статью о вас? – Нет. – Я так и думал и потому вам ее принес. Она уже месяц, как появилась. ...Вся статья – самый беззаветный гимн женскому творчеству и семнадцатилетью. – Она давно появилась, больше месяца назад, неужели вам никто не сказал? – Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат. – А вы – в гимназии? Да, вы ведь в форме. А что вы делаете в гимназии? – Пишу стихи. – – Некоторое молчание, смотрит так пристально, что, можно сказать, бессовестно, если бы не широкая, все ширеющая улыбка явного расположения – явно располагающая. – А вы всегда носите это...? – Чепец? Всегда, я бритая. – Всегда бритая? – Всегда. – А нельзя ли было бы... это... снять, чтобы я мог увидеть форму вашей головы? Ничто не дает человека, как форма его головы. – Пожалуйста. ... – А нельзя ли было бы уж зараз снять и... Я: – Очки? Он, радостно: – Да, да, очки, потому что, знаете, ничто так не скрывает человека, как очки. ...И вот беседа – о том, что пишу,

что люблю, как люблю – полная отдача другому, внимание, проникновение, глаз не сводя с лица и души другого – и каких глаз: светлых почти добела, острых почти до боли.., не глаз, а сверл, глаз действительно – прозорливых. ...Кабинет отца с бюстом Зевса на вышке шкафа. Сидим, он на диване, я на валике (я – выше), гадаем, т. е. глядим: он мне в ладонь, я ему в темя, в самый темянной водоворот: волосоворот. ... – Когда вы любите человека, вам всегда хочется, чтобы он ушел, чтобы о нем помечтать. Ушел подальше, чтобы помечтать подольше. Кстати, я должен идти, до свидания, спасибо вам. – Как? Уже? – А вы знаете, сколько мы с вами пробеседовали? Пять часов, я пришел в два, а теперь семь. Я скоро опять приду. ... Через день письмо, открываю: стихи". (Цвет., стр. 137–143). Как бы в ответ на это письмо-стихотворение, Марина Цветаева шлет Волошину в письме 27 дек. 1910 г. стихи:

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, –
Потому надменны эти строки. ...
...Есть, о да, иные дети – тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы – дитя. Но все ли дети – тайны?!

(Купч.-Цвет., стр. 158–159)

Милая Вайолет, где ты? Впервые: "Радянське Літературознавство", 1977, № 3. "Немало нежных слов Волошин посвятил художнице Вайолет Харт". (Купр., стр. 97). "Как-то среди лета Волошин появился в сопро-

вождении невысокой девушки, черноволосой, с серо-синими глазами. Ирландка Вайолет, с которой он сблизился в художественных ателье Парижа. Он оживленно изобразил сцену ее приезда (в Коктебель. – БФ): был сильный ливень, горный поток, рухнув, разделил надвое коктебельский пляж... Он и Вайолет стояли по обе стороны его, жестами, беспомощными словами перекликались, наконец, она разулась и, подобрав платьице, мужественно ринулась в поток – он еле выловил ее. "И первым жестом моего гостеприимства было по-библейски принести чашку с водой и омыть ей ноги". Вайолет тихо сияла глазами, угадывая, о чем он рассказывал. Мы переходили на французский язык, на английский, но на всех она была немногоречива. Ее присутствие не нарушило наших нескончаемых бесед, только мы стали больше гулять, наперебой стремясь пленить иностранку нашей страной. Она восхищенно кивала головой, в испанских соломенных espadrilles на ногах, козочкой перебегала по скалам и, усевшись на каком-нибудь выступе над кручей, благоговейно вслушивалась во французскую речь Волошина – речь свободно текущую, но с забавными ошибками в артикле. Эта тихая Вайолет так и осталась в России, прижилась здесь, через несколько лет вышла замуж за русского, за инженера, и, помню, накануне свадьбы, в волнении сжимая руки сестры моей, сказала ей: – Max est un dieu". (Герцык, стр. 80, 82).

Майе (Когда февраль чернит бугор). Впервые, очевидно: "День Поэзии в Крыму", Симферополь, 1965. О Майе – Марии Павловне Кювилье-Кудашевой, затем – жене Ромена Роллана, см. примеч. к стих. "Майе" (Над головою поднимая) – в разделе "Облики", т. I.

Лиле Эфрон. Была ли публикация этого стих., предшествующая "Вестнику РХД" № 120, 1977, – нами не установлено. Лиля – Елизавета Яковлевна Эфрон (р. 1885), сестра мужа Марины Цветаевой, С.Я. Эфрона. Режиссер.

Татиде. Публикуется впервые. О Татьяне Давыдовне Цемах – см. прим. к стих. "Плаванье" в разделе "Усобица", т. I.

Л.П. Гроссману. Впервые: "Вестник РХД" № 120, 1977. Леонид Петрович Гроссман (р. 1888) – поэт, прозаик, критик, литературовед, специалист по Достоевскому. Дружил с Волошиным, и поэт пересылал через него свои стихи и статьи в журналы и газеты Одессы.

М. С. Волошиной (Весь жемчужный окоем). Впервые, очевидно: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7. О Марии Степановне Волошиной – см. примеч. к стих. "Заклинание" в разделе "Паралипомена".

Вс. И. Попову. – О. Ф. Головиной. Очевидно, публикуются впервые.

IV. Стихи и неоконченные поэмы о России и революции. Огромное большинство публикуемых в этом разделе произведений выходит в свет впервые. Поэт не хотел, чтобы его стихи о России и революции, как старые, так и новые, воспринимались как стихотворная партийная публицистика. Ему казалась одинаково извращающей смысл его стихов как их "революционная" трактовка, так и приписывание им антикоммунистической направленности. Весной 1924 г. Волошин побывал в Москве и Ленинграде, повидался там с поэтами и прозаиками, художниками и учеными, много читал им из того, что написал в последние годы. Вернувшись в Коктебель, он пишет 16 ноября 1924 г.: "Казалось бы, мне только радоваться: я был признан и оценен свыше меры, и стихи мои имели отголосок более сильный и глубокий, чем я предполагал, а, между тем, сейчас я чувствую себя более одиноким, чем до этой поездки. Не как человек, разумеется, а как поэт. Чувствую, что производило впечатление в моих стихах то, что казалось политической оппозицией, смелой по нынешним временам, а то, что было основным, положительным (об России, о европейской культуре), то принималось только как незначущее приложение (в большинстве). И, кроме того, откликались на них только те, кто сами уходят. Для приходящих же все мое (и основные идеи и формы) было чуждо и даже враждебно – вне всякой политики. . . .Это не повергает меня ни в отчаянье, ни в разочарованье, но указывает, что снова надо идти долго, ночью, одинокими горными тропами, какими я шел последние годы". (Купр., стр. 219). Там, где Волошин видел историческую трагедию, и искал ее историософского объяснения, одни видели преступную контрреволюционную пропаганду, другие – смелое обличение большевизма, но и те и другие видели, в сущности, политическую однодневку. . . В этом разделе мы даем так же те стихи о революции, которые сам поэт не включал в книги, которые предполагал издать.

К Герцену. Впервые, с диким искажением: "Москва", 1977, № 5. Искажение указано в неск. статьях Вл. П. Купченко (см. библиографию). Нами внесены исправления.

Лежать в тюрьме... Впервые опубликовано в сборн. "Волошинские Чтения", Москва, 1981 (сост. В. П. Купченко), в статье Л. А. Евстигнеевой "Прозревая будущее", стр. 18. Навеяно событиями 1905 г. Сохранилось в одной из творческих тетрадей Волошина. "Эпиграфом к нему служат слова профессора П. Минакова из статьи, опубликованной в "Русских Ведомостях" (1905, № 244)..." (Евстигнеева, указ. выше статья).

Набат. "Русь". Иллюстр. прилож. к газ. "Русь", 1906, № 2.

Король. Впервые – в статье Вл. Купченко "М. Горький и М. Волошин": "Русская Литература", 1976, № 2. Волошин 15 дек. 1906 г. отправил письмо М. Горькому, выражая желание сотрудничать в сборниках "Знания". К письму он приложил два стихотворения: "Париж" и "Король". Стихотворения опубликованы в сборниках "Знания" не были, "Король" – вернее, черновой, недоработанный оригинал этого стихотворения – был найден и опубликован неутомимым исследователем творчества Волошина – В.П. Купченко.

Нет в мире прекрасней свободы. Впервые, очевидно: "Вестник РХД", № 120, 1977.

Повесть временных лет. За исключением двух отрывков, опубликованных редактором настоящего собрания стихотворений в "Новом Русском Слове" 15 окт. 1978, публикуется впервые.

Грядущая Россия (по Аристову). Публикуется впервые. Николай Яковлевич Аристов (1834–1882) – русский историк, автор не только исторических исследований, но и полубеллетристических исторических повестей и рассказов. Был близок к Щапову. Написано для потомка историка, тоже Аристова, как стихотворное включение в "прозаическую программу" его лекций.

Революция. Впервые: "Новое Русское Слово", 15 окт. 1978. (Публикация Б.А. Филиппова).

Русь. Фрагменты. Публикуются впервые. В эти годы (1918–1925) Волошина чрезвычайно интересовала проблема Азии, "панмонголизма", грядущего нашествия Азии на Европу...

Земной простор, изрезанный стезями. Публикуется впервые.

История утаена в курганах. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7, в ст. И. Куприянова.

Революция губит лучших. Публикуется впервые. Последнее стихотворение Волошина. Собственно говоря, творческая жизнь Волошина закончилась за два года до написания этого отрывка...

V. Разные стихотворения

В комнате скучно. Впервые: Альм. "Гриф", М., 1903.

Дрожало море вечной дрожью. Впервые: "Золотое Руно", 1906, № 11–12.

Я – понимание... – К древним тайнам мертвой Атлантиды. Впервые: "Новый Мир", 1977, № 5.

Пришла изночница... Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977. Изночница – бессонница.

Светло-зеленое море... Впервые: "Радянське Літературознавство", 1977, № 3.

Дубы нерослые... Впервые: "Вестник РХД", № 120, 1977, и "Радянське Літературознавство", 1977, № 3.

О да, мне душно в твоих сетях. – Я не пойду в твой мир гонцом. – В знойный полдень был мне глас. Публикуется впервые.

На пол пала лунная тень от рамы. Впервые: "Литературная Грузия", 1972, № 10.

Как ночь души тиха... Публикуется впервые.

Возьми весло, ладью отчаль. Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977.

Ты из камня вызвал мой лик. – Нагота тела, как скользящая ткань. – И были брови как стрелы сдвинуты. Публикуется впервые.

Так странно, свободно и просто. Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977.

Я люблю тебя, тело мое. – Шоссе. . . Индийский телеграф. – Сидела царевна. – И нет в мирах страшнее доли. Публикуются впервые. "Сидела царевна", очевидно, не оригинальное произведение Волошина, а перевод. "Недавно удалось установить, – пишет В. П. Купченко, – что стихотворение "Сидела царевна" . . .переводное". ("О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. Волошина", ВолЧ, стр. 106). Нам неизвестен автор этого стихотворения, и мы решили оставить его в разделе оригинальных вещей Волошина.

Я – соль земли... Впервые: "Радуга", 1965, № 9.

Бойцам любви – почетна рана. – Снова мы встретились... Публикуются впервые.

Верь в безграничную мудрость Мою. Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977.

Серенький денек. – И, погасив огонь текучий. – Не отвергайся духа злого. – Светоч косматый в вечернем тумане. Публикуются впервые.

Широки окоемы гор. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1975, № 2, в ст. И. Куприянова "Поэтична спадщина митця". "Ты дала мне эту тетрадь" – обращение к М.С. Цетлин.

Киммерийская сивилла. Впервые: "Литературная Грузия", 1972, № 10. "Первый набросок стихотворения сделан в 1910 г., упоминается в творческой тетради № 2 среди произведений 1911 г." (Евст.).

С тех пор как в пламени... – Мир знает не одно, а два грехопаденья. Публикуются впервые.

Сон. Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977.

Был покойник в гробе трехдневен. – Папирус сдержанный. Публикуются впервые.

Ангел Смерти. Впервые, очевидно: "Вестник РХД", № 120, 1977.

Соломон. Впервые, очевидно: "Сион", Израиль, 1972, № 1.

Эдгар По и Достоевский. – Как магма незастывшего светила. Публикуются впервые.

Среди верховных ритмов мирозданья. Впервые: М. Волошин. Стихотворения. Б-ка Поэта, мал. серия, Л., 1977.

Шуточные стихотворения:

Корнею Чуковскому ("Вышел незванным"). Впервые: "Чукоккала". Рукописный альманах Корнея Чуковского. И, М.-Л., 1979, стр. 312: "Летом 1923 года мы с Евгением Замятиным жили в доме поэта Максимилиана Волошина. Волошин написал в Чукоккале такое четверостишие: "Вышел незванным..." (там же).

Не в желто-буром Коктебеле. Там же, стр. 312. К.И. Чуковский рассказывает: "Следующей весной Волошин приехал в Ленинград. Друзья, гостившие у него в Коктебеле, собрались 2 мая 1924 года в квартире поэтессы Марии Шкапской и, чествуя поэта, занялись сочинением буриме. Буриме – стихотворение с заранее заданными рифмами. Нам были предложены Волошиным такие рифмы: Коктебель, берегу (существительное), скорбели, берегу (глагол), Крыма, клякс (или загс), Фрима (жена Антона Шварца), Макс. На ленинградском сборище у Шкапской он тоже сочинил буриме: "Не в желто-буром Коктебеле...". Когда

мы прочитали вслух все написанные нами буриме, первый приз получил Евгений Замятин. Его буриме сохранилось в Чукоккале:

В засеянном телами Коктебеле,
На вспаханном любовью берегу
Мы о незнающих любви скорбели.
Но точка здесь. Я слух ваш берегу.
Под африканским синим небом Крыма
Без ватных серых петербургских клякс
Нагая светит телом Фрина-Фрима,
И шествует, пугая женщин, Макс.

"Макс действительно каждый день в определенный час выходил в одних трусах с посохом и в венке на прогулку по всему коктебельскому пляжу..." (там же, стр. 112–113).

Шуточные стихотворения о Коктебеле – впервые: "Вестник РХД", № 131, 1980.

"*Утро*. "Пра" – так называли ее друзья, даже дети, так сама она подписывалась в письмах к близким – Елена Оттобальдовна Волошина, женщина необыкновенная и совершенно ни на кого не похожая. Она ходила в придуманном ею самой костюме – шушуне, расшитом или украшенном коктебельскими камешками, шароварах и мягких полусапожках, курила, вела коктебельское хозяйство и умела дружить с молодежью, наполнявшей ее дом. Она входила в их заботы, была поверенной сердечных тайн и семейных драм, а они упивались ее рассказами и набирались у нее ума-разума. "Макс в одежде древней" – Волошин в его обычном коктебельском одеянии. "Сестре сестра" – Вера и Лиля – Вера Яковлевна (1888–1945) и Елизавета Яковлевна (1885–1976) Эфрон, сестры "Сережи" – Сергея Яковлевича Эфрона (1893–1941), будущего мужа Цветаевой. Обе занимались в то время на драматических курсах. Об Эфронах Л.Е. Фейнберг сказал, что у всех троих были одинаковые огромные серо-зелено-голубые "эфроновские" глаза. "Входит незнакомый человек в комнату, смотришь на его лицо, видишь эти глаза и уже знаешь – это Эфрон". Я сразу поверила этому, потому что у дочери Цветаевой А. С. Эфрон были такие точно "эфроновские " глаза. "Марина" – Марина Ивановна Цветаева, тогда начинающая поэтесса, выпустившая уже первую книгу стихов, уже сознавшая свое поэтическое призвание и знакомая с первым литературным успехом. Лето 1911 г. было самым счастливым в ее жизни. В первый день в Коктебеле она познакомилась с Сережей, и они решили никогда не расставаться. Свобода, независимость, любовь и понимание друзей – все это, так необходимое Цветаевой, щедро было отпущено ей этим летом и никогда больше не возвращалось с такой полнотой и щедростью. О Коктебеле и коктебельцах Цветаева писала в превосходных эссе "История одного

посвящения" и "Живое о живом" (см. "Избранная проза в 2-х томах", изд. "Руссика", Нью-Йорк, 1979). В сонете "Гайдан"шутливый портрет Цветаевой нарисован с точки зрения Гайдана – одной из многочисленных коктебельских собак, которых Цветаева очень любила и с которыми была в большой дружбе. "Dame de Piques" – одна из коктебельских гостий; ее лицо показал мне Л.Е. Фейнберг на групповой фотографии, но больше я о ней ничего не знаю. "Друг Тобика" – родственник Волошиных Миша, страдавший манией преследования и боявшийся отравления. Намеки на это есть в сонетах. Мишина комната была наверху – отсюда "мудрец чердачный" и "колдун чердачных чар" в стихотворении "Тобик".

Обед. О скудости коктебельских трапез вспоминала Цветаева. "Толкает брата брат" – Л. Е. Фейнберг помнил двух мальчиков-подростков, бывших тогда в Коктебеле. Они же "близнецы" в стихотворении "Пластика"; один из них – "Следокопыт".

Пластика. Пластические танцы, балет были всегда любимы в Коктебеле. Сохранилась немного более поздняя фотография, запечатлевшая занятия пластикой.

Француз. Этот сонет посвящен одной из коктебельских мистификаций. Француз – реальное лицо. О подобной мистификации рассказывает Анастасия Цветаева в книге " Воспоминания" (М., "Сов. писатель", 1974, стр. 404–412)". (В. Швейцер. "Вестник РХД", № 131).

VI. Надписи на акварелях. Эти стихи Волошина, тесно связанные с его живописным творчеством, часто написанные в форме японских "танка" и "как-кай", часто – одностроки, одно время стали излюбленной формой его творчества. "Смешение поэтического и живописного дарования дошло у Волошина до того, что одна тема служила у него и для картины, и для стиха. Киммерийские пейзажи он переносил на полотно, о киммерийских же сумерках писал удивительные стихи". (Андрей Седых. Далекие, близкие. Изд. 3-е, Нью-Йорк, 1979, стр. 24–25). К красочности – как в живописи, так и в стихах, Волошин подходил не совсем так, как импрессионисты. Еще в "Письме из Парижа: I. Клод Монэ. Итоги импрессионизма" – он писал: "Одна гармония красок сама по себе слишком абстрактна и не связана с извечными представлениями глаза". ("Весы", 1904, № 10, стр. 43). Волошин и акварели писал по памяти, доискиваясь сути изображаемого, отбирая в изображаемом лишь то, что ему казалось наиболее значительным и характерным. Это, конечно, отдаляло Волошина-акварелиста от импрессионистов. Но Волошину удавалось схватить в пейзаже такие его черты, какие делали его акварели подлинными документами (при этом они не утрачивали своей лиричности): "Кто-то из бесчисленных мемуаристов, рассказывающих о Волошине, писал о том, как в начале революции геологи, рабо-

тавшие в Крыму, были поражены научной точностью его пейзажей. Геологи заказали Волошину целую серию акварелей, ибо они создавали представление о геологическом строении земли, соотношении каменных пород, размывов почвы". (А. Пистунова. Акварели Волошина. "Литературная Россия", 1971, № 49). 6 дек. 1930 г. К. Ф. Богаевский писал Волошину: "Бесконечное тебе спасибо за присланные акварели. Буквально я упиваюсь ими и они мне заменяют натуры. Какие они все правдивые, и как естественно и красиво плавно текут линии гор! Есть достижения поразительные! Не везде только небо отвечает низу, но в облаках есть удивительно схваченные места!" (МВХ, стр. 33). Но, повторяем, рисунки и акварели не сделаны с натуры, а, как говорит Волошин о них, "представляют собой музыкально-красочную композицию на темы киммерийского пейзажа" (О самом себе). "Волошин, – отмечает Э. Ф. Голлербах, – никогда не копирует "виды", а творит их на основе тех форм и красок, какие присущи Коктебелю... Коктебельский пейзаж, вернее, сущность этого пейзажа, душа Киммерии, стала единственной темой изобразительного творчества Волошина". (Э. Голлербах. Миражи Киммерии. "Акварели М. А. Волошина", Л., 1927, стр. 7, 9). "Если бы когда-нибудь, – говорит дальше Э. Голлербах, – удалось осуществить безупречное полихромное воспроизведение пейзажей Волошина в сопровождении стихов автора, мы имели бы исключительный пример совершенного созвучия изображения и текста". (там же, стр. 11). "Волошин, поистине, – поэт в живописи и живописец в поэзии. В 1904 г. Вяч. Иванов отмечал, что у Волошина глаз непосредственно связан с языком, что он какой-то говорящий глаз". (Высказывание Вяч. Иванова М. Волошин процитировал в письме к А. М. Петровой). (Купр., стр. 155). Тем более свободным является содружество стихотворной надписи – и самой акварели. Это – отнюдь не "подпись", не "название" акварели. Это не стихотворный аккомпанемент, а равноправный дуэт стиха и рисунка. 20 октября 1917 г. Волошин писал Ю. Л. Оболенской: "...Вы с неверного угла посмотрели на стихи: они вовсе не заглавия акварелей. Представьте себе, что Вы идете с раннего утра до поздней ночи по тропинкам, погруженная в свои мысли и в созерцание, и иногда в Вас возникает стих или строфа: она не вполне соответствует тому, на что Вы смотрите, но она связана с общим настроением пейзажа. Их сочетание не параллельно, а иррационально. Возникающий стих вовсе не описывает видимый пейзаж, но загорается от него. Я думал, что эта сторона достаточно ясно подчеркнута заглавием цикла: "Десять лирических пауз одной прогулки", а также призрачностью и прозрачностью пейзажей, видимых сквозь успокоенную лирическую влагу мыслей. Здесь главное стих, акварель служит только музыкальным аккомпанементом. Попробуйте просмотреть их с этой точки зрения, и не все сразу, а по очереди, одну прикрывая другой. Я не знаю, удалось ли мне это, но хотелось сделать так. Мне кажется, что

это одна из возможностей сочетания слова с рисунком. Я очень против параллелизма искусства. ...Надо искать симфонического, а не унисонного сочетания". ("Время и Мы", № 27, 1978, стр. 198). Таким образом, Волошин шел дальше и Голлербаха, и пишущего эти строки – и видел в "надписи на акварели" и самой акварели – даже не равноправный дуэт, а рисунок рассматривал как аккомпанемент стиха...

Задачу живописи, реализма в живописи (да и в поэзии) Волошин хорошо формулировал еще в своей книжке "О Репине" (М., 1913): "Реализм в искусстве, при своем углублении, приводит к идеализму в платоновском смысле, т. е. в каждой преходящей случайной вещи ищет ее сущность, ее идею. С этой стороны он включает в себя и символизм, так как "все преходящее есть только знак", по формуле Гете". (стр. 8). "Поэтика воды и облаков, которым в средневековом Китае и Японии посвящены десятки специальных сочинений, – пишет Е.В. Завадская, – естественно привлекла внимание М. А. Волошина, стремящегося даже в столь изменчивом, случайном и неопределенном, как облако или туманная дымка, запечатлеть их вечное, сущностное. В этом смысле пейзаж Волошина глубоко реалистичен, хотя и мало похож на реальный". ("Поэтика киммерийского пейзажа в акварелях М. А. Волошина. – Отзвуки культуры Востока". – ВолЧ, стр. 53).

Наше собрание надписей на акварелях, конечно, не может считаться сколько-либо исчерпывающим. Последние годы жизни единственным источником средств существования поэта было рисование и продажа акварелей, на очень многих из них он делал стихотворные надписи, – и сколько еще неучтенных нами акварелей бродит и по СССР, и по Западу, – трудно сказать... Для удобства читателей, мы расположили надписи на акварелях в алфавитном порядке. Указания на их первую публикацию (по крайней мере, нам известную) дается по №№ надписей на акварелях. Необходимые пояснения к некоторым из надписей:
№ 100: "Она склонилась над пустыней"; она – это луна.
№ 145: "Эти пределы священны..." – Это двустишие даже включалось автором во вторую книгу его стихов.
Впервые надписи на акварелях были опубликованы, вероятно, в "Вестнике РСХД", № 107, 1973: №№ 17, 28, 51, 62, 84, 87, 92, 105, 130;
"Дружба Народов", 1977, № 5: №№ 39, 132;
Каталог четвертої осінньої виставки картин. Одесса, 1928: № 145; Купченко, Вл. (сост. и автор): Планерское–Коктебель. Симферополь, 1975: №№ 72–73.
"Литературная Газета", 1 июня 1977: № 19;
Максимилиан Волошин – художник. М., 1976: №№ 41, 63, 96, 118, 127;
Пейзажи Максимилиана Волошина. Л., 1970: №№ 7, 18, 48–49, 80, 93, 106, 113, 121, 138, 140;
"Победа", 2 июня 1977: № 26;
"Радуга", 1965, № 9: №№ 14–15, 31, 43–44, 60, 67, 82, 99, 102, 120;

"Радянське Літературознавство", 1972, № 7: №№ 12–13, 24, 50, 58, 77, 81, 100, 112, 131; № 3: №№ 22, 35, 42, 70, 103–104, 117;
Вл. Купченко. Остров Коктебель. М., 1981, стр. 30: № 133. Эта надпись – посвящение "Дорогому Михаилу Афанасьевичу [Булгакову], первому, кто запечатлел душу русской усобицы".
Остальные 87 надписей на акварелях (№№ 1–6, 8–11, 16, 20–21, 23, 25, 27, 29–30, 32–34, 36–38, 40, 45–47, 52–57, 59, 61, 64–66, 68–69, 71, 74–76, 78–79, 83, 85–86, 88–91, 94–95, 97–98, 101, 107–111, 114–116, 119, 122–126, 128–129, 134–137, 141–145, 147–148) публикуются, вероятно, впервые.

КНИГА ШЕСТАЯ. – ИВЕРНИ. – СТИХИ ЮНОШЕСКИХ И СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ. – ИЗ ПРОЗЫ. – ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

Эта книга составлена нами из неоконченных набросков Волошина ("Иверни"), по большей части неопубликованных, из его юношеских и студенческих стихов, оказавшихся нам доступными, двух прозаических произведений и избранных переводов.

I. Иверни. Само название вводит в заблуждение некоторых поэтов и прозаиков, вкладывающих в это слово некое экзотическое содержание. Берут его и в качестве некоего поэтически и экзотически звучащего литературного имени. Но *иверни* – это множественное число от слова *иверень*. "Иверень... – верешок, щепа, ощепок; черепок, осколок, осколыш, отломочек..." (Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, т. 2, СПб.-М., 1881). Так Волошин назвал свою вторую вышедшую в свет книгу – книгу избранных стихов: "Иверни"... Среди стихов, помещенных в этой книге, есть, в сущности, совершенно законченные вещи. Подавляющее большинство "иверней" публикуется впервые.

1. Забыть – не значит потерять. Впервые: И.Т. Куприянов. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Киев, 1978, стр. 75. См. примеч. к стих. "Париж: В молочных сумерках..." – в разд. "Годы странствий", том I.

2–30. Публикуются, очевидно, впервые.

31. Мысли, что гости... Впервые: "Радуга", 1965, № 9, в качестве "надписи на акварели".

32–35. Публикуются, очевидно, впервые.

36. Молчат поля, молясь о сжатом хлебе. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7.

37–98. Публикуются, очевидно, впервые.

II. Стихи юношеских и студенческих лет. Любовь к стихам зародилась у Волошина очень рано. "Любил декламировать, еще не умея читать. Для этого всегда становился на стул – чувство эстрады". (Автобиография Волошина, ГБЛ.-Купр., стр. 13). С 12 лет "начал регулярно писать стихи". (Воспоминания, ИРЛИ; Купр., стр. 18). Большинство юношеских стихотворений и стихотворений студенческих лет публикуются нами по книге И. Т. Куприянова "Судьба Поэта. – Личность и поэзия Максимилиана Волошина". Киев, 1978, в дальнейшем – сокращ. – Купр.). Многие, возможно, и в сокращении. Так как стихотворения эти имеют лишь биографический интерес – и имеют значение лишь для исследователей развития поэтического таланта Волошина, мы не стремились к наивозможной полноте этого раздела: представленных нами образцов молодого творчества Волошина вполне достаточно.

"Стихи Волошину даются не легко. Многие из них наивны и подражательны. Но поэтическое дарование проявляется уже в раннем творчестве. Тяготение к поэзии возрастает:

Стихи просятся наружу,
Вылетают окрыленные
Легкой рифмой.

Строфу Волошин заканчивает словами:

И природу воспеваю восхищенный.

(Первая гимназическая тетрадь, ИРЛИ. Купр., стр. 20).
Как и следует ожидать, гимназист Волошин восхищен Надсоном, посвящает ему стихи "На смерть Надсона", заканчивающиеся так:

И кажется аккорд его последний
Еще звучит, теряясь в отдаленьи". (Купр., стр. 27).

Пускай осмеян я толпою. Впервые опубл.: Купр., стр. 20. – Первая гимназическая тетрадь, ИРЛИ.

Травою покрыто зеленою. Впервые: Купр., стр. 21. – Первая гимназическая тетрадь.

Утро. Впервые: Купр., стр. 21. – Первая гимназическая тетрадь.

Люблю вечернею порою. Впервые: Вторая гимназ. тетр. "Восхищение природой зародилось в поэте с самого детства. Окрестности Москвы будили его поэтическое вдохновение, а пейзажная лирика Пушкина, Лермонтова, Кольцова, поэтов суриковской школы явилась образцом и примером для подражания. Тема природы занимает центральное место в творчестве поэта-гимназиста". (Купр., стр. 20).

Солнце жаром палит. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7, в ст. И.Т. Куприянова. Вторая гимназ. тетр. ИРЛИ. "...новые веяния в литературе не были в центре художественных интересов Волошина-гимназиста. Он уезжает на юг, где темп жизни был менее интенсивен, чем в столичных городах. ...17 марта 1893 г. Макс записал в дневнике: "Сегодня решилось, что мы едем в Крым, в Феодосию, и будем там жить. Прощай Москва! Теперь на юг, на юг! На этот светлый, вечно юный, цветущий, прекрасный, чудесный юг". Переезд в Крым состоялся в мае 1893 г. Первые впечатления от Коктебеля ("Страна синих скал", тюрк.) и моря немедленно отразились в стихотворениях Волошина: "Солнце жаром палит...". Быть может, это стихотворение было первой поэтической зарисовкой восточного Крыма". (Купр., стр. 23–25).

Вечер. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7, в ст. И.Т. Куприянова. Вторая гимназ. тетрадь. ИРЛИ.

Выйди, писатель, на поприще жизни. Впервые: Купр., стр. 26. Вторая гимназическая тетрадь.

...Вперед! Вперед! Долой сомненья! Впервые: Купр., стр. 26–27. Вторая гимназ. тетр. Очевидно, у Купр. опущена первая строфа.

Песня могучая, песня народная. Впервые: Купр., стр. 28. Стихотворение послано Волошиным в письме к матери (1895). "В стихотворении "Песня могучая, песня народная", написанном 26 февр. 1895 г. и носящем следы влияния Некрасова, он размышляет над истоками народной мудрости, ...в чем ее (песни. – БФ) "сила великая". (Купр., стр. 27–28).

Там у моря есть дом... Впервые: "Новое Русское Слово", 22 сент. 1976, в "письме в редакцию" ("В памяти моей...") Татьяны Тарыдиной, которой и посвящено это стихотворение. Татьяна Никандровна Тарыдина

(ум. в Нью-Йорке в 1978), дочь приятеля Волошина ген. Н. А. Маркса, рассказывает: "Мамино имение "Отрадное" находилось в долине Отузы, у самого Черного моря. В семи верстах от нас была деревня Коктебель, в которой жил гимназист последних классов, поэт Максимилиан Волошин, со своей матерью. Он приходил к нам часто, через гору Карадаг по тропинке, и я запомнила один из его приходов. Довольно высокий, плотный, широкоплечий юноша в гимназической форме сидел на террасе нашего дома, почти у самого моря, и как взрослый разговаривал с моей мамой, очень образованной женщиной, и моей старшей сестрой Ольгой Владимировной Фредерикс. Сидя так, он сказал маме и сестре: – "Сейчас у меня в голове сложились стихи: Там у моря есть дом..." ("Новое Русское Слово", 22 сент. 1976). Т.Н. Тарыдина была артисткой Московск. Малого Театра. Затем жила в эмиграции.

Над могилой В. К. Виноградова. Впервые: "Памяти Вас. Кс. Виноградова". Сост. Ю. Г[алабутский]. Симферополь, 1895. ПЕРВОЕ выступление Волошина в печати. Вышло с подзаголовком: "Стихи ученика VI класса М. Кириенко-Волошина". "Первое выступление Волошина в печати связано с печальным событием. В 1894 г. умер директор гимназии, талантливый педагог, литератор и краевед В. К. Виноградов – любимец всех гимназистов". (Купр. стр. 28–29).

Многим. Впервые: "Русский Туркестан", 2 марта 1901, с незначит. изменениями. У нас – по письму к матери от 22 дек. 1896: "...Студенческие волнения отразились некоторым образом и в нашей гимназии. Нам очень много говорил классный наставник относительно того, что при окончании гимназии для каждого ученика составляется известная характеристика, которая посылается в университет, где она имеет громадное значение, так как по ней составляется мнение о благонадежности студента. Моя благонадежность, по-видимому, находится у гимназического начальства в некотором подозрении: это явствует из того допроса, который мне устроил Чураев". (Ст. Арт. Чураев – учитель математики в гимназии). (Купр., стр. 31–32 – там и текст стих.).

Человек. Впервые: Купр., стр. 34–35. Стихотворение это Волошин послал в письме к матери, занимавшейся, как и сам Волошин, переводами с немецкого (Волошин в те годы переводил Уланда, Гейне, Фрейлиграта; лучшие из этих юношеских переводов были опубликованы в газ. "Русский Туркестан", в 1900–1901 гг.). Волошин при этом выдал это свое оригинальное произведение за перевод из Г. Гейне... (см. Купр., стр. 35).

Брожу ли я с душой печальной. Впервые: Купр., стр. 38. Это стих. – надпись на фотокарточке, подаренной Волошиным во время летних каникул А. М. Петровой. Карточка хранится у А. Арндт (Москва). Об Александре Михайловне Петровой уже говорилось в примеч. к разделу "Звезда Полынь", том I. А. М. Петрова – "старшая дочь хозяев дома, в котором юный поэт вместе с А. Пешковским некоторое время жил во время учебы в гимназии. ...Она хорошо знала Крым и его историю, увлекалась живописью, интересовалась народным прикладным искусством. В те годы она стала Волошину старшим товарищем, задушевным другом и вместе с тем требовательным, строгим критиком его ранних произведений. Совместные прогулки по окрестностям Феодосии... явились "истинным прологом" к его "постепенному развитию в искусстве". Позже, вспоминал он, "она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий". (Воспоминания, ИРЛИ)". (Купр., стр. 33–34). Любовь к истории и привила Волошину А. М. Петрова.

Лазурное море. Впервые: "Радянське Літературознавство", 1972, № 7, в ст. И. Куприянова. Послано в письме к А. М. Петровой 24 февр. 1898.

Но только люблю я не эту толпу. Впервые: Купр., стр. 43. – Творческая тетрадь 1899–1900 гг., ИРЛИ. Впечатления от парижских улиц во время первого путешествия на Запад.

Душно в комнате! Как только... Впервые: "Русский Туркестан", 28 янв. 1901.

По Дунаю. Впервые: "Русский Туркестан", 28 янв. 1901, в очерке "Листки из записной книжки". Во время путешествия друзья (Волошин, В. Ишеев, Л. Кандауров и А. Смирнов) вели Журнал путешествия, начатый 26 мая (и оконченный 24 июля 1900). Вели его они все – каждый вел записи. Эти записи потом послужили Волошину материалом для его очерков в "Русском Туркестане" и для ряда стихов. "31 мая, на пятый день путешествия, друзья плыли по Дунаю из Вены в Линц. ...Дневниковую запись в "Журнале путешествия" Волошин начал стихотворением "По Дунаю", написанном на пароходе". (Купр., стр. 60). "Журнал" – полное название его характерно: "Журнал путешествия, или Сколько можно увидеть стран на полтораста рублей"...

"В Италию!" – громко звенело в ушах. Впервые: "Русский Туркестан", 18 марта 1901, в очерке "Листки из записной книжки". Это – из стих. "И вот я свободен! Весь мир предо мной"... – стих., написанном во время путешествия. Купр. (стр. 61) дает лишь эту строфу.

Ночь в Колизее. Публикуется впервые.

В камень черный. Впервые : "Радянське Літературознавство", 1972, № 7, в ст. И. Куприянова.

Думы непонятные. – На заре. Свежо и рано. Публикуются впервые по авторской рукописи, хранящейся в Русском Архиве при Колумб. ун-те. Стихотворением "На заре. . ." начинается письмо поэта к Александре Васильевне Гольштейн, 25 июля 1902, из Неаполя, Вомеро, Палаццо Санто-Спирито. Судя по письму, стихи вызваны к жизни каким-то рассказом А. В. Гольштейн, еще в Париже: "Вот . . .Ваш рассказ все не давал мне покою с того самого вечера, когда я засиделся у Вас до часу ночи. Стихи вертелись у меня еще на Корсике и только здесь в Неаполе три дня тому назад, как раз в день получения Вашего письма, они сразу написались. Я чувствую, что передал верно мое впечатление от Вашего рассказа. Но насколько верно я понял Вашу собственную мысль?.. Отдаюсь Вам на суд".

III. Проза

Три дня. Фантазия. Впервые: "Новый Путь", 1904, № 6, стр. 102–106, за подписью М. В.

Чему учат иконы. Впервые: "Аполлон", 1914, № 5, стр. 26–29. Мы помещаем эту статью в наше собрание стихотворений и поэм не только благодаря ее ценности, как таковой, но и потому, что она наиболее ярко свидетельствует о колористической природе поэтического творчества Волошина.

IV. Избранные переводы. Волошин переводил немало. Один из лучших (если не лучший) знатоков творчества Волошина, Вл. П. Купченко, говорит, что кроме любимого поэтом Верхарна, "Волошин перевел

26 стихотворений из Анри де Ренье, 4 – из Виктора Гюго, поэму '"Музы" Поля Клоделя; в юности переводил Ш. Бодлера, П. Верлена, Г. Гейне, О. Барбье, Д. Макая, Л. Уланда, Ф. Фрейлиграта. За пределами остроумовского собрания (Л. Е. Остроумов подготовил по планам самого Волошина полное собрание стихов поэта) остались переводы трагедии Вилье де Лиль Адана "Аксель"... и драмы Поля Клоделя "Отдых седьмого дня"... ...Творчество Волошина-переводчика неотрывно от его оригинального творчества..." (ВолЧ, стр. 105–106). Но самой большой заслугой Волошина как переводчика являются его переводы французских поэтов, особенно Верхарна. К переводам – в разные годы своей творческой жизни – он подходил по-разному. В ранние годы он переводил традиционным, принятым в России издавна способом: с рифмами, размером подлинника, стремясь передать само музыкальное звучание стиха. Позднее – он перешел, в сущности, к прозаическому, лишь чуть ритмизированному переводу стихов, стремясь к передаче – как можно более точной – их смысла. Об этом он достаточно ясно высказывается в помещаемом ниже "Предварении о переводах". Разговаривая на фантастическом французском языке, Волошин читал и понимал все тонкости французского языка в совершенстве. А.В. Тыркова-Вильямс, вспоминая встречи с Волошиным в Париже начала века, пишет: "Изучая французскую поэзию, он общался с поэтами. Дикая корявость его разговорной французской речи не помешала ему схватить тонкости французского языка, ловить тончайшие оттенки поэтических эпитетов. Он мог переводить даже таких головокружительных стилистов, как Маллармэ и Эредиа. Он это, как и все, делал с любовью, с увлечением. Как-то раз он ворвался ко мне с требованием, чтобы я помогла ему придумать лиловые предметы. Я, кроме аметиста и сирени, кажется, ничем ему не помогла. А ему это было нужно, так как он переводил чей-то фиолетовый сонет". (А. В. Тыркова-Вильямс. Тени минувшего. "Возрождение", № 34, 1954, стр. 140). Пристальное внимание Волошина именно к французской поэзии (и французской живописи) понятны: Париж начала века был несомненной, бесспорной культурной столицей мира. 4 авг. 1901 г. поэт писал матери из Парижа: "Теперь, когда я только немного стал входить в круг французской литературы, я начал понимать, насколько ее мало знают в России и до какой степени неизмеримы ее богатства". (Купр., стр. 69). "К русской литературе он долго никак не умел пристать, – вспоминает С.К. Маковский. – Несмотря на огромную трудоспособность и страсть к писательству, сам писал сравнительно мало, больше переводил французских новоявленных гениев, напр., Верхарна и еще не прославленного тогда Поля Клоделя. Помню, он долго возился с неудобоваримой "китайской" драмой Клоделя ("Отдых седьмого дня") и с длиннейшей "розенкрейцерской" трагедией Вилье де Лиль-Адан "Аксель": ни той, ни другой рукописи никто не хотел печатать. Как ребенок обрадовался он, когда решено было поместить

в "Аполлоне" главы из "Яшмовой трости" Анри де Ренье в его переводе, да еще с иллюстрациями Александра Бенуа". (Мак., стр. 314).

Предварение о переводах. Почти одновременно: Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы. М., 1919, и – Верхарн. Стихотворения. Одесса, 1919.

Эмиль Верхарн. Стихи публикуются нами по кн.: Верхарн. Стихотворения. Переводы и предисловие М. Волошина. Одесса, 1919 (та же кн. под назв.: "Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы" – вышла в Москве в том же 1919 г.). До этого некоторые из переводов Волошина публиковались в кн. "Стихотворения. 1900–1901", М., 1910, в кн. "Верхарн. Окровавленная Бельгия", М., 1916, в газ. "Русь". Первые переводы из Верхарна: "Казнь", "Человечество", "Осенний вечер" (под назв. "Вечер" и появились в газ. "Русь", 14 авг. 1905 г. Возможно, что многие первые публикации нами не установлены. Те переводы, в которых мы не указываем первую публикацию, возможно, были впервые опубликованы в книге 1919 г. (одесской и московской). "Некоторые из (переводов) поэт называл не переводами, а "воспоминаниями", пояснив: "Я хотел только вспомнить любимые мною поэмы на родном мне языке, но вспомнить вместе с их ритмом и с их музыкой". (Евст.). Говоря во вст. ст. "Судьба Верхарна" о трагических последствиях, к которым приведет культуру Запада мировая война 1914–1918 гг., указывая на гибель цвета европейской, в частности, французской культуры на полях сражений, – Волошин считает, что "и посреди этих вопиющих гибелей смерть Верхарна потрясает своей жестокостью. Сердце не хочет помириться с бессмысленностью гибели великого поэта под колесами поезда, с тем, что это благородное старческое тело, в котором каждый нерв был чувством, а каждый мускул – мыслью, было размолото жерновами ободов, стало снедью машины. Эта жестокая и нелепая смерть вполне в стиле последних лет европейской истории. . . ."На половине жизненной дороги" Верхарна был момент глубокого морального перелома, определивший весь строй его поэзии. Этот момент отмечен в его поэме "Святой Георгий" (. . .написанной около тридцатилетнего возраста). Среди туманов, окутывающих его сознание, разверзся широкой молнией проход, и к нему спустился, весь сверкая золотом и перьями, на взмыленном белом коне без узды "Рыцарь долга" – Св. Георгий. "Он промчался прыжками пламени сквозь мою душу, – говорит поэт, – он наполнил меня своим полетом и нежным ужасом, и умчался, наложив на меня *послушание мужества*, копьем начертав золотой крест на моем челе, прямо к Господу с собой унося мое сердце...". Мы таинственно присутствуем в этой поэме при посвяще-

нии поэта в рыцари долга, при обречении его на поэтическое служение". (стр. 6, 9–10). Волошин ценит фламандского творца и за то, что "Верхарн был первым из европейских поэтов, подошедшим в упор к современности. Подход к современности для поэта опасен и труден. Опасен потому, что это ставка на жизнь: или поэт должен победить современность, или современность победит его, и тогда он окажется не поэтом, а только публицистом. Труден – потому что для этой борьбы поэт должен занять такую перспективную точку зрения, откуда он мог бы увидеть всю современность сверху, целиком включенную в общее нарастание истории, как один из связных актов человеческой трагедии". (там же, стр. 25).

Человечество. Впервые: "Русь", 14 авг. 1905.

Ужас. Впервые, очевидно: "Стих. 1900–1910".

На Север. Впервые, очевидно: "Стих. 1900–1910". "В автографе подзаголовок: Воспоминание из Верхарна". (Евст.).

Осенний вечер. Впервые: "Русь", 14 авг. 1905.

Декабрь. – Святой Георгий. – Статуя. – Дерево. – Любовь. – Микельанджело. – Город. Публиковались ли ранее эти переводы, нами не установлено.

Душа города. Впервые: "Страна", 3 мая/20 апр./ 1918, под назв. "Души городов".

Города. – Толпа. Публиковались ли ранее эти переводы, нами не установлено.

Завоевание. Впервые: "Биржевые Ведомости", 28 мая 1917.

Окровавленная Бельгия. – Защитники Льежа. – К Бельгии. Впервые: "Окровавленная Бельгия". М., 1916, стр. 17–20, 55–57, 147–148.

Хозе Мария де Эредиа.

Бегство кентавров. – Ponte Vecchio. Впервые: "Стих. 1900–1910", М., 1910.

С т е ф а н М а л л а р м э.

Лебедь. Впервые, очевидно: "Стих. 1900–1910", М., 1910.

...О, зеркало, – холодная вода. Впервые: "Вестник Европы", 1909, № 4.

А н р и д е Р е н ь е. "Близостью к поэту и переводчику М. Волошину, – пишет Ал. Н. Толстой, – я обязан началом своей новеллистической работы. Летом 1909 года я слушал, как Волошин читал свои переводы из Анри де Ренье. Меня поразила чеканка образов". (А. Н. Толстой. Краткая автобиография. Собр. соч. в 10 тт., т. 1, М., 1958, стр. 56). "...Максимилиан Волошин любил читать свой замечательный перевод Спор Аполлона с Марсием". (Мак.-Парнас, стр. 348).

Кровь Марсия. Впервые: "Аполлон. Литературный альманах", СПб., 1912.

Нет у меня ничего. Впервые: "Аполлон", 1910, № 4 (1) в ст. Волошина "Анри де Ренье".

Приляг на отмели... Впервые в той же статье, что и предыдущее, с высказыванием Ренье: "Воистину мудр тот, кто строит на песке, сознавая, что все тщетно в неиссякаемых временах и что даже сама любовь так же мимолетна, как дыхание ветра и оттенки неба".

П о л ь В е р л е н.

Стон и рыданья. Впервые, очевидно: "Радянське Літературознавство", 1977, № 3.

В и к т о р Г ю г о.

Гражданская война: I. Расстрелянные. Впервые: "Красный Крым", Симферополь, 18 марта 1921.

Гражданская война: II. На баррикаде. Впервые: "Красный Крым", 30 апр. 1921.

Л ю д в и г У л а н д. **Граф Эберштейн.** – Г е н р и х Г е й н е. **Олаф.** Впервые: "Русский Туркестан", 1901, точная дата не установлена.

БИБЛИОГРАФИЯ

Составлена Б.А. Филипповым и А.Н. Тюриным

Настоящая библиография не является столь полной и исчерпывающей – в отношении русских дореволюционных и советских работ и высказываний о М.А. Волошине, как библиография, помещенная в томе пятом библиографического указателя "Русские советские писатели. Поэты" (Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), Москва, "Книга", 1982, сс. 227–289, составленная на основе картотеки одного из лучших знатоков М.А. Волошина – В.П. Купченко. Не сомневаемся, что картотека В.П. Купченко и не столь тупо-тенденциозна, как опубликованная в этом указателе, и включает ВСЕ опубликованные книги Волошина и работы о нем зарубежных исследователей (в "Русских советских писателях. Поэтах" нет даже изданной в Харькове в 1919 г. книги "Демоны глухонемые", очевидно потому, что она включена в индекс запрещенных книг. И все работы и отзывы о Волошине на иностранных языках отсутствуют, даже принадлежащие иностранным исследователям коммунистам!). Поэтому приводимая нами библиография является значительным добавлением к библиографии пятого тома "Русских советских писателей. Поэтов", хотя и включает далеко не все, содержащееся в ней (мы отсылаем наших читателей, скажем, и к таким разделам, как "Волошин в изобразительном искусстве", "Волошин в художественной литературе" – у нас эти данные весьма неполны, – и к ряду свидетельств, главным образом помещенных в советской библиографии в подстрочных примечаниях).

Ниже мы приводим список сокращений, принятых нами в библиографии.

Условные сокращения

Издательства и книжные серии

АН	–	Издательство Академии Наук СССР, в дальнейшем – "Наука", Москва, Москва-Ленинград, Ленинград, Ленинград-Москва
Ас	–	Изд-во "Academia", Ленинград, Ленинград-Москва
БВЛ	–	Библиотека Всемирной Литературы. Серия. Изд. ГИХЛ, Москва, Москва-Ленинград
БПбс	–	Библиотека Поэта, большая серия. Изд-во "Советский Писатель", Москва- Ленинград
БПмс	–	Библиотека Поэта, малая серия. Изд. "Советский Писатель", Москва-Ленинград, Ленинград
ГИЗ	–	Государственное издательство, Москва, Москва-Ленинград, Ленинград
ГИХЛ	–	Госуд. изд-во художественной литературы, Гослитиздат, Москва, Москва-Ленинград, Ленинград
И	–	Изд-во "Искусство", иногда – "Изобразительное Искусство", Москва, Москва-Ленинград, Ленинград
Кн	–	Изд-во "Книга", Москва, Москва-Ленинград
ЛН	–	"Литературное Наследство", серия, изд. Акад. Наук СССР, "Наука", Москва, Москва-Ленинград
ЛП	–	"Литературные Памятники". Серия, изд. Акад. Наук СССР, "Наука", Москва, Москва-Ленинград, Ленинград
МЛС	–	Международное Литературное Содружество, Вашингтон-Нью-Йорк
Н	–	"Наука", изд-во Акад. Наук СССР, Москва, Москва-Ленинград, Ленинград
ОпЛ	–	Overseas Publications Interchange Ltd., London
СП	–	Изд-во "Советский Писатель", Москва, Ленинград
СХ	–	Изд-во "Советский Художник", Москва, Москва-Ленинград
ТОДРЛ	–	Труды Отдела Древнерусской Литературы. Акад. Наук СССР, изд. "Наука", Ленинград
Тр	–	Изд-во "Таврия", Симферополь
Хд	–	Изд-во "Советский Художник", Ленинград, Москва-Ленинград
YMCA	–	YMCA-Press, Paris – Изд-во Союза Христианской Молодежи, Париж

Книги, сборники, журналы, еженедельники, газеты

А	–	"Аполлон", журнал и изд-во при нем, Петербург, Петроград
АБ	–	"Альманах Библиофила", Москва
БВу	–	"Биржевые Ведомости", утренний выпуск, газета, Петроград
БВв	–	"Биржевые Ведомости", вечерний выпуск, Петроград
ВЛ	–	"Вопросы Литературы", журнал, Москва
ВолЧ	–	"Волошинские Чтения". Сост. В. П. Купченко. Гос. Библиотека им. В. И. Ленина, Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, Дом-музей М. А. Волошина. Москва, 1981
ВРХД	–	"Вестник Русского Христианского Движения", ранее – "Вестник Русского Студенческого Христианского Движения", Париж-Нью-Йорк- (Москва)
ГМ	–	"Голос Москвы", газета, Москва
ДН	–	"Дружба Народов", журнал, Москва
ЕР	–	"Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома Академии Наук СССР". Изд. "Книга", Ленинград
ЗЛБ	–	Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. "Записки Отдела Рукописей". Изд. "Книга", Москва
ЗР	–	"Золотое Руно", журнал, Москва
ККр	–	"Красный Крым", газета
КрП	–	"Крымская Правда", газета
КО	–	"Книжное Обозрение", еженедельник, Москва
КРС	–	"По Советскому Союзу". Составлен Комитетом Радио Свобода. Ротаторное издание, Нью-Йорк
КурГ	–	"Курортная Газета", Крым
ЛГ	–	"Литературная Газета", Москва
ЛР	–	"Литературная Россия", журнал-газета, Москва
НЖ	–	"Новый Журнал", Нью-Йорк
НМ	–	"Новый Мир", журнал, Москва
НПс	–	"На Посту", журнал, Москва
НРК	–	"Новая Русская Книга", библиографич. журнал, Берлин
НРС	–	"Новое Русское Слово", газета, Нью-Йорк
Пб	–	"Победа", газета, Феодосия
РаЛ	–	"Радянське Літературознавство", журнал, Киев
РаУ	–	"Раннее Утро", газета, Москва
РМ	–	"Русская Мысль", газета, Париж
РМс	–	"Русская Мысль", журнал, Петербург, Петроград-Москва, Прага
РСл	–	"Русское Слово", газета, Москва
СК	–	"Советский Крым", газета, Симферополь
СМ	–	"Современный Мир", журнал, С-Петербург
УР	–	"Утро России", газета, Москва

Города

Б – Берлин
Вш – Вашингтон
Е – Ереван
Ир – Иерусалим, Иерусалим-Тель-Авив
К – Киев
Л – Ленинград
Л-М – Ленинград-Москва
М – Москва
М-Л – Москва-Ленинград
Мн – Мюнхен
НЙ – Нью-Йорк
О – Одесса
П – Петербург
Пг – Петроград
Пар – Париж
Сф – Симферополь
СПб – Санкт-Петербург
Т – Тбилиси, Тифлис
Ф – Франкфурт/Майн
Х – Харьков

Разные сокращения

Альм. – Альманах
Веч. вып. – Вечерний выпуск
Вст. ст. – Вступительная статья; вст. стт. – вступительные статьи
Вст. зам. – Вступительная заметка
Вып. – Выпуск
Избр. произв. – Избранные произведения
Избр. соч. – Избранные сочинения
Изд. – Издательство, издание, издатель
Илл. кат. – Иллюстрированный каталог
Ин-т – Институт
Комм. – Комментарии
О-во – Общество
Оф. – Офсетное переиздание
Отр. – Отрывок; Отрр – отрывки
П. ред. – Под редакцией
Прим. – Примечания
Ред. – Редактор
Сбрн. – Сборник
Собр. соч. – Собрание сочинений
Сост. – Составитель, составление, составил, составила; состт. – составители
Соч. – Сочинения
стб. – столбец, столбцы
с. – страница; сс. – страницы
Стих. – Стихотворение, стихотворения
Т. – Том; тт. – тома
Ун-т – Университет

КНИГИ ВОЛОШИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1900–1910. Обложка А. Арнштама. Фронтиспис и рисунки в тексте К. Ф. Богаевского. Изд. "Гриф", М, 1910, 128 сс. (Годы странствий. – Amori Amara Sacrum. – Звезда Полынь. – Алтари в пустыне. – Corona Astralis).

ANNO MUNDI ARDENTIS 1915. Обложка Л. Бакста. Изд. "Зерна", М, 1916, 65 сс. (Внутренние голоса. – Солнечные сплетения. – Армагеддон. – Заключение).

ИВЕРНИ. Избранные стихотворения. Изд. "Творчество", М, 1918, 136 сс. (Странствия. – Париж. – Киммерия. – Любовь. – Облики. – Блуждания. – Армагеддон. – Двойной венок).

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ. Изд. "Камена", Х, 1919, 58 сс.; изд. 2-е, Изд. Писателей в Берлине, Б, обложка И. Пуни, 1923, 74 сс.; изд. 3-е, Фп 2-го изд., Флегон-Пресс, Лондон, 1965, 74 сс. (Ангел Мщенья. – Пламенники Парижа. – Пути России. – Протопоп Аввакум).

СТИХИ О РОССИИ И РЕВОЛЮЦИИ. Рукописное изд. С[емена] Е[вгенова], с его предисловием, Ялта-Тамбов, 1921, 51 сс. (Личины, Облики. – Две ступени).

СТИХИ О ТЕРРОРЕ. Изд. Писателей в Берлине, Б, 1923, 71 сс. (Усобица. – Путями Каина).

УСОБИЦА. Стихи о революции. Изд. "Живое Слово", Львов, 1923, 23 сс.

ПУТИ РОССИИ. Стихотворения. П. ред. и с предисл. Вяч. Завалишина. Изд. "Эхо", Регенсбург, 1946, 62 сс.; изд. 2-е, дополненное, "Эхо", Мн, 1969, 88 сс. (Пути России. – Ангел Мщенья. – Стихи о терроре. – Стихотворения разных лет).

СВЯТОЙ СЕРАФИМ. Издание Новой Коренной Пустыни, Магопак-Нью-Йорк, 1964, 56 сс.

СТИХОТВОРЕНИЯ. /Сост., подгот. текста и прим. Л. Евстигнеевой. Вст. ст. С. Наровчатова/. БПмс, 1977, 462 сс.

Самиздатские издания – и издания, подготовленные к печати, но не опубликованные

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ. М, /1977/. Машинопись.

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ в 2 тт. М., 1977, 959 сс. Машинопись.

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. П. ред., вст. ст. и комм. В. А. Мануйлова. М., 1977. Машинопись. Материал этих машинописн. изданий использован отчасти в диссертации Сузен Смерновой, Сиракузы, 1978.

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ

ВЫСТАВКА Г. ЛУКОМСКОГО. Предисловие к каталогу. А, 1900 (Оттиск из А, 1909, № 2).

О РЕПИНЕ. Изд. "Оле-Лукойе", М, 1913, 64 сс. (Предисловие. – О смысле катастрофы, постигшей картину Репина. – О художественной ценности пострадавшей картины. – Психология лжи. – Приложение: из лекции проф. Ландцарта о картине Репина).

М. С. САРЬЯН. А, 1913, 21 сс. (Оттиск из А, 1913, № 9).

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА. Кн. 1, СПб, 1914, 379 сс. (Апофеоз мечты. – Барбэ д'Оревильи. – Анри де Ренье. – Поль Клодель. – Аполлон и мышь. – Лица и маски. – Демоны разрушения и закона. – Сизеран об эстетике современности. – Пророки и мстители).

ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ

ВЕРХАРН. Судьба. Творчество. Переводы. Изд. "Творчество", М, 1919, 79 сс.; изд. 2-е: Эмиль ВЕРХАРН. Стихотворения. Переводы и предисловие М. Волошина. Изд. "Омфалос", О, 1919, 102 сс. (Вст. ст. "Судьба Верхарна". – Предварение о переводах. – Переводы).

Эмиль ВЕРХАРН. Стихи. Перевод и предисловие М. Волошина. ГИЗ, Казань, 1921, 30 сс.

ПЕРЕВОДЫ В ПРОЗЕ

Поль де СЕН-ВИКТОР. Боги и люди. Изд. М. и С. Сабашниковых, М, 1914, /7/ 478 сс.

Анри де РЕНЬЕ. Маркиз д'Амеркер. Изд. "Альциона", М, 1914. Перепеч. под назв. "Яшмовая трость. Рассказы о маркизе д'Амеркер" в Собр. соч. А. де Ренье, т. 1, Ас, 1924.

УЧАСТИЕ В КНИГАХ ВМЕСТЕ С ДРУГИМИ

Переводы в стихах

Эмиль ВЕРХАРН. Окровавленная Бельгия. Перевод Н. Кончевской. Стихи переведены М. Волошиным. М, 1916, сс. 15–20, 53–57, 145–148.

Эмиль ВЕРХАРН. /Стихотворения. Пер. В. Брюсова и М. Волошина. Предисл. М. Волошина. М, 1917/. 14 сс.

Под ред. М.А. Волошина

Реми де ГУРМОН. Книга масок. Изд. "Грядущий День", СПб, 1911.

АКВАРЕЛИ, ТЕМПЕРА, РИСУНКИ

ВЫСТАВКА АКВАРЕЛЕЙ М. А. ВОЛОШИНА. Вст. ст. А. А. Сидорова. Изд. Гос. Акад. Художественных Наук, М, 1927, 15 сс. (Стих. "Коктебель" и 2 рисунка под тем же названием).

АКВАРЕЛИ М. А. ВОЛОШИНА. Выставка 14-21 апр. 1927. Предисловие Э. Голлербаха. Изд. О-ва "Литературно-Художеств. Кружок", Л, 1927, 16 сс.

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.А. ВОЛОШИНА. Феодосийск. картинная галерея им. И. К. Айвазовского, Сф, изд. "Крым", 1964, 4 сс.

ПЕЙЗАЖИ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА. /Альбом репродукций/. Хд, Л, 1970. (Ред. М.А. Милина. Вст. ст. В.С. Кеменова), 20 сс. и 12 табл. (Отрр. из стих. "Четверть века", "Я много видел"; стих.: "И к морю меж дубов", "Тяжелый шрифт земли", "Седые груды облаков", "Молчат в предвечернем покое", "В туманах потонувшие", "Последней лаской закат", "Холмы пустынь и синих гор зубцы", "И земля, и небо, и заливы", "Песчаные холмы", "Бурые спины холмов", "Над полями марные горы"; О самом себе /Автобиография, с сокращениями/).

М. А. ВОЛОШИН (1877–1932). /Выставка акварелей. Листовка/. Харьковский художественный музей. Март–май 1968 г. Сост. Л. Шершер. Х, 1968, 4 сс.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН. 1877–1932. /Каталог выставки. Сост. Р. Попова. Предисл. В. Кеменова/. Союз художников СССР, М, 1971, /20 сс/.

М. А. ВОЛОШИН. Проспект выставки /Предисл. ред./. Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского. Сф. 1973, 16 сс. и 2 л. илл.

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН – ХУДОЖНИК. Сост. Р. И. Попова. СХ, 1976, 239 сс. (Акварели – сс. 49–95; стих.: Коктебель, "Сквозь зелень сизую", "Сквозь серебристые туманы", "Старинным золотом и желчью напитал", Другу, "Ртутный отблеск и сиянье оссиановских ночей", "Луна восходит над заливом", "Пройди по лесистым нагорьям", "Зеркальность лунной тишины", "Неторопливые беседы", "К лазурному заливу тропы", "К вам душа так радостно влекома"; О самом себе /Автобиография, с сокращ./, отрр. из Дневника и Дневника путешествий, 1900; отрр. из писем В.Я. Брюсову 17 янв. и 17 июня 1904).

Персональные выставки Волошина (кроме перечисленных выше)

В рабочем клубе, в Москве, конец дек. 1960 – нач. янв. 1961.

Центральный дом литераторов, Москва, янв.–февр. 1961.

В Ленинграде, март 1961.

Симферопольская картинная галерея, сентябрь 1961.

Салон художников Украины, янв.–февр. 1964.

Симферопольская картинная галерея, ноябрь 1964.

Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, окт. 1973.

Летняя передвижная выставка в Алупке, лето 1976.

Дом Волошина. Коктебель-Планерское, май 1977.

ЦГАЛИ и Библиотека Центрального Дома Литераторов, Москва. Выставка акварелей, рукописей, книг, документов. Май-июнь 1977.

Гос. Библиотека БССР им. В.И. Ленина, Минск, июнь 1977.

Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом) Акад. Наук СССР. Ленинград. Выставка акварелей, рукописей и фотодокументов в Большом зале Ин-та. Июнь 1977.

Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского. Июнь 1977.

Пермская художественная галерея, май 1978.

Выставки М. Волошина и К. Богаевского

Симферополь, авг. 1966.

Ялта, клуб моряков, 30 авг. 1970.

Новосибирск, Дом ученых Сибирск. отд. Акад. Наук СССР, Академ. городок, дек. 1977.

Выпущен ротаторный КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ К. БОГАЕВСКОГО и М. ВОЛОШИНА. Новосибирск, Академ. городок, 1977.

ПУБЛИКАЦИИ В КНИГАХ, АНТОЛОГИЯХ, СБОРНИКАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ

АНТОЛОГИЯ. Изд. "Мусагет", М, 1911 (Киммерийская весна: 2, 1, 3, 7, 5, 4 и 6 стих.: Венеция).

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX СТОЛЕТИЯ. Сост. Н. Ф. Мельникова-Папоушкова. /т/. 2, Изд. "Наша Речь", Прага, 1920, предисл. сост. (Вальдемоза /Кастаньеты/, В Булонском лесу, Рождение стиха, Осень, Грот нимф, "Я ждал страданья", Зеркало, Полынь, "Тесен мой мир", "Я шел сквозь ночь", Руанский собор /1, 4/, Гностический гимн Деве Марии, Киммерийские сумерки, Она).

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ. Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. К, 1909, ("Старинным золотом и желчью напитал", "Здесь был священный лес", Зеркало, Письмо /отр. "Я соблюдаю обещанье"/, В Булонском лесу, Осенью, Полынь, Голова Мадам де Ламбаль); Изд. 2-е, пересмотр. М. Ф. Самоненко, К, 1912 (искл. Осенью, добавл. Руанский собор, 6, и Полдень /"Звонки стебли..."/).

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ. Изд. "Мысль", Б, 1921 (В вагоне, Кастаньеты, Венеция, На Форуме, Париж – 4, 6, Голова Мадам де Ламбаль, "К твоим стихам. . .", "Концом иглы. . .", "Я ждал страданья столько лет", "Спустилась ночь", Портрет, "Если сердце горит и трепещет", "Мы заблудились в этом мире", Второе письмо, "Я шел сквозь ночь", Кровь, Солнце, Луна, "Зеленый вал отпрянул", Осенью, Она, "Станет солнце в огненном притине").

АНЦИФЕРОВЫ, Н. и Т. Современные города. /Часть 2/. Л, 1926 (Париж, 2).

БЕЛЫЕ НОЧИ. Петербургский альманах. Изд. "Вольная Типография", СПб, 1907 (Луна, "Как Млечный Путь любовь твоя").

БОГОЛЕПОВ, А. /сост./. Русская лирика от Жуковского до Бунина. Избр. Стих. Изд. им. Чехова, 1952 (Париж, 6, Письмо /отр. "Любить без слез"/, Осенью, Святая Русь, Гражданская война,

Демоны глухонемые, Заклятие /"Из крови..."/, Террор, На дне преисподней.

В БОРЬБЕ. Сбрн. 3-й. Изд. "Борьба", СПб, 1906 (Ангел Мщенья).

ВЕСЕННИЙ САЛОН ПОЭТОВ. Изд. "Зерна", М, 1918 (В эти дни, Левиафан, Над полями Альзаса, "Теперь я мертв", Демоны глухонемые).

ВЕТВЬ. Сбрн. Клуба московских писателей. Изд. "Северные Дни", М, 1917 (Облики: 1. "И будут огоньками роз", 2. "Альбомы нынче стали редки", 3. "Раскрыв ладонь...", 4. "В эту ночь я буду лампадой").

ВЕЧЕРА ПОД ЗЕЛЕНОЙ ЛАМПОЙ /Антология/. Б, 1922 (Голова Мадам де Ламбаль, Святая Русь).

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Литер.-художеств. и научно-популярн. альм. п. ред. П. Ярославцева. Т. 1. Изд. "Время", М, 1922 ("Опять бреду я, босоногий", "Ветер с неба хлопья облак вытер", "Сквозь облак тяжелые свитки").

ВОЛОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. Сост. В. П. Купченко. Изд. Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина, Феодосийск. картинной галереи им. И. К. Айвазовского и Дома-музея М. А. Волошина. М, 1981, сс. 18, 53 ("Лежит в тюрьме...", Надписи на акварелях: "Волокнистых облак пряжи", "Сквозь серебристые туманы").

ВОЛШЕБНЫЙ КРАЙ... Сто стихотворений о Крыме. Сост. П. Дегтярев. Сф, 1969 (Дом поэта – с цензурн. пропусками).

ВОЛЬНИЦА. Сбрн. 2-й. Изд. "Борьба", СПб, 1906 (Голова принцессы Ламбаль).

ВОПРОСЫ РУССКОЙ, СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Хабаровский Педагог. ин-т. Хабаровск, 1972, в ст. В. Мамонтова, сс. 107–108, 109, 114, 115, 119–120 ("Песня могучая, песня народная!", В цирке, Она, Портрет, Полдень /"Травою жесткою..."/).

ВРЕМЕНА ГОДА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Сбрн. стих., п. ред. Н. С. Ангарского. М, 1924 (Осенью).

ГЕРЦЫК, Евгения. Воспоминания. YMCA, 1973, стр. 95–96 ("Лгать не могла").

ГРИФ. Альм. на 1903 год. Ред. С. Кочетов. Изд. "Гриф", М, 1903 ("В комнате скучно", На Форуме).

ГРИФ. 1903–1913. Ред. С. Кочетов. Изд. "Гриф", М, 1914 (Венок сонетов "Lunaria", с посвятит. стих. "Майе").

ГУЛЬ, Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Изд. "Мост", НЙ, 1981, сс. 95–97 (Терминология, Террор).

ГУМИЛЕВ, Н. Собр. соч. в 4 тт., п. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 4, изд. В.П. Камкина, Вш, 1968 (На дне преисподней).

ДЕГТЯРЕВ, В., Р. ВУЛЬ. У литературной карты Крыма. Литер.-краеведческие очерки. Сф, 1965, сс. 151–168 (Стихи о Крыме).

ДЕКЛАМАТОР. Т. 1. Русские авторы. М, 1918 (В вагоне).

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1971. М, 1971 (Доблесть поэта, 1, Цеппелины над Парижем, отрр. из Мятежа – "Путями Каина" /"Мир – лестница...", "Чтобы не дать материи изникнуть"/).

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В КРЫМУ 1964. Сф, 1964 (Коктебель, "Ступни горят. Осенью, "Зеленый вал отпрянул...", "Яры, увалы, сырь полей", "Звучит в горах, весну встречая").

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В КРЫМУ 1965. Сф, 1965 (Карадаг – 1, 2, Полдень, /"Травою жесткою"/, "И было так, как будто жизни звенья", "Опять бреду я, босоногий", "Твоей тоской душа томима", "Фиалки волн. . .", Майе /"Когда февраль"/, "Сквозь облак тяжелые свитки", "Над зыбкой рябью вод").

ДЕТИНЕЦ. Сбрн. 1. Изд. "Детинец", Б, 1922 (Заклинание о Русской Земле).

ДОНАТ, А. Неопалимая Купина. Еврейские сюжеты в русской поэзии. Антология. Изд. Нью-Йоркского ун-та, НЙ, 1973 (Видение Иезекииля, Кулак /из "Путями Каина"/, Соломон).

ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА. Избр. стихи от конца 18-го века и до нашего времени. Сост. Т. А. Березний. НЙ, 1964 (Из Письма /"Любить без слез"/, Ангел Мщенья, Святая Русь, Заклятие /"Из крови..."/, Мир, На дне преисподней, "Сердце острой жалостью ужалено").

ИЗ НОВЫХ ПОЭТОВ. /Серия "Книги для всех"/. Сост. Б. Бродский. Изд. "Мысль", Б, 1923 (Терминология, Красная весна /Красная Пасха/).

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ. Серия сбрн. по периодам. Период 3-й, вып. 2 (Блок-Шагинян). СПб, 1914 (В вагоне, Ангел Мщенья, В цирке, Париж, 2, "День молочно-сизый", "Звучит в горах", из Письма /"Любить без слез"/).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ИЗ НОВЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Сост. Ник. Казанцев. М, 1910 (Голова Мадам де Ламбаль).

КАТАЛОГ ЧЕТВЕРТОI ОСIННЬОI ВИСТАВКИ КАРТИН. О, 1928, с. 4 ("Эти пределы священны уж тем").

КИСЕЛЕВ, о. Александр. Облик генерала Власова. Изд. "Путь Жизни", НЙ, 1977 (Заклятие /"Из крови..."/).

КНИГА О РУССКИХ ПОЭТАХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. Очерки. Стихотворения. Автографы. П. ред. Мод. Гофмана. Изд. М. О. Вольф, СПб-М, /1907/. Оф – В. Финк, Мн, 1970 (Вальдемоза /Кастаньеты/, Охота /"Небо запуталось..."/, Париж, 6, Рождение стиха, "Над темной рябью вод", Полынь, "Быть черною землей", "Тесен мой мир", "Я шел сквозь ночь", Руанский собор; 1, 4, 5, Гностический гимн Деве Марии).

КОВЧЕГ. Альм. поэтов. Изд. группы поэтов. Фд, 1920 (Бальмонту /"Огромный лоб"/).

КРАСНЫЙ ДЕКАБРЬ. От 14 декабря 1825 года к декабрю 1905 года. Революционные мотивы русской поэзии. Сост. Н. Л. Бродский и В. Львов-Рогачевский. Изд. "Колос", Л, 1925 (Ангел Мщенья).

КРЫМ. Путеводитель п. ред. д-ра А. М. Саркизова-Серазини. Изд. "Земля и Фабрика", М-Л, 1925 (Киммерийские сумерки: 4, 2).

КУЛИНИЧ, А. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х годов. Изд. Киевск. ун-та, К, 1967, с. 28 (Доблесть поэта, 2, и отрр. из др.).

КУПРИЯНОВ, И. Формирование поэтической личности М. Волошина. Автореферат. К, 1971 (Отр. из стих. Благословение /"В едином горне"/).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наукова Думка", К, 1978, изд. 2-е – 1979, сс. 20, 21, 22, 24, 26–28, 31–32, 34–35, 38, 43, 60–61, 75, 105, 118, 126–127, 128, 133, 134, 137, 144–147, 152–154, 156, 157, 196, 198, 215–217 ("Пускай осмеян я толпою", "Травою покрыто зеленою", Утро /"Потянул ветерок"/, "Люблю вечернею порою", "Солнце жаром палит", Вечер /"Тихо все"/, "Выйди, писатель, на поприще жизни", "...Вперед! Вперед! ...", "Песня могучая, песня народная", Многим, Человек, "Брожу ли я с душой печальной", "Но только люблю я не эту толпу", На Дунае, "В Италию!", "Забыть – не значит потерять", "Еще не отжиты связавшие нас годы", "Лазурное море", "В камень черный", "Толща скал и влага вод", "Эти пределы священны уж тем", Каллиера, Карадаг, "Холмы пустынь...", "Морская зыбь и водопад холмов", "Пустынные заливы", "И волны гор...", "И розовой жемчужиною даль", "Вместе с тропинками", "И льнет душа...", "Осенних сумерек лиловые миражи", "Зеркальных утр лучистые кристаллы", "Лазурь небес и золото земли", "Скелеты призрачных дерев", "Дожди лучей с кисейных покрывал", "Моей земли панические полдни", "Молчат в предвечернем покое", "Одна луна луне другой", "Поляны снежные под изморозью звезд", "В зелено-палевых туманах", "В изломах гор синеет тень", "Она склонилась над пустыней", "Молчат поля, молясь о сжатом хлебе", "Весь жемчужный окоем", Сибирской 30-й дивизии; отрр. из впервые опубл. стих: "Стихи просятся наружу", На смерть Надсона, 2 заключит. строфы стих. "В эту ночь я буду лампадой", опущ. закл. строфы стих. "Солнце! Твой родник", опущ. закл. строфа стих. "Заката алого заржавели лучи", отрр. из стих. "Благословение", из поэмы "Россия", и др.).

КУПЧЕНКО, Вл. Планерское-Коктебель. Фотоочерк. Тр, 1975 ("Эти пределы священны уж тем", "Луна восходит над заливом", "Молчат в предвечернем покое").

КУПЧЕНКО, Вл. Карадаг. Тр, 1976, сс. 7, 26 (Отрр. из "Дома поэта").

КУПЧЕНКО, Вл. Остров Коктебель. (Б-ка "Огонька"), изд. "Правда", М, 1981, сс. 19, 30, 38 (отр. из "Гайтана", "Тех не отпустит Коктебель", "Вышел незванным").

ЛЕСИНА /ШУЛЬЦ/, Н. Планерское (Коктебель). Очерк-путеводитель. Сф, 1965, сс. 112–113 и др. (Каллиера, и др.); изд. 2-е /Шульц/, Сф, 1966, сс. 4, 26, 38 (Коктебель, Киммер. сумерки, 4, Карадаг, 1); изд. 3-е, Сф, 1969, сс. 4, 30, 40, 50 (Коктебель, "Опять

бреду я, босоногий", Каллиера и др.); изд. 4-е Сф, 1976 (те же ст.).

ЛИТЕРАТУРА И ТЫ. Вып. 6, Изд. "Мол. Гвардия", 1977, сс. 139–140, 142–145 (Киммер. сумерки, 1, 4, Осенью, Полдень /"Звонки травы"/, "Звучит в горах...", "Сквозь облак тяжелые свитки", Карадаг, 1, Коктебель, из "Дома поэта", "Холмы пустынь...", "Молчат в предвечернем покое").

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО, т. 27–28, 1937, с. 671 ("Явь ваших снов...").

МАЛЕНЬКАЯ АНТОЛОГИЯ. Сост. проф. С. Зырянский /С. А. Аскольдов/. Дно, 1943 (Святая Русь).

МАРКОВ, Вл. /сост./ Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. изд. им. Чехова, НЙ, 1952 (Мир, Дметриус-Император, Демоны глухонемые, Северовосток, Заклятие /"Из крови..."/).

МИР ИСКУССТВА. Каталог выставки картин. М, 1916 (Города в пустыне).

МИР ИСКУССТВ В ОБРАЗАХ ПОЭЗИИ. Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка. Собрал Е. Боричевский. Изд. "Работник Просвещения", М, 1922 (Акрополь, Руанский собор – 1, 3, Диана де Пуатье, 2 отрр. из Письма, Осенние пляски).

НА РАССВЕТЕ. Худож. сбрн. п. ред. А. Ф. Мантель. Кн. 1, Казань, 1910; изд. 2-е, П, 1911 (Черубина де Габриак).

НАШИ ДНИ. Кн. 1, п. ред. В. В. Вересаева. ГИЗ, М, 1923 (Дикое Поле, Бегство).

НЕДРА. Литературно-художеств. сбрн.: кн. 2, изд. "Новая Книга", М, 1923 (Путями Каина: 1, 2, 3, 4,);
кн. 5, изд. "Мосполиграф", М, 1924 (Путями Каина, 11);
кн. 6, изд. "Недра", М, 1925 (Россия. Фрагменты из неоконч. поэмы).

НОВАЯ ПОЭЗИЯ. Сбрн. стихов. Сост. В. Дарсанов. Вып. 1, СПб, 1919 ("Изгнанники, скитальцы и поэты", Вальдемоза /Кастаньеты/, Киммерийские сумерки, 5, В вагоне).

НОВЫЕ СТИХИ. Сбрн. 2, Всеросс. Союз Поэтов, 1927 ("Выйди на кровлю").

НОВЫЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР. Сост. С. Каратыгин. К, 1911 ("Я ждал страданья столько лет", "Спустилась ночь", "Если сердце горит и трепещет").

НОРД. Стихи. Баку, 1926 ("Мы, столь различные душою", "Ступни горят...").

ОЗОРОВСКАЯ, О. Школа чтеца. Хрестоматия для худож. слова и педагогов. Изд. 2-е, М, /1922/ (Париж – 2, 6).

ОСЕННЯЯ АНТОЛОГИЯ. Сост. Н. Николаева. Изд. 2-е, Пг, /1918/ ("Вещий сон осеннего ветра...").

ОТ НЕКРАСОВА ДО ЕСЕНИНА. Русская поэзия 1840–1925. Сост. П. Гроссман. Изд. "Современные Проблемы", М, 1927 (Взятие Бастилии).

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ КСЕНОФОНТОВИЧА ВИНОГРАДОВА. Сост. Ю. Г[алабутский]. Фд, 1895 (На могиле В. К. Виноградова).

ПАРИЖ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ. Заставки, концовки и виньетки Е.С. Кругликовой. Ред. В. Н. Лаврецкий. Пг, 1916 (Lutetia Parisiorum, Парижу, Весна, Ночь осеннего равноденствия 1915 г. /Цеппелины над Парижем/, Париж зимою, Париж /"Все тот же он"/).

ПЕСНЬ ЛЮБВИ. Лирика русских поэтов. Сост. Светлана Магидсон. Изд. "Мол. Гвардия", М, 1967 (Она); изд. 2-е, т. 1, "Мол. Гвардия", М, 1971 (Она).

ПЕСНЬ О КНИГЕ. Антология. Минск, 1977 ("Теперь я мертв").

ПОЛЬША В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. Сост. В. Приходько. Варшава, 1973 (Марина Мнишек, из Написания о царях московских).

ПОМОЩЬ. Худож.-литературн. и научно-популярн. сбрн. Ред. Я. А. Тугендхольд. № 1. Изд. Крым-ЦК Помгола, Сф, июль 1922 (На вокзале).

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Сост. В. Львов-Рогачевский. Тула, 1921 (Ангел Мщенья).

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. Сбрн. 2. Изд. "Народоправство", НЙ, 1921 (Китеж, Неопалимая Купина, Святая Русь).

РОССИЯ В РОДНЫХ ПЕСНЯХ. Стих. Сост. А. Чеботаревская. Предисл. Ф. Сологуба. Изд. М.В. Попова, Пг, 1915 (Полынь).

РУССКАЯ ЛИРИКА. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Сост. кн. Д. Святополк-Мирский. Изд. Франко-Русск. Печать, Пар, 1924; изд. 2-е, оф. "Руссика", с предисл. Г.П. Струве, НЙ, 1979 (Святая Русь).

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА. Антология русской лирики от символистов до наших дней. Сост. И.С. Ежов и Е.И. Шамурин. Изд. "Новая Москва", М, 1925. Оф. В. Финк, Мн, 1972 (Пещера, Солнце, Полынь, "Над зыбкой рябью вод", Осенью, Венеция, Париж, 10, В цирке, "В зеленых сумерках", "Я люблю усталый шелест", "Я к нагорьям держу свой путь", Она, из Письма /"Любить без слез. . ."/, Ангел Мщенья, Россия /"Враждующих скорбный гений"/, Стенькин суд).

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА (Дооктябрьский период). Сост. А.П. Авраменко, С.И. Базиленко, В.С. Бугров и др. Изд. Московск. ун-та, М, 1979, (Города в пустыне, Париж, 6, Киммер. сумерки, 10, "Я люблю усталый шелест", "По ночам, когда в тумане", Русь /"Враждующих скорбный гений"/).

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА (Дооктябрьский период). Вст. ст. и сост. Евг. Осетрова. ВБЛ, 1977 (Пустыня /"Монмартр. . ."/, Акрополь, Старые письма, Киммерийские сумерки /14 стих./, Венок сонетов "Corona Astralis", "Луна восходит над заливом").

РУССКИЙ ПАРНАС. Сост. А. и Д. Элиасберги. Изд. Insel Verlag, Leipzig, 1920; изд. 2-е, 1923 (Созвездия).

СБОРНИК ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. М, 1922 (Ангел Мщенья, – Спекулянт, Бегство).

СВИТОК. Изд. "Никитинские Субботники": № 2, М, 1922 ("Сквозь облак тяжелые свитки", Киммерия /"Как в раковине. . ."/, Готовность, Заклятие /"Из крови..."/);
№ 4, М, 1926 ("Опять бреду я, босоногий").

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ. Альм. III. Изд. "Скорпион", М, 1903 (В вагоне).

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ АССИРИЙСКИЕ. Альм. IV. Изд. "Скорпион", М,

1905 (Минуты прозрений: Париж, 2, 6, 5, Когда время останавливается, 4, Рождение стиха, "Тесен мой мир", Одиллон Рэдон /"Я шел сквозь ночь"/).

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Сост. и вст. ст. Р. Д. Бащенко. "Мистецтво", К, 1978 ("Все замерло...", "Клубятся медленные тучи", "Тревожный ветр...", "Заливы гулкие...").

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ. П. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. БПбс, 1967 ("Запал багровый день").

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ЛИРИКИ. 1907–1912. Сост. Евг. Штерн. Изд. А. Л. Попова, СПб, 1913 (Она, Грот нимф, "Я ждал страданья столько лет").

СТИХИ О РОССИИ. Изд. "Кавказский Посредник", Т, 1920 (Святая Русь, Стенькин суд).

СТРАНИЦЫ ЛИРИКИ. Избр. стихотв. современных русских поэтов. Собр. А. Дерман. Русск. книжн. изд. в Крыму, Севастополь, 1920 (Облики /"В янтарном забытьи"/).

СТРЕМНИНЫ. П. ред. Л. Слонимского. Кн. 2, М, 1918 (Киммер. сумерки: "Твоей тоской душа томима", "Заката алого заржавели лучи", "Ветер с неба хлопья облак вытер", "И было так"; Города в пустыне).

ТВОРЧЕСТВО. Альм. /Кн./ 2. Изд. "Творчество", М-Пг, 1918 (Облики: "В янтарном забытьи", "Двойной соблазн...", "То в виде девочки", "Безумья и огня венец", "Не успокоена в покое", "Пламенный истлел закат").

ТРИ ВЕКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ. Сост. Н. Банников. Изд. "Просвещение", М, 1968; изд. 2-е, "Просвещение", М, 1979 (Киммер. сумерки – 4, 5, 9, "Зеленый вал отпрянул", "Сердце мира", "Быть черною землей", "Солнце, твой родник"; из венка сонетов "Corona Astralis").

ТРИЛИСТНИК. Кн. 1. Моск. изд. тов-во, М, 1922 (Дикое Поле, 1919 год /На вокзале/, Спекулянт).

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. АН, т. XVII, 1961 (Сказание об иноке Епифании);
т. XXXIII, 1979 (Написание о царях Московских).

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ. Хабаровский педагог. ин-т. Т. 31. Серия литературы. Хабаровск, 1971, в ст. В. Мамонтова, с. 62 (Женский портрет).

ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. Айвазовского. Путеводитель. Сост. и вст. стт.: А. Н. Богданова и И. М. Погребецкая. Изд. 3-е, Тр, 1982 ("Черной тушью четких теней", "Пройди по лесистым нагорьям", "Восход луны встречали чаек крики", "И розовой жемчужиною день", "Волны земли омываются волнами моря", "Пустынные гекзаметры волны").

ЦВЕТАЕВА, Ан. Воспоминания. СП, 1971, с. 405 и др. (Акрополь, "К вам душа...").

ЦВЕТАЕВА, М. Проза. Изд. им. Чехова, НЙ, 1953, с. 143 ("К вам душа. . ."); переизд.: Избр. проза т. 2, изд. "Руссика", НЙ, 1979, сс. 32–33, – Сочинения в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, М, 1980.

ЦВЕТНИК ОР. Кошница 1. Изд. "Оры", СПб, 1907 (Киммер. сумерки – 4, 5).

ЦЕХ ПОЭТОВ. Кн. 3. Изд. "Цех Поэтов", П, 1922.

ЧТЕЦ. Сбрн. XXIV. Сост. В. Сережников. Изд. 2-е, ГИЗ, 1926 (В вагоне).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Худож. сбрн. стих., рассказов и монологов. Т. 2, К, 1907 ("Я вся тона жемчужной акварели", В вагоне).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Стихи и проза. Т. 3. К, 1908 ("Тесен мой мир", Киммер. сумерки – 1, 2, 3, 4, Голова Мадам де Ламбаль, Осенью, Письмо).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Стихи и проза. Т. 3, изд. 2-е, К, 1909 ("Священных стран...", "Быть черною землей", Руанский собор, 5, "Тесен мой мир", "Я вся тона жемчужной акварели").

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Сбрн. русской поэзии. Изд. И. П. Ладыжникова, Б, 1922 (Китеж, Святая Русь, Вальдемоза /Кастаньеты/, Она, Голова Мадам де Ламбаль).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Сост. и изд. Н. Мартьянова, НЙ, /1962/ (Заклятие /"Из крови. . ."/, Мир, На дне преисподней, Потомкам, "Сердце острой жалостью ужалено", "Я, полуднем объятый", В мастерской).

ЧУКОККАЛА. Рукописн. альм. К. Чуковского. И, 1979, с. 312 ("Вышел незванным", "Не в желто-буром Коктебеле").

ЭРЕНБУРГ, И. Портреты русских поэтов. Изд. "Аргонавты", Б, 1922; оф. В. Финк, Мн, 1972; 2-е изд. "Первина", М, 1923 (Руанский собор, 6, "Склоняясь ниц", "Замер дух", "В эти дни великих шумов ратных", Видение Иезекииля).

ЮНЫЙ ЧТЕЦ-ДЕКЛАМАТОР. Сост. И. Николаевский. К, 1910 (В вагоне).

ЮЖНЫЙ АЛЬМАНАХ. Кн. 1. П. ред. А. Б. Дермана, К. А. Тренева, Я. А. Тугендхольда. Сф, 1922 (Дикое Поле, Карадаг, 2).

THE OXFORD BOOK OF RUSSIAN VERSE. Chosen by the Hon. Maurice Baring. Clarendon Press, Oxford, 1924 (Святая Русь).

Двуязычные издания

A BOOK OF HOMAGE TO SHAKESPEARE. The Golden Book of Poetry. London-Oxford, 1916, pp. 516–517 (Порция /"В янтарном забытьи полуденных минут"/; eng. transl. by Nevill Forbes).

THE PENGUIN BOOK OF RUSSIAN VERSE. Ed. & transl. by D. Obolensky. Penguin Books, Harmondworth-Baltimore, 1962 ("Над зыбкой рябью вод", Святая Русь).

LA POÉSIE RUSSE. Édition bilingue. Anthologie réunie et publiée sous la direction de Elsa Triolet. Éditions Pierre Seghers, Paris, 1965 (Заклятие /"Из крови. . ."/, Готовность; trad. par Léon Robel, Claude Frioux).

MODERN RUSSIAN POETRY. An Anthology with Verse Translations. Ed. & with Introduction by Vladimir Markov & Merrill Sparks. The Bobbs-Merrill Co, Indianapolis–Kansas City–New York, 1967 (Голова Мадам де Ламбаль, "Тесен мой мир", "Травою жесткою", "Двойной обман...", Под знаком Льва, Петербург, Реймская Богоматерь, Святая Русь, Северовосток, Красная весна, /Красная Пасха/, Террор, Готовность).

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ XX ВЕКА. Сост. Никита Струве ANTOLOGIE DE LA POÉSIE RUSSE. LA RENAISSANCE DU XX-e SIECLE. Introduction, choix et notes par Nikita Struve. Éditions Aubier-Flammarion, Paris, 1970 (На дне преисподней).

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

АННЕНСКИЙ, Инн. Книги отражений. ЛП, 1979, с. 632 (Отр. из неопубл. воспоминаний Волошина, хранящ. у Л.В. Горнунга).

АННЕНСКИЙ, Инн., Федор СОЛОГУБ. Созвучия (Серия "Мастера поэтического перевода", № 23–24). Изд. "Прогресс", М, 1979, сс. 159–163 (Поль Верлен. Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом /без первой трети статьи/).

БАРБЭ Д'ОРЕВИЛЬИ, Ж. А. Les Diaboliques. Пер. А. Чеботаревской. Изд. "Пантеон", СПб, 1908, сс. 7–32 (Вст. стт.: Жизнь Жюля Барбэ д'Оревильи, Личность и творчество Барбэ д'Оревильи).

ВИЛЬЕ де ЛИЛЬ-АДАН, Огюст. Жестокие рассказы. ЛП, 1975, с. 236 (Из записей 1932 г.).

ВОЛОШИН, Макс., С. ЛОБАНОВ, П.ДУЛЬСКИЙ, П.КОРНИЛОВ. Константин Федорович Богаевский. Сбрн. статей. Казань, 1927, сс. 5–18 (К.Ф. Богаевский – художник Киммерии).

ВОЛОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. Сост. В. П. Купченко. Изд. Гос. Б-ки СССР им. Ленина, Феодосийск. картинной галереи и Дома-музея М. А. Волошина, М, 1981, сс. 4–5, 7–8, 9, 22, 74, 84; 13–14, 121; 16, 80; 69; 81; 99–100, 101–102 (отрр.: из автобиографии 1925, из дневника "История моей души", из автобиографии 1920-х гг., из проекта предисловия к поэме "Протопоп Аввакум", из ответов на анкету Е. Я. Архипова, 30 июня 1932, из неоконч. ст. "Евангелие от Иуды", 1908).

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1973 ГОД. Н, 1976, с. 139 (Отр. из "Журнала путешествий, или Сколько можно увидеть на полтораста рублей").

НА 1974 ГОД. Н, 1976, сс. 154–157, 165 (Ответ на анкету об отношении к стихам Ф. Сологуба; Федор Сологуб. Заметки; страничка из одной из автобиографий. Публик. и комм. В.П. Купченко).

НА 1976 ГОД. Н, 1978, с. 246 (Отр. из неопубл. неоконч. наброска "Метрический стих есть строгая форма...").

КНИГА О РУССКИХ ПОЭТАХ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. Очерки. Стих. Автографы. П. ред. Мод. Гофмана. Изд. М. О. Вольф,

СПб-М, /1907/; оф. В. Финк, Мн, 1970, с. 365 (автограф: автобиограф. записка без назв.).

КРЫМ. Путеводитель п.ред. д-ра А. М. Саркизова-Серазини. Изд. "Земля и Фабрика" М-Л, 1925, сс. 126–148 (Культура, искусство, памятники Крыма).

КУЛИНИЧ, А. Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х гг. Изд. Киевск. ун-та, К, 1967, с. 112 (Отр. из автобиографии).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наукова Думка", К, 1978, изд. 2-е, 1979, сс. 14–18, 25, 29–30, 32, 33, 43, 50, 51, 54, 77, 79, 89, 99, 123, 177, 178, 180, 182, 185–186, 190–191, 201, 203, 220 (отрр. из: Автобиографии /Б-ка им. Ленина/, Автобиографии /ЦГАЛИ/, воспоминаний 1932, неизд. ст. "Жестокость в жизни и ужасы в искусстве", "История моей души", из "России распятой", "На весах поэзии").

МАШКОВЦЕВ, Н. Книга для чтения по истории русского искусства. Вып. 4. М-Л, 1948, сс. 299–314 (Суриков о себе и своем искусстве /По письмам художника и записям В. Никольского, М. Волошина и др./).

САПУНОВ, Н. Н. Сбрн. памяти художника. А, СПб, 1916, сс. 5–7 (Памяти Н. Н. Сапунова).

СЕВЕРНЫЕ ЦВЕТЫ. Альм. V. Изд. "Скорпион", М, 1911, сс. 85–115 (Аполлон и мышь).

СЕН-ВИКТОР, Поль де. Боги и люди. Изд. М. и С. Сабашниковых, М, 1914, сс. 1–7 (Дон-Жуан фразы Поль де Сен-Виктор).

СИНАЙСКАЯ-ФИНКЕЛЬШТЕЙН, Н. Нерасцветшая (История юной души). Изд. "Земля и Фабрика", М-Л, 1924, сс. 5–10 (Предисловие).

СПИРИДОНОВА (Евстигнеева), Л. Русская сатирическая литература начала XX века. Н, 1977, сс. 92–93 (Отр. из неопубл. ст. "О смехе и пошлости").

СУРИКОВ, Василий Иванович. Письма. – Воспоминания о художнике. И, 1977, сс. 169–190, 323–329 (Суриков. Материалы для биографии).

ФЕОДОСИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНО–ХУДОЖЕСТВЕННОЕ О–ВО "КИММЕРИКА", Фд, 1916, сс. 3–6 (Исторические судьбы Феодосии и значение Киммерии в русском искусстве /без подписи; атриб. В.П. Купченко).

ФИДЛЕР, Ф. /собр/. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. Изд. И.Д. Сытина, М, 1911, сс. 165–167 (Автобиография).

ЦВЕТАЕВА, М. Сочинения в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, М, 1980, сс. 509, 512 (Отрр. из "Воспоминаний о Черубине де Габриак").

ЧЕБОТАРЕВСКАЯ, А. О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. Изд. "Шиповник", СПб, 1911 (Дар мудрых пчел; Поль Верлен. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом).

ЧЕХОВ И ЕГО ВРЕМЯ. Н, 1977, сс. 203–204, в ст. В.П. Купченко (Отрр. из: неок. ст. "Месяц в деревне" и "Три сестры"; 1907 год в русской литературе, Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого).

ЧУКОВСКИЙ, К. Некрасов. Изд. Кубуч, Л, 1925, сс. 388–394 (Ответы на анкету: Современные поэты о Некрасове).

ЧУКОККАЛА. Рукописн. альм. Корн. Чуковского, И, 1979, сс. 313–316 (О Некрасове).

ÉCRITS POUR L'ART LITTÉRAIRES ET PHILOSOPHIQUES. Paris, 1905; p. 581 (Послесл. на франц. языке к перев. стих. Вал. Брюсова "Последний день").

RUSSICA 1981. Литер. сбрн. НЙ, 1982, сс. 339–344 (Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца. Перев. с франц. ст. Волошина. Пер., публик. и комм. А.Н. Тюрина).

STUDIA SLAVICA ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE. T. 24, No 3–4, Budapest, 1978, s 391, в ст. С. Гречишкина и А. Лаврова (О Сологубе: ответ на анкету Е. Архипова).

Записи устных рассказов Волошина

АННЕНСКИЙ, Инн. Книги отражений. ЛП, 1979, с. 653 (Отр. из Рассказа М. А. Волошина об Инн. Ф. Анненском, 27 марта 1924,

по записи Д. С. Усова и Л. В. Горнунга, из архива последнего).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наукова Думка", К, 1979; изд. 2-е, 1979, сс. 186–187 (Об Осипе Мандельштаме, лето 1919).

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 92, кн. 2, 1981, с. 315 (Отр. из Рассказа М. А. Волошина об Инн. Анненском, 27 марта 1924, по записи Д. С. Усова и Л. В. Горнунга, из архива последнего).

МИНДЛИН, Э. Необыкновенные собеседники. М, 1968, с. 29; изд. 2-е, М, 1979, с. 34–35 (Об Осипе Мандельштаме, лето 1919).

ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ

АНТОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ. Ред. Вас. Казина и С. Обрадовича. Вып. 1. Изд. "Известия" (Б-ка "Красн. Нови", вып. 1), М, 1924 (В. Гюго: Расстрелянные, На баррикаде).

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ. Чтец-декламатор. Т. IV. Сост. Ф. М. Самоненко. К, 1909, изд. 2-е, К, 1912 (Ст. Маллармэ. "Могучий, девственный"; Э. Верхарн. Ноябрь).

АПОЛЛОН. Литер. альм. А, СПб, 1912; изд. 2-е, стереот. – 1914 (А. де Ренье. Кровь Марсия).

ВЕРХАРН, Эмиль. Лирика и поэмы. Пер. В. Брюсова, М. Волошина, А. Гатова, Г. Шенгели. ГИХЛ, 1935, сс. 503–506, 694–696 (Города, Окровавленная Бельгия).

ВЕРХАРН, Эмиль. Избранные стихи. Пер. В. Брюсова, Г. Шенгели и М. Волошина. Изд. "Мол. Гвардия", М, 1936 (Ужас).

ВЕРХАРН, Эмиль. Избранное. М, 1955.

ВЕРХАРН, Эмиль. Стихотворения. – Морис МЕТЕРЛИНК. Пьесы. БВЛ, 1972, сс. 51, 105–108, 149–150, 157–160, 196–199, 228–230 (Человечество, Душа города, На Север, Толпа, Города, Завоевание).

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА. БВЛ, 1977, с. 677 (Эредиа. Ponte Vecchio).

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИРИКА. Л, 1974.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА. БВЛ, 1977 (А. де Ренье. "Приляг на отмели").

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ. От Ломоносова до наших дней. Сост. Е. Винокуров и Л. Гинзбург. Изд. "Прогресс", М, 1968 (Верхарн. Осенний вечер).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наукова Думка", К, 1978; изд. 2-е, 1979, сс. 226–227 (Отр. из стих. Э. Верхарна – Казнь /Голова/).

МАСТЕРА РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА. Ред. Е.Г. Эткинд. Кн. 2. БПбс, 1968 (Эредиа. Бегство кентавров; Верхарн: Осенний вечер, Ужас, На Север, Ноябрь, Статуя /Монах/).

МИР ИСКУССТВ В ОБРАЗАХ ПОЭЗИИ. Архитектура. Скульптура. Живопись. Танец. Музыка. Собр. Е. Боричевский. Изд. "Работник Просвещения", М, 1922 (Эредиа. Ponte Vecchio).

МИРОВАЯ МУЗА. Антология. Сост. Сергей Городецкий. Т. 1. Франция. СПб, 1913 (Эредиа: Бегство кентавров, Ponte Vecchio).

НОРД. Стихи. Баку, 1926 (А. де Ренье. Приляг на отмели).

ПЕСНИ БОРЬБЫ. Изд. "Молодая Россия", М, 1916 (Верхарн. Голова).

ПОСЕВ. Литер.-критич. и научно-худож. альм. О, 1921 (Из А. де Ренье).

ПОЭЗИЯ ЕВРОПЫ в 3 тт. POETRY OF EUROPE in 3 vol. EUROPÄISCHE LYRIC in 3 Bänden. POESIE D'EUROPE en 3 tomes. ГИХЛ, М, т. 1, 1978 (Ст. Малларме. Лебедь).

ПОЭТЫ БЕЛЬГИИ. П.ред. С. Н. Дурылина. (Универс. Б-ка), изд. Антик, М, 1916 (Стихи Верхарна).

РИЛЬКЕ, Райнер-Мариа. Новые стихотворения. ЛП, 1977, сс. 456–457 (Ст. Малларме. Лебедь).

СБОРНИК ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. М, 1922 (Верхарн: Города, Завоевание, Город).

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ В ПЕРЕВОДАХ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX–XX ВЕКОВ. Двуязычн. изд. Сост., вст.ст. и комм. Е. Эткинда. Изд. "Прогресс", М, 1969, изд. 2-е /1973/, сс. 443, 445, 495, 515, 519, 521, 523, 535, 539 (Эредиа: Бегство кентавров, Ponte Vecchio; Верхарн: На Север; Маллармэ: Лебедь; А. де Ренье: Приляг на отмели, Тревога, Девочка; Верхарн. Декабрь, Толпа).

ЧТЕЦ. Сбрн. XXIV Сост. В. Сережников. Изд. 2-е, ГИЗ, 1926 (Верхарн. Осенний вечер).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Стихи и проза. Т. 3, К, 1908 (Верхарн. Ноябрь; Маллармэ. Сонет /Лебедь/).

ЧТЕЦ–ДЕКЛАМАТОР. Стихи и проза. Изд. 2-е, К, 1909 (Маллармэ. Из поэмы "Иродиада" /"О, зеркало, холодная вода"/; Верхарн: Осенний вечер, Ужас).

ЭРЕДИА, Жозе-Мариа де. Трофеи. ЛП, 1973, сс. 16, 85 (Бегство кентавров, Ponte Vecchio).

ПЕРЕВОДЫ В ПРОЗЕ

ВИЛЬЕ де ЛИЛЬ-АДАН, Огюст. Жестокие рассказы. ЛП, 1975, сс. 149–166 (1-я часть драмы "Аксель" – "Мир религиозный").

ФЛОБЕР, Гюстав. Собрание сочинений в 10 тт., п.ред. А.В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольда, т. 5, ГИХЛ, 1934 (Легенда о св. Юлиане Странноприимце); то же, собр. соч. в 5 тт. (Б-ка "Огонька"), т. 4, изд. "Правда", М, 1956, и в др. переизданиях.

ПИСЬМА

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА. М. № 3, 1976, с. 166, в ст. Л. Юниверга (Отр. из письма к К. В. Кандаурову, июль 1922);
№ 7, 1980, в ст. М. Рац (Отрр. из писем к С. А. Абрамову: 19 июля 1918, 2 дек. 1923 и 5 сент. 1924);
№ 11, 1981, в ст. Вл. Купченко (Отрр. из писем к Л.П. Гроссману, 18 сент. 1919, и к Л.К. Берману, ок. сент. 1919).

АННЕНСКИЙ, Инн. Стихотворения и трагедии. БПбс, 1959, с. 16 (Отр. из письма к И.Ф. Анненскому, б. даты /1909/).

АННЕНСКИЙ, Инн. Книги отражений. ЛП, 1979, сс. 631, 661, 665, 667 (Отрр. из писем к И.Ф. Анненскому разн. дат 1909 и к С.К. Маковскому: 2 мая, лета и 18 авг. 1909).

БАРСАМОВ, Н. Айвазовский в Крыму. Сф, 1967, с. 80; изд. 2-е, Сф, 1970, с. 72 (Записка к К.Ф. Богаевскому, 19 февр. 1930).

БЕЛОВ, С. Книгоиздательство Сабашниковых. М, 1974, сс. 84–85 (Письмо к М.В. Сабашникову).

БУНИН, И. Воспоминания. Изд. "Возрождение", Пар, 1950, сс. 196–198 (Письмо к И. А. Бунину, 16 мая 1919, отр. из письма к нему же, ноябрь 1919); перепеч. – Собр. соч. в 9 тт., т. 9, ГИХЛ, 1967, сс. 430–432.

ВИЛЬЕ де ЛИЛЬ-АДАН, Огюст. Жестокие рассказы. ЛП, 1975, с. 234 (Отр. из письма к В.Я. Брюсову, 24 дек. 1908).

ВОЛОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. Сост. В. П. Купченко. Изд. Гос. Б-ки СССР им. Ленина, Феодосийск. картинн. галереи им. И.К. Айвазовского и Дома-музея М.А. Волошина, М, 1981, сс. 7; 64; 14, 15, 17; 15; 65–66, 84, 94; 68; 84; 88; 88–89; 97–98, 102–103; 110; 111; 112 (Отрр. из писем: военн. министру Д. Шуваеву, 1916; М.В. Сабашниковой: 20 и 4 июля и лета 1905; к матери, 16/29 мая 1905; к А. М. Петровой: 30 дек. 1917, 19 янв. 1918, лета 1914, б. даты 1907, 1 янв. 1907; к А.В. Гольштейн, 10 сент. 1920; к Я.А. Глотову, 18 окт. 1919; к К.В. Кандаурову, 22 окт. 1914; посв. надп. на аквар. К.Н. Бугаевой, 10 сент. 1924; посв. надписи на акварелях Андрею Белому – 11 сент. 1924 и 6 янв. 1926, письма к нему же: 15 ноября 1924 и 3 июля 1930; к А.М. Ремизову: 12 июля 1908 и 19 янв. 1909; к А.Н. Брянчанинову, 1916; к К.И. Чуковскому, 20 ноября 1923; посв. надп. на аквар. К.К. Арцеулову, 1925).

ГЕРЦЫК, Евгения. Воспоминания. YMCA, 1973, сс. 83, 85–86, 93–95, 96–97 (Письма: к А.К. Герцык, 15 авг. 1907; к А.К. и Е.К. Герцык, зима 1907–1908; отрр. из писем к Е. К. Герцык: зима 1928–29, 17 февр. и мая 1929, 1930).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР ИМ. ЛЕНИНА. ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ. Вып. 33, Кн. 1972, с. 95 (Отрр. из писем к М. В. Сабашниковой: 1912–1913 и лето 1913, в ст. А.Л. Паниной).

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1973 ГОД. Н, 1975, сс. 136–137 (письма и отрр. из них к А. М. Петровой, 1900 и др. дат).

НА 1973 ГОД, Н, 1976, сс. 140–144, 138, 145–147, 147–148, 148–150, 150–152, 153–154; 136, 138, 137, 136, 137, 139, 147, 140, 153, 142, 141–142, 142, 138, 139–140, 143, 138, 139, 139–140, 150, 152 (Письма к матери: начало марта, 20 и 25 /отр./ марта 1899, 26 апр. 1900, 14 февр., 12, 23/10 и 29/ 16 мая 1901; отрр. из писем: к А. М. Петровой: 26 авг. и 11 дек. 1897, конца янв., 24 февр. и 12 апр. 1898, янв., 27 февр. и 7 апр. 1900, 12 февр., 22 и 27 авг. и 14 сент. 1901; к Я. А. Глотову: 22 и 29 марта и 3 апр. 1899; к Ю. А. Галабутскому, сент. 1897; к А.М. Пешковскому: 11 янв. и 18 мая 1901; публик. Р.П. Хрулевой).

НА 1974 ГОД, Н, 1976, сс. 62, 153, 157–158, 160, 163, 164 (Отр. из письма к Л. А. Недоброво, 4 февр. 1920; письма к Фед. Сологубу: 8 мая 1907, 11 марта 1909, 3 апр. 1914, 8 апр. 1927; отр. из письма к матери, 6 марта 1915; публ. В. П. Купченко).

НА 1975 ГОД, Н, 1977, сс. 154, 156, 157, 184; 155, 170, 171, 173, 173–174, 183, 155; 155; 155, 156; 156; 156; 156; 157; 156 (Отрр. из писем: к Ю. Л. Оболенской: 10 ноября 1913, 15 ноября 1917, 28 мая 1922, 14 авг. 1923; к матери: 14 окт., серед. ноября, 12 ноября, без даты, 25 и конца ноября, 10 дек. 1911, 11 марта 1914; к М. И. Цветаевой, 13 авг. 1917; к М. О. Цетлину: весна 1916, 15 сент. 1918; к М. В. Сабашниковой-Волошиной, 26 сент. 1917; к А. М. Петровой, 12 ноября 1917; к Е. А. Архипову, 30 июня 1932; к Вере Георгиевне /Германович?/, 25 ноября 1919; публик. В.П. Купченко).

НА 1976 ГОД, Н, 1978, сс. 229, 243, 243–244, 245, 250–251 (Отрр. из писем: к И. Ф. Анненскому: 6 ноября, 5, 7 или 8 марта, июня и 18 авг. 1909; к В. И. Кривичу-Анненскому: дек. 1909 и 27 марта 1910; к С. К. Маковскому: 20 мая, лета, 2 и 15 авг. 1909; к Е. А. Зноско-Боровскому, конца 1909; публик. А.В. Лаврова и В.П. Купченко).

НА 1977 ГОД, Н, 1979, с. 110 (Отр. из письма к К. А. Эрбергу, 11 июля 1916; публик. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова).

НА 1979 ГОД, Н, 1981, сс. 72; 233, 239; 239; 234; 247, 257; 239, 248; 236; 236; 243; 252 (Отрр. из писем: к Андр. Белому, 3 июля 1930; к В. Я. Брюсову: 17, 29 и 31 янв., 11 марта, 3 июня,

17 июля и 30 июня 1904, 22 марта 1906; к Е. А. Зноско-Боровскому, 8 февр. 1910; к матери: конец ноября или нач. дек. 1911, 2 янв. 1909; набросок письма к А. Сюаресу /нач. 1910/).

ИВАНОВ, Вяч. Собр. соч. П. ред. Л.В. и Д.В. Ивановых и О. Дешарт. Т. 2, Брюссель, 1974, сс. 715–716, 808–809, 810 (Отрр. из писем к В.И. Иванову. без даты 1907, 18 авг. 1907, 17 мая 1910).

КНИГА. Исследования и материалы. Сбрн. 38, Кн, 1979, с. 147 (Письмо к М.В. Сабашникову, /лето/ 1913).

КРЕСТИНСКИЙ, Ю. А. Н. ТОЛСТОЙ. Жизнь и творчество. АН, 1960, с. 78 (Отр. из письма к А.Н. Толстому, сент. 1911).

КРУТИКОВА, Н. В начале века. Горький и символисты. К, 1978, сс. 278–279 (Письмо к М. Горькому).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наук. Думка", К, 1978; изд. 2-е, 1979, сс. 28, 30, 31, 34–35, 37–38, 41–42, 43–44, 46, 48, 49, 51, 59, 62, 64, 65, 66, 69, 78, 80, 91, 94–95, 110, 111, 113, 124, 126, 127, 130, 159, 161, 163, 167, 174, 175, 179, 181, 189, 190, 192, 202–203, 204, 209–210, 217, 219–220, 221; Докум. и делов. письма, в т. ч. военному министру, 1916, и А. В. Луначарскому, 3 апр. 1923: 94, 106, 159, 175–176, 186–187, 207, 223 (Отрр. из писем: к матери: 1895, 21 февр. и 22 дек. 1896, 17–21 янв. и 4 февр. 1897, марта б. даты, 21, 22, 25, 29 и б. даты марта 1899, 27 февр., 5 марта и 28 сент. 1900, 17 и 29 янв., 24 июня, 8 и 13 июля, 4 и 14 авг. и 12 дек. 1901, дек. 1908, 1 февр. 1909, 17 дек. 1913, 7 янв. 1914, 13 авг. 1915, 15 февр. и 25 апр. 1922; к А. М. Петровой: 12 февр. 1897, 24 февр. 1898, 12 ноября и 28 дек. 1899 /9 янв. 1900/, 3 ноября и 11 дек. 1900, 12 февр., 24 июня и 14 сент. 1901, 14 дек. 1902, 1 янв. 1903, 1905, 1905/06, 1908/?/, дек. 1909, 5 окт. 1911, 13 янв. и 26 дек. 1912, 7 февр., 29 апр., 16 авг., 22 и 26 окт. и 15 дек. 1915, 22 окт. 1916, 9 мая, 17 июля, 28 авг. и 25 дек. 1917, 9 и 15–19 янв. 1918; к А.М. Пешковскому: 11 янв. 1901, 12 янв. 1918, 23 дек. 1923; к В.Я. Брюсову, 1903; *письмо* к М. Горькому, 15 дек. 1906; отрр. из писем: к С. Кожевниковой, 4 марта 1923; к К. В. Кандаурову. 20 апр. 1914, 15 июня 1922; к Л.А. Недоброво, 7 авг. 1919; к А.П. Остроумовой-Лебедевой, 16 ноября 1924).

КУПЧЕНКО, Вл. Остров Коктебель. (Б-ка "Огонька"). Изд. "Правда", М, 1981, сс. 12, 22, 25, 26–27, 28, 29, 35, 39, 35, 39, 40, 42 (Отрр. из

писем: к К. Кандауровой, 18 мая 1912; к матери, март 1914; к М. О. Цетлину, 14 авг. 1917; к Ю. Л. Оболенской, 30 авг. 1917; к Ю. Львовой, 18 сент. 1917; к М.В. Сабашниковой, 26 сент. 1917; к неустан. лицу, 12 сент. 1917; к Н. С. Ангарскому, 25 марта 1925; к А. П. Остроумовой-Лебедевой, ноябрь 1924; к В. В. Вересаеву: февр. 1926, 12 окт. 1923; дарств. надпись М. А. Булгакову на акварели и кн. "Иверни", 25 июля 1925; Долгополовой, 29 апр. 1926; к К. И. Чуковскому: 20 ноября 1923, 18 июля и осенью 1924, к К. Добраницкому, 27 апр. 1931, к М.С. Волошиной: 3 и 11 марта 1926).

ЛАНН, Евг. Писательская судьба Максимилиана Волошина. Всеросс. Союз Поэтов, 1927, сс. 16–17 (Отрр. из писем разным неназв. лицам).

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 85, 1976, сс. 269, 270, 278, 318 (5 писем к В.Я. Брюсову, от янв. 1904 – по апр. 1905 – отрр.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 92, кн. 3, 1982, сс. 212, 263–264 (Отрр. из писем к В. Я. Брюсову: после 21 апр. 1904, между 9 и 28 дек. 1906).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ. Т. 2. Русско-армянские литературные связи. Е, 1977, сс. 201–202, 203, 203–204, в ст. В. П. Купченко (Отрр. из писем к С. А. Абрамову: 2 дек. 1923, 5 сент. 1924, 11 сент. 1928).

ПАМЯТЬ. Кн. 1. Самиздат, М, 1976; изд. "Хроника", НЙ, 1978, сс. 297–301 (Письмо к Л. Б. Каменеву, 1924).

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ. Хабаровск. педагог. ин-т. Т. 31, серия литератур. Хабаровск, 1971, в ст. В. Мамонтова, сс. 56, 57, 59 (4 письма к В.Я. Брюсову, от марта 1904 – по дек. 1907, отрр.).

ЦВЕТАЕВА, М. Проза. Изд. им. Чехова, НЙ, 1953, с. 196 (Письмо к М. И. Цветаевой, ноябрь 1920, в излож. Цветаевой); перепеч.: М. Цветаева. Избр. проза в 2 тт., т. 2, изд. "Руссика", НЙ, 1979, с. 75; Сочинения в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, 1980 (и в примеч. в этом изд., на сс. 513, 515 также отрр. из писем: к матери, 12 ноября 1911, и к С.А. Толстой-Есениной, 3 ноября 1931).

ЦЕЛЬ – ПОИСК. Сбрн. Кишинев, 1979, с. 299, в ст. А. Горловского (Отр. из письма к Л.П. Гроссману, сент. 1919).

ЧЕХОВ И ЕГО ВРЕМЯ. Н, 1977, сс. 200, 201, 204 (Отрр. из писем: к матери: март 1899, 29 янв. и 16/29 мая 1901; к А.М. Петровой, 7 апр. 1900; к Я.А. Глотову, 23 окт. 1900; к М.В. Сабашниковой, авг. 1904).

ЧУКОККАЛА. Рукописн. альм. Корн. Чуковского. И, 1979, с. 313 (Письмо к К.И. Чуковскому, 18 июля 1924).

ШУЛЬЦ (ЛЕСИНА), Н. Планерское. Коктебель. Сф, 1966, с. 17 (Письмо к А.И. Полканову, 24 мая 1924).

STUDIA SLAVICA ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE. T. 24, No 3–4, Budapest, 1978, в ст. С. Гречишкина и А. Лаврова (Отрр. из писем к Андр. Белому· 15 ноября 1924 и 3 июля 1930).

Коллективные

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ в 4 тт., т. 1, Н, 1967, с. 52 (Письмо группы писателей в отдел печати ЦК РКП (б), май 1924); переп. в множестве книг; первонач.: К вопросу о политике РКП (б) в художественной литературе. М, 1925, с. 106–107.

PICHON, Jann Le. Le Monde du Douanier Rousseau. Éd. Robert Laffont, Paris, 1981;

PICHON, Jann Le. The World of Henry Rousseau. Transl. by Joachim Neugroschel. The Viking Press, A Studio Book, New York, 1982, p. 274 (факсимильн. воспроизведение документа – о решении воздвигнуть памятник Анри Руссо. Подписан и М. А. Волошиным – в бытность его в Париже).

Дарственные надписи на книгах, акварелях и рисунках

ЛАСУНСКИЙ, О. Власть книги. Воронеж, 1966, с. 269 (И.Н. Бороздину – на книге "Стихотворения. 1900–1910", 24 апр. 1911).

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО. Т. 27–28, 1937, с. 670 (В.Я. Брюсову, на той же кн., 10 марта 1915).

ОЗЕРОВ, Л. Работа поэта. М, 1963, с. 198, и его же – В мастерской стиха. М, 1968, с. 48 (И.Л. Сельвинскому, на акварели, б. даты).

РИСУНОК РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А. А. СИДОРОВА. Каталог выставки. М, 1977, сс. 20–22 (7 надп. А.А. Сидорову на аквар.).

ЧУКОККАЛА. Рукописн. альм. К. Чуковского. И, 1979, с. 313 (К.И. Чуковскому – на аквар., 18 июля 1924).

STUDIA SLAVICA ACADEMIAE SCIENTIARUM HUNGARICAE, t. 24, No 3–4, s. 397, в ст. С. Гречишкина и А. Лаврова (Андр. Белому – на аквар., 6 янв. 1926).

ВОЛОШИН – ХУДОЖНИК

Акварели, темпера, гуашь, рисунки

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1981. М, 1981 (Публик. Ан. Маркова: рис. обложки неизд. кн. "Максимилиан Волошин. Стихотворения. Кн. 2-я. Изд. "Зерна"; /Коктебель/, рис. пером; на 4-й стр. обложки "Дня Поэзии" – цветн. воспроизвед. акв. "Осенней четкостью зеленых янтарей").

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 1973 ГОД. Н, 1976, с. 149 ("Андорра", рис.).

НА 1975 ГОД, Н, 1977, между сс. 176 и 177 (Автопортрет, рис., 1920-е гг.).

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наук. Думка", К, 1978; изд. 2-е, 1979 (Аквар.: "Скелеты призрачных дерев", Киммерия, "Дожди лучей с кисейных покрывал", Горы, "Зеркальных утр лучистые кристаллы", Равнина, "Моей земли панические полдни", Зеркало залива).

КУПЧЕНКО, Вл. Планерское-Коктебель. Фотоочерк. Тр, 1975 ("Луна восходит над заливом", "Луна восходит в тишине").

ЛИТЕРАТУРА И ТЫ. Вып. 6, Изд. "Мол. Гвардия", 1977, сс. 139, 140, 141, 145 ("Холмы пустынь...", "Молчат в предвечернем покое", "Пройди по лесистым нагорьям", "Пепельный свет").

ПАНОРАМА ИСКУССТВ. Ежегодник. Т. 5. СХ, 1982, между сс. 176 и 177, в ст. Л. Фейнберга (Пейзаж, 1928, Гора Кучук-Енишары,

1928, Холмы, 1925, Морской залив, 1928, Библейская долина, 1926, Пейзаж, 1928, Восход солнца, б. даты).

ПОМОЩЬ. Худож.-литературн. и научно-популярн. сбрн. Ред. Я.А.Тугендхольд. № 1. Изд. Крым–ЦК Помгол, Сф, июль 1922 (Пейзаж, Коктебель).

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА (Дооктябрьский период). БВЛ, 1977, между сс. 352 и 353 ("Луна восходит над заливом").

ЧУКОККАЛА. Рукописн. альм. Корн. Чуковского. И, 1979, с. 314 (Вид горы с черными отверстиями – Коктебель, 19/VII 1924).

Каталоги выставок с участием Волошина

ВЫСТАВКА ГРУППЫ ХУДОЖНИКОВ "ТРЕУГОЛЬНИК". СПб, 1912, с. 29.

ВЫСТАВКА КАРТИН ГРУППЫ ХУДОЖНИКОВ "МИР ИСКУССТВА". М, 1916, с. 14.

ВЫСТАВКА КАРТИН ГРУППЫ ХУДОЖНИКОВ "МИР ИСКУССТВА". Пг, 1917, с. 7.

ПЕТРОГРАДСКОЕ О-ВО ХУДОЖНИКОВ. Каталог архитектурно-худож. выставки "ЗА ПЯТЬ ЛЕТ. 1917–1923". Пг, 1923.

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКОВ "МИР ИСКУССТВА". О-во "Долой Неграмотность", Пг, 1924, сс. 3, 7, 10.

МОСКОВСКОЕ О-ВО ХУДОЖНИКОВ "ЖАР-ЦВЕТ". Каталог выставки картин 1924 года. М, 1924, с. 3.

МОСКОВСКОЕ О-ВО ХУДОЖНИКОВ "ЖАР-ЦВЕТ". Каталог выставки картин 1925 года. М, 1925, с. 4.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН. Худож. отдел Главнауки. М, 1925.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ О-ВО ИМЕНИ К. КОСТАНДИ. Каталог осенней выставки картин. О, 1925.

ВТОРАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН ФЕОДОСИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ. Фд, 1926, с. 4.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ О-ВО ИМ. К. К. КОСТАНДИ. Каталог третьей осенней выставки картин (1922–1927). О, 1927.

ТРЕТЬЯ ВЫСТАВКА КАРТИН. Фд, 1927, с. 8.

Центральный музей Тавриды. КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА (живопись и графика). Сф, 1927, сс. 18–19.

ГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО В СССР (1917–1927). Л, 1927, с. 192.

ХУДОЖНИЦЬКА СПІЛКА ІМ. К. К. КОСТАНДІ. Каталог четвертоі осінньоі виставки картин. О, 1928.

Гос. Галерея Айвазовского и Археологический музей. ЧЕТВЕРТАЯ ВЫСТАВКА КАРТИН СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ. Фд, 1928, с. 3.

О-ВО ХУДОЖНИКОВ "ЖАР-ЦВЕТ". Каталог выставки 1929 года. М, 1929, с. 4.

ХУДОЖНИЦЬКА СПІЛКА ІМ. К. К. КОСТАНДІ. Каталог п'ятоі осінньоі виставки картин. О, 1929.

Гос. Галерея Айвазовского и Археологический Музей. ПЯТАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ И ГРАФИКИ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ. Фд, 1929, с. 4 (илл. кат.).

ПЕРВАЯ ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ И ГРАФИКИ. Наркомпрос-Главискусство. М, 1929 (илл. кат.).

КАТАЛОГ ВЫСТАВКИ КАРТИН СЕКЦИИ АКВАРЕЛИСТОВ О-ВА ПООЩРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ. Л, 1929, сс. 6, 15.

ГРАФИКА И КНИЖНОЕ ИСКУССТВО В СССР. Амстердам, 1929 (илл. кат.).

KRIEVU GRAFIKAS IZSTADE. Biedrība par kultūralo tuviajanos ar Padomju Sovienību. Rīga, 1929.

РИСУНОК РУССКИХ И СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А. А. СИДОРОВА. Каталог выставки /в Третьяковской галерее/. М, 1977, сс. 20–22 (7 аквар. и рис.).

Другие выставки с участием Волошина

Выставка Крымохриса. Симферополь, май 1922, в пользу голодающих.

Выставка Крымохриса. Симферополь, март 1924.

Выставка крымских художников в ВАХН, Москва, лето 1925.

Автопортрет в русском и советском искусстве. Выставка в Гос. Третьяковской галерее. М, дек. 1977–янв. 1978.

Выставка художников-графиков Крыма в Симферопольском худож. музее, февр.–март 1979.

Альбомы и каталоги музеев, в которы‥ представлены работы Волошина

ГОС. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ АРМЕНИИ. Е, 1965, с. 488.

КАРТИНЫ ХАРЬКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ. Х, 1917, с. 9.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЕВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Краснодар, 1953, с. 122.

ПЕНЗЕНСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. К. А. САВИЦКОГО. Л, 1961, с. 68.

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Сост. и вст. ст. Р. Д. Бащенко. "Мистецтво", К, 1978 ("Все замерло...", "Клубятся медленные тучи", "Тревожный ветр клубится над землей", "Заливы гулкие...").

ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. АЙВАЗОВСКОГО. Путеводитель. Сост. С. А. Барсаламов. Сф, 1954, сс. 110–112.

ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. АЙВАЗОВСКОГО. Путеводитель. Состт. И. Погребецкая, С. Полун, А. Богданова, С. Стефанова. Сф, 1978, сс. 13, 16, 19, 74, 79, 82, 84–86.

ФЕОДОСІЙСЬКА КАРТИННА ГАЛЕРЕЯ ім. І. К. АЙВАЗОВСЬКОГО. – ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. АЙВАЗОВСКОГО. – THE AIVAZOVSKY PICTURE GALLERY in

FEODOSIA. Вст. ст. и сост. С. Полун. "Мистецтво", К, 1981 (Текст на украинск., русск. и англ. языках; резюме – на франц., немецк. и испанск. яз. В тексте: сс. /2, 3, 5, 6, 7, 8, в резюме –5, 7–8, 9, 11–12, 13, 15. Репрод. аквар. – альб. №№ 107–112: "Медный бубен ночи", 1925; "Бархат и парча", 1928, "Голубой залив", 1912, "Пепельный свет", 1929, "Крыло полуденной химеры", 1927, "Красные горы", 1925).

ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. АЙВАЗОВСКОГО. Путеводитель. Состт. и вст. стт. А. Н. Богданова и И. М. Погребецкая. Изд. 3-е, Тр, 1982 ("Черной тушью четких теней", "Ночь восходит, Коктебель, Пейзаж с розовым песком).

Серии открыток, среди которых имеются и репродукции акварелей Волошина

КАРТИНЫ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В МУЗЕЯХ СССР. Вып. 4, И, 1978 (Со стороны Армутлуха /Феодос. галерея/).

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ УКРАИНЫ. "Мистецтво", К, 1980 ("Клубятся медленные тучи").

КАРТИННЫЕ ГАЛЕРЕИ УКРАИНЫ. Феодосийская галерея им. И.К. Айвазовского. "Мистецтво", К, 1982 (Красные горы).

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. "Мистецтво", К, 1982 ("Тревожный ветр клубится над землей").

ФЕОДОСИЙСКАЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ им. И. К. АЙВАЗОВСКОГО. "Мистецтво", К, 1976 (Бархат и парча).

ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ

АПОЛЛОН. СПб-Пг: 1909, № 1 (Дэлос, Созвездия, Полдень). 1915, № 4–5 (Странник /"Как некий юноша"/, Благодарность /"Склоняясь ниц"/, Венчание /"Я к нагорьям. . ."/, Усталость /"Я быть устал..."/).

В МИРЕ КНИГ. М, 1977, № 5, с. 21 ("Ртутный отблеск..."– надпись на аквар.).

ВЕРШИНЫ. Екатеринослав-Полтава. 1920, № 1 (Неопалимая Купина).

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ. СПб, 1909, № 4 (Зеркало).

ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ. Пг, 1922, № 2–3 (La semaine sanglante /Красная Пасха/) – в ст. П. Константинова.

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Пар-НЙ-М: № 100, 1971 (Владимирская Богоматерь).

№ 107, 1973 (Отр. из "Пустыни", отр. из главки "Таноб" /"Путями Каина"/, Доблесть поэта 1–2, Надписи на акварелях: "Сквозь зелень сизую", "И малахитовые дали", "В скорбном золоте листов", "Волокнистых облак пряжи", "На огненной земле", "Над перламутровыми лбами", "Отвесный взор...", "На дне долин...", "Из померкших далей холм"; Четверть века, Иуда Апостол, Из поэмы "Святой Серафим": Св. Франциск, и Хвала Богоматери).

№ 120, 1977 ("Дубы нерослые", "Полет ее собачьих глаз", "Нет в мире прекрасней свободы", Материнство, Русская революция, "В слепые дни затменья всех надежд", Благословенье, Ангел Смерти, Поэту, Памяти В. К. Церасского, Заклинание /"Закрой глаза"/).

№ 131, 1980 ("Бесстыдный Макс", "Вот балерина", "Многочисленны и разны", "Нет милее ухажора", Утро, Обед, Пластика, Француз, Пра, Тобик, Гайдан).

ВЕСТНИК ТЕОСОФИИ. 1908: № 2 (Гностический гимн Деве Марии); № 3 (Сатурн).

1916, № 10 (К Невидимому Граду /"Ступни горят. . ."/, Солнце /"Солнце! Твой родник"/, Закат /"Заката алые заржавели лучи"/.

ВЕСЫ. М, 1907, № 1 (Картины Парижа: В Булонском лесу /Париж, 7/, "Эта светлая аллея").

1909, № 10–11 (*Καππικα*).

ВЕЧЕ. Самиздат, Владимир. Ред. В. Осипов. № 1, 1971 (Владимирская Богоматерь).

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Пар.: № 2, март 1949 (Святая Русь, Протопоп Аввакум);

№ 42, 1955 (На вокзале, "Не ты ли").

№ 145, 1964 (Дикое Поле).

ВОЛЯ РОССИИ. Прага, 1924, № 1–2 (Путями Каина: Космос).

ВРЕМЯ И МЫ. Ир, № 27, 1978, сс. 196–197 (Надписи на акварелях: "Молчат в предвечернем покое", "Тяжелый шрифт земли").

ДАУГАВА. Рига, 1979, № 3, с. 121, в ст. В. Купченко ("Землетрясенье, голод и расстрелы").

ДОН. Ростов. 1980, № 7, сс. 182–183, 188–189, в ст. Л. Фейнберга (Пра, Француз, Тобик, Гайдан, отрр. из др. стих.).

ДРУЖБА НАРОДОВ. М, 1977, № 5 (Надписи на акварелях: "Стеклянная прозрачность предвечерий", "Осенней четкостью. . .", "Заливы гулкие").

ЗАРУБЕЖЬЕ. Мн, 1978, № 3–4 (Русь глухонемая).

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ, К, 1918, № 1 (Протопоп Аввакум).

ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ. М: 1972, № 2 (Сатурн, Солнце, Луна, "Сердце мира, солнце Алкиана", Созвездия, из венка сонетов Corona Astralis, 1, 4);

1974, № 6, с. 53, в ст. В. Цветкова (Отр. из стих. "В.К. Церасскому").

ЗОЛОТОЕ РУНО. М: 1906, № 7–9 (Amori Sacrum /Второе письмо/);
№ 10 ("Я вся тона жемчужной акварели", "Если сердце горит и трепещет", "Сквозь сеть алмазную");
№ 11–12 (Детство /"О, как чутко. . ."/, "Город умственных похмелий").

1907, № 4 (Terre antique: /Киммер. сумерки, 2, 3, 10, 6/, Грот нимф).

ЗРИТЕЛЬ. М, 1922, № 2 (Киммерия /Коктебель/).

ИПОКРЕНА. Пг-Россия-Х: № 1, 1918 (Подмастерье);
№ 2–3, 1918 (14 июля 1789 /Взятие Бастилии/, Бонапарт).

ИСКУССТВО. М, 1979, № 9, с. 65 (К. Богаевскому /"Киммерийская печальная страна"/).

К ИСКУССТВУ! Фд, 1919, № 2 (Плаванье).

КАМЕНА. Х-М-П, № 1, 1918 ("Себя покорно предавая сжечь", "Теперь я мертв").

КОДРЫ. Кишинев, 1971, № 2, в ст. М. Хазина, с. 57 ("Землетрясенье, голод и расстрелы").

КРАСНАЯ НОВЬ. М, 1922, № 3 (Путями Каина: 5, 6, 7).

КРАСНОЕ ЗНАМЯ. Пар, 1906, № 1 (Голова принцессы Ламбаль, Ангел Мщенья).

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ. Е, 1968, № 7, в ст. М. Цветаевой ("К вам душа...").

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Т, 1972, № 10 ("Отливают волны розовым блеском", "На пол пала лунная тень...", Майе, Киммерийская Сивилла, из стих. "Четверть века", "Ступни горят", "Выйди на кровлю", "Фиалки волн", Коктебель).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ. М, 1977, № 22, 27 мая ("Заливы гулкие" – надп. на аквар.).

МЕНОРА. Ир, 1973: № 1 (Видение Иезекииля);
№ 2 (Путями Каина, 4);
№ 4 (Путями Каина, 14).

МОСКВА. М, 1977, № 5 (Парижу, Ночь весеннего равноденствия 1915 /Цеппелины над Парижем/, Пустыня /"Монмартр..."/, К Герцену, Р.М. Хин).

НА ПОСТУ. М, 1924, № 1, в ст. Б. Скуратова (Матрос, Красноармеец).

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА. Б, 1923, № 2 (Усобица. Стихи о терроре. Цикл из 10 стих.).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ. НЙ: № 31, 1952 (Дом Поэта);
№ 39, 1954 (Русская революция, Бегство, На вокзале, Красногвардеец, Матрос);
№ 72, 1963 (Святой Серафим);
№ 132, 1978 (Доблесть поэта, 1–2);
№ 133, 1978 (Владимирская Богоматерь);
№ 134, 1979 (Благословение).

НОВЫЙ МИР. М, 1977, № 5 (Акрополь, "Сквозь сеть алмазную", "В зеленых сумерках", Дельфы, Осенние пляски, "Я – понимание", "К древним тайнам", "Я к нагорьям держу свой путь", "Заката алого заржавели лучи", "Ветер с неба клочья облак вытер").

НОВЫЙ ПУТЬ. СПб, 1903, № 8 (Пустыня /"Монмартр..."/, Via mala, Париж 3, 4, Вальдемоза /Кастаньеты/, Венеция, Охота /"Небо запуталось..."/, "Спустилась ночь", "Я – Вечный Жид", Тангейзер).

ОБЪЕДИНЕНИЕ. О, 1919, №... (Китеж, Святая Русь, Неопалимая Купина).

ОГОНЕК. М, 1977, № 22, май (Коктебель, "Над зыбкой рябью вод").

ОСТРОВ. СПб, 1909, № 1 ("Священных стран...", "Вещий крик...").

ПАРУС. Х, 1919, № 1 (Коктебель).

ПЕРЕВАЛ. М: 1906: № 2 (Ангел Мщенья, – в конце ст. "Пророки и мстители");
№ 3 ("Быть черною землей");

1907: № 8–9 (Руанский собор – весь цикл);
№ 12 (Письмо).

ПОСЕВ. Ф, 1982, № 10 (Святая Русь, Ангел Мщенья, Бойня, Готовность, Русь глухонемая, Заклятие /"Из крови..."/).

ПРОСТОР. Алма-Ата, 1977, № 5, в ст. В. Купченко (Пустыня /"Монмартр..."/, Пустыня /"И я был сослан..."/).

РАДУГА. К: 1965, № 9 (Киммер. весна: "Опять бреду я, босоногий", "День молочно-сизый", "Я – соль земли"; Надп. на аквар.: "Камень, проникнутый воздухом далей", "Из бездны вниз", "Одна луна луне другой", "В какую синюю страну", "Осенней четкостью", "Голых прутьев...", "Свернувшись змеем", "В каждом слове – семя", "И солнце, полное избытком бытия", "На белых отмелях", "И волны гор", "Мысли, что гости"; Дом Поэта, с цензурн. пропусками).

1982, № 10 ("С тех пор, как тяжкий жернов", "Я проходил, а вы стояли", "Холодная эффектность декораций", "Бойцам любви", "Верь в безграничную мудрость мою", Путями Каина, 12, гл. 4).

РАДЯНСЬКЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО. К: (во всех №№ – в ст. и публик. И. Куприянова):

1972, № 7 ("Солнце жаром палит", "Вечер /"Тихо все..."/, "Лазурное море", "Мир – чаша до краев..." /неопубл. строфы стих. "Заката алого заржавели лучи"/, "В камень черный", "Быть черною землей", Полдень /"Травою жесткою"/, "Так странно, свободно и просто", "Солнце, твой родник", "Над зыбкой рябью вод", "Выйди на кровлю", "День молочно-сизый", "История утаена в курганах", Карадаг, "Молчат поля...", "Весь жемчужный окоем"; Надписи на акварелях) ;

1975, № 2 ("Широки окоемы гор") ;

1977, № 3 ("Пустынные заливы", "Волокнистых облак пряжи", "Осенний день по склонам горным", "Вечерняя затеплилась звезда", "Дожди лучей с кисейных покрывал", "Осенних сумерек лиловые пейзажи", "Зеркальных утр лучистые кристаллы", "Лазурь небес...", "Светло-зеленое море...", "Дубы нерослые", "Милая Вайолет, где ты?", "Над синевой зубчатых чащ") .

РОССИЯ. М-Л, 1924: № 2/11 (Русь гулящая, Плаванье) ;
№ 9 (Война и мир. Вступление /"В арабских сказках про Синдбада-Морехода"/) .

РУССКАЯ КНИГА. Б, 1921, № 3 (Китеж, Заклятие о Русской Земле) .

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Л, 1976, № 2, сс. 146–147, в ст. В.П. Купченко (Король) .

РУССКАЯ МЫСЛЬ. М-Пг-Прага (1922): 1907: № 6 (Диана де Пуатье) ;
№ 9 (Киммерийские сумерки: 7, 9) ;
№ 12 (Зеркало, "Я люблю осенний шелест", "Небо в тонких узорах", "Мир закутан плотно) ;

1915, № 4 (Anno mundi ardentis: Под знаком Льва, Над полями Альзаса, В эти дни, Посев /"В осенний день"/, Париж в 1915, Реймская Богоматерь, Dies illa tam amara) ;

1917, № 11–12 (Облики: Ропшин, Бальмонт, Фаэтон, Р. М. Хин) ;

1922, № 1–2 (Дикое Поле) .

РУССКИЙ ЭМИГРАНТ. Б, 1920, № 1–2 (Китеж) .

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ. Пар-НЙ, № 3, 1978 (Святой Серафим) .

РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Харбин, 1921, № 3–4 (Святая Русь, Китеж) .

РУСЬ. Еженед. прилож. к газ. "Русь", СПб: 1906, № 2 (Набат /На башне/).

1907, № 6 (Коктебель /"Костер мой догорал"/).

СВОБОДНОЕ СЛОВО РУСИ. 1982, № 5–6 (Святая Русь).

СЕВЕРНЫЙ ЛУЧ. 1916, № 3 (Бирюза /"Кость сожженных страстью..."/).

СИОН. Ир, 1972, № 1 (Соломон).

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ. Пар: 1921: № 4 (Европа /Ангел Времен/, Стенькин суд, Димитрий Император, Святая Русь, Молитва о городе);
№ 5 (Иезекииль, Преосуществление);

1933, № 52, в ст. М. Цветаевой ("К вам душа...").

СПОЛОХИ. Б: 1922: № 2 (Стихи);
№ 5 (Плаванье);
№ 6 (Пустыня /"И я был сослан..."/).

ТАЙНОВЕДЕНИЕ. Ир, № 1, 1982 (Ангел Мщенья, Стенькин суд).

ТЕАТР, ЛИТЕРАТУРА, МУЗЫКА, БАЛЕТ, ГРАФИКА, ЖИВОПИСЬ, КИНО. 1922, № 7 (Дикое Поле, 2).

ЮНОСТЬ. М, 1969, № 7, с. 63, в ст. Ю. Черниченко ("Эти пределы священны уж тем").

GAUDEAMUS. СПб, 1911, № 1 ("В неверный час тебя я встретил").

L'ELAN. Paris. Red. Amedée Ozenfant. 1915, № 5, 15/VI (Цеппелины над Парижем).

RUSSIAN LITERATURE TRIQUARTERLY, № 16, Ann Arbor, 1979 (Дом Поэта).

ПРОЗА

НОВЫЙ ЖУРНАЛ. НЙ, № 151, 1983, сс. 188–207 (Воспоминания о Черубине де Габриак. Публ. и комм. А.Н. Тюрина).

НОВЫЙ ПУТЬ. СПб, 1904, № 6, сс. 102–106 (Три дня).

SLAVICA HIEROSOLIMITANA. Ир, V–VI, 1981, сс. 502–519 (Воспоминания. Апрель 1932 /Рассказ о генерале Марксе/. Публик., вст. ст. и комм. Сузен Смернов-Лазингер).

ОЧЕРКИ. СТАТЬИ. РЕЦЕНЗИИ.

АПОЛЛОН. СПб-Пг: 1909: № 1, сс. 43–53, II–20–22 (Архаизм в русской живописи /Рерих, Богаевский, Бакст/, Французская литература /Anatole France. Les sept femmes de la Barbe-Bleu et autre contes merveilleuses; André Gide. La Porte étroite/);

№ 2, сс. 1–4, II–13 (Лики творчества: Гороскоп Черубины де Габриак; Первая выставка в редакции "Аполлона");

№ 3, сс. 7–11, 23–24, 42–45 II пагин. (II) (Французская литература, гр. А.Толстой. Сорочьи сказки, Проповедь новой естественности /О романе А. Каменского "Люди"/);

1910: № 4, сс. 18–34, II–11–16 (Анри де Ренье; Лики творчества: И.Ф. Анненский-лирик);

№ 5, сс. 32–40 (Мысли о театре);

№ 9, сс. 19–28 (Предисл. к перев. поэмы П. Клоделя "Музы");

№ 12, сс. II–14–17 (Московская хроника: 1. "Карамазовы", 2. Литературные группировки);

1911: № 6, сс. 5–12 (А.С. Голубкина);

№ 7, сс. 43–62 (Клодель в Китае);

1912: № 3–4, сс. 68–90 (Апофеоз мечты и смерти /Трагедия Вилье де Лиль-Адана "Аксель" и трагедия его собственной жизни);

№ 6, сс. 5–21 (Константин Богаевский);

1913: № 5, сс. 19–28 (Эдуард Виттиг. О возможностях скульптуры);

№ 9 сс. 5–18 (М.С. Сарьян);

1914: № 4, сс. 5–7 (Памяти Н.Н. Сапунова);

№ 5, сс. 26–33 (Чему учат иконы);

1916: № 6–7, сс. 40–63 (Суриков. Материалы для биографии).

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ. Пар-НЙ-М, № 120, 1977, сс. 221–234 (Культура, искусство, памятники Крыма);

№ 136, 1982, сс. 195–202 (Россия распятая. С сокращ.).

ВЕСЫ. М: 1904: № 1, сс. 41–51 (Скелет живописи);
№ 2, сс. 42–44 (Письмо из Парижа /в дальнейш. сокращ. ПиП/: Выставка художников);
№ 3, сс. 44–46 (ПиП: Салон Независимых);
№ 4, сс. 1–4 (Одиллон Рэдон);
№ 5, сс. 33–39 (ПиП: Выставка примитивов. Национальный Салон. Исидора Денкан. Бал des Quat-z-Arts);
№ 10, сс. 42–48 (ПиП: 1. Клод Монэ. Итоги импрессионизма, 2. Англада);
№ 11, сс. 1–5, 55–59 (Магия творчества. О реализме русской литературы; ПиП: Jack London The Call of the Wild; Remy de Gourmont. Promenades littéraires...; Peladan. La dernière leçon de Léonard de Vinci a son Académie de Milan...);
№ 12, сс. 39–45, 66–67 (ПиП: Осенний салон. Слевинский. Морис Дени; Camille Mauclair. Impressionisme);

1905: № 1, сс. 30–38, 47–49 (Творчество М. В. Якунчиковой; ПиП: Россо);
№ 4, сс. 32–37 (ПиП: Выставка у Жоржа Пти);

1906: № 9, сс. 37–42 (ПиП: Национальный Салон 1906 года);

1907: № 2, сс. 74–81 (Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов /Э. Верхарн. Стихи о современности. Пер. В. Брюсова/);
№ 3, сс. 105–107 (Выставка М.В. Нестерова).

ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ. С, 1924, № 3–4, с. 36 (/Пушкин и современность/. Ответ на анкету).

ДНЕВНИКИ ПИСАТЕЛЕЙ. П.ред. Ф. К. Сологуба. П, 1914, № 1, сс. 34–40 (Блики: О наготе).

ЕЖЕГОДНИК ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ. СПб, 1910: вып. 1, сс. 56–81 (Современный французский театр: I. Основные течения); вып. 3, сс. 60–94 (Совр. франц. театр: II. Драматурги и толпа; III. Театральные трафареты; IV. Новые течения); вып. 7, сс. 153–165 ("Братья Карамазовы" в постановке Московского Художественного театра).

ЖУРНАЛ ТЕАТРА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО О-ВА. 1808–1909, № 7, сс. 23–26 (Некоторые черты французского театра: 1. Национальный театр, 2. Стыдливость духа, 3. Значение масок, 4. Создание масок).

ЗОЛОТОЕ РУНО. М: 1906: № 3, сс. 95–98 (Первая выставка Интернационального О-ва Акварелистов);
№ 4, сс. 74–75 (Карриер);
№ 10, сс. 66–72 (Индивидуализм в искусстве);

1907: № 10, сс. 24–30 (К.Ф. Богаевский);
№ 11–12, сс. 68–75 (Откровения детских игр /О ст. А. Герцык "Из мира детских игр"/);

1908: № 6, сс. 59–68 (Демоны разрушения и закона);
№ 7–9, сс. V–XII (Устремления новой французской живописи /Сезанн. Ван-Гог. Гоген/);

1909: № 11–12, сс. 55–60 (Horomedon).

КАМЕНА. Х-М-П, 1919, № 2, сс. 10–28 (Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург).

КЛИЧ. М, 1917, № 1, сс. 19–22 (Гильдия Св. Луки /Всероссийский Союз Художников/).

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА. М, 1977, № 2, сс. 183–184, в ст. В. Купченко (Запись в дневн. о Диего Ривере).

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ. Е: 1966, № 8, сс. 73–78 (М. С. Сарьян. Переп. 2 глав из А, № 9).

1977, № 6, сс. 69–70 (Отрр. из ст. "По глухим местам Испании").

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ. М, 1963, № 48, 29 ноября, сс. 16–19 (Суриков. Отд. главы).

МАСКИ. М: 1912: № 1, сс. 96–97 (Театральная летопись Москвы. Маски);
№ 2, сс. 85–87 (Театральн. летопись: Москва, Декоративное искусство, Маски);
№ 3, сс. 95–96 (Театральн. летопись: Москва);

1912–1913, № 5, сс. 1–9 (Театр и сновидение).

МЕНОРА. Ир, 1973, янв., с. 130 (Отр. из "Рассказа о генерале Н.А. Марксе").

НЕВА. Л, 1982, № 2, в ст. В. Купченко (2 отрр. из неопубл. рец. 1909 г. на повесть А.П. Иванова "Стереоскоп").

ОГОНЕК. М, 1958, № 2, сс. 15–16 (Суриков. Отр. из неопубл. книги).

ПЕРЕВАЛ. М, 1906, № 2, сс. 12–27 (Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции).

ПОИСКИ. Самиздат, М, № 3, 1978 (Поэзия и революция).

РАДУГА. К, 1966, № 3, сс. 54–94 (Суриков. Повесть /!/).

РОССИЯ. 1904, № 1 (пробн.), сс. 27–28 (Лица и маски /Письма о Парижском театре/: Рождение масок. Театр).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. М-П: 1900: № 4, с. III–123 (Повести южных берегов А. Воротникова /Без подписи – атриб. В. Купченко/);
№ 5, сс. II–193–200 (В защиту Гауптмана. По поводу перевода Бальмонта /"Ганнеле" и "Потонувший колокол"/);

1910, № 10, сс. II–133–138 (Судьба Льва Толстого);

1911: № 4, сс. II–25–27 (Анри де Ренье);
№ 5, сс. III–25–32, и № 6, сс. III–25–31 (Художественные итоги зимы 1910–1911 года /Москва/).

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ. СПб: 1911: № 1, сс. 5–15 (Выставки: Акварельная, "Бубновый валет". ; Театры: "Miserere" С. Юшкевича на сцене Художественного театра; Литературная жизнь);
№ 2, сс. 27–28 (Картина Малявина в "Союзе");
№ 3, сс. 47–48 (Театр /"Miserere" С. Юшкевича/);
№ 4, сс. 62–64 (Товарищество московских художников);
№ 5, сс. 79–82 (Выставки: Независимые; Театры: Незлобина, Малый, Художественно-литературный кружок; Лекции: О Литературной богеме);
№ 6, сс. 96–98 (Художественная жизнь: "Ночь в Испании" – декорации П. Кончаловского; Античные танцы в студии Е.И. Ребенек /Книппер/); Театры: Незлобина);
№ 8, сс. 127–128 (Театры: "У жизни в лапах" на сцене Московского Художественного театра; Танцы);
№ 9, сс. 144–147 (Театры: "La dame aux camelias" на сцене театра Незлобина. Возобновление "Горя от ума" в Малом театре);

1912, № 7, сс. 105–109 (Москва. Художественная жизнь. Ослиный хвост. Театры. "Гамлет" на сцене Художественного театра. Малый театр).

РУСЬ. Еженед. прилож. к газ. "Русь". СПб, 1907, № 1 (Верхарн).

Записи устных рассказов Волошина

АВРОРА, Л, 1974, № 9, сс. 61–63, в воспомин. Вс. Рождественского (/Королевская лилия/).

ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ

АПОЛЛОН. СПб, 1910, № 4, сс. 20, 21 (Малларме. "О, зеркало, холодная вода"; Анри де Ренье: "Нет у меня ничего", "Приляг на отмели" – в ст. "Анри де Ренье");
№ 9, сс. 29–40 (Поль Клодель. Музы).

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ. СПб, 1909, № 4, с. 638 (Малларме. "О, зеркало, холодная вода").

КРАСНАЯ НОВЬ. М, 1923, № 2, сс. 132–134 (В. Хюго. /!/ Из кн. "Страшный год – 1871": 1. Расстрелянные, 2. На баррикаде).

КРАСНОЕ ЗНАМЯ. 1917, № 3–4, сс. 62–70 (Э. Верхарн: Толпа, Душа города, Завоевание).

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ. Т, 1972, № 10, с. 96 (А. де Ренье: "Нет у меня ничего", "Приляг на отмели").

РАДЯНСЬКЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО. К, 1977, № 3 (Верлен. "Стон и рыданья").

РУССКАЯ МЫСЛЬ. М-Пг, 1917, № 2, сс. 121–126 (Верхарн: Дерево, Любовь, Статуя).

ПЕРЕВОДЫ В ПРОЗЕ

АПОЛЛОН. СПб, 1910, № 6, сс. 3–49 (А. де Ренье. Рассказы о маркизе д'Америкер).

ВЕСЫ. М, 1904, № 4, сс. 5–16 (Рэдон о себе, Современники о Рэдоне).

ПИСЬМА

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ. М: 1977, № 7, с. 272, в ст. В. Ивановой (Отрр. из писем к А.М. Петровой, 1900);

1980, № 12, сс. 227, 230, в ст. В. Вдовина (Отрр. из писем: к М.О.Цетлину, не поздн. 24 апр. 1916; к С.А. Толстой-Есениной, 3 янв. и 19 марта 1926).

ВРЕМЯ И МЫ. Ир, 1978 (Публик. Э. Сотниковой): № 27, сс. 184–204 (Письма к: М.С. Цетлин: 10 мая, 9 и 21 сент. 1917; М.О. Цетлину, 14 авг. 1917; Я.А. Глотову, 26 авг. 1917; Ю.Л. Оболенской: 30 авг., 20 окт. и 15 ноября 1917; А.М. Петровой: 4 сент. и 27 окт. 1917);

№ 28, сс. 185–210 (Письма к: М. С. Цетлин, 22 ноября 1917; Е. П. Летковой-Султановой: б. даты, 27 ноября 1917; А.Н. Толстому, 27 ноября 1917; И. Г. Эренбургу: б. даты, 29 ноября 1917; А. М. Петровой, 10 мая 1918; Ю. Л. Оболенской, 2 июня 1918; Я. А. Глотову: 4 сент. и 18 окт. 1919; А.В. Гольштейн, 10 сент. 1920; В.В. Вересаеву, 2 апр. 1923; Б. Талю, 12 янв. 1924; С.З. Федорченко, 25 ноября 1925).

ДРУЖБА НАРОДОВ. М, 1977, № 5, в ст. А. Маркова (Отрр. из писем к: Е. И. Шамурину, янв. 1925; М. С. и М. О. Цетлиным, 1915).

ЗВЕЗДА. Л, 1977, № 5, с. 187, в ст. А. Полканова, с. 193, в ст. С. Гречишкина и А. Лаврова (Отрр. из писем к: А. И. Полканову, 1921, и Андр. Белому, 15 ноября 1924).

ИСКУССТВО. М, 1979, № 9, сс. 65–66 (Письма к К. Ф. Богаевскому: 7 марта /дарст. надп./, 21 окт. 1910, ноябрь 1923 и 8 дек. 1927 – в ст. В. Купченко).

КРАСНАЯ НОВЬ. М, 1924, № 1, сс. 311–312 (Письмо в редакцию).

ЛИТЕРАТУРНАЯ АРМЕНИЯ. Е, 1968, № 7, в ст. М. Цветаевой (Письмо к М.И. Цветаевой, ноябрь 1920, в ее пересказе).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. М, 1983, № 1 (Отрр. из писем к: матери: кон. 1908 и 19 марта 1916; общей с семьей А.Н. и С. И. Толстых знакомой, 17 дек. 1909; А.Н. и С.И. Толстым, сент. 1911; вст. зам., публик. и комм. В.П. Купченко).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК. Л, 1940, № 5–6, с. 211, в ст. Е. Малкиной (Отрр. из писем к И.Ф. Анненскому).

НЕВА. Л, 1982, № 2, в ст. В. Купченко (Отрр. из писем к: М. В. Сабашниковой: 24 сент. и 3 дек. 1906; матери: б. даты и 24 окт. 1906; А. М. Петровой: 17 дек. 1909 и янв. 1910; Е. И. Васильевой

/Дмитриевой/, 1923; А. П. Остроумовой-Лебедевой: 16 ноября 1924, 25 ноября 1925 и 24 апр. 1926; отр. из заявления 1931 о приеме в Лениградск. отд. Литер. Фонда).

НОВЫЙ ЖУРНАЛ. НЙ, № 39, 1954, сс. 134–135 (Письма: к кн. А.К. Шервашидзе, 5 апр. 1920, и кн. Н.И. Бутковской-Шервашидзе, 1924).

НОВЫЙ МИР. М, 1977, № 2, с. 235 (Отр. из письма к матери, 25 ноября 1911).

ОГОНЕК. М, 1977, № 22, май, с. 24 (Отр. из письма к А. М. Петровой, 24 февр. 1898);

1980, № 37, с. 19, в ст. В. Купченко (Отрр. из писем: к И.И. Евдокимову, апр. 1932; к Л.М. Леонову, б. даты).

РАДУГА. К, 1977, № 6, сс. 149–157, в ст. И. Куприянова (Письма к В. Я. Брюсову: апр. 1903, сент. 1904, 10 окт. 1908 и 11 окт. 1904).

РАДЯНСЬКЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО. К. В стт. И. Куприянова: 1970, № 5, с. 46, 47, 48, 52 (Отрр. из писем к: матери, 13 авг. 1915; М. С. Цетлин, 15 сент. 1918; А. М. Пешковскому: нач. 1918, 23 дек. 1923; Л.А. Недоброво, 17 авг. 1919);

1974, № 2, с. 84 (Отр. из письма к В. Я. Брюсову, 1 ноября 1903, и письмо к нему 7 дек. 1907);

№ 7, сс. 67, 74, 73 (Отрр. из писем к: В.Я. Брюсову, дек. 1908; А. Н. и С. И. Толстым, сент. 1911; А. М. Петровой, 30 апр. 1912; матери, 15 февр. 1915);

1976, № 1, сс. 77–79 (Отрр. из писем к А. М. Петровой: 9/21 янв. 1900 и 7/19 апр. 1900; письмо к М. Горькому, 15 дек. 1906; письмо к матери, 10 мая 1901);

1978, № 12, сс. 73–79 (Письма к В. Я. Брюсову: 14 окт. 1903, 17, 26 и 31 янв. 1904);

1983, № 1, с. 61 (Отр. из письма к А. М. Ремизову, б. даты /кон. сент. или начало окт. 1908/).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Л, 1976, № 2, сс. 144, 145–146, 148, 149, 150, в ст. Вл. Купченко (Письмо к М. Горькому, 15 дек. 1906; отрр. из писем к: матери, 23 мая 1901; А. М. Петровой, 27 дек. 1899

/9 янв. 1900, 16 авг. 1917; М.О. Цетлину, 14 авг. 1917; Ю.Л. Оболенской: 30 авг. и 24 сент. 1917; Ю. Львовой, 18 сент. 1917; М.В. Сабашниковой, 26 сент. 1917).

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ. Пар, № 53, 1933, в ст. М. Цветаевой (Письмо к ней, ноябрь 1920, в ее пересказе).

ШАХМАТЫ В СССР. М, 1978, № 1, с. 17, в ст. В. Купченко (Отр. из письма к К.И. Чуковскому, 20 ноября 1923).

Дарственные надписи на книгах и акварелях

ДАУГАВА. Рига, 1979, № 3, с. 120, в ст. В. Купченко (М.С. Волошиной на кн. "Стихотворения. 1900–1910", ноябрь 1927).

ДРУЖБА НАРОДОВ. М, 1975, № 7, с. 283, в ст. А. Маркова (Е.И. Дмитриевой-Васильевой на кн. "Лики творчества", 11 янв. 1914).

ИСКУССТВО. М, 1979, № 9, с. 65, в ст. В. Купченко (К.Ф. Богаевскому на кн. "Стихотворения. 1900–1910", 7 марта 1910).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Л, 1974, №4, с. 152, в ст. Чеботаревой (М.А. Булгакову на аквар., 5 июля 1925).

АКВАРЕЛИ И РИСУНКИ

В МИРЕ КНИГ. М, 1977, № 5, с. 21 ("Ртутный отблеск...").

ВЕСЫ. М, 1904: рис. в №№ 1, с. 40; 2, с. 38; 3, сс. 9, 16, 32; 8, с. 29 ("В горах"); 9, с. 35.

ВРЕМЯ И МЫ. Ир, 1978, № 27, сс. 196–197 ("Молчат в предвечернем покое", "Тяжелый шрифт земли").

ДРУЖБА НАРОДОВ. М, 1977, № 5 ("Стеклянная прозрачность...", "Осенней четкостью зеленых янтарей"; "Заливы гулкие...").

ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ. М, 1972, № 2 (Лунный танец, 1925, Солнце, 1926).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ. М: 1971, № 49, 3 дек., с. 15 ("Лунный танец").

1977, № 22, 27 мая ("Заливы гулкие...").

ОГОНЕК. М, 1977, № 22, май, сс. 24–25 (Киммерия, Скалы, Залив, Коктебель).

ОТЧИЗНА. 1982, № 1, с. 48 (Каллиера).

L'ELAN. Paris. Red. Amedée Ozenfant. 1915: № 2, 1/V, p. 9 ("Les russes bombardent le fort Hissar");
№ 5, 15/VI (Les Zeppelins sur Paris);
№ 6, 1/VII (рис.).

ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ

БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ. Утр. вып. Пг: 1915: 5/18 апр. (Путями усталости /"Я верен темному завету"/); 2-е изд. – 8/21 апр.;
3/16 мая (Встречной /"Обманите меня"/); 2-е изд. – 18 июня/1 июля;
25 дек. /7 янв. 1916 (Грехопадение /"Замер дух..."/);

1916, 3/16 апр. (Бирюза /"Кость сожженных..."/).

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД. Л, 28 авг. 1965, в ст. "Макс. Волошин" ("Опять бреду, я босоногий").

ВЛАСТЬ НАРОДА. М, 1917, 28 июля (России /"Враждующих скорбный гений").

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ. М, 19 мая 1977. Листовка-приглашение на вечер, посв. 100-летию со дня рожд. М.А. Волошина (Поэту /"Править поэму..."/).

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. СПб, 1906: 5/18 апр. (В цирке);
26 июня/9 июля (Голова принцессы де Ламбаль);
29 июня/12 июля (Ангел Мщенья).

КЕРЧЕНСКО-ФЕОДОСИЙСКИЙ КУРЬЕР. Фд, 1913: 2 марта (Старые письма);
5 марта (В цирке);
6 марта (Ночь /"Зеленый вал отпрянул"/);
10 марта (Смерть /"Вьются ввысь прозрачные ступени"/);
17 марта (Боль /"Я ждал страданья столько лет"/);

24 марта (Сквозь ночь /"Я шел сквозь ночь"/) ;
5 апр. (Весною /Париж, 8/) ;
14 апр. (Кастаньеты) .

КРАСНАЯ ГАЗЕТА. Пг, 1921, 6 апр. (Неопалимая Купина) .

КРАСНЫЙ КРЫМ. Сф: 1921, 30 апр. (La semaine sanglante /Красная Пасха/) ;

1922, 2 ноября (Отр. из стих. "Китеж" /"Усобицы кромсали Русь ножами"/) .

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М, 1 июня 1977, в ст. С. Наровчатова (Отр. из "Неопалимой Купины", надп. на аквар. "В часы заката...") .

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ к газете "НАКАНУНЕ". Б: 1922: № 13, 13 авг., с. 1 (Памяти А. Блока /"Готовность" и "На дне преисподней", соединенн. в одно стих./) ;

1923, № 36, 20 янв., с. 1–2 (На вокзале, Пустыня, /"И я был сослан..."/, Посев /"Как земледел..."/) ;
№ 37, 28 янв., с. 2 (Карадаг, "Ветер с неба хлопья облак вытер", "Сквозь облак тяжелые свитки", "Опять бреду я, босоногий") ;
№ 40, 18 февр., с. 1 (Русь /"В деревнях погорелых..."/) .

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР. НЙ, 1981, № 1, с. 27 (Русь гулящая, Плаванье) .

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. Южно-Сахалинск, 1967, 5 авг. (Россия /"Кто ты, Россия?"/) .

МОРЯК. О, 1922, 8 июля (Черноморский переход /Бегство/) .

МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА. М, 1911, 6 сент. ("Я, полуднем объятый") .

МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ. М, 1916, 29 дек./11 янв. 1917 ("Акрополи в лучах вечерней славы" – в ст.: Один из публики. По выставкам) .

НА БОРЬБУ С ГОЛОДОМ! Однодневн. газета. Фд, 1 янв. 1922 (Стенькин суд, Скифское Поле /Дикое Поле/) .

НОВАЯ ГАЗЕТА. НЙ, 1982, 2–10 сент. (Святая Русь, Мир) .

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО. НЙ: 1951, 12 авг. (На вокзале) ;
1952, 27 янв. (Председатель /Большевик/) ;

1953, 8 ноября (Мир, Святая Русь);
1972, 12 марта (Владимирская Богоматерь);
1976, 22 сент., в ст. Т.Н. Тарыдиной ("Там у моря есть дом");
1977: 29 мая (Отр. из "Китежа");
6 ноября (Заклятие /"Из крови..."/, Ангел Мщенья);
1978, 15 окт. (2 отр. из "Повести временных лет", Революция /"Она мне грезилась"/);
1979, 1 июля, в ст. А. Бахраха ("Вышел незванным");
1982, 15 авг. (Святая Русь, На дне преисподней).

НОВОЕ СЛОВО. Б, 1944, 17 сент. (Святая Русь, Заклятье /"Из крови..."/, Москва).

ОКО. СПб, 1906, 6/19 окт. (Акрополь, "Весна" Миллэ).

ПОБЕДА. Фд: 1972, 5 июня, в ст. В. Купченко (Сурп-Хач /"Лес высокий и тенистый"/);

1977: 21 янв., в ст. В. Купченко (Сибирской 30-й дивизии);
26 февр., в ст. В. Купченко ("Землетрясенье, голод и расстрелы");
28 мая (Другу: "Сквозь сеть алмазную", "Мы, столь различные душою", "В зеленых сумерках");
2 июня, в ст. А. Богдановой ("Волна шуршит о Коктебельский берег").

ПУТЬ ИЛЬИЧА. Дмитров, 1969, 22 марта, публ. М. Сахаровой (Дом Поэта, с цензурн. пропусками, "Эти пределы священны уж тем").

РЕЧЬ. СПб, Рождественск. прилож. к газ. 1906, 25 дек/7 янв. 1907 (Вослед /"Мысли поют: Мы устали"/).

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. 1907, 5/18 февр. (Море /"И день и ночь шумит угрюмо"/).

РОССИЯ И СЛАВЯНСТВО. Пар, 1932, 20 авг. (Из "Стихов о терроре", На дне преисподней).

РУЛЬ. Б: 1920: № 1 (Стихи о революции);
№ 20 (Неопалимая Купина);
№ 28 (Стенькин суд).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар, 1979, 22 ноября (А. Герцык /"Лгать не могла"/).

РУССКИЙ ТУРКЕСТАН. Ташкент, 1901: 1 янв. ("Какое величье! Подобный размах", "Его судьбой толпа играла", "Он слил в нем лучшее", "Они совсем не замечали", "Кругом монументы богатых мещан", "К ногам возлюбленной Свободы" – фрагм. из поэмы (неоконч.) "XIX век", в очерке в прозе "Эпилог XIX века");
28 янв. ("Душно в комнате! Как только", "Слегка выделяясь, во мраке видны", "На Дунае" – все в "Листках из записной книжки");
4 февр. ("Стемнело... И черные тени");
9 февр. ("Уж поздно под вечер приехал я в Кельн");
2 марта ("Ухожу от вас я в горы" – в "Листках из зап. книжки", Многим);
18 марта ("И вот я свободен! Весь мир предо мной" – в "Листках из зап. книжки");
25 марта ("Что вы песни мои над душою моей");
1 апр. (Вечер /"Уж давно закат усталый"/);
8 апр. (Сократ перед судом /"Мужи афиняне! Пред вами"/).

РУСЬ. СПб: 1905: 1/14 янв. (Истина /"Под белой тканью покрывала"/);
14/27 авг. (Предвестия);
1906: 1/14 ноября (Париж, 8);
25 дек./7 янв. 1907 (В мастерской);
1907, 25 дек./7 янв. 1908 ("Зеленый вал отпрянул", "Сердце мира, солнце Алкиана");
1908, 1/14 янв. ("Над горестной землей", Эпилог /"Тихо, грустно..."/).

РУСЬ. Изд. О-ва политзаключенных в СССР. НЙ, 15 мая 1952 (Неопалимая Купина).

СЛОВУ – СВОБОДА! 1917, 10 дек. (Святая Русь, Бонапарт /"Париж в огне"/, Мир, Март /1917/, /"В Москве на Красной площади"/).

ОЧЕРКИ. СТАТЬИ. РЕЦЕНЗИИ

БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ. Утр. вып. Пг: 1915: 15 мая (Париж и война /в дальнейш. сокращ.: ПиВ/: Поколение 1914 года);
18 июня (ПиВ: Литература в 1915 году);
26 июня (ПиВ: Жертвы);
9 июля (Год назад);
7 авг. (ПиВ: "Адские войны");
17 авг. (ПиВ: Верхарн);
18 сент. (ПиВ: Гробница поэта);

19 окт. (ПиВ: Маленькие недосмотры);
7 дек. (ПиВ: Reprise des affaires);

1916: 2 февр. (ПиВ: Последний смотр);
25 февр. (ПиВ: Русский балет);
3/16 марта (ПиВ: Цеппелины над Парижем);
19 мая/1 июня (Франция и война);

1917, 6/19 янв. (Эмиль Верхарн).

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. СПб: 1906: 28 апр./11 мая (Дневник Людовика XVIII);
5/18 июня (Письмо из Парижа: Весенние салоны 1906 года);
14/27 июня (Багатель);
30 июня/13 июля (Гильотина, как филантропическое движение);
18/31 июля (Дело Дрейфуса).

КУРЬЕР. М, 1901, 8/21 сент. (Новая книга Октава Мирбо).

МОЛВА. СПб, 1905, 29 дек./11 янв. 1906. (Парижские театры. Théâtre de Grand Guignol).

МОЛОДАЯ ЖИЗНЬ. 1906, 18 дек. ("Коринфское чудо" /Пьеса А. Косоротова/).

МОСКОВСКАЯ ВЕСТЬ. М: 1911: 19 сент. (Письмо из Парижа /в дальн. – ПиП/: Liberté);
26 сент. (ПиП: Святилище мод);
3 окт. (ПиП: Все мы будем раздавлены автомобилями);
10 окт. (ПиП: Мужские моды);
17 окт. (ПиП: Салон мебели);
31 окт. (Достоевский во Франции).

МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА. М, 1911. Письма из Парижа: 17 сент. ("Войны мы не хотим");
20 сент. (Бунт машин);
23 сент. (Девятая тризна);
27 сент. (Обед в 200 миллионов);
28 сент. (Выставки Парижа);
29 сент. (Кубисты);
2 окт. (Гений головокружения);
4 окт. (Анри де Гру);
12 окт. (Грядущая Ева и Эдисон /Роман Вилье де Лиль-Адана/);
14 окт. (Междоусобия в Удже);
16 окт. (Катехизис международной морали);

20 окт. (Театр апашей. Турне нового свободного театра);
21 окт. (Марсель Ленуар);
23 окт. ("Маленькое кафе" /О комедии Т. Бернара/);
25 окт. (Осенний Салон);
26 окт. (Памятник Бетховену /Работы Шармуа/);
27 окт. (Джиоконда на аэроплане);
8 ноября (Танцы в Париже);
9 ноября (Серия катастроф);
10 ноября (1. Сербский король в Париже, 2. Луи Фуллер и Айседора Дункан);
13 ноября (Забытый мастер /О французском гравере Брездене/);
14 ноября (Madame Adan о Льве Толстом);
21 и 22 ноября (Монтрейльская катастрофа; 22 ноября и "Дело о торговле малолетними").

НОВАЯ РУСЬ. СПб: 1908: 19 авг./1 сент. (Президент Фальер и смертная казнь);
10/23 сент. (Выставка Гастона Латуша);

1909: 5/18 февр. (Картинные выставки. "Салон");
7/20 марта (/Заметка о журнале "Весы"/. Б. подп. Атриб. В. Купченко).

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО. НЙ, 1964, 25 и 26 февр. (Суриков. 3 главы из книги /перепеч. из "Литер. России", 1963, № 48/).

ОКО. СПб: 1906: 8/21 авг. (Революционный Париж);
11/24 авг. (Во времена революции);
22 авг/4 сент. (Тайная доктрина средневекового искусства);
28 сент./11 окт. (Разговор);
5/18 окт. (Гибель Робинзонова острова);
7/20 окт. ("Горе от ума" на сцене Московского Художественного театра).

ПОБЕДА. Фд. 1976, 11 марта, в ст. В. Купченко (/Выступл. Волошина на боготворит. спектакле в пользу пострадавших от наводнения в Париже 25 февр. 1910 г. – Отр./);

1979, 21 авг, в ст. В. Купченко (Запись в дневнике от 20 сент. 1907).

РЕЧЬ. Пг: 1916: 25 мая/7 июня (Шарль Пеги);
13/26 июня (Суриков /отр./);
31 окт./13 ноября (Илья Эренбург – поэт);

1917: 1/14 янв. (Судьба Верхарна);
4/17 июня (Голоса поэтов /София Парнок. Стихотворения. Осип Мандельштам. Камень. 1916/).

РУССКАЯ МОЛВА. СПб, 1913, 15/28 марта (Русская трагедия возникнет из Достоевского).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар: 1982, 2, 9, 16 и 23 сент. (Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург);

1983: 24 февр. и 3 марта (Творчество М. Якунчиковой; перепеч. из "Весов").

РУССКИЙ ТУРКЕСТАН. Ташкент: 1900, 1 окт. (В Обер-Аммергау /Из странствий/);

1901: 1 и 3 янв. (Эпилог XIX века);
28 янв., 9 и 16 февр., 2 и 18 марта (Листки из записной книжки);
31 янв. (Беклин /3 янв. 1901/);
11 апр. (Гауптман и его "Потонувший колокол" /"У большой публики"/);
19 авг. (Бой быков. Севилья, июль 1901 года).

РУССКОЕ СЛОВО. М, 1903, 13 дек. (Памяти В.Н. Герарда).

РУСЬ. СПб: 1904: 12/25 апр. (Парижские салоны. Société Nationale des Beaux Arts);
22 апр./5 мая (Весенний праздник тела и пляски /Bal des Quat-z-Arts/);
3/16 и 4/17 мая (Парижские салоны 1904 года. Salon des artistes français);
7/20 мая (Айседора Донкан);
25 мая/7 июня (Анатоль Франс. Crainquebille, Putois. Riquet et plusieurs récits profitables...);
11/24 июня (Union des Artistes Russes. Русская кустарная выставка в Париже);
15/28 июня (Вопросы современной эстетики. I. Железо в архитектуре. II. Современная одежда /R. Sizeranne. Les questions esthétiques contemporaines.../);
8/21 ноября (Серпантин Парижа. Осенние цветы – осенняя живопись. Одилон Рэдон. Карьер);
13/26 ноября (Осенний Салон. II. Сезанн. Тулуз Лотрек. Ренуар. Пювис де Шаван);
15/28 ноября (Осенний Салон. III. Школа Клода Монэ и Гюстава Моро. Группа "десяти". Слевинский);

11/24 дек. (Осенний Салон. IV. Tutti quanti. Скульптура);

1905: 2/15 февр. (Серпантин Парижа. Théâtre Palais-Royale. "Le Chopin", pièce en 3 actes);
7/20 февр. (Театр "L'Oeuvre");
10/23 февр. ("La Massière", comédie de Jules Lemaitre);
17 февр./2 марта (Серпантин Парижа. Выставка интимистов);
18 февр./3 марта (Серпантин Парижа. Салон ориенталистов);
19 февр./4 марта (Серпантин Парижа. Избрание королевы Центрального рынка);
26 февр./11 марта (Серпантин Парижа. Gallerie Druet. Выставка Шарля Герена);
7/20 марта (Парижский карнавал);
8/21 марта ("Обозрения" /Folies Bergéres/);
17/30 марта (Смерть Жюля Верна);
18/31 марта (Вернисаж Салона Независимых. Ван-Гог);
20 апр./3 мая ("Le Passé vivant". Новый роман Анри де Ренье);
8/21 мая (Парижские театры. Théâtre des Varièté s. "L'âge d'or", pièce de George Feydeau);
11/24 мая (Весенние салоны: Salon National des Beaux Arts. Живопись);
14/27 мая (Среди парижских художников. "Bal Callot" и "Bal des Quat-z-Arts");
12/25 авг. (Письмо из Парижа. /О вечере Анни Безант и о закрытии "Русской школы социальных наук"/);
13/26 авг. (Письмо из Парижа. Литературные банкеты. /Журнала/ "La Plume");
23 авг./ 5 сент. (На германской службе /Роман Мориса Баррэса/);
8/21 сент. (Парижские театры. Théâtre du Gymnase. "Les Messieurs" /пьеса Жоржа Ансея/);
10/23 сент. (В Париже);
17/30 сент. (Парижские театры. Théâtre de l'Athenée. "Coeur de Moineau", comédie de M. Louis Artus);
24 сент./7 окт. (Парижские театры. Moulin Rouge: "La Mariska" – Balletpantomime par Jean Lorrain. Théâtre Nouveautés: "Dix minutes d'arret", pièce de George Duval);

1906: 20 февр./5 марта (Парижские театры. Théâtre Renaissance: "Les Hannetons", pièce du Jacques Brieux; "Au petit bonheur", pièce en 1 acte de A. France);
9/22 дек. (Лики Творчества /в дальн. сокращ. ЛТ/: I. Театр – сонное видение. II. "Сестра Беатриса" в постановке театра В.Ф. Комиссаржевской);
19 дек./1 янв. 1907 (ЛТ: "Ярь". Стихотворения Сергея Городецкого);

22 дек./4 янв. (ЛТ: "Александрийские песни" М. Кузмина /"Весы", июль 1906/) ;
28 дек./10 янв. (ЛТ: "Эрос" Вячеслава Иванова) ;

1907: 5/18 янв. (ЛТ: "Стихотворения" Ивана Бунина. 1903–1906) ;
2/15 февр. (ЛТ: О театре /Разговор после представления "Бранд-та" в Московском Художественном театре/) ;
16 февр./1 марта (ЛТ: "Елеазар", рассказ Леонида Андреева /"Золотое Руно"/) ;
17/30 марта (ЛТ: О русской живописи на выставках этого сезона) ;
5/18 апр. (ЛТ: VI. Алексей Ремизов. "Посолонь") ;
11/24 апр. (ЛТ: Александр Блок. "Нечаянная Радость") ;
26 апр./9 мая (ЛТ: X. Кн. А. М. Урусов. Его статьи, письма и воспоминания о нем) ;
14/27 июня (ЛТ: Федор Сологуб. "Дар мудрых пчел". Трагедия /"Золотое Руно"/) ;
19 июня/2 июля (Некто в сером. "Жизнь человека" Леонида Андреева /Альм. "Шиповник"/. "Иуда Искариот и другие" – его же /Сборник "Знания", кн. XVI/) ;
30 июня/13 июля (ЛТ: Реми де Гурмон) ;
11/24 дек. ("Борис Годунов" на сцене Московского Художественного театра) ;
19 дек./1 янв. 1908 (ЛТ: Леонид Андреев и Федор Сологуб. Альм. "Шиповник", кн. III /"Тьма" Л. Андреева; "Навьи чары", ч. I, Ф. Сологуба/) ;
22 дек./4 янв. (ЛТ: Поль Верлэн. Стихи, избранные и переведенные Ф. Сологубом. 1908) ;
29 дек./11 янв. (ЛТ: Валерий Брюсов. Пути и перепутья. Т. 1, 1908) ;

1908: 22 янв./4 февр. (ЛТ: Город в поэзии Валерия Брюсова) ;
24 февр./8 марта (Золотой век. Картины Богаевского и танцы детей Айседоры /Денкан/) ;
5/18 марта (Русская живопись в 1908 году. "Союз" и "Новое об-во") ;
11/24 марта (Комната, в которой умер Пушкин) ;
17/30 марта (Блики. Выставка детских рисунков Борисова-Мусатова. Врубель) ;
27 марта/9 апр. (Книги и писатели /Г. Флобер. Искушение Св. Антония/) ;
29 марта/11 апр. (Русская живопись в 1908 году. /Группа художников/ "Венок") ;
9/22 апр. (Похвала моралистам) ;

23 мая/5 июня (ЛТ: Вилье де Лиль-Адан);
8/21 июня ("Борис Годунов" в Парижской опере);
18 июня/1 июля (Парижские салоны 1908 года. Национальный Салон).

СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО. М, 1937, 11 янв. (Детство и юность Сурикова. Суриков о своих картинах /по записям М. Волошина/).

СТОЛИЧНАЯ МОЛВА. СПб, 1911, 12 апр. (/Московские художники о трагедии К. Крыжицкого/. Ответ на анкету).

ТЕАТРАЛЬНАЯ РОССИЯ. М, 1905, № 1 /помеч. 11 дек. 1904 – пробн. №/ (Рождение масок /Письма о парижском театре/).

УТРО РОССИИ. М: 1910: 22 окт. (Имел ли Художественный театр право инсценировать "Братьев Карамазовых"? – Имел);
23 окт. (Выставка ученических работ в школе Рерберга /на Мясницкой/);
28 окт. ("Вечный Адам" /Посмертная повесть Жюля Верна/);
9 ноября (Об искусстве актеров /По поводу лекции кн. С. Волконского в Художественном театре/);
23 ноября (Каким должен быть памятник Толстому?);
11 дек. (Женская поэзия /Марина Цветаева. Вечерний альбом.../);
15 дек. (Закон и нравы. /Из жизни Запада/);

1911: 5 февр. (О модных позах и трафаретах. Стихи г. Игоря Северянина и г-жи Марии Папер);
12 февр. (Позы и трафареты /Стихи Э. И. Штейна и Ильи Эренбурга/);
29 марта (О смысле танца /В московской студии Е. Рабенек /Книппер//);
5 апр. (О неврастении /Ответ г. Лопатину/);
28 мая (Поэты русского склада /А. Н. Толстой. За синими реками. С. Клычков. Песни/);

1912: 8 марта (Танцы Рабенек/Е. Книппер/);
11 марта ("Зарево зорь" /О кн. К. Бальмонта в связи с 25-летним юбилеем его литер. деятельности/);
21 июля (Итоги П. Д. Боборыкина /П. Боборыкин. Столицы мира.../);

1913: 19 янв. (О смысле катастрофы, постигшей картину Репина);
26 янв. (Екатерина Федоровна Юнге /Некролог/).

L'EUROPEEN. COURRIER INTERNATIONAL HEBDOMADAIRE. Paris, № 169, 11/II 1905 (La semaine sanglante à Saint-Petersbourg. Récit d'un témoin).

Статьи, сохранившиеся в вырезках в Доме-музее М.А. Волошина, но из каких они извлечены газет или журналов – не установлено

1. Венок из фиговых листьев; 2. Национальный праздник в Париже; 3. Неврастения – это исключительно городская болезнь; 4. "L'Escalade" Мориса Донна. Théâtre Renaissance.

Статьи 1919 г., упоминаемые в "Воспоминаниях" И.А. Бунина, но не найденные

1. Пути России; 2. Самогон крови.

Интервью

МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА. М, 1911, 11 марта (Макс Волошин о своей брошюре /О Репине/. Беседу вел Е. Бернштейн).

Официальный документ

БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ. Пг, веч. вып, 1914, 2/15 июля, в ст. б. под. "Волошин и исправник" (/Объяснение, присланное в уездную полицию г. Феодосии/).

ГОЛОС МОСКВЫ. М, 1914, 9/22 июля, в ст. б. под. "Очередной "трюк" поэта Волошина" (То же, что и в "Бирж. Вед.").

Публичные выступления Волошина – в изложении репортеров (с цитатами)

Без подписи. Похороны В.К. Виноградова. "Крымский Вестник", 23 сент. 1894 /о выступл. ученика гимназии М. Кириенко со стихами памяти Виноградова/.

–"– В партии Народной Свободы. РСл, 6/19 окт. 1906 /О предстоящ. лекции "Пророки и мстители – предвестники Великой французской революциии" в Лит.-худ. кружке/.

–"– /Программа предстоящей лекции М. Волошина "Аполлон и мышь" (Творчество Анри де Ренье) в "Салоне"/. "Нов. Русь", 28 февр./ 13 марта 1909.

Без подписи. Зеленая скука (Лекция М. Волошина /в Лит.-худ. кружке/) . РСл, 22 марта 1909.

–"– Литературные новости. "Новая Русь", 15/28 дек. 1909 /излож. доклада В. о современном театре в литер. кружке Н. Дризена/.

–"– Реферат В. Я. Брюсова о романтизме /в Лит.-худ. кружке/) "Русские Ведомости", 3 дек. 1910 /выст. Волошина/.

–"– /О предстоящих лекциях М. Волошина "Братья Карамазовы" и "Вершины современного искусства"/. "Нижегородский Листок", 13 дек. 1910.

–"– В Литературно-художественном кружке. "Русские Ведомости", 22 дек. 1910 /обсуждение вопроса об отношении искусства к действительности/.

–"– Вечер литераторов /в Лит.-худ. кружке/. "Русские Ведомости", 15 янв. 1911.

–"– Лекции М. Волошина /в Нижнем Новгороде о "Братьях Карамазовых" и о новой живописи/. "Волгарь", 20 янв. 1911.

–"– "Братья Карамазовы" и Эдип (Из лекции М. Волошина). "Нижегородский Листок", 22 янв. 1911.

–"– В Литературно-Художественном кружке. "Русские Ведомости", 26 янв. 1911.

–"– "Беседа о пошлости" /М. Криницкого, в Политехнич. музее/. "Русск. Ведомости", 25 февр. 1911.

–"– Спор об искусстве /На диспуте о-ва художн. "Бубновый валет"/. УР, 14 февр. 1912.

–"– Бубновый валет. ГМ, 22 февр. 1922 /то же/.

–"– О втором диспуте о-ва художников "Бубновый валет". "Русские Ведомости", 26 февр. 1912.

–"– На диспуте "Бубнового валета". РаУ, 26 февр. 1912.

–"– О-во любителей российской словесности. РаУ, 22 апр. 1912.

Без подписи. /О выступл. М. Волошина на "Вечере гармонии слова и жеста"/. "Крымск. Курортный Листок", прилож. к газ. "Южные Ведомости", Евпатория, 18 июля 1912.

–"– "Бубновые валеты". РСл, 13/26 февр. 1913 /О выступл. В. на диспуте в об-ве художников "Бубновый валет" по поводу картины Репина/.

–"– "Бубновый валет" и картина Репина. "Русск. Молва", 13/26 февр. 1913.

–"– Диспут "Бубновых валетов" (Вчера в Политехническом музее) . РаУ, 13 февр. 1913.

–"– Диспут о картине Репина. "Русские Ведомости", 13 февр. 1913.

–"– И.Е. Репин у "Бубновых валетов". УР, 13 февр. 1913.

–"– Не по разуму. "Театр", 13 февр. 1913, сс. 9–10.

–"– К пребыванию И.Е. Репина в Москве. "Московск. Листок", 15 февр. 1913.

–"– Диспут о театре. РаУ, 15 февр. 1913 /выступл. В. на диспуте о театре в Политехн. музее/.

–"– Кризис театра. "Русск. Ведомости", 15 февр. 1915 /то же/.

–"– Кризис театра. РСл, 15/28 февр. 1913 /то же/.

–"– "Долой Репина". "Приазовский Край", 19 февр. 1913.

–"– "Бубновые валеты". РСл, 26 февр./11 марта 1913 /о картине Репина/.

–"– Художественная хроника. "Русск. Молва", 3/16 марта 1913 /то же/.

–"– Лекции М. Волошина о В. Сурикове и "Жестокость в жизни и ужасное в литературе". "Крымск. Вестник", 29 окт. 1916.

–"– Лекция поэта М. Волошина /"Жестокость в жизни и ужасное в искусстве" в Лит.-худ. о-ве/ "Южн. Ведомости", 1 ноября 1916.

–"– Лекция М. А. Волошина в Феодосийском Литературно-Художественном О-ве. "Южн. Слово", 2 ноября 1916.

Без подписи. Лекция М. Волошина /о В. Сурикове/. "Южн. Ведомости", 10 ноября 1916.

–"– В музейно-лекционной секции горного клуба. "Южн. Ведомости", 12 ноября 1916 (о задуманн. В. работе об Айвазовском) .

–"– Лекция М. Волошина "Отцеубийство в античном и христианском мире". "Южн. Ведомости", 19 ноября 1916.

–"– /Лекции М. Волошина "Отцеубийство в античном и христианском мире", "Братья Карамазовы"/. "Окраина", 20 ноября 1916.

–"– Лекция М. Волошина /в гимназии Гергилевич – "Об истоках современного искусства"/. "Южные Ведомости", 29 ноября 1916.

–"– Доклад М. Волошина /о театре – в Лит.-худ. о-ве/. "Южн. Ведомости", 28 дек. 1916.

–"– О-во "Киммерика" и его задачи /О лекции В. "Жестокость в жизни и ужасное в искусстве", "В. Суриков как художник", "Отцеубийство в античном и христианском мире"/. "Южн. Слово", 20 янв. 1917.

–"– "Судьба Верхарна". На лекции М. Волошина /в Драматич. театре/. РаУ, 2 февр. 1917.

–"– Собрание писателей и журналистов. РаУ, 14 марта 1917.

–"– В литературных кругах. "Мысль", 18 дек. 1917.

–"– /О выступл. М. Волошина 19 февр. 1919 с чтением его стихов в Одесском литер. кружке "Литературная Среда"/. "Одесские Новости", 24 февр. 1919.

–"– Лекция М. Волошина /"Театр как сновидение"/. ККр, 22 февр. 1920.

–"– Цикл лекций о театре. ККр. 24 февр. 1920.

–"– В день Парижской коммуны. ККр, 18 марта 1920 /чтение В. его стихов/.

–"– Чествование памяти Энгельса /в Феодосии/. ККр, 30 ноября 1920 /В. читал свои стихи/.

Без подписи. /Сообщение о лекции Волошина "Верхарн и его творчество" на вечере, посвященном Верхарну, в 3-м Сов. театре в Симферополе, 6 февр. 1921/. ККр, 6 февр. 1921.

–"– Театр и искусство. ККр, 24 февр. 1921 /о лекции В. "Театр как сновидение"/.

–"– Испанский вечер /организ. театр. секцией Крымнаробраза в 3-м Сов. театре, на котором В. прочитал доклад о Сервантесе/. ККр, 2 апр. 1921.

–"– Вечер творчества М. Волошина /в клубе печатников/. ККр, 29 июля 1922.

–"– Феодосийское отделение ФОПик /Сообщение В. "Об историческом развитии Крыма"/. Журнал "Крым", 1925, № 1, с. 86.

Дядя ГИЛЯЙ /В. Гиляровский/. Люди четвертого измерения. (Вечер смеха и забавы /в Лит.-Худ. кружке/). РСл, 20 марта/2 апр. 1903.

З., М. Вчера в кружке. /Доклад В. "Пути эроса"/. "Вечерняя Заря", 27 янв. 1907.

–"– Кризис театра. УР, 15 февр. 1913 (о выступл. В. на диспуте в Полит. музее/.

НИ-НИ. Феодосийские силуэты. XXIII /студенческий вечер/. "Крымск. Почта", 8 янв. 1914 /выступл. В. на вечере с его стихами/.

ОДИНОКИЙ, В. Жестокость в жизни и в литературе. (На лекции М. Волошина). "Южн. Почта", Керчь, 8 дек. 1916.

П-Н. Студенческий вечер. /В мужской гимназии/. "Жизнь Феодосии", 5 янв. 1914.

ПОПОКОВ. Студенческий концерт-бал. "Керченско-Феодосийский Курьер", 9 авг. 1911.

Т. Два юбилея /журнала "Русская Мысль" и его редактора В. Гольцева/. "Северный Курьер", 30 янв. 1900 /излож. и цитаты из речи В./.

Т[угендхоль] Д, Я. На вечере современной поэзии. ККр, 3 июня 1922 /о литер. вечере в Симферополе 31 мая 1922, на котором выступал В./.

Ф. /В. Держановский/. Искусство и действительность. (Лекция С. Глаголя). УР, 22 дек. 1910 /о выступл. В./.

XXX. /Вечер нового искусства/. "Курьер", 6 марта 1903.

ШЕБУЕВ, И. Вечер нового искусства /в Охотничьем клубе в Москве/. РСл, 6/19 марта 1903.

Я., Е. /Е. Бернштейн/. И. Е. Репин на диспуте "Бубновых валетов" /в Политехн. музее/. ГМ, 13/26 февр. 1913 /изложение выступл. В. и ответн. речи Репина – по поводу его картины/.

–"– "Кризис театра". ГМ, 15/28 февр. 1913 /выступл. В. на диспуте/.

ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ

БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ. Утр. вып. Пг, 1917, 28 мая/10 июня (Э. Верхарн. Завоевание).

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. СПб, 1906, 5/18 апр. (Э. Верхарн. На Север).

КРАСНЫЙ КРЫМ. Сф, 1921: 18 марта (В. Гюго. Расстрелянные /из цикла "Страшный год"/);
30 апр. (В. Гюго. На баррикаде /из того же цикла/).

РУССКИЙ ТУРКЕСТАН. Ташкент: 1900, 15 окт. (Л. Уланд. Бертран де Борн);

1901, 4 марта (Ф. Фрейлиграт. Негритянский князь);

1900–1901 – стихи Ленау, Г. Гейне (Олаф), Л. Уланда (Граф Эберштейн) и др. – даты публикаций не установлены.

РУСЬ. СПб, 1905, 14 авг. (Верхарн: Казнь /Голова/, Вечер /Осенний вечер/, Человечество).

СТРАНА. Пг, 1918, 3 мая/20 апр. (Э. Верхарн. Души городов).

ПИСЬМА

ЗА АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНЫЕ КАДРЫ. 13 марта 1980, в ст. В. Купченко (Отрр из писем к матери: 13 авг. 1915, 15 янв. 1922).

КРЫМСКАЯ ПРАВДА. Сф, 1967, 17 мая, в ст. А. Полканова (Отр. из письма к А.И. Полканову, 24 мая 1924).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР. НЙ, № 1, 1981, с. 27 (Письмо в ред. "Красная Новь").

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО. НЙ: 1977, 9 февр. (Письмо к Л. Б. Каменеву, 1924);

1978, 23 июля (Письмо к Я.А. Глотову, 18 окт. 1919).

ПОБЕДА. Фд: в стт. В. П. Купченко: 1974, 20 авг. (Отр. из письма к Л. К. Берману, 19 сент. 1919; записка к А. Б. Гатову, 27 февр. 1925);

1975, 23 дек. (Отр. из письма к М. Горькому);

1977, 28 мая, (Отр. из письма к В.В. Вересаеву, 1920-е гг.);

1978: 1 марта (Отр. из письма к В.В. Вишневскому, 11 марта 1932);
10 апр. (Отр. из письма к Н.Н. Бурлей, 1920-е гг.);
14 ноября (Письма к А. В. Луначарскому: 3 апр. 1923, 18 февр. 1930, в сокращ.);

1979: 27 февр. (Отр. из письма к И.Г. Эренбургу, б. даты);
25 сент. (Отр. из письма к Ю.Л. Оболенской, 10 ноября 1913);

1980, 17 окт., (Отр. из письма к Е. Архипову, 4 мая 1932).

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ. Пар, 1932, 8 сент., в ст. И. А. Бунина "Волошин" (Письма к И.А. Бунину: 16 мая и ноябрь 1919).

РУССКАЯ МЫСЛЬ. Пар, 1968, 28 ноября, в ст. А. Кашиной-Евреиновой (Письмо к ней, 25 дек. 1924).

РУСЬ. СПб: 1904, 19 дек./1 янв. 1905 (Письмо в редакцию);

1908, 4/17 янв. (/Ответное письмо к В.Я. Брюсову/).

СЛАВА СЕВАСТОПОЛЯ. Севастополь: 1978, 9 апр., в ст. В. Купченко (Отр. из письма к Н.Н. Бурлей, 1920-е гг.);

1979, 27 мая, в ст. В. Купченко (Отр. из письма к матери, 22 окт. 1922).

СОВЕТСКИЙ КРЫМ. Сф, 1977, 28 мая, в ст. В. Купченко (Отр. из письма к А.М. Пешковскому, 1918).

УТРО РОССИИ. М, 1913, 16 февр. (Письмо в редакцию).

Дарственные надписи на книгах, акварелях и рисунках

КУРОРТНАЯ ГАЗЕТА. Ялта, 1975, 15 марта, в ст. А. Анушкина "Ваша коллекция – праздник!" С выставки русского рисунка /из коллекции А. А. Сидорова/ (А. А. Сидорову: на рис. "Вечернее сияние", б. даты; "Закат", 21 дек. 1926; "Облако над заливом", б. даты).

ПОБЕДА. Фд: в стт. В.П. Купченко: 1977: 23 февр. (М.С. Волошиной, на кн. стихов, ноябрь 1927);
9 апр. (К.К. Арцеулову на акварели, 1925);

1977, 15 июня, в ст. Ю. Иванова "Хранятся в музее" (на книгах: "Верхарн. Судьба. Творчество. . ." – В. В. Вересаеву, 2 апр. 1924; "Стихотворения. 1900–1910" – Ю. Л. Оболенской, б. даты, и Б. А. Садовскому, б. даты; "Лики творчества" – П.П. Муратову, 7 февр. 1914, и Ю.К. Балтрушайтису, 7 февр. 1914);

1979, 21 авг., в ст. В. Купченко (А.А. Блоку на кн.: "Стихотворения. 1900–1910" и "Anno mundi ardentis" – 7 апр. 1910 и с 5 по 16 апр. 1916);

1980, 6 окт. (А.И. Белецкому на акварелях, 1928, 1930, в ст. Купченко).

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА. М, 1971, 9 янв., в беседе "Художник учится у летчиков" (К. К. Арцеулову на акварели, конец 1923 или начало 1924).

АКВАРЕЛИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. М, 1977, 1 июня ("В часы заката...").

НОВАЯ ГАЗЕТА. НЙ, 1982, 4–10 сент. (Акварель без назв.).

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО. НЙ, 1982, 1 авг. (Окрестности Коктебеля).

МУЗЫКА НА СЛОВА ВОЛОШИНА

АРАПОВ, Борис. Симфония № 4 для меццо-сопрано, баритона, чтеца, двух смешанных хоров и больш. симфонического оркестра. (Литер. монтаж из поэзии М. А. Волошина /Отр. из гл. "Огонь" из цикла "Путями Каина"/, В. Брюсова, Цао-Чжи, В. Маяковского, С. Орлова и С. Щипачева).

ЛЬВОВА, Юлия /Реджинальд Фокс Гюль/. Пять романсов для голоса и ф-п. на слова М. Волошина.

МАЛЯВИН, С. Кастаньеты. Пг /б. даты/.

ПРОЗОРОВСКИЙ, Б. Романсы для пения с ф-п. /Кастаньеты/. Музпред ДПС, Ростов на Дону, б. даты.

ЧЕКРЫГИН, И. Романсы для одного голоса с сопровождением ф-п. /"Я вся – тона жемчужной акварели"/. Музык. магазин т-ва А. Иогансон, СПб, б. даты.

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ ВОЛОШИНА

(Двуязычные издания приведены ранее)

На английский язык

COXWELL, Charles Fillingham. Russian Poems. With an Introduction by D.S. Mirsky. Daniel Publ., London, 1929 (Святая Русь).

DEUTSCH, Babette, and Avraham YARMOLINSKY /ed. & transl./. Modern Russian Poetry. Harcourt Publ., New York, 1921; 2nd ed., Lane Publ., London, 1921; 3rd ed., New York, 1930 (Киммерийские сумерки, 1, 2, 3, Руанский собор, 4. Lunaria, 15).

DEUTSCH, Babette, and Avraham YARMOLINSKY /ed. & transl./. Russian Poetry. An Anthology. International Publ., New York, 1927; 2nd ed., Lawrence Publ., London, 1929 (Lunaria, 15, Киммерийские сумерки,1, 2, 3, Руанский собор, 4, На дне преисподней).

GLAD, John, and Daniel WEISSBORT /eds. & transl./. Russian Poetry: The Modern Period. Univ. of Iowa Press, Iowa City, 1978 (Святая Русь).

REAVEY, George, and Marc SLONIM /eds./. Soviet Literature. An Anthology. Wishart Publ., London, 1933; 2nd ed., Covici-Friede Publ., New York, 1934 (Стихи о России).

WEATHERLY, E. N. /ed./. The Heritage of European Literature. Vol. 2. Oina Publ., Boston, 1949 (Киммерийские сумерки).

YARMOLINSKY, Avraham /ed./. A Treasury of Russian Verse. Macmillan Co, New York, 1949; 2nd ed. – Two Centuries of Russian Verse. An Anthology from Lomonosov to Voznesensky. Ed. with an Introd. & Notes by A. Yarmolinsky. Transl. by Babette Deutsch. Random House, New York, 1966 (Lunaria, 15, Киммерийские сумерки, 1, 2, 3, Террор, На дне преисподней).

в периодике

RUSSIAN LITERATURE TRIQUARTERLY. No 8, 1974, pp. 15–16, transl. by Sharon Leiter (Террор, Мир).

THE COLORADO QUARTERLY. Vol. XXIII, No 1, 1973, pp. 111–114. Transl. by Eugen M. Kayden (Киммерийские сумерки, 1, 2, 3, Демоны глухонемые, Святая Русь).

THE RUSSIAN REVIEW. Vol. I, No 3, Apr. 1916, p. 174 (Посев).

THE SLAVONIC REVIEW: Vol. IV, No 10, 1925, pp. 147–154, transl. by S. Tomkeyev (Путями Каина, 11); Vol. V, No 14, 1926, pp. 409–411, transl. by S. Tomkeyev (Путями Каина, 1).

на французский язык

CHUZEVILLE, Jean /red./. Anthologie des poètes russes (modernes). Paris, 1914.

ÉCRITS POUR L'ART LITTÉRAIRES ET PHILOSOPHIQUES. Paris, 1905, pp. 492–494, trad. par A.B.–R. (Зеркало, Старые письма, Принцип и конец /"Быть заключенным в темницу мгновенья"/).

SLONIM, Marc, et George REAVEY /reds./. Anthologie de la littérature soviétique. Éd. Gallimard, Paris, 1935; 2 ed., Éd. du Chêne, Paris, 1946 (Стихи о России).

в периодике

LE DERNIER TOUBE. Paris.

L'ELAN. Red. Amedée Ozenfant. Paris, 1915, No5 (Цеппелины над Парижем).

На испанский язык

GONZALES, Fernando. /red./. Las mil majores poesias de la literatura universal. Madrid, 19??, p. 805 (Красная Пасха).

VINOGRADOVA, Vera. /red./. Doce poetas rusos. Buenos-Aires, 1958, p. 63 (Странник, Пещера, Террор, Путями Каина, 15, На дне преисподней).

На немецкий язык

von GUENTHER, Johannes. Neue Russische Lyrik. Herausgeg. von J. v. Guenther. Fischer Bücherei, Frankfurt/M., 1960, ss. 69–72 (Париж, из цикла "Руанский собор", Святая Русь, "Склоняясь ниц...").

На украинский язык

РИЛЬСКИЙ, Максим. Сонети. К, 1969, с. 178 (Киммер. сумерки, 4).

в периодике

СУЧАСНІСТЬ. Мн, 1981, № 1, сс. 109, 111–112, в ст. І. Качуровського, 117–118 (Голова Мадам де Ламбаль, Красная Пасха, 2 отр. из цикла "Путями Каина" и отрр. из др. стих. в пер. Качуровського; Северовосток – в пер. М. Фішбейна).

На польский язык

POLLAK, Seweryn. Przybliźenia. Od Tiutczewa do wspólczesnosci. Wybor przekładów z poezji rosyjskiej. Kraków, 1973.

На чешский язык

KOLO INSPIRACE. Praha, 1967.

ЛИТЕРАТУРА О ВОЛОШИНЕ

Без подписи. "Красное Знамя", Париж, 1906, № 1 /Рец./. "Весы", 1906, № 7, с. 78 /Голова принцессы Ламбаль, Ангел Мщенья/.

–"– Конкурс сонетов /ред. ст./. "Газета Шебуева", 1906, № 11, с. 3 /Об отказе В. участвовать в жюри конкурса/.

–"– /Зам. в "Хронике литер., иск. и науки"/: "Волошин написал новый рассказ "Иуда Искариот". "Новая Русь", 24 сент. 1908.

–"– "Золотое Руно" /1908/, № 6 /Рец./. "В Мире Искусства", К, 1908, № 8–9, с. 48 /о публик. В. в этом журн./.

–"– "Золотое Руно" /1908/, № 7–9. Там же, 1908, № 11–13, с. 46 /то же/.

–"– /Зам. в хрон. о лекции Волошина "Аполлон и мышь" и о "Книге о русских поэтах последнего десятилетия"/. ЗР, 1909, №4, сс. 85, 87–88.

–"– Еще дуэль. "Столичн. Молва", 22 ноября 1909 /о дуэли В. с Гумилевым в связи с литер. мистификацией – "Черубиной де Габриак"/.

–"– Две дуэли. "БВв", 23 ноября /6 дек. 1909 /то же/.

–"– Дуэль литераторов. "Столичн. Молва", 23 ноября 1909 /то же/.

–"– Поединок между поэтами. "Веч. Петербург", 23 ноября 1909 /то же/.

–"– Декадентская дуэль. РаУ, 26 ноября 1909 /то же/.

–"– Венок терцетов. УР, 28 ноября 1909.

–"– /Зам. в хрон. о докладе Волошина в квартире бар. Н. В. Дризена, 10 дек. 1909, и о выступл. В. на докладе С. М. Городецкого там же, 7 янв. 1909/. ЗР, 1909, № 10, сс. 66–67.

–"– М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. ЗР, 1909, № 11–12, с. 103.

–"– Дело литераторов-дуэлянтов. РСл, 13/26 окт. 1910 /дуэль из-за Черубины де Габриак/.

–"– Дуэль из-за поэтессы. "Петербург. газ.", 13 окт. 1910 /суд/.

Без подписи. Дуэль между литераторами. "Газ. Копейка", СПб, 13/26 окт. 1910 /суд/.

–"– Новости литературного мира. "Известия Книжн. Магазинов т-ва М. О. Вольф по литер., наукам и библиогр.", 1910, № 11, стб. II–175.

–"– Из записной книжки: Бальмонт, белая мышка и "87". "Моск. Газета", 8 авг. 1911.

–"– М. Волошин. О Репине. 1913 /Рец./. "Русск. Богатство", 1913, № 4, сс. 375–378.

–"– "Кровь всегда вопиет" (По поводу катастрофы с картиной Репина). "Бюллетени Литер. и Жизни", 1913, № 11, сс. 532–533.

–"– П. де Сен-Виктор. Боги и люди. Пер. М. Волошина /Рец./. "Русск. Богатство", 1914, № 1, сс. 407–410.

–"– Вести о писателях и книгах. "Дневники Писателей", 1914, № 2, с. 57 /"Лики творчества"/.

–"– М. Волошин. Лики творчества /Рец./. "Известия Книжн. Магазинов т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр.", 1914, № 2, стб. II–42.

–"– Приключения поэта М. Волошина. "Южн. Ведомости", Сф, 1 июля 1914.

–"– М. Волошин. Anno mundi ardentis /Рец./. "Известия Книжн. Магазинов т-ва М. О. Вольф по лит., наукам и библиогр.", 1916, № 6, стб. II–91.

–"– Крымская почта: Феодосия. "Крымск. Вестник", 17 окт. 1916 /о 1-м орг. собр. Лит.-худ. о-ва/.

–"– М. Волошин. Anno mundi ardentis /Рец./. "Бюллет. Литер. и Жизни", 1916/1917, № 3, с. 52.

–"– М. Волошин. Протопоп Аввакум /Рец./. "Полтавск. День", 11 дек. 1918.

–"– /О Волошине/. "Творчество", X, 1919, № 5–6, сс. 38–39.

Без подписи. /О чтении лекций в Сф. центр. клубе Волошиным, А. А. Смирновым и Я. А. Тугендхольдом/. ККр, 24 февр. 1921.

–"– /Об открытии в Фд. 1 марта 1921 Высш. пехотн. командн. курсов. Один из лекторов – Волошин/. ККр, 5 марта 1921.

–"– /Изложение ст. И. Эренбурга "Русская поэзия и революция" из журн. "Signaux de France et Belgique"/. "Летопись Дома Литераторов", Пг, 1921, № 2, с. 8. И в альм. "Начало", Иваново-Вознесенск, 1922, № 2–3, с. 155.

–"– Не суйся! /Ред. ст./. "Красн. Газета", 6 янв. /травля Волошина/.

–"– Вести о писателях. "Летопись Дома Литераторов", 1921, № 3, с. 7; № 4, с. 7.

–"– Хроника /"Живущий в Феодосии Макс. Волошин сильно бедствует. Им закончена кн. "Неопалимая Купина"/. "Вестник Литературы", 1922, № 1 /37/, с. 23.

–"– Как живут писатели в Крыму. "Летопись Дома Литераторов", 1922, № 1–2, с. 7.

–"– Годовщина "Молодой Гвардии". НПс, 1923, № 1, стб. 170.

–"– Судьбы и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг. НРК, 1922: № 1, с. 40; № 4, с. 35; № 5, с. 33; 1923: № 1, с. 45; № 2, с. 46.

–"– /Зам. в хронике о Волошине/. "Литер. Прилож. к газ. "Накануне", Б, 22 апр. 1923.

–"– /Хроника: "М. Волошин написал поэму "Война и мир" (с /!/ мифа о Каине) и "Саровская пустыня"/. "Россия", 1923, № 8, с. 32.

–"– /Литер. хроника: о выходе глав из поэмы "Путями Каина"/. "Россия", 1923, № 9, с. 32.

–"– Жизнь писателей /Волошин готовит монографию о Сарьяне/. "Литер. Неделя" газ. "Накануне", Б, 18 мая 1924, с. 5.

–"– Юбилей М. Волошина. "Известия", 31 мая 1925.

–"– Волошин, М.А. Мал. Сов. Энциклопедия, т. 2, 1929, с. 266.

Без подписи. "Жар-Цвет". ЛГ, 20 мая 1929.

–"– Персональные пенсии писателям Белому, М. Волошину и Г. Чулкову. "За Коммунист. Просвещение", 20 ноября 1931.

–"– Умер М. А. Волошин /Некролог/. "Красн. Газета", веч. вып., 16 авг. 1932.

–"– Умер М.А. Волошин /Некролог/. ЛГ, 17 авг. 1932.

–"– Умер М.А. Волошин. НРС, 30 авг. 1932; переп. 30 авг. 1972.

–"– Волошин, М. А. Мал. Сов. Энциклоп., изд. 2-е, 1934, сс. 645–646.

–"– Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. /Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина/. Л, 1940, сс. 47, 50, 196, 210, 220.

–"– "Метод" познания России. "Возрождение", Пар, № 14, 1951, сс. 184–185.

–"– Волошин, М. А. Больш. Сов. Энциклоп., изд. 2-е, т. 9, 1951, с. 42.

–"– Волошин, М. А. Мал. Сов. Энциклоп., т. 2, изд. 3-е, 1958, стб. 575.

–"– Выставка акварелей /Волошина/. КурГ, 19 сент. 1961.

–"– У картин художника и поэта. "Крым", 1962, № 31, сс. 180–181.

–"– Максимилиан Волошин. Вст. зам. к публик. стихов Волошина. "День Поэзии в Крыму. 1964", Сф, 1964, с. 123.

–"– Собрание рукописей, архивн. фонды и коллекции документов, поступившие в 1961–1962 гг. ЗЛБ, вып. 27, 1965, с. 252; то же, за 1965 г. ЗЛБ, вып. 29, 1967, с. 208.

–"– Максимилиан Волошин. "Веч. Ленинград", 28 авг. 1965.

–"– Новое пополнение Пушкинского дома /из архива М. Волошина/. "Веч. Ленинград", 30 мая 1966.

–"– О частичной реабилитации Максимилиана Волошина. – Максимилиан Волошин. КРС, № 146, 12 авг. 1966, сс. 6–9.

Без подписи. Уголок Египта в Коктебеле. КрП, 22 июня 1966.

–"– Пополнение Пушкинского дома /из архива М. Волошина/. ДН, 1967, № 1, с. 284.

–"– Октябрьская революция и цензура в Сов. Союзе. КРС, № 214, 1 дек. 1967, с. 1–3.

–"– Новые поступления в Отдел рукописей (1952–1966). Гос. Публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. М, 1968, сс. 52, 53, 121.

–"– На могиле М. Волошина в Коктебеле. НРС, 19 окт. 1969.

–"– Сборник стихов Максимилиана Волошина /"Пути России", Мн, 1969/. НРС, 26 янв. 1970.

–"– В Свято-Серафимовском фонде /о лекции Вяч. Завалишина о Волошине/. НРС, 8 мая 1970.

–"– Письмо из СССР о могиле Волошина. НРС, 10 дек. 1970.

–"– Новые экспонаты музея /Феодос. картинн. галереи/. Пб, 15 дек. 1973.

–"– /М.А. Волошин-художник/ в кн.: М.А. Волошин. Проспект выставки. Сф, 1973, сс. 5–7.

–"– Краткий отчет о новых поступлениях в библиотеку (1969–1973). Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л, 1974, с. 94 (ротаторн. изд.).

–"– Переписка А. Толстого и М. Волошина. ВЛ, 1975, № 1, сс. 311–312.

–"– /Зам. о заседании 6 дек. 1968 клуба библиофилов ЦДРИ в Москве, посвящ. теме: "История литературной мистификации начала века. Черубина де Габриак": сообщ. В.Н. Афанасьева и А.Ф. Иваненко. Воспоминания Волошина, С. Маковского и М. Цветаевой (чит. арт. МХАТ Ю.В. Ларионов)/. АБ, № 2, 1975, с. 285.

–"– Архив и библиотека Максимилиана Волошина. НРС, 16 февр. 1975.

–"– Издания М. и С. Сабашниковых (1891–1934). Каталог выставки. М, 1975, сс. 9, 29.

Без подписи. /Зам. в хрон. о засед. клуба библиофилов в Ленинграде 17 мая 1968, на которой В. А. Мануйлов прочитал доклад "Книга и поэт" – о библиотеке М. А. Волошина/. АБ, № 3, 1976, с. 239.

–"– Выставка акварелей /постоянная, в Доме-музее Волошина/. СК, 21 дек. 1976.

–"– К столетию М.А. Волошина. ЛР, 1 янв. 1977, с. 8.

–"– К 100-летию М.А. Волошина. Пб, 7 янв. 1977.

–"– Скончалась вдова Макс. Волошина /в Коктебеле 16 дек. 1976/. НРС, 8 янв. 1977.

–"– К 100-летию со дня рождения М. А. Волошина. ЛГ, 12 янв. 1977.

–"– Максимилиану Волошину посвящается. ЛГ, 9 марта 1977.

–"– Первое заседание /юбилейной комиссии/. Пб, 17 марта 1977.

–"– Гимн родной земле. "Сов. Молодежь", Рига, 15 мая 1977.

–"– Литературный вечер. /В Московской писательск. организации/. ЛР, 20 мая 1977, с. 9 /вечер, посв. памяти В./.

–"– Посвящено М. А. Волошину /О коллекции А. Ф. Маркова/. КО, 20 мая 1977, с. 16.

–"– К юбилею М. Волошина. "Сов. Культура", 24 мая 1977.

–"– Юбилейное торжество /в Коктебеле/. СК, 31 мая 1977.

–"– 100-летию М. Волошина. "За Советскую Науку". Газ. Томск. ун-та, 2 июня 1977.

–"– Волошинские чтения. Пб, 8 июня 1977.

–"– Поселок Планерское. ЛР, 10 июня 1977.

–"– У писателей Ленинграда /Совместное заседание Ин-та русск. литературы и писат. орг./. ЛР, 1 июля 1977.

–"– Поэт и художник /юбилейная выставка в Литер. музее/. "Веч. Москва", 6 июля 1977.

Без подписи. Краски и звуки /Выставка в Новосибирске/. "Веч. Новосибирск", 16 янв. 1978.

–"– Певцу Киммерии /Волошинские чтения в Коктебеле/. СК, 9 июня 1979.

–"– Волошин М.А. Украинск. Сов. Энциклоп., т. 2, К, 1979, с. 317.

–"– /Вст. зам. к перепеч. ст. Волошина "Поэзия и революция"/. РМ, 2 сент. 1982.

–"– /Зам. в хрон. о выходе в свет 1-го т. Стихотворений и поэм Волошина/. НРС, 10 сент. 1982.

–"– /Зам. в хрон. о радиопередаче радиостанцией "Свобода" программы, посв. 50-летию со дня смерти Волошина и выходу 1-го тома его стихов/. НРС, 17 сент. 1982.

–"– /Вст. зам. к публик. подборки стих. Волошина/. "Посев", 1982, № 10, с. 57.

–"– Поэт и художник. КО, № 52, 31 дек. 1982, с. 8.

А., Н. М. Волошин. О Репине /Рец./. "Вестник Европы", 1913, № 8, с. 422.

АБРАМОВИЧ, Н. Критические наброски. Кн. IV. Молодая поэзия. "Студенч. Жизнь", 5 сент. 1910, сс. 10–11.

АВИНОВА, М. Встреча с Волошиным. НРС, 8 марта 1964.

АДЖИНДЖАЛ, Б. Художник А.К. Чачба (Шервамидзе). В кн.: Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974, с. 89.

АДЖИНДЖАЛ, Б., В. КУПЧЕНКО. Крымские побратимы /М. Волошин и А.К. Чачба/. "Сов. Абхазия", 27 июля 1978.

АЙХЕНВАЛЬД, Ю. Литературные наброски. "Речь", 25 апр. /8 мая 1916 /Anno mundi ardentis/.

АЛЕКСАНДРОВ, Р. Черноморский переход. "Моряк", 20–26 мая 1977 /о переезде из Одессы в Коктебель в 1919/.

АЛЕКСЕЕВ, Гл. Южный Альманах /Рец./. НРК, 1922, № 11–12, с. 14 /Дикое Поле, Карадаг/.

АЛЬТМАН, М. Из бесед с поэтом Вяч.И. Ивановым (Баку,1921). В кн.: Труды по русской и славянской филологии. II. Литературоведение. (Учен. Записки Тартуск. ун-та, вып. 209). Тарту, 1968, с. 317.

АМФИТЕАТРОВ, А. Vies imaginaires. В его кн.: Против течения. Изд. "Прометей", П, 1908, сс. 154–163.

АНДРЕЕВ, Вадим. Возвращение в жизнь. "Звезда" 1969, № 5, сс. 97, 101, 104, 106.

АНДРЕЕВ, Дан. Могила Максимилиана Волошина. РМ, 10 дек. 1970.

АНИЧКОВ, Е. Новая русская поэзия. Изд. И.П. Ладыжникова, Б, 1923.

АННЕНСКИЙ, Инн. Книги отражений. ЛП, 1979, сс. 363–364, 486, 489–490, 494 /в т.ч. о стих. "Лиловые тучи" /"Фиолетовые лучи"//.

–"– Письма к М. А. Волошину. Публ. А. В. Лаврова и В.П. Купченко. ЕР на 1976, 1978, сс. 247–252.

АН-ОВ, Ив. А. де Ренье. Маркиз д'Амеркер /Рец./. "Новь", 1 марта 1914.

АНТОКОЛЬСКИЙ, П. Избранное, в 2 тт., т. 2, М, 1966, сс. 399–401; в Собр. соч. в 4 тт., т. 2, М, 1971, сс. 290–292.

АНТОНОВА, Н. Волошин. В кн.: "История русской литературы конца XIX– начала XX века. Библиограф. указатель п.ред. К.Д. Муратовой". АН, 1963, библ. №№ 968, 982, 989, 992, 1005, 1013, 1015, 1441, 1533, 1534, 1646, 2091, 2517, 3092, 3485, 3533, 3664, 3860, 4272–4317, 4704, 6369, 9292, 9821, 10395–10397, 10457, 10854, 10875, 12130, 12142, 12145.

АНЦИФЕРОВ, Н. Крым в художественной литературе. В кн.: Гул земли. Л, 1928, сс. 111–112.

АНЦИФЕРОВЫ, Н. и Т. Современные города. Часть 2. Л, 1926.

АПРЕСЯН, Г. Традиции и современность. ВЛ, 1979, № 4, с. 269.

АРКОС, Рене. Письмо к М.А. Волошину, 2 янв. 1912. ЕР на 1979, 1981, сс. 254–255.

АРС /К. Михайлов/. Лирические факты. "Театр и Искусство", 1908, № 2, с. 38.

АРЦЕУЛОВ, К. "Художник учится у летчиков". В гостях у Константина Арцеулова. Беседу вел С. Разгонов. "Сов. Культура", 9 янв. 1971.

АСЕЕВ, Н. Новые песни. НМ, 1926, № 10, с. 150.

АСТРОВ, С. Ипокрена, кн. 1–2 /Рец/. "Объединение", О, 1918, № 3–4, с. 265 /о вещах В. в "Ипокрене"/.

АУСЛЕНДЕР, С. Театры: Товарищество артистов Нового драматического театра. "Русск. Художеств. Летопись", 1911, № 6, с. 91.

–"– Отр. из письма к М. А. Волошину, 3 авг. 1927. В кн.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Н, Л, 1982, с. 230.

АШУКИН, Н. Валерий Брюсов. Изд. "Федерация", М, 1929, с. 347.

Б., А. Встречи с М. А. Волошиным. "Возрождение", Пар, 1 сент. 1932.

Б., Вл. "Аполлон", /1910/, № 9 /Рец./. УР, 4 сент. 1910 /"Музы" П. Клоделя, пер. и вст. ст. В./.

Б., О. М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. УР, 10 марта 1910.

БАБЕНКО, В., В. КУПЧЕНКО. Путник по вселенным. К 100-летию со дня рожд. М. Волошина. "Лит. Армения", 1977, № 6, сс. 62–70 /о странствиях В./.

БАБКИН, Д. Максимилиан Волошин. Из воспоминаний. "Русск. Литература", 1971, № 4, сс. 148–154.

БАБОРЕКО, А. На вершине холма. Бунин о литературе. ЛР, 24 февр. 1978, с. 11 /отзыв о В./.

БАЖЕНОВ, М. "Когда в созданиях согласья нет". ЛГ, 4 авг. 1982.

БАКСТ, Л. /Отр. из письма к И.Э. Грабарю, 7 апр. 1913 /в кн.: Иг. Грабарь. Письма 1891–1917. М, 1974, с. 434 /о том, что предполагалось написание В. монографии о Баксте для изд-ва Кнебеля/.

БАЛАШОВ, Н. "Дом поэта" Максимилиана Волошина. (На путях анализа поэтики одного стихотворения). "Изв. Акад. Наук СССР. Серия литературы и языка", т. 37. № 5, 1978, сс. 414–422.

БАЛАШОВ, Н., и Е. ГУНСТ. Аксель. Прим. к пер. М.А. Волошина в кн.: О. Вилье де Лиль-Адан. Жестокие рассказы. ЛП, 1975, сс. 213, 234–237.

БАЛУАШВИЛИ, В. В содружестве с переводчиком поэмы Руставели. "Литер. Грузия", 1963, № 12, с. 88 /Воспоминания жены К. Бальмонта Е.А. Бальмонт о встречах с В. в Москве в 1910-е гг./.

БАЛЬМОНТ, К. "Остров", № 1 /Рец./. ЗР, 1909, № 6, с. 78 /"Священных стран вечерние экстазы", "Вещий крик осеннего ветра..."/.

–"– Сонет "Максу" /1914–1915/. ВРХД, № 100, 1971, с. 226.

БАНК, Н., Н. ЗАХАРЧЕНКО, Э. ШНЕЙДЕРМАН. Письмо в редакцию. КО, 26 сент. 1969, с. 11 /о неправильн. включения ряда сатир. стихов киевск. поэта Мих. Волошина в сбрн. "Стихотворн. сатира первой русск. революции", Л, 1969, БПбс, – в качестве стихов Макс. Волошина/.

БАННИКОВ, Н. Максимилиан Волошин /зам./. В кн.: "Три века русской поэзии", М, 1968; изд. 2-е, М, 1979, с. 449.

–"– Певец Киммерии. К 100-летию со дня рожд. М.А. Волошина. "В Мире Книг", 1977, № 5, сс. 19–21.

–"– Весь трепет жизни. К 100-летию со дня рожд. Волошина. ЛР, 1977, № 22, 27 мая, сс. 10–11.

БАРАДУЛИНА, М. Встреча с прошлым. Пб, 10 июля 1974.

БАРАНОВ, В. Революция и судьба художника. А. Толстой и его путь к социалистическому реализму. СП, М, 1967, сс. 43–44, 46 /стих. "Дэлос"/.

БАРСАМОВ, Н. М. А. Волошин. В его кн.: "Художники Феодосии", Фд, 1928, сс. 41–44.

–"– Центр художественной жизни Крыма. "Революция и Культура", 1929, № 15, с. 60.

–"– Айвазовский в Крыму. Сф, 1967, сс. 79–86; изд. 2-е, Сф, 1970, стр. 73–80.

–"– 45 лет в галерее Айвазовского. Сф, 1971, сс. 16, 53, 68, 70, 71, 79–91, 98, 99, 120.

БАРСАМОВ, Н. Поэма золотых рук. Из жизни художника К.Ф. Богаевского и поэта М.А. Волошина. Пб, 4 апр. 1972.

–"– Неизвестное письмо К. Ф. Богаевского к М. А. Волошину. "Искусство", 1976, № 3, с. 56.

БАРСАМОВА, С. Феодосийские художники второго поколения /Латри, Богаевский, Волошин/. Пб, 27 авг. 1946.

БАРСКАЯ, С. Прототип профессора Горностаева /в пьесе К. Тренева "Любовь Яровая"/. СК, 28 мая 1977 /автор присвоил своему герою черты В./.

БАРШ, Г. Недра. Лит.-худ. сбрн. Кн. 6 /Рец./. "Красн. Газета", 28 февр. 1925, веч. вып. /Россия, Неоконч. поэма/.

БАСАЛАЕВ, И. Выставка акварелей Волошина. "Вечерний Ленинград", 25 марта 1961.

БАТО, Жорж. Письмо к М. А. Волошину, 5 янв. 1915. ЕР на 1979, 1981, с. 255.

БАУЛЕР, А. Стефан Малларме. "Вопросы Жизни", 1905, № 2, с. 93 /оценка пер. В./.

БАХРАХ, А. "Чукоккала". НРС, 1 июля 1979 /о шуточн. стихах В. в сбрн./.

–"– Неприкаянный Волошин. НРС, 15 авг. 1982.

БАЩЕНКО, Р. Константин Богаевский. Альбом. "Мистецтво", К, 1973, сс. 15, 16, 19, 22 /Отзывы В. об иллюстр. Богаевского/.

–"– Художник и природа /о летн. выставке аквар. В. в Алупке/. СК, 3 сент. 1976.

–"– Созвездие талантов. В выставочных залах /Симферопольск. худож. музея/. КрП, 4 февр. 1979.

БЕВЕР, Адольф ван-. Письма к М.А. Волошину: 31 мая, 10 авг., б. даты 1904 и 24 ноября 1905. ЕР на 1979, 1981, сс. 246–250.

БЕЛОВ, С. Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами. "Книга", сбрн. 38, 1979, сс. 140, 141, 145–147 (Публик., вст. зам. и комм.).

БЕЛЫЙ, Андр. Северные Цветы Ассирийские. Альм. /Рец./. "Весы", 1905, № 6, с. 70 /оценка вещей В. в этом альм./.

–"– Цветник Ор. СПб, 1907 /Рец./. "Весы", 1907, № 6, с. 67 /то же – Киммер. сумерки/.

–"– Белые Ночи. 1907 /Рец./. "Весы", 1907, № 7, с. 74 /Луна/.

–"– Клубок метелей. М, 1908, с. 24.

–"– Десять лет "Северных Цветов". РМс, 1911, № 10, сс. III–22, 25 /о вещах В. в альм./.

–"– Арбат. "Россия", 1924, № 1 /10/, сс. 40, 41.

–"– Валерий Брюсов. "Россия", 1925, № 4 /13/, сс. 272, 280.

–"– Начало века. ГИХЛ, 1933, сс. 26, 45, 166, 168, 204, 205, 207, 208, 211, 214, 218, 222, 225–230, 237, 265, 409, 472, 486.

–"– Между двух революций. Изд. Пис. в Л, 1934, с. 221.

–"– Письма к А. А. Блоку: ноябрь-дек. 1903, 10–11 и 21 авг. 1907. В кн.: Ал. Блок и Андр. Белый. Переписка. "Летоп. Гос. Литер. Музея", кн. 7, М, 1940, сс. 71, 195, 197–198, 212.

–"– Отр. из письма к Р. В. Иванову-Разумнику, 17 июля 1924, в кн.: А. Белый. Стих. и поэмы. БПбс, 1966, с. 606.

–"– Дом-музей М. А. Волошина. "Звезда", 1977, № 5, сс. 188–190. Первон. версия – ЕР на 1979, 1981, сс. 74–76, публ. А.В. Лаврова.

–"– Письма к М. А. Волошину: 25 июня и 4 сент. 1930 – там же, сс. 71–73.

БЕЛЯЕВСКАЯ, Е. В стране синих озер. Пб, 1 дек. 1973.

БЕНУА, Ал. О Максимилиане Волошине. В его кн.: Александр Бенуа размышляет. . . СХ, 1968, сс. 233–234. В примеч. – сс. 687–688 – о неопубл. стт. Волошина.

–"– Мои воспоминания. Т. 2. ЛП, 1980, сс. 437–438.

БЕРДЯЕВ, Н. "Аполлон", УР, 27 февр. 1910 /о публ. В. в А/.

–"– Из письма к З.Н. Гиппиус. ВРХД, № 124, 1978, с. 116.

БЕРЕЗАРК, И. Читали поэты... "Нева", 1976, № 3, сс. 196–197.

БЕРЕЗОВ /Акульшин/, Р. В Коктебеле. В его кн. "Букет", НЙ, 1977, сс. 275–286.

–"– Мои встречи с писателями. РМ, 20 сент. 1973.

БЕРНЕР, Н. Максимилиан Волошин. "Новое Слово", Б, 17 сент. 1944.

БЕТАКИ, В. Звездный спутник (К 100-летию со дня рожд. М. Волошина). "Континент", № 14, 1977, сс. 350–356.

–"– Века пылающего мира. РМ, 26 авг. 1982.

БЛАГОВОЛИНА, Ю. Архив В. Я. Брюсова. ЗЛБ, вып. 39, 1978, сс. 53, 54, 56, 63.

БЛОК А. Литературные итоги 1907 года. Собр. соч. в 8 тт., т. 5, ГИХЛ, 1962, с. 223.

–"– Дневники 1911–1913. Там же, т. 7, 1963, с. 160.

–"– Записные книжки 1901–1920. ГИХЛ, 1965, с. 105.

–"– Письма к матери, 14–15 янв. 1904 и 3 мая 1908. Собр. соч. в 8 тт., т. 8, 1963, сс. 83, 240; эти же письма и письмо 19 ноября 1909, в кн.: Письма к родным. Т. 1, Ас, 1927, сс. 104, 112, 286.

–"– Письмо к Г. И. Чулкову, янв. 1906, в кн.: Письма. Изд. "Колос", Л, 1925, с. 131.

–"– Письмо к М. А. Волошину, 6 янв. 1907. РаЛ, 1970, № 5, в ст. И. Куприянова, с. 43.

–"– Дарств. надпись М. Волошину на кн. "Снежная маска". ЛН, т. 92, кн. 3, 1982, с. 45.

БОГАЕВСКИЙ, К. Письмо к М.А. Волошину, 14 янв. 1907. Публ. Н. Барсамова. "Искусство", 1976, № 3, с. 56.

–"– Отрр. из писем к: М. А. Волошину: 14 янв. 1907 и 6 дек. 1930; к С. Н. Дурылину, 29 дек. 1932. В кн.: Макс. Волошин-художник. СХ, 1976, сс. 21, 30, 32, 33.

БОГДАНОВА, А. Любовь его – Киммерия. Пб, 13 ноября 1933.

–"– Новые приобретения /Феодос. карт. галереи/. Пб, 10 авг. 1974.

БОГДАНОВА, А. Певец природы. Пб, 2 июня 1977.

БОГДАНОВА, А., И. ПОГРЕБЕЦКАЯ. В залах галереи. Зал № 8. В кн.: Феодос. картинная галерея им. И. К. Айвазовского. Путеводитель. Изд. 3-е, Тр, 1982, сс. 14, 19, 22.

БОДРСТВУЮЩИЙ ЗРИТЕЛЬ. Давайте спать в театре! "Обозрение театров", 1906, № 29, сс. 8, 10 /"Театр как сновидение"/.

БОЙКО, В. Мастерская под солнцем. "Знамя Юности", 9 июня 1977.

БОНДАРЕВ, Ю., С. НАРОВЧАТОВ, Н. БАННИКОВ и др. М.С. Волошина /Некролог/. ЛР, 14 янв. 1977, с. 17.

БОРМАН, А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен-Вашингтон, 1964, сс. 60–61, 87, 106.

–"– Мои встречи с писателями. НРС, 7 июля 1968.

БОШЕР, Жан де-. Письмо к М. А. Волошину (б. даты). ЕР на 1979, 1981, сс. 256–257.

БРАИЛОВСКИЙ, А. Неизданная поэма Максимилиана Волошина /Дом поэта/. НЖ, № 31, 1952, сс. 105–106.

БРЮСОВ, В. P.S. к статье М. Волошина "Э. Верхарн и В. Брюсов". "Весы", 1904, № 1, сс. 81–82.

–"– О М. Волошине и древнем змие. "Весы", 1905, № 8, сс. 69–71.

–"– Письмо в ред. газ. "Русь". "Русь", 4 янв. 1908.

–"– Максимилиан Волошин. В его кн.: Далекие и близкие. М, 1912 сс. 172–173; Собр. соч. в 7 тт., т. 6, ГИХЛ, 1975, сс. 341–342.

–"– Будущее русской поэзии. "Дал. и близк", М, 1912, с. 203; Собр. соч. в 7 тт., т. 6, 1975, с. 370.

–"– Максимилиан Волошин. Anno mundi ardentis /Рец./. РМс, 1916, № 6, сс. IV–1–2.

–"– Книги о Верхарне. "Художеств. Слово", 1920, № 1, сс. 55–56.

–"– Вчера, сегодня и завтра русской поэзии. "Печать и Революция", 1922, № 7, с. 50; Собр. соч. в 7 тт., т. 6, 1975, с. 508.

–"– Предисловие к французск. "Антологии русских поэтов". ЛН, т. 85, 1976, сс. 200, 203.

БРЮСОВ, В. Дневники 1891– 1910. Изд. М. и С. Сабашниковых, М, 1927, сс. 130–135, 140–142, 184.

–"– Письма Брюсова к В.С. Миролюбову и П.Б. Струве. "Литературн. Архив", АН, кн. 5, 1960, сс. 178, 179, 183, 199, 258, 301, 302, 338.

–"– Письма к: Вяч. И. Иванову: 17/30 сент. 1904, 3/16 авг. 1908; Э. Верхарну, 4/17 июня 1907; З.Н. Гиппиус, 22 сент. 1908. ЛН, т. 85, 1976, сс. 459, 461, 497, 508, 511, 552, 553, 558, 697, 701.

–"– Стихи, посв. М.А. Волошину: "Разбегаются снова поля за окном" и "Наш Агамемнон, наш Амфитрион" – Собр. соч. в 7 тт., т. 3, ГИХЛ, М, 1974, сс. 323–324, 433–434.

–"– /Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. Сост. Н.Ашукин/. М, 1929, сс. 148, 160–168, 186, 235, 347, 393–394.

БУГАЕВА, К. Воспоминания о Белом. Berkeley Slavic Specialities. Berkeley, Calif., 1981, сс. 37, 66, 139–141, 248, 333, 356, 358, 376.

БУНИН, И. Окаянные дни. Собр. соч. Изд. "Петрополис", Б, т. 10, 1935, сс. 79, 81, 90, 108–109, 119, 121; переизд.: "Заря", Лондон/Онтарио, 1973, сс. 51, 53, 62, 81, 82, 95.

–"– Волошин. В его кн.: Воспоминания. Изд. "Возрождение", Пар, 1950, стр. 184–200; в той же кн. "Автобиографические заметки". с. 52. Перепеч. с цензурн. пропусками: Собр. соч. в 9 тт., т. 9, ГИХЛ, 1967, сс. 423–432.

–"– Письмо к М. Горькому, 15 июня 1910. В кн.: Максим Горький. Материалы и исследования. Т. 2, М-Л, 1936, сс. 416, 417; также: "Горьковск. Чтения", 1958–1959, АН, 1961, с. 47.

БУНИНЫ, И. и В. Устами Буниных. Дневники и другие архивные материалы. П. ред. М. Грин. Т. 1, изд. "Посев", Ф. 1977, сс. 206, 210, 222, 224–225, 227–228, 229–230, 232–233, 246, 247–250, 267, 311.

БУРД, Г. Поэт и художник. Пб, 14 дек. 1968 /о творч. связях В. с одесск. литераторами и художниками/.

Б/уренин/, В. Критические заметки. "Новое Время", 25 апр./8 мая 1910 /Стихотворения. 1900–1910/.

БУХИНА, Ф. Волошин, М. А. Больш. Сов. Энциклопедия, т. 5, изд. 3-е, 1971, с. 331.

БЭЛЗА, С. Образ Данте у русских поэтов. В кн.: Дантовские чтения. 1968, М, 1968, с. 182. /Парижу/.

–"– Внучки Козьмы Пруткова. "Неделя", 9 марта 1969, с. 23 /о Черубине де Габриак и В./.

В. В. Наши толстые журналы. "Труд", 22 авг. 1922.

В., Евг. П. де Сен-Виктор. Боги и люди /Рец./. "Воскресенье", прилож. к газ. "Россия", 16 марта 1912, с. 16.

ВАЙНШТЕЙН, И. Скифские стрелы. НРС, 12 дек. 1982 /Дом поэта/.

ВАКУЛЕНКО, В. Утверждение социалистического гуманизма в русской советской литературе 20-х годов (1917–1927). Фрунзе, 1972, сс. 27–29, 30.

/ВАСИЛЕВСКИЙ, Л/. Северные Цветы. Альм. 5-й /Рец./. "Речь", 15/28 авг. 1911 /о вещах В. в альм./.

ВДОВИН, В. Сергей Есенин в переписке современников. ВЛ, 1980, № 12, сс. 226–230.

ВЕРЕСАЕВ, В. /Что говорят писатели о постановлении ЦК РКП(б)/ Ответ на анкету. "Журналист", 1925, № 8–9, с. 30.

–"– Дачный поселок Коктебель. Собр. соч. в 5 тт., изд. "Правда", М, 1961, т. 4, сс. 372–374; Коктебель. Там же, т. 5, сс. 462–471, 532–533.

ВЕРИГИНА, В. Воспоминания. Л, 1974, сс. 87, 100.

ВЕРНАДСКИЙ, Г. Крым. Воспоминания. НЖ, № 105, 1971, с. 215.

ВЕСЕЛОВСКИЙ, Ю. А. де Ренье. Маркиз д'Амеркер /Рец./. "Русск. Ведомости", 16 апр. 1914.

ВИКТОРОВ, В. Заметки москвича. ГМ, 14/27 февр. 1913 /выступл. В. о картине Репина/.

ВИЛЬДЕ, Н. Кризис рассудка. ГМ, 17 февр./2 марта 1913 /о выступл. В. в Политехнич. музее/.

ВИНОГРАДСКАЯ, И. Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись. Т. 2, М, 1971, сс. 122, 123, 358.

ВИНОКУРОВ, Н. "Я есмь, я буду..." (М. Цветаева. Соч. в 2 тт., М, 1982 /Рец./. НМ, 1982, № 9, сс. 248–249.

ВИТМАН, А., Н. ПОКРОВСКАЯ (Хаймович), М. ЭТТИНГЕР. Восемь лет русской художественной литературы (1917–1925). Библиографич. справочник. ГИЗ, 1926, сс. 64–65.

ВЛАДИСЛАВЛЕВ, И. Био-библиографический указатель новейшей русской беллетристики: Волошин. Энциклопед. словарь т-ва Братья А. и И. Гранат, изд. 7-е, Приложение к т. 11, М, /1917/, стб. 626–627.

–"– Русские писатели. Изд. 4-е, ГИЗ, 1924, с. 235.

–"– Литература великого десятилетия (1917–1927). Т. 1, ГИЗ, 1928, сс. 24, 71–72.

В-ЛИ. Бурлюки (На диспуте "Бубнового валета"). РСл, 26 февр./10 марта 1912.

ВОГАК, К. О театральных масках. "Любовь к Трем Апельсинам", 1914, № 3, сс. 14–16 /"Лики и маски"/.

ВОГМАН, Л. Литературные забавы. О двух литературных мистификациях, разделенных полувеком. КО, 1982, № 52, 31 дек., с. 16 /Черубина де Габриак/.

ВОИНОВ, Вс. Из дневников. В кн.: Бор. Мих. Кустодиев. Письма. Статьи. Заметки, интервью. Встречи и беседы с художником. Воспомин. о художнике. Л, 1967, сс. 62, 263, 273.

ВОЙТОЛОВСКИЙ, Л. Очерки истории русской литературы XIX и XX веков. Ч. 2, М-Л, 1928, сс. 230–233.

ВОЛКОВ, А. Поэзия русского империализма. М, 1935, сс. 69, 70, 71, 72, 95, 122.

–"– Русская литература XX века. Дооктябрьский период. Изд. 4-е, М, 1966, сс. 390, 412.

ВОЛОДАРСКИЙ, Н. Стихи, посв. М. А. Волошину. В его кн. "Верность мечте", М, 1971, сс. 23–24.

ВОЛОШИНА, М. С. Письмо к Л. А. Шилову, 1968 /в ст. И. Хургиной/. "Юность", 1978, № 6, с. 107.

ВОЛЬКЕНШТЕЙН, В. М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. СМ, 1910, № 4, сс. II–131–132.

ВОЛЬФСОН, С. Волошин, М. А. – Литер. Энциклопедия, т. 2, М, 1929, стб. 282–285.

ВОЛЬЦЕНБУРГ, О., Т. ГОРИНА, П. СЫСОЕВ, А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ /ред./. Волошин, М. А. – в кн.: Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь, т. 2, И, 1972, с. 331.

ВОРОНОВА, А. . . .И феерическое волшебство сказки. "Смена", 1979, № 8, с. 18.

бар. ВРАНГЕЛЬ, Л. Воспоминания и стародавние времена. Вш, 1964, сс. 56, 61–63.

–"– По горам и долинам Крыма. РМ, 28 апр. 1964.

бар. ВРАНГЕЛЬ, Н. Искусство в "Весах". А, 1910, № 10, с. II–17 /о корреспонд. В./.

ВЫГОДСКИЙ, Д. Поэзия и поэтика. (Из итогов 1916 г.). "Летопись", 1917, № 1, с. 250 /Anno mundi ardentis/.

ВЫШЕСЛАВСКИЙ, Л. Баллада о доме поэта. В его. кн.: За голубым кордоном тишина... М, 1979, с. 16.

ГАМАЛОВ, С. На художественной выставке /Крымохриса/. ККр, 15 марта 1924.

ГАРАДЖА, П. Многогранный талант. СК, 29 марта 1977.

ГАСПАРОВ, М. Русский трехударный дольник XX века. В сбрн. "Теория стиха", Н, 1968, сс. 62, 105.

ГЕНИНА, Н. Дом Волошина в Крыму. /Стихи/. "Московский Комсомолец", 10 июня 1977.

ГЕРЦЫК, А. Отрр. из писем к М. А. Волошину: 22 дек. и 4 дек. 1910. В кн.: Марина Цветаева. Сочинения в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, 1980, сс. 506, 510.

ГЕРЦЫК, Е. Воспоминания. YMCA, 1973, сс. 73–97, 143, 144, 145, 154.

ГИЛЬ, Рене. Письма о французской поэзии: II. Стефан Маллармэ. Первые произведения. "Весы", 1908, № 8, с. 108 /о переводах В./.

ГИЛЬ, Рене и Алиса. Письма к М. А. Волошину: 4 и 17 февр., 29 ноября 1904, 15 марта 1905, 3 янв. 1909, 27 ноября, 8 и 12 дек. 1911, 31 ноября 1916. ЕР на 1979, 1981, сс. 238–246.

ГИНЗБУРГ, Р. К рисунку М. Волошина. /Стихи/. В кн.: "Гордость родной земли", СП, 1972, с. 145.

ГИППИУС, З. /Антон Крайний/. Нужны ли стихи? В ее кн.: Литературный дневник (1899–1907). Изд. М. В. Пирожкова, П, 1908, сс. /101/, 164–165; Два зверя – там же.

–"– Литературная запись. О молодых и средних. "Совр. Записки", Пар, № 19, 1924, сс. 243–244, 245, 247, 248, 249.

–"– Письмо к М.В. Вишняку. НЖ, № 37, 1954, с. 197.

Г-ИЧ, Л. Барбэ д'Оревильи. Лики дьявола. "Речь", 17/30 ноября 1908.

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, И. Памяти Максимилиана Волошина. "Возрождение", Пар, 18 авг. 1932.

ГОЛЛЕРБАХ, Э. Поэт-ювелир (К 25-летию литературной деятельности М.А. Волошина). "Жизнь Искусства", 21 июля 1919.

–"– Максимилиан Волошин /Стихи/. В его кн.: Портреты. Л, 1926, с. /6/; изд. 2-е, Л, 1930, с. /6/.

–"– /Вст. зам. к стихам В. Брюсова, посв. Волошину/. "Красная Газета", 9 окт. 1926.

–"– Миражи Киммерии. В кн.: Акварели М. А. Волошина. Выставка 14–21 апр. 1927, Л, 1929, сс. 5–11; Коктебель /Стихи/ – там же, с. 13.

–"– Легенда о Тавриде (Выставка акварелей Волошина). "Красная Газета", веч. вып., 14 апр. 1927.

–"– А.Я. Головин. Жизнь и творчество. Л, 1928, сс. 65–70.

–"– Город муз. Изд. 2-е, Л, 1930 /оф переизд. – "Лев", Пар, 1980/, с. 158.

ГОЛЛЕРБАХ, Э. О Кустодиеве. В кн.: Бор. Мих. Кустодиев. Письма. Статьи. Заметки, интервью. Встречи и беседы с художником. Воспомин. о художнике. Л, 1967, сс. 357, 362.

ГОЛОВИН, А. Встречи и впечатления. Воспоминания художника. И, 1940, сс. 39, 98, 134; изд. 2-е, расшир.: Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. М, 1960, сс. 18, 44, 100, 139, 140, 158, 166.

ГОЛОВЧИНЕР, В. Из истории популяризации репинского творчества в дореволюционные годы. В кн.: Репин. /Худож. Наследство/. М-Л, АН, т. 2, 1949, с. 390.

ГОЛУБКОВ, Д. Доброе солнце. М, 1970, с. 67.

–"– Максимилиан Волошин. "День Поэзии. 1971", М, 1971, с. 150.

ГОЛЬДШТЕЙН, П. Максимилиан Волошин. В его кн.: Мир судится добром. Ир, 1980, сс. 150–151.

–"– Дом Поэта. Ир, 1980, 135 сс.

ГОПП, Ф. "Коллектив поэтов". "Веч. Одесса", 6 дек. 1973 /о В. и одесск. поэтах и литераторах/.

ГОР, Г., и В. ПЕТРОВ. Василий Иванович Суриков. Изд. "Мол. Гвардия", 1955, сс. 10, 47–48, 50, 51, 85–86, 90–91, 148, 161.

ГОРБАЧЕВ, Г. Современная русская литература. Л, 1928, с. 80; изд. 2-е, Л, 1929, с. 85; изд. 3-е, М-Л, 1931, с. 85.

ГОРБОВ, Д. Зарубежная русская литература. В кн.: А. Лежнев, Д. Горбов. Литература революционного десятилетия. 1917–1927. Х, 1929, сс. 124–125.

ГОРБУНОВА, Е. Страница из жизни М. Волошина. Пб, 8 янв. 1974.

ГОРЛЕНКО, Н. Николай Иванович Пискарев. М, 1972, сс. 38, 44, 50, 88–89, 90, 98, 101, 232, 251.

ГОРЛОВСКИЙ, А. Поэт. В сбрн.: Цель – поиск. Кишинев, 1979, сс. 284–304.

–"– Тютчев и Волошин. ВолЧ, сс. 58–79.

ГОРОДЕЦКИЙ, С. Формотворчество. ЗР, 1909, № 10, сс. 55–56.

–"– Пир поэтов ("Антология" Мусагета). "Речь", 27 июня/10 июля 1911 /Киммер. весна/.

–"– Французские влияния в новой русской поэзии: Бодлер, Верлен, Верхарн. "Кавказск. Слово". Т, 16 февр. 1918.

–"– Мой путь. В кн.: Советские писатели. Автобиографии. Т. 1, ГИХЛ, 1959, с. 323.

ГОРЬКИЙ, М. Письмо к Э.Л. Миндлину, 19 авг. 1932. Собр. соч., т. XXX, ГИХЛ, 1956, с. 256.

ГОФМАН, Мод. Петербургские воспоминания. НЖ, № 43, 1955, с. 129.

ГРАБАРЬ, Иг. Письма. Т. 1, Н, 1974, с. 434.

ГРЕЧИШКИН, С., А. ЛАВРОВ. Неизданный очерк Андрея Белого о Максимилиане Волошине. "Звезда", 1977, № 5, сс. 191–193.

–"– Максимилиан Волошин и Андрей Белый. ВолЧ, сс. 80–91; М. Волошин и А. Ремизов. Там же, сс. 92–104.

–"– М. Волошин и А. Белый. Studia Slavica Academiae Sc. Hungaricae. Vol. XXIV, No 3–4, Budapest, 1978, pp. 391–400.

ГРИГОРЬЕВ, А. Мифы в поэзии русских символистов. В сбрн.: Литература и мифология. Изд. Ленингр. Педагог. ин-та им. А.И. Герцена, Л, 1975.

ГРОССМАН, Л. Русский сонет /Стихи/. В его кн.: Плеяда. Цикл сонетов. Изд. 2-е, "Костер", М, 1922.

–"– Поэтика сонета. В его кн.: Проблемы поэтики. М-Л, 1925, сс. 125, 138.

–"– Последний отдых Брюсова. "Свиток", № 4, М, 1926, сс. 285, 288, 291.

–"– Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. Изд. "Никитинские Субботники", 1927, сс. 130–131, 142, 286, 288, 292–294.

–"– Мастера сонета. Собр. соч., т. 4, М, 1928, сс. 336, 346.

–"– Валерий Брюсов. Там же, сс. 274–284.

ГУБЕР, П. Альманах "Гриф" /Рец./. РМс, 1914, № 7, с. II–257.

ГУЛЬ, Р. Цветаева и ее проза. В его кн.: Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Изд. "Мост", НЙ, 1973, сс. 39–41.

–"– Поэма Волошина "Святой Серафим", НРС, 16 мая 1963.

–"– Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Изд. "Мост", НЙ, 1981, сс. 79, 92–97, 131, 197.

ГУ-Н, Б. Черубина де Габриак. "Журнал Журналов", 1916, № 49, с. 6.

ГУРЕВИЧ, Л. Заметки о современной литературе. РМс, 1910, № 1, с. II–76.

ГУРШТЕЙН, А. "Здравствуй, Море Дождей!" В его кн.: Извечные тайны неба. М, 1973, сс. 54–55, 93, 140, 181.

ГУРЬЯН, В. Поэма о Коктебеле. "Моск. Литератор", 2 февр. 1961.

фон ГЮНТЕР, И. Под восточным ветром /Отр. из книги/. "Мосты", № 16, НЙ, 1970, сс. 334, 341, 343–346.

Д., Ю. Торгующие в храме. "Рампа и Жизнь", 1973, № 7, с. 14 /Волошин и Репин/.

ДАДИНА, Л. Волошин в Коктебеле. НЖ, № 39, 1954, сс. 176–193.

ДАЕН, М. Из собрания крупнейшего коллекционера /Ф.Е. Вишневского/. "Красн. Север", Вологда, 22 апр. 1972.

ДАНЧИН, А. На берегу моря... (О доме-музее поэта и художника М.А. Волошина в Коктебеле). "Нева", 1963, № 6, сс. 219–220.

ДЕГТЯРЕВ, П. Дом поэта. В кн.: П. Дегтярев и Р. Вуль. У литературной карты Крыма. Литературно-краеведческие очерки. Сф, 1965, сс. 156–168.

–"– Многогранный талант. "Литературн. Азербайджан", 1977, № 5, сс. 121–126.

–"– Волошин и /К.А./ Белиловский. Пб, 13 июля 1977.

ДЕЙЧ, А. В стане разноголосых. "Ежемесячн. Литер. и Попул.-Научн. Прилож. к журн. "Нива", 1914, № 2, с. 390.

ДЕНИСОВ, В. Еще о том же "Рыцаре". "Жизнь Искусства", 1927, № 31, с. 6.

ДЕРМАН, А. М. Волошин. О Репине /Рец./. "Заветы", 1913, № 4, сс. II–194–196.

ДЕСНИЦКАЯ, А. Киммерийская тема в поэтическом творчестве М.А. Волошина. ВолЧ, сс. 35–48.

ДЕШАРТ, О. /О. Шор/. Введение. Прим. В кн.: Вяч. Иванов. Собр. соч., т. 1, Брюссель, 1971, сс. 103–104, 106; т. 2, 1974, сс. 715–716, 808–810, 820, 823.

ДЖИВЕЛЕГОВ, А. П. де Сен-Виктор. Боги и люди /Рец./. "Русск. Ведомости", 21 мая 1914.

ДИКС, Б. /Б. Леман/. М. Волошин. В кн.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия. П. ред. Мод. Гофмана. СПб-М, /1907/, сс. 367–370.

ДМИТРИЕВ, В. Скрывшие свое имя. Н, 1977, с. 189 /Черубина де Габриак и В./.

ДОБУЖИНСКИЙ, Мс. Воспоминания. Изд. "Путь Жизни", НЙ, 1976, сс. 375, 379–380, 387.

ДОЛГОПОЛОВ, Л. Многоголосие эпохи и позиция автора ("Двенадцать" А. Блока). ВЛ, 1978, № 9, сс. 185–187.

ДОРОШЕВИЧ, Вл. Декадент. В его кн. На смех. Изд. 4-е, СПб, 1912; переп. в его кн.: Рассказы и очерки. М, 1962, с. 289.

ДРОНОВ, В. Валерий Брюсов и Эмиль Верхарн. "Брюсовские чтения" 1962. Е. 1963, сс. 218, 225–226.

ДРУЖИНИН, С. В. И. Суриков. Изд. Гос. Третьяковск. Галереи, М, 1950, сс. 8–10, 12, 15–16, 17, 19, 20, 33–35, 40, 45, 48, 50, 54, 61.

–"– Картина В. И. Сурикова "Боярыня Морозова". СХ, 1960, сс. 8–9, 11–12, 14, 20.

ДУБРОВСКАЯ, А. Париж и Максимилиан Волошин. Из воспоминаний. РМ, 4 янв. 1966.

ДУКОР, И. Проблемы драматургии символизма. ЛН, т. 27–28, 1937, сс. 110, 120–121, 166.

ДУРЫЛИН, С. Нестеров в жизни и творчестве. М, 1965, сс. 266, 325.

ДЫМШИЦ-ТОЛСТАЯ, С. /Воспоминания/. В кн.: Воспоминания об А. Н. Толстом. СП, М, 1973, сс. 65, 67, 73–74, 83, 88, 93, 95.

Е., Р. В мире искусств. УР, 29 окт. 1916.

ЕВСТИГНЕЕВА, Л. Макс. Волошин. Стихотворения. БПмс, 1977 – Прим. – сс. 377–452 /и подгот. текста книги/.

–"– "Войди, мой гость..." – Вст. ст. и публик. стихов М. Волошина. НМ, 1977, № 5, сс. 235–236.

–"– Прозревая будущее (Волошин и революция 1905–1907 гг.). ВолЧ, сс. 12–19.

ЕЛКИН, А. Огонь, а не пепел. Путешествие и поиск, ставшие полемикой. "Москва", 1975, № 1, сс. 177, 178, 183, 184, 190–191.

ЕНИШЕРЛОВ, В. Максимилиан Волошин. "Огонек", 1977, № 22, сс. 24–25.

–"– Судьба Максимилиана Волошина. В его кн.: День памяти. М, 1980, сс. 11–17.

Ж/аботинский/, В. Наброски без заглавия. "Русь", 8/21 и 14/27 мая 1904.

ЖИВОВА, О. Филипп Андреевич Малявин. Жизнь и творчество. И, 1967, сс. 129–130, 131.

ЖИРМУНСКИЙ, В. Anno mundi ardentis. БВв, 9/22 сент. 1916.

З., Л. Об одной необычной выставке /аквар. В. в рабоч. клубе Москвы/. "Моск. Литератор", 5 янв. 1961.

З., М. Судьба Верхарна (На лекции М. Волошина) /в Драм. театре/. УР, 2 февр. 1917.

ЗАБЕЖИНСКИЙ, Г. О судьбах поэтов. НРС, 27 янв. 1952.

ЗАБОРОВ, П. Французские писатели-корреспонденты М. А. Волошина. ЕР на 1979, 1981, сс. 232–259.

ЗАБРОДИНА, Ю., Е. ЛОГИНОВА, М. НЕМИРОВСКАЯ и др. Автопортрет в русском и советском искусстве. Каталог выставки. Гос. Третьяковск. Галерея, М, 1977, сс. 69–70.

ЗАВАДСКАЯ, М. Поэтика киммерийского пейзажа в акварелях М.А. Волошина. (Отзвуки культуры Востока). ВолЧ, сс. 49–57.

ЗАВАЛИШИН, Вяч. Предисл. к кн.: М. Волошин. Пути России. Изд. "Эхо", Регенсбург, 1946, сс. 7–8.

–"– Новое о Максимилиане Волошине. НРС, 7 февр. 1965.

–"– Встречи со слушателями. КРС, № 165, 16 дек. 1966, с. 3.

–"– Максимилиан Волошин. Вст. ст. в кн.: М. Волошин. Пути России. Изд. "Эхо", Мн, 1969, сс. 9–12.

–"– Беспощадность правды. "Новая Газета", НЙ, 4–10 сент. 1982, сс. 16–17.

ЗАРИН, А. Современные увлечения. БВв, 26 ноября/9 дек. 1909.

ЗАХАРОВ-МЭНСКИЙ, Н. Письмо в редакцию. "Веч. Москва", 10 апр. 1924 /Волошин и Э. Миндлин/.

ЗЕЛИНСКИЙ, К. На великом рубеже (1917–1920 годы). "Знамя", 1957, № 11, сс. 175–176.

–"– На рубеже двух эпох. Литературные встречи 1917–1920 гг. М, 1959, сс. 160–162; изд. 2-е, М, 1962, сс. 146, 148.

ЗЕНКЕВИЧ, М. Обзор стихов. НМ, 1929, № 6, с. 217.

ЗИГФРИД /Э. Старк/. Эскизы. "С-Петербург. Ведомости", 13/26 мая 1904.

ЗИЛИТЕ, Н. Лик железа. "Огонек", 1967, № 9, с. 16.

ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, И. Репин в работе над портретом Ф. И. Шаляпина. В кн.: Репин /Худож. Наследство/. Т. 2, АН, 1949, с. 369.

ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, И., В. САМКОВ. Комм. в кн.: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Хд, 1971: т. 1, сс. 222, 292, 623; т. 2, сс. 341, 344, 353.

–"– Комм. в кн.: Сергей Дягилев и русское искусство. И, 1982: т. 1, сс. 387, 419; т. 2, с. 355.

ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ, Е. Театры: Гастроли Московского Художественного театра. "Русск. Худож. Летопись", 1911, № 10, с. 151.

–"– Заметки о русской поэзии. "Воля России", Прага, 1924, № 3, сс. 97–98.

ЗОНИН, А. Надо перепахать (О литературном отделе "Красной Нови"). НПс, 1923, № 2–3, с. 215 /травля В./.

И. И. "Ветвь". Альм. /Рец./. "Русск. Ведомости", 4/17 окт. 1917 /"В эту ночь я буду лампадой"/.

ИВАНОВ, Вяч. М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. А, 1910, № 7, с. II–38.

–"– Символизм. Собр. соч., т. II, Брюссель, 1974, с. 667; Дневники. Там же, сс. 745, 783, 803.

–"– Письма к В.Я. Брюсову: 4 авг./22 июля 1904, сер. февр.–26 февр. 1907, 8 янв. 1908. ЛН, т. 85, 1976, сс. 452, 453, 454.

ИВАНОВ, В. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М, 1969, сс. 289, 293, 433 /В. в Коктебеле. М. Цветаева и В./.

ИВАНОВ, Г. О новых стихах (М. Волошин. Anno mundi ardentis). А, 1916, № 6–7, сс. 71–73.

–"– Максимилиан Волошин. РМ, 22 авг. 1961.

ИВАНОВ, Ю. Хранится в /Гос. литературном/ музее. К 100-летию со дня рожд. Пб, 15 июня 1977 /о книгах В. с его дарст. надписями/.

ИВАНОВА, А. Наше наследие – наше достояние. ВЛ, 1977, № 7, с. 272.

ИЗМАЙЛОВ, А. Из записной книжки критика. РСл, 23 февр./8 марта 1910.

–"– Мертвые с погоста (еще о рецидиве декаданса). БВв, 6/19 авг. 1911.

–"– Гусеница и бабочка. РСл, 15/28 янв. 1914 /о форме сонета у В./.

ИНБЕР, В. Мои пятнадцать лет. – Избр. произв., т. 3, М, 1958, с. 476 /под назв. "Эти пятнадцать лет" в ее кн.: За много лет. М, 1964, с. 9 /о встречах с В. в Одессе в 1918/.

арх. ИОАНН /кн. Д. Шаховской/. О поэме М. Волошина "Святой Серафим". НЖ, № 72, 1963, сс. 10–12.

ИОВЛЕВ, Г. Максимилиан Волошин. РМ, 22 авг. 1961.

ИОНОВ, А. На даче М. Волошина. "Донбасс", 1961, № 4, сс. 97–102.

–"– Последнее прибежище. В его кн.: "О писателях и книгах", Донецк, 1963, сс. 69–78.

–"– Предисл. к публик. повести /!/ Волошина "Суриков". "Радуга", К, 1966, № 3, сс. 52–53.

ИР/ецкий/, В. П. де Сен-Виктор. Боги и люди. Пер. М. Волошина. /Рец./. "Речь", 14/27 апр. 1914.

К., Н. Кризис театра. "Театр", 15 февр. 1913, сс. 5–6 /о выступл. В. о театре/.

КАБАКОВ, М. Коктебель /Стихи/. В его кн.: "Позывные сердца". Сф, 1967, сс. 69–70.

КАВЕРИН, В. Из записных книжек. О М.Волошине. "Студенч. Меридиан", 1977, № 3, сс. 27–28 /В. на собрании "Серапионовых братьев" в 1921 или 1922/.

–"– Вечерний день. Письма, встречи, портреты. Гл. 5. Шестидесятые. О Волошине. "Звезда", 1979, № 5, сс. 98–99 /то же/.

КАДАШЕВ, В. /В. Амфитеатров/. Демоны глухонемые /Рец./. "Сполохи", Б, 1921, № 3, сс. 26–28.

КАДМИН, Н. /Н. Абрамович/. История русской поэзии. Т.2. От Пушкина до наших дней. М, 1915, с. 303.

КАЗАНКОВ, Б. Максимилиан Волошин. "Невская Заря", 8 сент. 1973.

–"– Волошин-художник. К 100-летию со дня рождения. "Трибуна Кировцев". Газ. Прядильно-ниточн. комбината им. С. М. Кирова. Л, 7 июня 1977.

–"– /Заседание секции книжной графики в Ленинградск. Доме ученых/. КО, 19 авг. 1977, с. 14.

КАЙДАШ, С. "Меньшиков в Березове". "Неделя", 31 марта–6 апр. 1975, с. 10.

КАЛМЫКОВ, Ю. Навстречу всех дорог. "Уральский Следопыт", 1978, № 12, сс. 70–71.

КАПЛАНОВА, С. Картина В. И. Сурикова "Утро стрелецкой казни". СХ, 1960, сс. 6, 12–13, 17, 18–19.

КАРАБУТЕНКО, И. Мастер слова и кисти (Максимилиан Волошин – художник /Рец./.). ВЛ, 1977, № 10, сс. 241–245.

КАРАКАШ, Л. Еще о поэзии Максимилиана Волошина. НРС, 19 ноября 1972.

КАРАЛИН, В. /В. Гацкевич/. Застигнутый посреди дороги. "Грани", Кассель-Менхегоф, № 4, 1948, сс. 77–82.

КАЦМАН, Е. Поездка к Репину. В кн.: Репин /Худож. Наследство/, т. 2, АН, 1949, с. 315 /В. и картина Репина/.

КАЧУРОВСЬКИЙ, І. Строфіка. Ін-т ім. М. Ореста, Мн, 1967, сс. 157, 167.

–"– Нащадок "кривавого бандуриста". "Сучасність", Мн, 1981, № 1, сс. 102–116.

КАШИНА-ЕВРЕИНОВА, А. Лето у Макса Волошина. "Возрождение", Пар, № 42, 1955, сс. 108–113.

–"– О Максимилиане Волошине. РМ, 28 ноября 1968.

КВИДАМ /А. Кугель/. Петербургские странички. УР, 26 ноября 1909 /о дуэли между В. и Гумилевым/.

КЕДРИНА, С. "В слезах тревоги и войны...". "Поэзия", вып. 25, 1979, с. 181 /о влиянии В. на раннего Д. Кедрина/.

КЕМЕНОВ, В. Акварели М. Волошина. "Искусство", 1961, № 5, сс. 33–36.

–"– В. И. Суриков. В кн.: История русск. искусства. Т. IX, кн. 2, М, 1965, сс. 8, 22, 24, 32, 52, 69, 70, 76.

–"– Пейзажи Максимилиана Волошина. В одноим. кн., Хд, 1970, сс. 5–15.

–"– Предисл. в кн.: Максимилиан Волошин. 1877–1932 /Каталог выставки. Сост. Р. Попова/. Союз Художников СССР, М, 1971.

–"– Василий Суриков. Изд. "Аврора", Л, 1978, сс. 9, 15, 43, 80, 117, 127, 138, 174, 175.

КИЛУНОВ, А. Книга о Волошине. РЛ, 1979, № 4, сс. 209–210.

КИСЕЛЕВА, Е. "Среды" московских художников. Хд, 1967, с. 114, и шарж Е.Г. Соколова на Волошина между сс. 48 и 49.

КИЧАНОВА-ЛИФШИЦ, И. Прости меня за то, что я живу. Изд. В. Чалидзе, НЙ, 1982, сс. 116–118.

КЛЕНОВСКИЙ, Д. Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века. "Грани", Ф, № 20, 1953, сс. 129–130, 133–134, 135, 136, 137.

–"– Казненные молчанием. "Грани", Ф, № 23, 1954, сс. 105, 106, 111.

–"– Одухотворенные полотна. "Опыты", № 5, 1955, сс. 101, 102.

КЛИМЕНКО, Ст. Кактус "Снежная голова". ЛР, 1968, № 46, 15 ноября; перепеч. НРС, 10 дек. 1968.

КЛИМОВ, Е. Максимилиан Волошин – художник. НРС, 10 янв. 1973.

КНИГОЛЮБ. Свиток, кн. 2, 1922 /Рец./. "Литер. Прилож. к газ. "Накануне", Б, № 37, 28 янв. 1923, с. 6.

КНИЖНИК. Черубина де Габриак. "Моск. Газета", 27 сент. 1910.

КОВАЛЕВА. "Мой дом открыт навстречу всех дорог". "За индустриальные кадры". Газ. Уральск. политехн. ин-та, 27 окт. 1977.

КОГАН, П. Поэзия (1917–X–1927). "Красн. Новь", 1927, № 11, с. 195.

КОЖЕВНИКОВ, П. П. Сен-Виктор. Боги и люди. Пер. М. Волошина /Рец./. УР, 21 дек. 1913.

КОЗЛОВСКИЙ, Л. О "семи земных соблазнах", четырех поэтах и об одной мышке. "Русск. Ведомости", 4 сент. 1911.

КОЗЬМИН, Б. /ред./. Писатели современной эпохи. Био-библиографич. словарь писателей XX века. Т. 1. Изд. Гос. Акад. Худож. Наук. Вып. 1, М, 1928, сс. 76–77.

КОЛОСОВ /Зарин/, А. Галоша (Опыт некролога). БВв, 24 ноября/7 дек. 1909 /о дуэли между В. и Гумилевым/.

КОЛТОНОВСКАЯ, Е. Вопль Бельгии (Окровавленная Бельгия /Рец./). "Речь", 28 дек. 1915.

КОНОВАЛОВА, О. "Написание о царях Московских" И. М. Катырева-Ростовского в переложении М. А. Волошина. ТОДРЛ, т. XXXIII, 1979, сс. 380–384.

КОНСТАНТИНОВ, П. /П. К. Губер/. "Огневые знаки" /Рец. на рукописн. изд.: М. Волошин. Стихи о России и Революции. Изд. С. Евгенова. 1921/. "Вестник Литературы", № 2–3, 1922, сс. 18, 20–21.

КОПШИЦЕР, М. Итоги большой жизни. Памяти М. Сарьяна. "Дон", 1973, № 3, сс. 175–176, 177 /Сарьян и В./.

КОРЕЦКАЯ, В. Вдохновенный певец Крыма. КрП, 4 янв. 1964.

КОРКИНА, Е. Об архиве Марины Цветаевой. "Встречи с прошлым", вып. 4, М, 1982, сс. 428, 434.

КОРОТКОВ, Н. "Недра", кн. 6, 1925 /Рец./. "Рабочий Журнал", 1925, № 3, сс. 156–157 /поэма "Россия"/.

КОРШУНОВА, Н. "У нас в душе некошенные степи". "Бауманец", газ. Высш. Технич. училища, М, 10 июня 1977.

КОРЯКОВ, М. Освобождение души. Изд. им. Чехова, НЙ, 1952, сс. 89, 342.

–"– М. Волошин в 1917 году. НРС, 26 мая 1977.

КОСТЫЛЕВ, В. О "Силуэтах" и о кружковщине. "Свободн. Час", 1918, № 3, с. 7 /Шмелев о Волошине/.

КОЧЕТКОВ, А. Памяти поэта. Отр. из неопубл. поэмы о Волошине. Пб, 17 окт. 1980.

КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ, Н. Воспоминания. Л, 1977, сс. 82, 86, 118.

КРАНИХСФЕЛЬД, В. Литературные отклики. Симптомы современных переживаний и настроений. СМ, 1908, № 2, сс. II–25–27, 41.

–"– Литер. отклики. Тринадцать бессмертных. СМ, 1908, № 3, сс. II–84–89.

КРЕДОВ, Б. Максимилиан Волошин, поэт и художник. "Россия", НЙ, 29 апр. 1973.

КРЕСТИНСКИЙ, Ю. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество. АН, 1960, сс. 56–57, 59, 60, 63, 75.

КРИШТОФ, Е. Певцы моря и Киммерии. Вглядитесь в эти холмы и скалы. В его кн.: Приглашение к путешествию. Сф, 1965, сс. 53–59.

КРОН, А. О Всеволоде Иванове. В его кн.: Вечная проблема. М, 1976, сс. 226–227.

КРУГЛИКОВА, Е. Отрывки воспоминаний /О путешествиях в Андорру и Италию в 1901–1907 гг./. В кн.: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. М, 1969, сс. 46–49; также сс. 10, 11, 18, 26, 31, 46–49, 60, 68, 72, 74, 76, 78, 81, 91, 92; см. также в кн. "Максимилиан Волошин – художник", М, 1976, сс. 98–103.

КРУК, И. Модернистские течения. В кн.: Русская литература XX века. Дооктябрьский период. К, 1970, сс. 257, 266–267, 271.

КРУТИКОВА, Н. В начале века. Горький и символисты. К, 1978, сс. 278–280.

КРУЧИНИН, В. Стихи в орнаменте акварелей. "Мол. Гвардия", Пермь, 14 мая 1978.

КРЫМСКИЙ, В. Кое-что о поэте М. Волошине. НРС, 12 апр. 1970.

КРЮЧКОВ, Д. А. де Ренье. Маркиз д'Амеркер. /Рец./. "Северные Записки", 1914, № /3/, сс. 193–194.

КУБАТЬЯН, Г. Связи двух культур. "Звезда", 1978, № 10, сс. 208, 209.

КУДРОВА, И. Письма Марины Цветаевой Максимилиану Волошину. НМ, 1977, № 2, сс. 231–236, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 245.

–"– Лирическая проза Марины Цветаевой. "Звезда", 1982, № 10, сс. 172, 174, 175, 182–183.

КУЗМИН, М. М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. А, 1910, № 7, сс. II–37–38.

–"– Из дневников. ЛН, т. 92, кн. 1, 1980, сс. 154, 168.

КУЙБЫШЕВ, В. Выставка акварелей Волошина. "Веч. Москва", 23 янв. 1961.

КУЛИНИЧ, А. Очерки по истории русской советской поэзии 20-х гг. Изд. Киевск. ун-та, К, 1958, сс. 9, 60.

–"– Новаторство и традиции в русской советской поэзии 20-х годов. Изд. Киевск. ун-та, К, 1967, сс. 15, 26–29, 112, 121, 135–136, 221, 242.

К/улле/, Р. Крым в поэзии. "Красн. Газета", веч. вып., 18 июня 1928.

КУМАНЬКОВ, Е. Ваше слово, товарищ автор. М, 1965, с. 195.

КУНИНА, Е. Певец прекрасного. "Кировец" /пос. Кировское, Крым/, 21 июня 1966.

КУНЯЕВ, В. Акварели М. Волошина /Стихи/. "Советская Латвия", 27 марта 1977; НМ, 1978, № 2, сс. 39–40.

КУПРИЯНОВ, В. Максимилиан Волошин. В кн.: Русская поэзия начала XX века (Дооктябрьский период). БВЛ, 1979, с. 476.

КУПРИЯНОВ, И. Литературная мистификация в "Аполлоне". "Радуга", 1970, № 2, сс. 168–173.

–"– Письменицька репутація Максиміліана Волошина. РаЛ, 1970, № 5, сс. 41–54.

–"– Формирование личности Волошина. Автореферат канд.дисс. "Филология", К, 1971, сс. 3–12.

–"– Поэтичний пейзаж М. Волошина. РаЛ, 1972, № 7, сс. 37–48.

–"– Дарчі написи В. Брюсова на книжках. РаЛ, 1974, № 2, сс. 83–84.

–"– До історії відносин О. М. Толстого і Максиміліана Волошина. РаЛ, 1974, № 7, сс. 65–74.

–"– Поэтична спадщина митця. РаЛ, 1975, № 2, сс. 82–84.

–"– Лист М. Волошина до О. М. Горького. РаЛ, 1976, № 1, сс. 77–79.

–"– Вст. зам. к публ. "Неопубліковані вірші М. Волошина". РаЛ, 1977, № 3, с. 85.

–"– Волошин-перекладач. РаЛ, 1977, № 5, сс. 79–84.

–"– История одной дружбы /В. Брюсов и М. Волошин/. "Радуга", 1977, № 6, сс. 149–157.

–"– З листування М. Волошина і В. Брюсова. РаЛ, 1978, № 12, сс. 73–79.

КУПРИЯНОВ, И. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина). Акад. Наук УССР, изд. "Наук. Думка", К, 1978, 231 сс.; изд. 2-е, 1979, 231 сс.

–"– /Вст. зам. к публик. стихов Волошина/. "Радуга", 1982, № 10, с. 143.

–"– Недруковані листи О.М. Толстого. РаЛ, 1983, № 1, сс. 61–62.

КУПЧЕНКО, Вл. Дому поэта /Стихи/. "Радуга", 1965, № 9, с. 22.

–"– Названия рассказывают. Пб, 23 марта 1968.

–"– Кара-Даг. Сф, 1968, сс. 9, 11, 18, 23, 24, 29, 31, 34, 38, 43, 47, 50, 53, 56–60; изд. 2-е. Тр., 1976, сс. 7, 9, 26, 51.

–"– Волошин и Феодосия. Пб, 26 апр. 1969.

–"– Киммерия литературная. Пб, 22 и 24 янв. 1971.

–"– Скульптура крымских гор. Пб, 26 янв. 1971.

–"– Раннее стихотворение М. Волошина /Комм. к публ. стих. "Сурп-Хач"/. Пб, 3 июня 1972.

–"– Возвращение Максимилиана Волошина. "Кавказск. Здравница", Пятигорск, 17 авг. 1972.

–"– Поэт, художник, человек. "Родина", 1973, № 5, 4-я с. обложки.

–"– Маленькое открытие в старой книге. Пб, 11 дек. 1973.

–"– Профиль. Киммерийские этюды. Пб, 7 июня 1974.

–"– Кто назвал бухту? Киммерийские этюды. Пб, 28 июня 1974.

–"– Через девять тысяч километров. КурГ, 14 июля 1974.

–"– Адресат великого мариниста /М. Волошин и М. Петров/. Пб, 24 июля 1974.

–"– Последний сонет Александра Гатова. Пб, 20 авг. 1974.

–"– Айвазовский и М. Волошин. Пб, 11–13 сент. 1974.

–"– А. С. Грин в Коктебеле. Киммерийские этюды. Пб, 10 и 12 ноября 1974.

–"– Планерское–Коктебель. Фотоочерк. Тр, 1975, /59/ сс.

–"– Коктебельские дни А.Н. Толстого. Пб, 15–18 июля 1975.

–"– Морской змей у Кара-Дага. Пб, 17 янв. 1976.

–"– Феодосийцы – Парижу. Пб, 11 марта 1976.

КУПЧЕНКО, Вл. Феодосийский Литературно-Артистический Кружок (ФЛАК). ВЛ, 1976, № 4, сс. 312, 313, 314.

–"– Горький и Волошин. "Русск. Литература", 1976, № 2, сс. 144–151.

–"– Андрей Соболь в Коктебеле. Пб, 27 апр. 1976.

–"– Первые краеведы Феодосии. Пб, 12 и 18 мая 1976.

–"– М. А. Волошин и Ф. Сологуб. Публ., вст. ст. и комм. ЕР на 1974, 1976, сс. 151–164.

–"– М. Волошин в Евпатории. "Евпаторийск. Здравница", 24 июля 1976.

–"– М. Пришвин в Коктебеле. Киммер. этюды. Пб, 31 июля 1976.

–"– Феодосийское об-во "Киммерика". Киммер. этюды. Пб, 11 и 12 авг. 1976.

–"– Ненаписанная история Кара-Дага. Пб, 15 дек. 1976.

–"– Великое счастье. К 100-летию со дня рожд. М.А. Волошина /в дальн. сокращ. – 100/. Пб, 21 янв. 1977.

–"– Книга – подарок /рец. на кн.: Макс. Волошин – художник/. Пб, 18 февр. 1977.

–"– Хозяйка Дома поэта. Пб, 23 и 26 февр. 1977.

–"– Максимилиан Волошин и Диего Ривера. "Латинск. Америка", 1977, № 2, сс. 182–186.

–"– Заседание /Всесоюзной/ комиссии /по подготовке к юбилею Волошина/. Пб, 11 марта 1977.

–"– "Легенды" Дома поэта. Пб, 7–9 апр. 1977.

–"– Юбилейный вечер в Москве /в Доме художника/. Пб, 4 мая 1977.

–"– Поэзия красок (Максимилиан Волошин – художник) /Рец./. "В Мире Книг", 1977, № 5, с. 21.

–"– Максимилиан Волошин в Средней Азии и Казахстане. "Простор", 1977, № 5, сс. 122–125. /Предисл. А. Брагина/.

–"– Путник по вселенным. "Турист", 1977, № 5, сс. 28–29 /о странствиях В./.

–"– Селение у синих гор. "Сов. Культура", 27 мая 1977.

–"– Памятью насыщен, как земля. Максимилиан Волошин в советской литературе. Пб, 28 мая 1977 /монтаж отзывов о В. сов. прозаиков и поэтов/.

КУПЧЕНКО, Вл. "Один из первых поэтов России". СК, 28 мая 1977.

–"– "Я не учу – я пробуждаю" (100). "Учительск. Газета", 28 мая 1977.

–"– Музей в Коктебеле. КрП, 28 мая 1977.

–"– М. Волошин и М. Сарьян. В кн.: Литературн. взаимосвязи. Т.Е. Русско-армянск. литер. связи. Е, 1977, сс. 195–204.

–"– "На портреты свои не похож..." (Чехов и Волошин). В сбрн.: Чехов и его время. Н, 1977, сс. 200–217.

–"– Письма Марины Цветаевой к М. А. Волошину. Публ., вст. ст. и комм. ЕР на 1975, 1977, сс. 151–185.

–"– В Коктебеле. "Литература и Ты", вып. 6, 1977, сс. 138–142.

–"– Библиотека Максимилиана Волошина. КО, 9 авг. 1977.

–"– Максимилиан Волошин в Кисловодске. "Кавказск. Здравница", 17 авг. 1977.

–"– Сборник стихов М.А. Волошина /Стихотворения. БПмс, 1977, Рец./. Пб, 8 дек. 1977.

–"– Киммерийские этюды /М. Волошин и К. Богаевский/. Пб, 28 и 29 дек. 1977.

–"– Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин. ДН, 1978, № 1, сс. 283–284.

–"– Ильин-Женевский и Волошин. "Шахматы в СССР", 1978, № 1, с. 17.

–"– Восточнее Коктебеля. Пб, 4 февр. 1978.

–"– Поступление из Швейцарии. В доме поэта. Пб, 16 февр. 1978.

–"– "Знающему Крым – от бравшего Крым" (М.А. Волошин и В.В. Вишневский). ПБ, 1 марта 1978; "Литер. Учеба", 1978, № 3, сс. 222–223; "Слава Севастополя", 9 апр. 1978.

–"– Лик родной земли /Выставка, посв. творчеству В. в Пермск. худ. галерее/. "Вечерн. Пермь", 4 мая 1978.

–"– Открывший Пермь. /Листовка/. Выставка акварелей М.А. Волошина. Пермь, 1978.

–"– Михаил Булгаков в Коктебеле. Пб, 27 мая 1978.

–"– Они жили в Судаке. Пб, 21 июля 1978.

–"– Под опекой наркома: А. В. Луначарский и М. А. Волошин. Пб, 14 ноября 1978.

КУПЧЕНКО, Вл. Рождение музея. СК, 24 ноября 1978.

–"– Досадные погрешности. Вместо рецензии. Пб, 9 янв. 1979. /Об ошибках в стт. и публик. о В./.

–"– Жена поэта. "Даугава", Рига, 1979, № 3, сс. 118–121.

–"– Ошибка становится легендой. ВЛ, 1979, № 5, сс. 315–316 /Об ошибк. в стт. и публ. о В./.

–"– Самый красивый и строгий. . . (М. А. Волошин в Севастополе). "Слава Севастополя", 27 мая 1979.

–"– "Постоянное орудие моей работы. . ." (М. А. Волошин и книга). Пб, 4 авг. 1979.

–"– А.А. Блок и М.А. Волошин. Пб, 21 авг. 1979.

–"– Письма М. А. Волошина к К.Ф. Богаевскому /1910–1923. Предисл., публ., комм./. "Искусство", 1979, № 9, сс. 65–66.

–"– Марина Цветаева в Феодосии. Пб, 25 сент. 1979.

–"– Прижизненные издания М. Волошина. Пб, 22 янв. 1980.

–"– "Расти неудержимо, как лавина. . ." "За Автомобильно-Дорожн. Кадры", 13 мая 1980.

–"– Дом поэта. "Огонек", 1980, № 37, с. 19.

–"– М.А. Волошин и украинские писатели. Пб, 16 окт. 1980.

–"– Александр Кочетков /вст. зам. к публ./. Пб, 17 окт. 1980.

–"– Вольнолюбивая юность поэта. М.А. Волошин в студенческом движении. НМ, 1980, № 12, сс. 216–223.

–"– Остров Коктебель (Б-ка "Огонька"). Изд. "Правда", М, 1981, 48 сс.

–"– О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. Волошина. ВолЧ, сс. 105–113.

–"– Библиотека М.А. Волошина. ВолЧ, сс. 114–122.

–"– При жизни Волошина. АБ, № 11, 1981, сс. 239–245.

–"– ...Приобщение к Петербургу. "Нева", 1982, № 2, сс. 179–181.

–"– Максимилиан Александрович Волошин. В Библиограф. указателе: Русские советские писатели. Поэты. Т. 5, Кн, 1982, сс. 227–289.

–"– Жемчужина Дома поэта. АБ, № 12, 1982.

КУПЧЕНКО, Вл. Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину. "Литер. Обозрение", 1983, № 1, сс. 107–108.

–"– Алексей Толстой /его стихи "Коктебель", публ. Вл. Купченко/. Пб, 12 марта 1983.

КУПЧЕНКО, В., Р. ХРУЛЕВА. Петров-Водкин в Коктебеле. Пб, 13 февр. 1979.

–"– И.Г. Эренбург в Коктебеле. Пб, 27 февр. 1979.

КУР/син/СКИЙ, /А./. "Северные Цветы на 1903 г. Альм. 3" /Рец./. "Курьер", 14 апр. 1903 /В вагоне. Стих./.

КУСТОВ, Г. Неизвестные акварели М. А. Волошина. КрП, 8 окт. 1972.

ЛАВРИЕНКО, Г. Волошинские чтения /в Коктебеле/. Пб, 31 мая 1979.

ЛАВРОВ, А. Материалы А. Белого в Рукописном отделе Пушкинского дома. ЕР на 1979, 1981, сс. 71–76.

–"– Комм. к письмам Эллиса к Блоку. ЛН, т. 92, кн. 2, 1981, с. 285.

ЛАВРОВ, А., и Вл. КУПЧЕНКО. И.Ф. Анненский. Письма к М.А. Волошину. Публ., вст. ст. и прим... ЕР на 1976, 1978, сс. 242–252.

ЛАВРОВ, В. Празднование 100-летия со дня рождения М.А. Волошина в Пушкинском доме. "Русск. Литература", 1977, № 3, сс. 251–252.

ЛАВРСКИЙ, Н. И.Е. Репин и его критики. "Приазовск. Край", 21 февр. 1913 /Репин и В./.

ЛАНГУСИ, Н. Поэт, художник, путешественник. "Новороссийск. Рабочий", 28 мая 1977 /В. в Новороссийске осенью 1923/.

ЛАНН, Е. Писательская судьба М. Волошина. Всеросс. Союз Поэтов, М, 1927, 28 сс.

ЛАСУНСКИЙ, О. Тайничок старого профессора. В его кн.: Власть книги. Воронеж, 1966, сс. 268–269 /В. и историк И. Бороздин/.

–"– Собрание книг и автографов М. С. Лессмана. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия 1979 г. Н, 1980, сс. 430–431, 438.

ЛА ШЕНЕ, П.Ж. Письмо к М.А. Волошину, 18 ноября 1911. ЕР на 1979, 1981, сс. 253–254.

Л-В. Недра. Лит.-худ. сбрн., кн. 6, 1925 /Рец./. НМ, 1925, № 6, с. 152 /Россия, поэма/.

ЛЕВИН, Г. Живопись, ставшая поэзией. "Моск. Правда", 1 февр. 1961 /о выставке В./.

ЛЕЖНЕВ, А. Недра. Лит.-худ. сбрн., кн. 5, 1924 /Рец./. "Красн. Новь", 1924, № 6, с. 255 /Путями Каина, 11/.

–"– На правом фланге (О журналах "Россия" и "Русский Современник"). "Печать и Революция", 1924, № 6, с. 126 /Русь гулящая/.

–"– Диалоги. "Красн. Новь", 1926, № 1, с. 259.

ЛЕЛЕВИЧ, Г. По поводу стихотворного отдела "Красной Нови". "Мол. Гвардия", 1923, № 1, сс. 271–274 /Путями Каина, 5, 6, 7/.

–"– По журнальным окопам. "Мол. Гвардия", 1924, № 7–8, с. 265.

–"– Волошин, М. А. – Больш. Сов. Энциклопедия, т. 12, 1928, стб. 818–819.

ЛЕНТУЛОВА, М. Художник Аристарх Лентулов. М, 1969, сс. 19, 20, 22, 23, 27.

ЛЕОНТЬЁВ, Б. Верность идеи. ЛГ, 2 апр. 1957 /Россия, стих. 1915/.

ЛЕРНЕР, Н. П. де Сен-Виктор. Боги и люди /Рец./. "Ежемес. Лит. и Поп.-Научн. Прил. к журн. "Нива", 1915, № 11, сс. 483–484.

ЛЕСИН, Н. "Коктебельский отшельник". "Комсомольск. Знамя", К, 9 янв. 1966.

ЛЕСИНА /ШУЛЬЦ/, Н. Планерское-Коктебель. Очерк-путеводитель. Сф, 1966, сс. 3, 4, 11–19, 24, 26, 27, 38, 39, 46, 58, 60, 61, 64, 65; изд. 2-е, Сф, 1969, сс. 4, 10, 11–24, 25, 26, 28, 30–31, 40–41, 45, 46, 50–51, 60, 76–77; изд. 3-е, Сф, 1976, сс. 9, 12–16, 18–19, 26, 66–67.

ЛИБЕДИНСКАЯ, Л. "Зеленая лампа". Воспоминания. СП, 1966, сс. 89, 354.

ЛИДИН, В. Тропинка в Киммерии. Собр. соч. в 3 тт., т. 3, М, 1974, сс. 479–482.

–"– Друзья мои – книги. М, 1976, сс. 215–218 /В. и Черубинаде Габриак/.

ЛИПСКЕРОВ, К. М. Волошин. Anno mundi ardentis /Рец./. "Русск. Ведомости", 11 янв. 1917.

ЛОБАНОВ, В. Кануны. М, 1968, сс. 275–276 /выступл. В. в "Бубновом валете"/.

ЛОНДИС, Л. Александр Платонович Лондис. Л, 1975, сс. 50–51, 71 /Дом поэта/.

ЛОПАТИН, Н. Хочу быть неврастеником. УР, 30 марта 1911.

ЛУЖИН, Ф. "Государстволюбие". ВРХД, № 118, 1976, сс. 273–274.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. III Интернационал и интеллигенция. "Коммун. Интернационал", 1921, № 17, сс. 4173.

ЛУПА. Свиток. № 2 /Рец./. "Горн", 1922, № 2/7/, с. 144 /Готовность, Заклятие/.

ЛУРЬЕ, А. Поэма А. С. Пушкина "Медный всадник" и советская поэзия 20-х годов. В кн.: Советская литература. Пробл. мастерства. Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена – Ученые Записки. Л, 1968, сс. 64, 67–68 /Петербург/.

–"– Проблема историзма в советской поэме первых лет революции. В кн.: Русская революция и вопросы развития литературы. Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена – Ученые Записки. Л, 1968, сс. 23–25.

–"– Поэтический эпос революции. Н, Л, 1975, сс. 76–79, 102–106.

ЛЬВОВ, Л. Памяти Максимилиана Волошина. "Россия и Славянство", Пар, 27 авг. 1932.

ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ, В. Французские лирики XIX века. Пер. В. Брюсова /Рец./. СМ, 1909, № 9, сс. II–103.

–"– Северные Цветы. Альм. 5-й /Рец./. СМ, 1911, № 8, с. II–345 /Аполлон и мышь/.

–"– Новейшая русская литература. М, 1922, сс. 286–287.

–"– О М. Волошине. В его кн.: Книга для чтения по истории новейшей русской литературы, т. II, "Прибой", Л, 1925, сс. 116–117.

ЛЮБИМОВ /Дмитриев/, М. Злобы дня. ГМ, 15/28 февр. и 17 февр./2 марта 1913 /В. и Репин/.

ЛЮБИТЕЛЬ. Первая Всекрымская художественная выставка. ККр, 27 ноября 1927.

–"– Выставка картин крымских художников /в музее Тавриды/. ККр, 6 февр. 1928.

ЛЯШЕВИЧ, Л. М. Волошин. Лики творчества /Рец./. "Отклики", № 19, прилож. к газ. "День", 15 мая 1914.

М., И. Литературная летопись: Русские журналы. "Вестник Всемирной Истории", 1900, № 5, сс. II–193–200.

МАБО-АЗОВСКИЙ, М. О Максимилиане Волошине, Мандельштаме и других. Из воспоминаний. НРС, 14 янв. 1949.

МАВИЧ, И. Диспут "бубновых валетов" /Из доклада Н. Кульбина/. "Столичная Молва", 13 февр. 1912.

МАГИДСОН, С. М. Волошин. В кн.: Песнь любви. М, 1967, с. 621; изд. 2-е, т. 1, М, 1971, с. 727.

МАЗУНИН, А. Три стихотворных переложения "Жития" протопопа Аввакума. ТОДРЛ, т. XIV, 1958, сс. 408–410.

МАКАРОВА, Т. Кистью поэта. "Моск. Художник", 11 марта 1977.

МАКОВСКИЙ, С. К стихотворениям М. Волошина. НЖ, № 39, 1954, сс. 133–135.

–"– Портреты современников. Изд. им. Чехова, НЙ, 1955, сс. 231–232, 274, 277, 311–331, 335, 337, 338, 340, 342–345, 347–349, 353–356, 357, 358.

–"– На Парнасе "Серебряного Века". ЦОПЭ, Мн, 1962, сс. 21–22, 92, 150, 174, 181, 207, 348, 359–360.

МАЛИНИН, П. "Киммерии темные холмы..." С выставки К. Богаевского и М. Волошина. КрП, 27 авг. 1966.

МАЛКИНА, Е. Иннокентий Анненский. "Литер. Современник", 1940, № 5–6, с. 211.

МАЛОВА, М., Н. ПАНЧЕНКО. Обзор историко-литературных архивных материалов XVIII–XX вв., поступивших в РО ИРЛИ (ПД) за 1958–1961 гг. ЕР на 1969, 1971, сс. 91, 92, 93, 101, 102, 104; то же, за 1962–1965 гг. ЕР на 1970, 1971, с. 116.

МАЛОВА, Т. Таврида и Бердянск. "Россия", НЙ, 26 авг. 1972.

МАЛЬЦЕВ, В. /О выставке произведений М. Волошина и К. Богаевского в Доме ученых СО АН СССР/. "За Науку в Сибири", 22 дек. 1977.

МАМОНТОВ, В. М.А. Волошин и журнал "Весы". В кн.: "Вторая научн. конференция. Тезисы докладов по итогам научно-исслед. работы в 1966 г." Южно-Сахалинск. 1967, сс. 201–203.

–"– Дом поэта. "Мол. Гвардия", Южно-Сахалинск, 5 авг. 1967.

–"– Своеобразие пейзажной лирики М. А. Волошина. В кн.: Материалы объедин. научн. конференции Южно-Сахалинск. пединститута и Сахалинск. КНИИ. Южно-Сахалинск, 1968, вып. 2 (филолог. науки), сс. 21–22.

–"– Тема природы в лирике М. А. Волошина (1900–1910 гг.). В кн.: Проблемы изучения художественного произведения (методология, поэтика, методика). Тезисы докладов XI науч.-теорет. и метод. конф., орг. кафедрой русск. литер. (23–25 мая 1968 г.). Моск. пед. ин-т им. В.И. Ленина, М, 1968, ч. 2, сс. 61–62.

–"– Пейзажная лирика М.А. Волошина (Исторический пейзаж). "Ученые Записки". Хабаровск. пед. ин-т. Т. 23 (серия литературы). Хабаровск, 1970, сс. 60–73.

–"– М.А. Волошин и В.Я. Брюсов. "Ученые Записки". Хабар. пед. ин-т. Т. 31, Хабаровск, 1971, сс. 52–65.

–"– Ранняя лирика М. А. Волошина. В кн.: Вопросы русск., совет. и зарубежной литературы. /Т. 1/, Хабаровск, 1972, сс. 103–124.

–"– Своеобразие ранней лирики М. А. Волошина. В кн.: Проблемы идейно-эстетического анализа художественной литературы в вузовских курсах в свете решений XXIV съезда КПСС. М, 1972, сс. 198–200.

МАМОНТОВ, С. Диспут "Бубновых валетов". РСл, 14/27 февр. 1912.

МАНДЕЛЬШТАМ, Над. Вторая книга. YMCA, Пар, 1972, сс. 21, 93, 98–101, 110, 271, 527, 604.

МАНДЕЛЬШТАМ, О. Начальник порта. Собр. соч., т. 2, изд. 2-е, п. ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова, МЛС, 1971, сс. 113–114.

МАНУЙЛОВ, В. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин. В кн.: Брюсовские чтения 1971 г., Е, 1973, сс. 438–474.

МАНУЙЛОВ, В. Максимилиан Волошин – поэт, мыслитель, художник. ВолЧ, сс. 3–11.

МАРКОВ, А. Максимилиан Волошин – Черубине де Габриак /дарст. надп./. ДН, 1975, № 7, с. 283.

–"– "...Мой дом раскрыт навстречу всех дорог". ДН, 1977, № 5, сс. 285–286 / о своем собр. кн., аквар. и рукописей В./.

–"– /О рисунках М. А. Волошина/. "День Поэзии. 1981". М, 1981, сс. 132–133.

–"– М. Волошин-переводчик. КО, 1982, № 8, 19 февр., с. 16.

–"– Первая книга поэта. ДН, 1982, № 11, с. 265.

МАРКОВ, В. Предисл. и зам. в его кн.: Приглушенные голоса. Изд. им. Чехова, НЙ, 1952, сс. 13–14, 46.

МАРКОВА, В. Вст. ст. к воспомин. Л. Фейнберга "О Максимилиане Волошине и Константине Богаевском". "Панорама Искусств", т. 5, 1982, сс. 146–148.

МАСАНОВ, И. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Изд. Всесоюзн. Книжн. Палаты, М: т. 1, 1956, с. 250; т. 2, 1957, сс. 61, 141.

МАЦУКЕВИЧ, А. Слово о поэте. КО, 1 июля 1977, с. 15.

МАЯКОВСКИЙ, В., В. ХЛЕБНИКОВ, Д. БУРЛЮК, Н. БУРЛЮК. Пощечина общественному вкусу. /Листовка/ /1913/ и в кн.: В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 тт., т. 13, АН, ГИХЛ, 1961, с. 247.

МЕДОВИКОВ, С. Мой дом открыт навстречу всех дорог... "Комсомолец Донбасса", Донецк, 28 мая 1977.

МЕЛЬНИКОВА-ПАПОУШКОВА, Н. Еще нечто о новейшей русской поэзии. В кн.: Антология русской поэзии XX столетия. Ч. 2, Прага, 1920, сс. 5, 7.

МЕНЬШУТИН, А., А. СИНЯВСКИЙ. Поэзия первых лет революции. 1917–1920. Н, 1964, сс. 33, 35, 117, 196, 371.

МЕССЕР, Р. Русские символисты и империалистическая война. "Ленинград", 1932, № 7, с. 73.

МЕТЕРЛИНК, Морис. Письмо к М. А. Волошину, 29 мая 1904. ЕР на 1979, 1981, сс. 256–257.

МЕТЧЕНКО, А. Главное направление. В кн.: О литературно-художеств. течениях XX века. М, 1966, сс. 16–17.

МЕЩЕРЯКОВ, Н. Волна мистики. "Печать и Революция", 1922, № 2, сс. 36, 43 /"Русь, встречай роковые годины"/.

МИЛАШЕВСКИЙ, В. Вчера, позавчера. Л, 1972, с. 188.

МИЛЛЕР-БРУДНИЦКАЯ, Р. Крым в современной художественной литературе. Сф, 1931, сс. 12, 27, 28, 36, 41–42, 74.

МИЛЯВСКИЙ, А. Памяти Волошина /Стихи/. В его кн.: Перевал. Сф, 1977, с. 31.

МИМОЗА /Д. Соколов/. Пляска дикарей. "Театр", 15 февр. 1913 /В. и Репин/.

МИНДЛИН, Э. Серьезный разговор. Заметки о детском театре. "Сов. Искусство", 6 февр. 1945.

–"– Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. СП, 1968, сс. 5–41, 43, 79, 80, 81, 86, 88–89, 159, 208, 239, 431, 432–433.

МИНУТКО, И. Три очерка из "Крымских записок": 3. Дом поэта. "Мол. Коммунар", Тула, 28 сент. 1969.

МИНЧЕНКОВ, Я. Воспоминания о передвижниках. М, 1940, сс. 152, 297, 299; изд. 2-е, Л, 1959, сс. 184; изд. 3-е, Л, 1961, с. 184; изд. 4-е, Л, 1963, сс. 184, 338–339; изд. 5-е, Л, 1964, с. 184.

МИТРОПАН, П. Встреча с В. Г. Короленко. ВЛ, 1965, № 5, сс. 168–169 /отзыв о В./.

МИХАЙЛОВ, А. Мартирос Сергеевич Сарьян. СХ, 1958, сс. 30–33.

МИХАЙЛОВ, Н. Круг земной. М, 1976, сс. 40–41 /Наука и поэзия в творчестве В./.

МИХАЙЛОВ, О. Строгий талант. Иван Бунин: Жизнь, судьба, творчество. М, 1976, сс. 241, 254, 256 /отзывы Бунина о В./.

МИХАЙЛОВА, Н. На огонек к Волошину. "Таганрогская Правда", 14 сент. 1977.

МОРОЗОВ, М. Среди книг и журналов. "Всеобщий Ежемесячник", 1911, № 1, сс. 9–15; Волошин приглашает принять зло в себя /Рец. на ст. Волошина "Судьба Льва Толстого"/. Там же, сс. 127–129.

МОЧУЛЬСКИЙ, К. Валерий Брюсов. YMCA, 1962, сс. 68, 81, 84–85, 104, 182, 183.

МУРАТОВ, П. Искусство в "Аполлоне". УР, 19 ноября 1909.

МУРЗАЛИЕВ, К. Коктебель /Стихи/. Пер. И. Фонякова. "Простор", 1982, № 6, сс. 2–3.

Н. "Русь" Макс. Волошина. РМс, 1922, № I–II, сс. 332–342.

Н. Н. К докладу о Максимилиане Волошине. НРС, 23 апр. 1966.

–"– Люди, знавшие Волошина. (В студии Т.Н. Тарыдиной). НРС, 23 апр. 1970.

НАГАЕВСКАЯ, Е. Выставка художника-поэта. "Ленинская Правда", Бахчисарай, 16 сент. 1961.

НАДЕЖДИН, Ю. Под солнцем Киммерии /Выставка В. в Перми/. "Вечерн. Пермь", 26 мая 1978.

НАРОВЧАТОВ, С. Максимилиан Волошин. Вст. ст. в кн.: Макс. Волошин. Стихотворения. БПмс, 1977, сс. 5–40.

–"– "Благослови свой синий окоем..." ЛГ, 1 июня 1977.

НАУМОВ, Е. О спорном и бесспорном. Л, 1973, с. 24 /В. во время гражд. войны/.

НЕБОЛЬСИН, С. Александр Блок и современное западное литературоведение. В кн.: Русская литература и ее зарубежные критики. М, 1974, с. 333.

–"– В поисках стилевой соразмерности. В кн.: Многообразие стилей советской литературы. М, 1978, сс. 103, 105.

НЕСТЕРЕНКО, Е. Памяти певца Тавриды. "Ворошиловградск. Правда", 21 мая 1977.

НЕСТЕРОВ, М. Письма к: С.Н. Дурылину, 14 июля 1926; А.А. Турыгину, 1 и 8 марта 1927. В кн.: М. В. Нестеров. Из писем. И, 1968, сс. 252, 261, 262, 405.

–"– Письмо к А. Д. Трескиной, 18 авг. 1932. В сбрн.: Встречи с прошлым. Вып. 3, М, 1978, с. 246.

НИКАНОРКИН, А. Зимняя сказка. СК, 16 янв. 1977.

НИКИТИНА, Е. Русская литература от символизма до наших дней. М, 1926.

–"– Русская поэзия на рубеже двух эпох. Ч. 1. Изд. Саратовск. ун-та, Саратов, 1970.

НИКОЛАЕВА, В. К юбилею поэта. "Сов. Культура", 25 февр. 1977.

НИКОЛАЕВА, Т. Домик у моря. КурГ, 1 авг. 1971.

НИКУЛИН, Л. Перечитывая Алексея Толстого. В его кн.: Годы нашей жизни. М, 1966, сс. 260, 261. /О вечере М. Волошина, А. Толстого и А. Корвин в Севастополе, в театре "Ренессанс" в 1910-е гг./.

НОВИКОВ, А. Судьба поэта. НРС, 15 авг. 1982 /К 50-летию со дня смерти В./.

НОВИКОВ, В. Российские пророчества. НРС, 11 янв. 1959.

НОВИКОВ, В. Партийность и народность – основной принцип советской литературы и искусства. В кн.: Литература и современность. Сбрн. 4, М, 1963, с. 28.

–"– Героическому времени – героическое искусство. М, 1964, с. 56.

НОВИКОВ, Н. Волшебный край. КурГ, 30 авг. 1970.

НОВИКОВА, С. Улыбка Таиах. "Мол.Коммунар", Воронеж, 2 июня 1977.

НОВИЦКИЙ, П. Поэзия и искусство в эпоху Октябрьской революции. ККр, 7 окт. 1922.

ОДИН ИЗ ПУБЛИКИ. По выставкам. "Моск. Ведомости", 29 дек. 1916/11 янв. 1917.

ОДИНОКИЙ, В. Душа тоскующей полыни. (К лекции М. Волошина). "Южн. Почта", 6 дек. 1916.

ОЗЕРОВ, Л. Надпись на книге. В сбрн.: Встречи с книгой. Кн, 1979, сс. 238, 241.

ОКЛЯНСКИЙ, Ю. Шумное захолустье. Куйбышев, 1969, сс. 213–214 /Встреча В. с А. Н. Толстым/.

О. Л. Д'ОР /О. Оршер/. Три дуэли. В его кн.: О сереньких людях. СПб, 1912, сс. 197–198 /Дуэль между В. и Гумилевым/.

ОЛЕША, Ю. Ни дня без строчки. Из записных книжек. М, 1965, сс. 124–125; Избранное. М, 1974, с. 424.

ОЛЕШКОВСКИЙ, А. Поэзия, запечатленная кистью. КрП, 1 ноября 1964.

ОЛИДОРТ, Б. Anno mundi ardentis /Рец./. "Приазовск. Край", 13 окт. 1916.

ОЛИНСКИЙ, М. /текст/, А. МИЩЕНКО /гравюры/. Исторические места и памятники Крыма. Крымиздат, Сф, 1960, сс. 88–89, 94.

ОПАЛОВ, В. У Максимилиана Волошина в Коктебеле. ККр, 23 июня 1929.

ОРЛОВ, В. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М, 1934, сс. 365, 384 /В. – член Исполн. Ком-та студ. орган. при Моск. ун-те/.

ОРЛОВ, Вл. /О Волошине/. "История русской литературы", т. X, АН, 1954, сс. 756, 774, 775.

–"– Минувший день. Поэты нашего века. В его кн.: "Перепутья. Из истории русской поэзии XX века", ГИХЛ, 1976, сс. 96–102.

–"– Поэма Александра Блока "Двенадцать". Страница из истории советской культуры. Изд. 2-е, ГИХЛ, 1967, сс. 36, 174–175, 196.

ОСВ., О. Максимилиан Александрович Волошин. "Всемирная Иллюстрация", 1923, № 10, с. 15.

ОСЕНЕВ, А. Литературная Москва: "Кооператив покойников", частные кружки, "салоны". "Сов. Юг", 21 февр. 1926 /о чтении В. его произв. на засед. "Никитинских Субботников"/.

ОСПОВАТ, Л. Диего Ривера. М, 1969, сс. 132, 135, 139, 144.

ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА, А. Автобиографические записки. Изд. 2-е, И, 1974, кн. 1, сс. 361, 600; кн. 2, сс. 53–55, 57, 59, 62, 63, 65–67, 70, 71, 90, 261, 388, 424, 427, 430; кн. /т./ 3, М, 1951, сс. 30–40, 50; М, 1974, сс. 53, 57, 59, 62–63, 65–67, 70–71, 90, 261, 388, 430; также в кн. "Макс. Волошин – художник", М, 1976, сс. 104–113.

ОФРОСИМОВ, Ю. Свидетель эпохи (О воспоминаниях Маргариты Волошиной). НРС, 9 окт. 1955.

ОХОЧИНСКИЙ, В. Ленинградское о-во библиофилов (1925–янв. 1928). В кн.: АБ, Л, 1929, с. 355 /об адресе, преподнес. В. в связи с 25-летием лит. деятельн./.

П., Н. Наши поэты. Заметки читателя. "Керч.-Феодосийск. Курьер", 16 февр. 1913.

–"– К вечеру Максимилиана Волошина. ККр, 30 июля 1922.

ПАВЛОВ, Вл. Историософские взгляды Максимилиана Волошина. "Грани", Ф, 87–88, 1973, сс. 275–287.

ПАВЛОВ, К. "Рассеянная буря" (Еще о путях и судьбах русской литературы). "Вестник Литературы", 1922, № 2–3, с. 18.

ПАНИНА, А. Архив издательства М. и С. Сабашниковых. ЗЛБ, вып. 33, 1972, сс. 86, 87, 95, 127.

П/аперная/, Э., А. Р/озенберг/, А. Ф/инкель/ /сост./. Парнас дыбом. Про козлов, собак и веверлеев. Изд. 2-е, Х, 1926, сс. 23–24; изд. 3-е, Винница, 1927; оф. переизд. – Монреаль, Канада, /1963/ (М. Волошин. "Псу супостату, взалкавшему мяса" – /парод./).

ПАПЕРНЫЙ, З. Лирики и революция. В кн.: Социалист. реализм и художеств. развитие человечества. М, 1961.

ПАРТИЗАН. Вечер "поэзии и музыки". "Жизнь Феодосии", 18 дек. 1913 /вечер в О-ве приказчиков, на кот. выступал со стих. В./.

ПАСТЕРНАК, Б. Письмо к М.И. Цветаевой, 20 апр. 1926. ВЛ, 1978, № 4, с. 240.

–"– Письмо к М. А. Волошину, 17-20 апр. 1926. ЕР на 1979, 1981, сс. 191–198.

ПАСЮТИН, Э. Из коллекции искусствоведа /А. Чегодаева в Музее им. Пушкина/. "Известия", 14 марта 1976.

ПАУСТОВСКИЙ, К. Повесть о жизни. Собр. соч. в 8 тт., ГИХЛ, т. 4, 1968, сс. 425–426, 547, 548–549; т. 5, 1968, с. 205.

–"– "...Создаю себя" (Из писем) /От 1 и 2 февр. 1917/. В его кн. "Поэтическое излучение". М, 1976, сс. 408–409.

ПЕРЕЛЕШИН, В. Дьявол в русской литературе. НРС, 4 июня 1972.

–"– Максимилиан Волошин (К 40-летию со дня смерти). НРС, 5 ноября 1972.

ПЕРЕЛЬМУТЕР, В. Третий собеседник (О переводах М. Волошина). "Мастерство перевода", вып. 12, 1979, СП, 1981, сс. 413–427.

ПЕРЕПЛЕТЧИКОВ, В., М. НЕСТЕРОВ, А. МОРАВОВ, Н. ГЛОБА. Издевательство над Репиным. Как общество должно реагировать на выходку "Бубнового валета". РаУ, 15 февр. 1913.

ПЕРЦОВ, В. Маяковский. Жизнь и творчество. (1918–1924). М, 1974, с. 93 /стих. "Бегство"/.

ПЕТЕЛИН, В. Алексей Толстой М, 1978, сс. 86–90, 95, 96, 99, 101, 102, 110.

ПЕТРОВ, Г. Духовное обнищание. РСл, 16/29 апр. 1910.

–"– Деревенские впечатления. Хулиганство. РСл, 2/15 марта 1913 /В. и Репин/.

ПЕТРОВ, Г. /Б. Филиппов/. Ленинградский Петербург. "Грани", Ф, № 18, 1953, сс. 40–41.

ПЕТРОВА, Т. "Волошинские Чтения" /Реф./. "Реферативный Журнал. Обществ. науки в СССР", серия 7. Литературоведение, 1982, № 3, сс. 124–129.

ПЕТРОВСКАЯ, Н. Цветы прошлого. "Моск. Газета", 7 сент. 1911.

ПИЛЬСКИЙ, П. 2 испанца. "Одесские Новости", 25 ноября/8 дек. 1909 /Дуэль В. и Гумилева/.

ПИР. Поэзия, вышедшая в тираж. "Комсомолия", М, 1926, № 5, сс. 66–67.

ПИРОГОВ, В. Поэт, художник, критик. "Веч. Новосибирск", 1 июня 1977.

ПИСАКА. Срам. "Крокодил", 1924, № 16 /96/, с. 10 (Литер. лоханка) /Русь гулящая/.

ПИСТУНОВА, А. Акварели поэта. ЛР, 1971, № 49, 3 дек., с. 15; переп. НРС, 22 дек. 1971.

–"– Книжка с картинками. ДН, 1974, № 9, с. 230.

ПЛАХОТНАЯ, О., Л. ТАЕЖНАЯ. Убеждающая искренность. "Моск. Художник", 29 июля 1976.

ПЛЕТНЕВ, Р. Три пути России и пророчества. РМ, 10 авг. 1961.

–"– Шесть бесед о русской литературе. Изд. "Заря", Лондон/Онтарио, 1973, сс. 31, 85, 88–89.

ПОГОРЕЛОВА, Б. "Скорпион" и "Весы". НЖ, № 40, 1955, сс. 173–175.

ПОГРЕБЕЦКАЯ, И. /О выставке произведений М. Волошина в Феодос. картинн. галерее им. И.К. Айвазовского/. ЛР, 26 окт. 1973, с. 17.

–"– В залах галереи. Зал № 10. В кн.: Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Путеводитель. Изд. 3-е, Тр, 1982, сс. 80, 83, 85–87.

ПОДОЛЬСКАЯ, И. И. Куприянов. Судьба поэта. /Реф./. "Реферативный Журнал. Общественные науки в СССР", серия 7. Литературоведение, 1979, № 3, сс. 131–134.

ПОДУФАЛЫЙ, Р. Шедевры графики Крыма. Выставка в Симферопольском художеств. музее. "Строитель Канала", 8 марта 1979.

ПОЛКАНОВ, А. Судак. Историко-краеведч. очерк. Сф, 1964, сс. 6, 41, 115–117; изд. 6-е, Сф, 1966, сс. 97, 100–103.

–"– Художник и поэт. К 90-летию со дня рождения М. А. Волошина. КрП, 17 мая 1967.

–"– Крымские встречи. К 100-летию со дня рожд. М. А. Волошина. "Звезда", 1977, № 5, сс. 184–187.

ПОЛКАНОВ, А., Ю. ПОЛКАНОВ. Судак. Путеводитель. Сф, 1978, сс. 6, 47, 48, 67, 75, 77, 81–82.

ПОЛОНСКИЙ, В. Из литературы и жизни. Цветы весенние. "Всеобщий Ежемесячник", 1910, № 5, с. 91 /Стихотворения. 1900–1910/.

ПОЛУН, С. Новые приобретения /в Феодос. карт. галерее/. Пб, 25 июня 1971.

ПОЛЯК, Л. Алексей Толстой-художник. М, 1964, сс. 18, 29, 46, 232.

ПОЛЯКОВ, С. Письмо к В.Я. Брюсову, 6/19 сент. 1904. ЛН, т. 85, 1976, с. 451.

ПОЛЯКОВА, С. Поэзия Софии Парнок. Вст. ст. и прим. в кн.: С. Парнок. Собр. стих. Изд. "Ардис", Анн-Арбор, 1979, сс. 14, 15, 16, 21, 24, 25, 28, 29, 67, 307, 312, 314, 315, 317, 320, 323, 331, 335, 337.

ПОЛЯНИН, А. /Парнок, С/. Несколько слов о современной поэзии. "Всеобщий Ежемесячник", 1911, № 10, с. 104.

ПОПОВА, Р. Живописная поэма о Коктебеле. На выставке картин М.А. Волошина. КрП, 24 сент. 1961.

–"– Встреча поэтов и художников. КурГ, 9 марта 1962.

–"– Стихи, написанные кистью. "День Поэзии в Крыму. 1965", Сф, сс. 112–114.

–"– Жизнь и творчество М. А. Волошина. В кн.: Максимилиан Волошин-художник. М, 76, сс. 12–40.

ПОСТУПАЛЬСКИЙ, И. Поэзия Валерия Брюсова. В кн.: В. Брюсов. Избранные стихи. Ас, М-Л, 1933, сс. 115, 116 /Путями Каина, 11/.

–"– Жозе-Мариа де Эредиа – поэт знаменитый и неведомый. Вст. ст. в кн.: Ж.-М. Эредиа. Трофеи. ЛП, 1973, сс. 206–207, 227–228, 247, 250, 267, 306, 307, 312.

ПОТАПЧИК, В. К 100-летию М. А. Волошина /Выставка в Гос. б-ке БССР им. В.И. Ленина/. "Веч. Минск", 3 июня 1977.

ПОТУПОВ, Е. "Открытый всем ветрам...". "Брянск. Комсомолец", 27 мая 1977.

ПОЧИВАЛОВ, Л. Счастье быть нужной. "Правда", 3 авг. 1978 /О помощи В. актрисе Ф. Раневской в годы гражданск. войны/.

ПРАВДУХИН, В. Недра. Лит.-худ. сбрн. Кн. 6 /Рец./. "Красн. Новь", 1925, № 3, с. 289 /Россия. Поэма/.

ПРИШВИН, М. Славны бубны. Собр. соч. в 6 тт., т. 4, ГИХЛ, 1957, сс. 132–135.

Программа вечера в 1-й Московской гимназии, 31 янв. 1893 /гимназист М. Кириенко-Волошин читает "Клеветникам России" Пушкина/. (Типогр. В. Лесснера и Ю. Романа).

ПРОКОФЬЕВА, Н. Волошин – художник. "Сов. Культура", 18 дек. 1971.

ПРОРОКОВА, С. Репин. М, 1960, сс. 359–364.

ПРОФФЕР, Э. и К-Р. Цветаева. Фотобиография. Двуязычн. изд. "Ардис", Анн-Арбор, 1980, сс. 9, 44, 46, 48, 79, 140.

ПЧЕЛИН, Н. Все видеть, все понять. "Ленинская Смена", Горький, 28 апр. 1979.

ПЯСТ, В. По поводу последней поэзии. "Gaudeamus", 1911, № 5, с. 8.

–"– Встречи. Изд. "Федерация", М, 1929, сс. 137, 142.

РАМБЮСОН, Иваное. Письмо к М. А. Волошину, 31 янв. 1904. ЕР на 1979, 1981, сс. 250–251.

РАМЮЗ, Шарль-Фердинанд. Письмо к М. А. Волошину, 24 янв. 1912. ЕР на 1979, 1981, сс. 257–258.

РАНОВА, Е. О двух жемчужинах. /1/. Киммерии поэт и живописец. "Мол. Ленинец", Курган, 29 марта 1975.

РАЦ, М. С. А. Абрамов и его изд-во "Творчество". АБ, № 7, 1980, сс. 167–169, 174, 175.

РЕЙН, Е. С радостью вписываю в альбом Инн. Мемн. Барсаламова. ВЛ, 1981, № 6, сс. 308–314.

РЕРИХ, Н. Из литературного наследия. Лист. дневника. Избранные статьи. Письма. И, 1974, сс. 166–167, 452.

РИШИНА, И. Максимилиану Волошину посвящается. ЛГ, 18 мая 1977.

РОБИНСОН, А. Неизданная поэма М.А. Волошина о Епифании. ТОДРЛ, т. XVII, 1961, сс. 512–515.

РОДОВ, С. Дело обстоит куда хуже. "Труд", 3 сент. 1922.

–"– "Оригинальная" поэзия Госиздата. НПс, 1923, № 2–3, стб. 142–143.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Вс. Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. СП, 1962, сс. 304–340; изд. 2-е, М, 1974, сс. 357–390.

–"– Коктебельские камушки. "Аврора", Л, 1974, № 9, сс. 55–63.

РОЖИЦЫН, В. Октябрь белогвардейцев. ККр, 2 ноября 1922.

РОЗИНЕР, Ф. Гимн солнцу. Искусствоведч. повесть. М, 1974, сс. 172–173 /Воспом. А. А. Сидорова о посещении В. выставки М. Чурлениса и его выступлении на ее обсуждении/.

РОСТОЦКИЙ, Б. Новые течения в театре. В кн.: Русская художеств. культура конца XIX–начала XX века. Кн. 3, М, 1977, сс. 108, 396.

РУБАНОВИЧ, С. М. Волошин. Иверни /Рец./. "Свободная Жизнь", 5 июля 1918.

РЫЛЕНКОВ, Н. Коктебельская элегия. "Звезда", 1976, № 6, сс. 136–154.

РЫЛОВ, А. Воспоминания. М, 1954, с. 142; изд. 4-е, Л, 1960, с. 147; изд. 4-е, Л, 1977, с. 147.

РЯХОВСКИЙ, В. Долина голубых гор. "На Суше и на Море", 1934, № 15, сс. 8–9.

СААКЯНЦ, А. Вст. ст. к публик. очерка М. Цветаевой "Живое о живом". "Литературная Армения", 1968, № 6, сс. 78–79.

–"– Прим. в кн.: М. Цветаева. Соч. в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, 1980, сс. 504–515.

САБАНЕЕВ, Л. Мои встречи. НРС, 19 июля 1953.

САБАШНИКОВ, М. Письма к М. А. Волошину: 1912–1913 гг. Публ., предисл. и комм. С. Белова. В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сбрн. 38, М, 1979, сс. 140, 141, 146.

САБАШНИКОВА, М. Письма к М. А. Волошину: 23 мая 1912, 25 янв., 13 июня и 2 дек. 1913 – в публик. С. В., Белова. "Книга", сбрн. 38, 1979, сс. 140, 141, 145–147.

С/авинич/, Б. М. Волошин. Лики творчества /Рец./. УР, 1 февр. 1914.

САДДУКЕЙ /С. Кара-Мурза/. Литературные салоны (Страничка из жизни Москвы). "Моск. Газета", 3 февр. 1913 /В. и Бальмонт/.

САДОВСКОЙ, Б. Юбилей безвременья (1889–1914). В его кн.: Озимь. Статьи о русской поэзии. Пг, 1915, с. 38.

САЙКИН, О. Певец Киммерийской земли. Вст. зам. к публик. стихов Волошина. "Москва", 1977, № 5, сс. 179–180.

САМАРИН, Вл. Литературные заметки: Обугленная Россия. НРС, 15 авг. 1973.

САМВЕЛЯН, Н. Человек и его земля. "Комсомольск. Знамя", К, 19 мая 1968.

–"– Загадка Черубины де Габриак. "В Мире Книг", 1975, № 6, сс. 89–90.

САРЬЯН, М. Из моей жизни. Пер. А. Иоанисяни. И, 1970, сс. 184–187.

–"– Письмо к И.К. Кусикьяну, 24 февр. 1924. "Историко-Филологич. Журнал", Е, 1980, № 1, сс. 246–247.

САФОНОВА, Н. Певец земли Киммерийской. "Трибуна Рабочего", Николаев, 23 мая 1979.

САХАРОВА, Е. Поэзия и революция (Тема революции в творчестве М.А. Волошина советского периода). ВолЧ, сс. 20–34.

СВЕНЦИЦКИЙ, А. И. Эренбург. Портреты современных поэтов /Рец./. "Литературный Еженедельник", 1923, № 20–21, с. 14.

кн. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, Д. О современном состоянии русской поэзии. НЖ, № 131, 1978, сс. 84–86.

СЕДЫХ, А. Далекие, близкие. НЙ, изд. 3-е, 1979, сс. 18–26, 29, 31, 32–33, 72, 102, 229.

–"– Преодоление страха. НРС, 14 марта 1971.

СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. "Существующие Христа-ради". "Журналист", 1925, № 15, с. 463.

–"– Памяти М.А. Волошина. ЛГ, 1932, № 37.

–"– Очерки по истории русской советской поэзии. М, 1936, сс. 13, 14, 15, 17–19.

СЕЛИВАНОВСКИЙ, А. Октябрь и дореволюционные поэтические школы. В его кн.: В литературных боях. М, 1959, сс. 241, 242, 243, 245–247; изд. 2-е, М, 1963, сс. 323, 324, 326, 328–330.

СЕЛЬВИНСКИЙ, И. О, юность моя! /Автобиограф./ роман. СП, 1967, сс. 308, 348, 349, 358.

СЕМЕНОВ, М. У стен Кара-Дага. Что сердцу дорого. "Правда Украины", 27 июля 1976.

СЕМЕНОВ, Ю. Синие снега Андорры. "Неделя", прил. к "Известиям", № 11 за 1973, сс. 14–15.

СЕРМАН, Б. "От Севильи до Гренады". Слова. На выставке акварелей Максимилиана Волошина /Стихи/. "День Поэзии в Крыму. 1964", Сф, 1964, сс. 125, 206.

СИДОРОВ, А. Акварели М. А. Волошина. В кн.: Выставка акварелей М.А. Волошина, М, 1929, сс. 5–11.

–"– Русская графика начала XX века. М, 1969, сс. 143, 161, 196, 212.

СИМАНОВИЧ, Иг. Воспоминания о Коктебеле. РМ, 20 марта 1969.

СИНЮКОВ, М. Стихи тех лет. "Крым", 1957, № 15, с. 209.

СИНЯВСКИЙ, А. Волошин М. А. – Краткая Литер. Энциклопедия, т. 1, М, 1962, стб. 1021–1022.

СКИТАЛЕЦ, А. Среди голубых гор (Письмо из Коктебеля). "Рабочий", Фд, 18 авг. 1923.

СКОНЕЧНАЯ, А. Друг Пушкина, товарищ Глинки. ЛР, 1977, 12 авг., с. 16 /О сходстве духовных обликов В. и Вьельгорского/.

СКОРИНО, Л. "Слушая великую музыку будущего...". "Знамя", 1974, № 5, с. 237 /Русь гулящая/.

СКУРАТОВ, В. Кое-что о "незаслуженной славе" Максимилиана Волошина (Письмо в редакцию). НПс, 1924, № 1, стб. 297–300.

СЛАВИЧ, С. В поисках Киммерии. НМ, 1969, № 10, сс. 56, 62 /Киммер. сумерки/.

СЛАВЯТИНСКИЙ, Н. Две "Иродиады". "Красн. Новь", 1935, № 1, сс. 197–206 /о пер. "Св. Юлиана" Флобера/.

СЛОНИМ, М. Художественная литература. В кн.: Русская зарубежная книга. Ч.1. Библиографич. обзоры. Изд. "Пламя", Прага, 1924, сс. 103–104.

СМИРЕНСКИЙ, Б. Поэты, которых не было. В его кн.: Перо и маска. М, 1967, сс. 73–75 /В. и Черубина де Габриак/.

СМИРНОВ, А. М. Волошин. Демоны глухонемые /Рец./. "Творчество", X, 1919, № 5–6, сс. 38–39.

–"– "Черные факелы" Верхарна. ККр, 2 июля 1922.

–"– Русское литературное творчество в Крыму. ККр, 27 сент. 1922 /Дикое Поле/.

СМИРНОВ, Н. По новейшей литературе. "Известия", 12 марта 1925 /Русь гулящая/.

СМОРОДИН, А. /Б. Грифцов/. Сорок восемь поэтов. "Понедельник", 3 июня/21 мая 1918 /В эти дни – и др. стих. В. в "Весеннем Салоне Поэтов"/.

СНЕЖКО, Е. Память коллекционера. ЛР, 1974, 8 марта, с. 16 /В. и Черубина де Габриак/.

С-ОВ, М. Волошин. Стихотворения. 1900–1910 /Рец./. "Столичн. Молва", 25 марта 1910.

СОЛОВЬЕВ, С. "Остров", № 1, 1909 /Рец./. "Весы", 1909, № 7, с. 102 /"Священных стран вечерние экстазы", "Вещий крик осеннего ветра в поле"/.

–"– Письмо к А. А. Блоку, 22 янв. 1905. ЛН, т. 92, кн. 1, 1980, с. 383.

СОЛОГУБ, Ф. Письма к М. А. Волошину: 26 апр. 1907; 10 и 12 марта 1909; конца марта 1914. ЕР на 1974, 1976, сс. 157, 159, 161, 162.

СОМОВ, Константин Андреевич. Письма. Дневники. Суждения художников. И, 1979, сс. 157, 215, 546.

СОСНОВСКИЙ, Л. На идеологическом фронте. Кто и чему обучает нашу молодежь? "Правда", 1 июня 1923.

–"– О "Всемирной Иллюстрации". "Правда", 2 сент. 1923.

СОТНИКОВА, Э. "Дверь отперта, переступи порог..." Вст. ст. к публик. писем М.А. Волошина. "Время и Мы", Ир, № 27, 1978, сс. 181–183.

СПЕНДИАРОВА, М. Летопись жизни и творчества А. А. Спендиарова. Е, 1975, сс. 363, 367, 372, 388, 394.

СПИРИДОНОВА /ЕВСТИГНЕЕВА/, Л. Русская сатирическая литература начала XX века. Н, М, 1977, сс. 92–93 /о неопубл. ст. "О смехе и пошлости"/.

СТАНИСЛАВСКИЙ, К. Письмо к М. П. Лилиной, июнь 1908. В кн.: К. Н. Станиславский. Материалы. Письма. Исследования. М, 1955, сс. 121, 122 /О встрече с В. в Париже/.

СТЕЛЬМАХ, А. Жизнь и творчество. "Радуга", 1979, № 11, сс. 187–189.

СТЕПАНЕНКО, В. На выставке акварелей М. Волошина. "Красн. Знамя", Х, 6 апр. 1968.

СТЕФАНОВА, С. Предисл. в кн.: Каталог выставки К. Богаевского и М. Волошина. Новосибирск. Академ. городок, 1977, сс. 12–17 (ротаторн. изд.).

–"– Мастерство. Пб, 19 авг. 1978.

СТРУВЕ, Г. О советской поэзии. "За Свободу", Мн, 1953, № 8, с. 8.

–"– Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Изд. им. Чехова, НЙ, 1956, сс. 77, 151, 174, 364.

–"– К биографии Н. С. Гумилева. – Примеч. В кн.: Н.С. Гумилев. Собр. соч. в 4 тт. п. ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. 2, Вш, 1964, сс. 351–353, 354; 286, 551.

–"– О. Э. Мандельштам. Опыт биографического и критического комментария. В кн.: Осип Мандельштам. Собр. соч. в 3 тт. П. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Т. 1, изд. 2-е, Вш, 1967, сс. XLVII, LII, LXIV.

–"– Марина Цветаева о людях, о книгах, о себе. РМ, 28 авг. 1969.

–"– Прим. к письмам к В. Н. Буниной и к М. Л. Кантору. В кн.: Марина Цветаева. Неизданные письма. П. ред. Г. П. и Н.А. Струве. YMCA, 1972, сс. 514, 525, 591.

СТРУВЕ, М. Памяти Максимилиана Волошина. "Последние Новости", 17 авг. 1932.

СТРУВЕ Н. Восемь часов с Анной Ахматовой. В кн.: А. Ахматова. Соч. в 2 тт. п. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, т. 2, МЛС, 1968, сс. 339, 340 /Оценка Ахматовой Волошина/.

СТРУВЕ, П. Из размышлений о русской революции. В его кн.: Patriotica. СПб, 1911, сс. 24–25 /Голова Принцессы Ламбаль, Ангел Мщенья/.

–"– Заметки писателя. Памяти Максимилиана Волошина. Страничка воспоминаний. "Россия и Славянство", Пар, 27 авг. 1932.

–"– Заметки писателя. К характеристике М. Волошина. "Россия и Славянство", 1 окт. 1932.

СЮАРЕС, Андре. Письмо к М. А. Волошину, 30 дек. 1909. ЕР на 1979, 1981, сс. 251–252.

Т., Л. Как издаются книги (Вниманию "Земли и Фабрики"). "Правда", 26 ноября 1924.

ТАЛЬ, Б. Поэтическая контрреволюция в стихах М. Волошина. НПс, 1923, № 4, стб. 151–164. См. также стб. 9.

ТАНАСИЙЧУК, В. Из коктебельской сокровищницы. "Наука и Жизнь", 1983, № 1, сс. 134–141.

ТАРАБУКИН, Н. Выставка акварелей М. Волошина. "Жизнь Искусства", 1927, № 13, с. 9.

ТАРАНОВСКИЙ, К. Звукопись в "Северовостоке" М. Волошина. В кн.: Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966, SS. 835–840.

ТАРАСЕНКО Н. Домишко над морем. Страницы будущей книги. СК, 11 июля 1976.

–"– Дом Грина. Краеведч. очерк. Сф, 1979, сс. 16–18.

ТАРАСЕНКОВ, А. Поэзия и война 1914 года. "ЛОКАФ", 1931, № 5–6, с. 116 /"Россия", стихи 1915/.

ТАРАСОВ-РОДИОНОВ, А. "Классическое" и классовое. НПс, 1923, № 2–3, стб. 69–70.

ТАРТАКОВСКИЙ, П. Русская поэзия и Восток. 1800–1950. Н, 1975, сс. 58–59.

ТАРЫДИНА, Т. В памяти моей... /Письмо в редакцию/. НРС, 22 сент. 1976.

ТЕРАПИАНО, Ю. Встречи. Изд. им. Чехова, НЙ, 1953, сс. 7–8, 15–16.

–"– "Новый Журнал", кн. 72 /о поэме "Святой Серафим"/. РМ, 20 июля 1963.

–"– Коктебель. РМ, 2 окт. 1975.

–"– Дача Максимилиана Волошина. НРС, 2 мая 1976.

ТИМЕНЧИК, Р. Предисл. к "Письмам Валентина Кривича к Блоку". ЛН, т. 92, кн. 2, 1981, сс. 316, 320, 322.

ТИМОФЕЕВ, Л. Певцы полуденной земли. В кн.: Вам, туристы. Сф, 1965, сс. 116–117.

ТКАЛИЧ, В. Щедрое сердце. КурГ, 19 июня 1964.

ТОЛСТАЯ-ЕСЕНИНА, С. Неотправленное письмо к М. А. и М. С. Волошиным, 23 ноября 1925 /в ст. В. Вдовина/. ВЛ, 1980, № 12, сс. 228–230.

ТОЛСТОЙ, А. 14 июля /Шуточн. рассказ/. В кн.: "Париж накануне войны", Пг, 1916, сс. 38–45.

–"– Егор Абозов /Неоконч. роман, 1915. Волошин выведен под именем Полынова/. Собр. соч. в 10 тт., т. 2, ГИХЛ, 1958, сс. 624, 626, 639–641, 654–656, 698, 700.

–"– Памяти Н. С. Гумилева. "Последние Новости", Пар, 23 и 25 окт. 1921 /о дуэли между Волошиным и Гумилевым/.

–"– Мой путь. Собр. соч. в 10 тт., т. 1, ГИХЛ, 1958, с. 56; под назв. "Краткая автобиография" – Полн. собр. соч., т. 1, М., 1954, с. 84, и в кн.: Советские писатели. Автобиографии. Т. 2, М, 1959, с. 450.

–"– Как мы пишем. Полн. собр. соч., т. 13, М, 1949, с. 566.

–"– Воспоминания о Волошине. В кн.: Ю.А. Крестинский. А.Н. Толстой. Жизнь и творчество. АН, 1960, сс. 56–57.

–"– "Таково начало моего писания прозы...". Неизвестн. автобиография А. Н. Толстого. ЛГ, 16 февр. 1970.

–"– Из дневниковых записей А. Н. Толстого и об отношениях его с М. А. Волошиным. Публик. А. М. Крюковой в ее ст. ЛГ, 5 янв. 1983.

ТОЛСТОЙ, А. Письма к М. А. Волошину: 21 марта /3 апр. 1911, нач. янв. и янв./февр. 1912, публик. в ст. И. Куприянова. РаЛ, 1983, № 1, сс. 61–62; письма к М. А. Волошину: окт. осень, б. даты /2 письма/ и дек. 1908, 8 янв. 1909, 12 февр./или марта?/, 6 /?/ мая и сент. 1910, нач. апр. 1911, – публик. в ст. Вл. Купченко. "Литерат. Обозрение", 1983, № 1, сс. 107–112.

ТРЕТЬЯКОВ, И. К 100-летию со дня рожд. М. А. Волошина. "Литерат. Азербайджан", 1977, № 5, сс. 120–121.

ТРИФОНОВ, Ю. Художник, поэт, критик. "Московск. Художник", 19 мая 1977.

–"– В Центральном Доме литераторов. К 100-летию со дня рожд. М.А. Волошина. Пб, 26 мая 1977.

–"– В Гос. Литературном музее /о вечере, посв. М. Волошину/. Пб, 28 мая 1977.

–"– Продолжение традиции. Пб, 13 дек. 1977.

–"– Памяти М. А. Волошина /Литер. праздник в Коктебеле/. ЛР, 1979, 8 июня.

ТРУБЕЦКОЙ /Нольден/, Ю. Максимилиан Волошин. РМ, 15 марта 1949.

–"– Из записных книжек. "Мосты", кн. II, Мн, 1959, сс. 414–415.

ТУГЕНДХОЛЬД, Я. Московские выставки. А, 1913, № 3, с. 56.

–"– Московские письма. А, 1913, № 4, с. 59.

–"– Книга о Париже. "Русск. Ведомости", 31 янв. 1916 /Стихи В. о Париже, 1916/.

–"– По поводу выставки /в Симферополе/. ККр, 19 мая 1922.

–"– Крымская выставка /в ВАХН/. "Веч. Москва", 13 июня 1925.

ТУРКИН, Н. Театр и критика. "Моск. Газета", 25 февр. 1913.

ТУРУНОВ, А. Письмо к М.А. Азадовскому, 23 июня 1946. "Литературн. Наследство Сибири", т. 1, Новосибирск, 1969, с. 305 /О записях В. бесед с Суриковым/.

ТУРСКИЙ, И. М. Волошин. Anno mundi ardentis /Рец./. "Южн. Край", 3/16 июля 1916.

ТХОРЖЕВСКИЙ, И. Русская литература. Изд. 2-е, "Возрождение", Пар, 1950, сс. 494–496.

ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС, А. На путях к свободе. Изд. им. Чехова, НЙ, 1952, с. 206 /о "пророческих" стихах В./.

–"– Тени минувшего. Парижские встречи. "Возрождение", Пар, № 34, 1954, сс. 135, 138–143 /В. в Париже начала века – 1905–1906 гг./.

ТЭФФИ, Н. Воспоминания. Изд. "Возрождение", Пар, 1931, сс. 130–131, 261 /В. в годы гражд. войны/.

ТЮРИН, А. Вст. зам., перевод, публик. и комм. к ст. М. А. Волошина "Кровавая неделя в С.-Петербурге". "Russica 1981". "Russica", New York, 1982, сс. 339–344.

–"– Публик. и комм. к "Воспоминаниям о Черубине де Габриак". НЖ, № 151, 1983, сс. 207–208.

УЛЬЯНОВ, Н. Литературная слава. В его кн.: Триптих. НЙ, 1967, с. 128 /о некот. "актерстве" в жизни В./.

УМАНСКИЙ, Я. Выставка в /областной/ библиотеке. КрП, 14 июня 1977.

ФАДЕЕВ, А. Старое и новое. ЛГ, 17 окт. 1932.

ФАЙНБЕРГ, Р. К. А. Тренев. М-Л, 1962, сс. 339–341 /В. – прототип образа проф. Горностаева в пьесе Тренева "Любовь Яровая".

ФАТЮЩЕНКО, В. Максимилиан Волошин. Зам. в кн.: Русская поэзия конца XIX– начала XX века (Дооктябрьский период). Изд. Моск. ун-та, М, 1979, сс. 327–328.

ФЕДОРОВ, А. Иннокентий Анненский. Вст. ст. в кн.: Инн. Анненский. Стихотворения. БПмс, 1939, сс. 7–8, 15, 16.

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, А. По выставкам. "Печать и Революция", 1927, № 4, с. 107 /и в его кн.: Русское и советское искусство. М, 1975, с. 77/.

–"– Русский пейзаж конца XIX – начала XX века. М, 1974, сс. 182, 183.

ФЕДОРЧЕНКО, Г. Крым в акварелях. КурГ, 4 дек. 1973.

ФЕЙНБЕРГ, Л. В Коктебеле у Максимилиана Волошина. "Дон", 1980, № 7, сс. 180–191.

–"– О Максимилиане Волошине и Константине Богаевском. "Панорама Искусств", т. 5, СХ, 1982, сс. 149–178.

ФИЛИППОВ, Б. Поэт скорбной радости (Максимилиан Волошин). "Посев", 1947, № 5, 1 июня сс. 9–10.

–"– Завещание поэта. "Обозрение", Пфаффенгофен/Ильм, 24 авг. 1947.

–"– Максимилиан Волошин. РМ, 11 янв. 1973.

–"– Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе. Изд. 2-е, Пар-Мн, 1974, сс. 23, 36.

–"– С. А. Алексеев-Аскольдов. В сбрн.: Русская религиозно-философская мысль XX века. П.ред. Н.П.Полторацкого. Питтсбург, 1975, с. 189.

–"– Максимилиан Волошин – поэт контрастов и мятежей. ВРХД, № 120, 1977, сс. 183–209.

–"– Поэт-живописец. К 100-летию со дня рожд. и 45-летию со дня смерти М. А. Волошина. В его кн.: Шкатулка с двойным дном. Вш, 1977, сс. 174–180.

–"– Волошин по-советски (М. Волошин. Стихотворения. БПмс, 1977 /Рец/.). НРС, 4 июня 1978.

–"– Голос Киммерии. К 50-летию со дня смерти М. А. Волошина. НРС, 15 авг. 1982.

ФИЛОСОФОВ, Д. Дневник журналиста: V. Опаснее врага. "Столичн. Почта", 27 февр. 1908.

ФОМИНА, Г. Краски поэзии /Выставка Волошина и Богаевского в Доме ученых, Новосибирск/. "Веч. Новосибирск", 15 дек. 1977.

–"– Поэзия красок. "За Науку в Сибири", Новосибирск, 22 дек. 1977.

ФРИДЛАНД, Л. 10 месяцев. Л, 1927, сс. 15, 16 /О встречах в Коктебеле/.

ФУРМАНОВ, Д. Литературные записи: Волошин. – Собр. соч., т. 4, М, 1961, с. 405.

ХАЗИН, М. "Войди, мой гость...". "Кодры", Кишинев, 1971, № 2, сс. 43–58.

–"– Каменные габриаки. "Сов. Молдавия", 29 мая 1977.

–"– Дом Максимилиана Волошина. В его кн.: Яблони и горсть земли. Кишинев, 1974, сс. 44–65.

ХАИНДРАВА, Л. Максимилиан Александрович Волошин. "Литерат. Грузия", 1972, № 10, сс. 93–94.

ХАЛИД, Р. "На вершине, где свист ветровой" /Стихи, посв. Волошину/. Перевод Б. Кежуна. "День Поэзии. 1976", Л, 1976, с. 260.

ХОДАСЕВИЧ, Вл. Книги и люди. "Современные Записки", кн. 53 /Рец./. "Возрождение", Пар, 9 ноября 1933 /"Живое о живом" М. Цветаевой/.

–"– Некрополь. Брюссель, 1939, сс. 37, 95.

–"– Московский Литературно-Художественный Кружок. В его кн.: Литературные статьи и воспоминания. Изд. им. Чехова, НЙ, 1954, сс. 299–301.

ХОДУШИНА, Н. Поэт, художник... "Слава Севастополя", 8 апр. 1962.

ХРУЛЕВА, Р. Выставка в Коктебеле. КрП, 26 авг. 1976.

–"– Впервые в Коктебеле /Открытие выставки произв. Волошина в Доме-музее/. Пб, 26 авг. 1976.

–"– Из студенческих лет М.А. Волошина. ЕР на 1973, 1976, сс. 136–140.

–"Учитель мира" (М.А. Волошин о Л.Н. Толстом). К 150-летию со дня рожд. Л.Н. Толстого. Пб, 29 июля 1978.

–"– Фильм о Волошине. Пб, 29 дек. 1981.

–"– Библиография о М.А. Волошине. Пб, 12 марта 1983.

ХУРГИНА, И. "Птица летит, летит птица". "Юность", 1978, № 6, с. 107... /О чтении В. "Неопалимой Купины" и записи этого чтения С. Бернштейном на пленку фонографа/.

ЦВЕТАЕВА, Ан. Воспоминания. СП, 1971, сс. 390, 400–406, 408, 410, 417, 418–421, 423, 424–428, 430–432, 437, 439–440, 441, 442, 508; изд. 2-е, 1974, сс. 384–390, 402–415, 418–422, 454–458, 461–485.

–"– Главы из книги второй Воспоминаний. "Даугава", 1980, № 7, сс. 59–67.

ЦВЕТАЕВА, М. /Дневниковая запись беседы с М. Волошиным – июнь 1914/. В кн.: А. Цветаева. Королевские размышления. М, 1915, сс. 26–33.

ЦВЕТАЕВА, М. История одного посвящения. В кн. "Избр. проза" в 2 тт., п. ред. А. Сумеркина, т. 1, изд. "Руссика", НЙ, 1979, сс. 358, 359, 361, 362.

–"– Живое о живом. Там же, т. 2, 1979, сс. 27–79 (также: Соч. в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, 1980).

–"– 2 стих. из цикла памяти М. А. Волошина "Ici-Haut". "Встречи", Пар, №№ 4 и 5, 1934.

–"– М. Волошину /Стихи/. НЖ, № 33, 1953, сс. 129–130.

–"– "Над Вороньим утесом" (из цикла стихов, посв. М. А. Волошину). НМ, 1977, № 2, сс. 245–246.

–"– Письма к А. Тесковой: 16 окт. 1932, 7 марта и 11 дек. 1933, 7 июня 1936. В кн.: Письма к А. Тесковой. Изд. Чехословацк. Акад. Наук, Прага, 1969/оф. переизд. – "Версты", Ир, 1982/, сс. 101, 104, 109, 140.

–"– Письма к М. А. Волошину: НМ, 1977, № 2, сс. 236–245, публ. И. Кудровой, и ЕР на 1975, 1977, публ. В. Купченко: 23 (ЕР, НМ) и 27 (ЕР) дек. 1910, 5 (НМ, ЕР), 7 (НМ, ЕР) и 14 янв. (ЕР), 23 марта (ЕР), 6 (НМ) и 18 апр. (НМ, ЕР), 26 июня (НМ, ЕР), 11 авг. (НМ), 22 сент. (ЕР), 1/14 (НМ) и 28 окт. (НМ, ЕР), 3 (НМ, ЕР), 9 (НМ) и 19 (ЕР) ноября и 3 дек. (НМ, ЕР) 1911, 10 янв. 1912 (НМ, ЕР) – далее только ЕР: без даты /1913–1914?/, 7, 24 и 25 авг. 1917, 21 ноября/4 дек. 1920, 7/20 ноября 1921 и 10 мая 1923.

–"– Письмо к А. И. Цветаевой, 17/30 дек. 1920; письма к В. Н. Буниной: 19 и 28 авг., 12 сент., 24 окт. и 20 ноября 1933, 26 февр. 1934, 2 июня и 28 авг. 1935. В кн.: Мар. Цветаева. Неизданн. письма. П. ред. Г. П. и Н. А. Струве, YMCA, 1972, сс. 418, 432, 438, 447, 459, 496, 501.

–"– Отрр. из писем к М. А. Волошину: 14 янв., 23 марта, 3 и 19 ноября 1911, и др. В кн.: Соч. в 2 тт., т. 2, ГИХЛ, 1980, сс. 506, 508, 513.

–"– Письма к М. А. Волошину: 23 дек. 1910, 5 и 7 янв., 6 и 18 апр., 26 июля, 11 авг., 1/14 и 28 окт., 3 и 19 ноября и 3 дек. 1911, 10 янв. 1912. В кн.: Rassegna sovietica. Rivista bimestrale di cultura. Roma, 1977, № 6, p. 13.

Ц/ветае/ВА, П. М. Волошин. Лики творчества /Рец./. "Современник", 1914, № 11, сс. 238–239.

ЦВЕТКОВ, В. В. К. Церасский в Коктебеле. "Земля и Вселенная", 1974, № 6, сс. 52–54.

–"– М.А. Волошин и естественные науки. ВолЧ, сс. 123–127.

ЦГАЛИ /Центр. Гос. Архив Литературы и Искусства/. Путеводитель: Литература. М, 1963, сс. 106–107.

ЦЕТЛИН, М /Амари/. Силуэты: 5. Максимилиан Волошин. "Понедельник", 9/22 апр. 1918.

ЦЕХНОВИЦЕР, О. Литература и мировая война. М, 1938, сс. 45, 102, 116, 197, 267, 268, 280, 281.

ЦУРИКОВ, Н. Заветы Пушкина. Мысли о национальном возрождении России. Белград, 1939, с. 39.

ЦЫГАЛЬСКИЙ, А. Несколько слов о творчестве Максимилиана Волошина. "К Искусству!" Фд, 1919, № 2, сс. 9–10.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО, Ю. Небесная глина. "Юность", 1969, № 7, сс. 58, 61, 63, 69–72.

ЧУДАКОВА, М. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения. Сбрн.: Встречи с книгой. Кн, 1979, с. 249.

ЧУЖАК, Н. По новейшей литературе. "Известия", 26 авг. 1923 /Путями Каина/.

ЧУКОВСКИЙ, К. Веселое кладбище. Собр. соч. в 6 тт., т. 6, ГИХЛ, 1969, сс. 272–273.

–"– Ранний Ремизов. Там же, с. 306.

–"– Письма Валерия Брюсова. В его кн.: Репин. Маяковский. Брюсов. М, 1940, сс. 177, 197, 198, 199, 203 (письма: 21 февр., 8 марта, 20 мая 1907).

–"– Чукоккала. Рукописн. альм. К. Чуковского. И, 1979, сс. 16, 91, 136, 155, 312–316.

ЧУЛКОВ, Г. "Северные Цветы" /Рец./. "Вопросы Жизни", 1905, № 6, с. 257.

–"– Годы странствий. Из книги воспоминаний. Изд. "Федерация", М, 1930, сс. 210, 211.

ЧУРИЛИН, Т. Максимилиан Волошин. ККр, 26 июля 1922.

Ш, Б. "Колумбы" в области искусства. УР, 26 февр. 1913.

ШАГИНЯН, М. Поэтический раут. "Приазовск. Край", 6 дек. 1911.

–"– Пустынная вселенная. "Приазовский Край", 4 ноября 1912.

–"– Волшебная бухта (О выставке акварелей М. Волошина). ЛГ, 5 янв. 1961.

ШАЛЯПИН, Ф. Письмо к М. Горькому, 19 февр./4 марта 1913. В кн.: Фед. Ив. Шаляпин. Литер. Наследство. Письма. Т. 1, М, 1957, с. 396; изд. 2-е, М, 1976, с. 348 /О выст. В. в "Бубновом валете" по поводу картины Репина/.

ШАРМАНКИНА, З. Критик, поэт, живописец /Вечер в лектории Харьковск. худож. музея/. "Красн. Знамя", Х, 8 июня 1977.

ШАТОБРИАН, Альфонс де-. Письмо к М. А. Волошину – конец 1911. ЕР на 1979, 1981, сс. 252–253.

ШАФРАН, В. Страна синих гор. /Выставка Волошина в Феодос. карт. галерее/. "Сов. Культура", 27 сент. 1974.

ШАЦИЛЛО, К. Новые сведения о псевдонимах в журнале "Освобождение". "Археографич. Ежегодник за 1977". М, 1978, с. 112.

ШВАРЦ, Е. "Яркие, великолепные искры. . .". "Слава Севастополя", 29 мая 1977.

ШВЕЙЦЕР, В. Стихи счастливого лета. ВРХД, № 131, 1980, сс. 109–111.

ШВЕЙЦЕР, В., А. СУМЕРКИН. Прим. к кн.: М. Цветаева. Стихотворения и поэмы в 5 тт., т. 2, "Руссика", НЙ, 1982, сс. 337, 403.

ШЕВЧЕНКО, Св. Вторая муза. "Отчизна", 1982, № 1, с. 48.

ШЕНГЕЛИ, Г. "Стремнины", альм. /Рец./. /на альм. 2-й/. "Камена", 1918, № 1, с. 43.

–"– О стихах Максимилиана Волошина. "Ипокрена", 1918, № 2–3, сс. 47–48.

–"– Киммерийские Афины. "Парус", № 1, 19 янв. 1919, сс. 8–14.

–"– Техника стиха. ГИХЛ, 1960, сс. 91, 121, 124, 126, 230, 258, 282, 305–306, 308–309, 310.

ШЕРВИНСКИЙ, С. "Сын земли Киммерии" /Макс. Волошин-художник. Рец./. "Литературное Обозрение", 1977, № 9, сс. 78–79.

ШЕРСТНЕВА, Н. Максимилиан Волошин и Туркестан. "Звезда Востока", 1977, № 6, сс. 152–153.

ШЕРШЕНЕВИЧ, В. /О Волошине/. "Знамя", 1920, № 2, стб. 56–57.

ШЕРШЕР, Л. Предисл. к Каталогу выставки: М.А.Волошин (1877–1932). Харьковск. худож. музей. Март–май 1968. Х, 1968.

ШКЛОВСКИЙ, В. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. Повести о времени: с конца XIX века по 1962 год. М, 1964, с. 232; изд. 2-е, М, 1966, с. 280 /Выступл. В. в "Бубновом валете" – по поводу картины Репина/.

ШТЕЙН, А. Небо в алмазах. Документ. проза. М, 1976, сс. 307–308 /О похоронах В./.

ШУЛЬЦ /Лесина/, Н. Улыбка Таиах. КурГ, 21 ноября 1965.

–"– Если будете в Планерном... (Об экспонатах художественной мастерской поэта М. Волошина). "Правда Украины", 24 дек. 1965.

–"– Уголок Египта в Коктебеле. "Комсомолец Туркменистана", Ашхабад, 25 дек. 1965; то же – "Слава Севастополя", 29 дек. 1965.

Э., А. Страницы памяти. РМ, 28 ноября 1968.

ЭЙКАЛОВИЧ, Г., игумен. Русский религиозный неоромантизм, символизм, скифство. НЖ, № 148, 1982, сс. 264–266.

ЭЙХЕНБАУМ, Б. А. де Ренье. Маркиз д'Амеркер. Пер. М. Волошина /Рец./. "Северные Записки", 1914, № 3, с. 193.

–"– П. де Сен-Виктор. Боги и люди. Пер. М. Волошина. /Рец./. РМс, 1914, № 5, сс. IV–167–168.

–"– М. Волошин. Лики творчества /Рец./. РМс, 1915, № 5, сс. IV–3–4.

ЭЛИАСБЕРГ, А. /сост./. Русская литература в портретах и письменах. Изд. "Орхис", Мн, 1922, с. 128 (Портрет М. Волошина раб. А.Я. Головина).

ЭЛЛЕНС, Франц. Письмо к М.А. Волошину, втор. пол. февр. 1925. ЕР на 1979, 1981, сс. 258–259.

ЭЛЛИС /Л. Кобылинский/. Vigilemus. М, 1914, с. 10.

–"– Письмо к А. А. Блоку, вторая половина февр. 1907. ЛН, т. 92, кн. 2, 1981, с. 285.

ЭЛЬДАРОВА, М. На поэтической родине Волошина. "Кавказск. Здравница", 21 июля 1977.

ЭМПИРИК. Причины одной литературной метаморфозы. ЗР, 1907, № 4, с. 80.

ЭРЕНБУРГ, И. Волошину /Стихи/. В его кн.: Стихи о канунах, М, 1916.

–"– Максимилиан Александрович Волошин. В его кн.: Портреты русских поэтов. Изд. "Аргонавты", Б, 1922, сс. 70–73 /оф. переизд. Финк, Мн, 1972/, 2-е изд. "Первина", М, 1923, сс. 35–38.

–"– Люди, годы, жизнь. Собр. соч. в 9 тт. ГИХЛ, 1967, т. 8, сс. 81, 98, 107, 108, 109, 113–122, 124–126, 134, 137, 142, 170, 171, 177, 182–186, 230, 239, 302, 305–306, 308–311, 431; т. 9, с. 700.

ЭРЦДОРФ, Н. фон-. Пророческие предвидения русских писателей. НРС, 17 июня 1971.

ЭТКИНД, Е. Прим. в кн.: Французские стихи в переводах русских поэтов XIX–XX вв. Изд. 2-е, "Прогресс", /1973/, сс. 495, 588.

ЭФРОН, А. Страницы былого. "Звезда", 1975, № 6, сс. 149, 152, 154, 169, 176, 186.

ЭФРОС, А. Суриков. В его кн. "Профили", М, 1930, с. 49.

ЭФРОС, Н. "Долой Репина!". "Речь", 16/29 февр. 1913 /за подп. "Чужой" – Репин и Волошин/.

Ю., М. На диспуте "Бубновых валетов". "Рампа и Жизнь", 1913, № 9, с. 7 /В. и картина Репина/.

Ю-Н./Н. Вентцель/. Поэзия "молодых". "Новое Время", прилож. к газ. "Новое Время", 6/19 авг. 1911, с. 11.

ЮНИВЕРГ, Л. Незавершенный замысел. АБ, № 3, 1976, с. 166 /об изд. судьбе рукоп. "Суриков"/.

ЮРСКИЙ, Н. Искусство и современная эпоха. "Жизнь Искусства", 31 янв. 1922, с. 2 /ст. "Организм театра"/.

Я., Е. /Е. Бернштейн/. И. Е. Репин на диспуте "Бубновых валетов". ГМ, 13/26 февр. 1913 /В. и Репин/.

ЯБЛОНОВСКИЙ, С. В /Литературно-Худож./ кружке. РСл, 1/14 марта 1907.

–"– Отзовитесь! РСл, 14/27 февр. 1913 /В. и Репин/.

–"– Покушение на "Иоанна Грозного". В кн.: Новое о Репине. Л, 1968, сс. 333, 334.

ЯНВАРЕВ, Э. Звучащая акварель. "Южн. Правда", 6 мая 1979.

ЯРЕМИЧ, С. И. Е. Репин. "Жизнь за Неделю", 1913, № 3, 30 окт./13 ноября /Репин и Волошин/.

–"– Париж в отражении русской художницы /Е. С. Кругликовой/. БВу, 18/31 марта 1916 /В. и кружок Е. Кругликовой в Париже/.

ЯЩЕНКО, А. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1919–1920 гг. "Русская Книга", Б, 1921, № 1, с. 19.

–"– Вст. зам. к публик. стих. М. Волошина "Китеж". "Русская Книга", Б, 1921, № 3, с. 16.

♦ ♦ ♦

Anon. Voloshin. *McGraw-Hill Encyclopedia of Russia and Soviet Union.* Ed. M.T. Florinsky. New York, 1961, p. 331.

BROWN, Clarence. The Prose of Osip Mandelstam. In the book: The Prose of Osip Mandelstam. Princeton Univ. Press, Princeton, NJ, 1965, pp. 5, 15; Mandelstam. Univ. Press, Cambridge, 1973, pp. 63–65, 78, 80, 83, 302, 303.

BROWN, Edward J. Russian Literature since the Revolution. Collier Books, Collier-Macmillan Ltd., London, 1963, p. 298.

DIMOV, Alexandre. Loin de César, à Koktebel... *Le Monde dimanche*, 2/VIII 1981, Supplément au No 355, pp. I, XIV.

DUFFIELD, White. Volisin's Poems on the Revolution and Civil War. *Slavic and East European Journal.* Vol. 19, No 3, pp. 297–309.

EHRENBURG, Ilya. La poésie russe et Revolution. *Signeaux de France et Belgique*, 1920/?/, No ? ...

–"– Memoirs: 1921–1941. «Universal Library», Grosset & Dunlap, Inc., New York, 1970.

GLADKOVA, T., et L. MNOUKHINE /eds./. Marina Tsvetaeva. Bibliographie des oeuvres de M. Tsvetaeva. Institut d'études slaves, Paris, 1982, NoNo 14, 21, 27, 30, 37, 40, 185, 227, 253, 256, 266, 304, 312, 313.

GUENTHER, Johannes von-. Die Literatur Russlands (Die Grossen der Kunst, Literatur und Musik. Russland). Union Verlag, Stuttgart, 1964, S. 185.

–"– Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. Biederstein Verlag, München, 1969, SS. 126, 202–203, 274, 287, 288, 292, 294, 296, 298–300, 311.

HARKINS, William E. *Dictionary of Russian Literature.* Philosophical Library, New York, 1956, pp. 422–423.

KARLINSKY, Simon. Marina Cvetaeva. Her Life and Art. Univ. of California Press, Berkeley & Los Angeles, 1966, pp. 6, 18, 30, 32, 33, 38, 43, 49, 83, 87, 88, 108, 110, 113, 117, 174, 175, 176, 202, 246, 277, 284.

KASACK, Wolfgang. Lexikon der Russischen Literatur ab 1917. Alfred Kröner Verlag, Stuttgart, 1976, SS. 433–435.

LAVRIN, Janko. A Panorama of Russian Literature. Barnes & Noble, New York, 1973, p. 263.

LETTENBAUER, Wilhelm. Woloschin. *Lexikon der Weltliteratur.* Biographisch-Bibliographisches Wörterbuch nach Autoren und Anonymen Werken. Alfred Kröner Verlag, Stuttgart, 1963, S. 1396.

LO GATTO, Ettore. Histoire de la littérature russe des origines à nos jours. Desclée de Bronwer, Bruges, 1965; La letteratura Russo-Sovietica (Le letterature del mondo). Ed. Sansoni-Accademia, Firenze-Milano, 1968, pp. 37–38, 457.

MALMSTAD, John E. Mixail Kuzmin. A Chronicle of His Life and Times. В кн.: М. А. Кузмин. Собр. стихов. П. ред. Дж. Э. Малмстада и Вл. Маркова. Т. III. W. Fink Verlag, München, 1977, сс. 25, 120, 132, 134, 144, 253.

MARKOV, Vladimir. On Modern Russian Poetry. In: Modern Russian Poetry. An Anthology with Verse Translations. Ed. and with an Introd. by V. Markov and Merrill Sparks. The Bobbs-Merrill Co, Indianapolis-Kansas City-New York, 1967, pp. XVII–XVIII.

MARSH, Cynthia. M. A. Voloshin: Artist-Poet: An Investigation into the Synaesthetic Aspects of His Poetry. London, 1979.

prince MIRSKY, D. S. Notes in the book: The Oxford Book of Russian Verse. Oxford, Clarendon Press, 1924, p. 206; Russian Literature. *Encyclopedia Britanica,* vol. 19, 1949, p. 756.

–"– A History of Russian Literature and Contemporary Russian Literature. Ed. and abridg. by Francis J. Whitefield, Alfred Knopf, New York, 1949, 2nd ed. 1966, pp. 452–453.

OBOLENSKY, Dimitrij. Introduction. In: Penguin Book of Russian Verse. Penguin Books, Harmondworth-Baltimore, 1962, pp. XXII, LV.

PACHMUSS, Temira. Women Writers in Russian Modernism. An Anthology. Transl. and ed. by T. Pachmuss. Univ. of Illinois Press, Urbana-Chicago-London, 1978, pp. 8, 198, 243, 244–246, 248, 249, 314, 316–317.

POGGIOLI, Renato. The Poets of Russia 1890–1930. Harvard Univ. Press, Cambridge, Mass., 1960, pp. 58, 92, 174–176, 298.

POLLAK, Seweryn. Niepokoje poetów. O poezji rosyjskiej XX wieku. Wyd. Literackie, Kraków, 1972, s. 76, 77.

R., N. de la. M. Volochine. *Écrits pour l'art littéraires et philosophiques.* Paris, 1905, p. 489.

RAZUMOVSKY, Maria. Marina Zwetajeva. Mythe und Wahrheit. Age d'Homme–Karolinger Verlag, Wien, 1981, SS. 73–77, 81–83, 85–86, 87–88, 121–126, 128, 162, 267.

RIASANOVSKY, Alexander, L.PREDNEVA. A Remember and Appreciation. *Записки Русской Академической Группы в США,* т. X, НЙ, сс. 49–50, 52.

SEDURO, Vladimir. Dostoevsky in Russian and World Theatre. The Christopher Publ. House, North Quincy, Mass., 1977, pp. 162, 163, 164, 165–166, 168, 169.

SEMENOFF, Evgenij. Lettres russes. Le mysticisme anarchique. *Mercure de France,* 16/VII 1907.

SMERNOFF, Susan S. The Poet as Painter: The Lyric Poetry of Maximilian Voloshin. /Dissertation/. Syracuse University Press, 1978, 291 pp.

SMERNOFF, Susan S. Voloshin's «Dom Poeta». *Russian Literature Triquarterly,* Ann Arbor, No 16, 1979, pp. 303–311.

–"– Maksimilian Voloshin. Vospominanija (april 1932). Introd., publ. and Notes. *Slavica Hierosolimitana,* V–VI, 1981, pp. 501–502, 519–520.

STAMMLER, Heinrich A. Voloshin-Kirienko. *Lexikon der Weltliteratur in 20. Jahrhundert.* 2-r Band (K–Z). Verlag Herder, Freiburg-Basel-Wien, 1961, S. 1201.

STRUVE, Gleb. Histoire de la littérature soviétique. Éd. du Chêne, Paris, 1946, p. 335.

–"– Soviet Russian Literature. 1917–1950. Univ. of Oklahoma Press, Norman, 1951, pp. 6, 347, 363.

–"– Geschichte der Sowjetliteratur. München, 1957.

–"– Russian Literature Under Lenin and Stalin. 1917–1953. Univ. of Oklahoma Press, Norman, Okl., 1971, pp. 6, 367.

STRUVE, Nikita. Introduction (et notes) en: *Anthologie de la poésie russe. La Renaissance du XXe siècle.* Aubier-Flammarion, Paris, 1970, pp. 29, 31, 102–103, 234; Ossip Mandelstam. Institut d'études slaves, Paris, 1982, pp. 36, 159, 238, 261, 265.

TSVETAEVA, Marina. Żywe o źiwym (Wołoszin). W: M. Tsvetaeva. Dom koło Starego Pimena. Szkice i wspomnienia. Przeł. Wiera Bieńkowska i Seweryn Pollak. Warszawa, 1971; A living word about a living man. Koktebel. Max and the Folktale. In: M. Tsvetaeva. A Captive Spirit. Selected Prose. Ed. and transl. by J. Mar. King. Ardis, Ann Arbor, 1980.

UNBEGAUN, Boris. Russian Versification. Clarendon Press, Oxford, 1956, pp. 14, 57, 69, 125, 128.

/VOROBEV/, Marevna. Life with the Painterss of la Ruche. Constable, London, 1972, pp. 5, 38–39, 50, 51, 58, 66, 67, 71–72, 77, 80, 81–82.

WOLOSCHIN, Margarita. Die grüne Schlange. Lebenserinnerungen. Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart, 1954.

WALLRAFFEN, Claudia. Maksimilian Woloschin als Kunstler und Kritiker./Slavistische Beiträge, Band 153/. Verlag Otto Sagner, München, 1982, 273 SS.

ZAVALISHIN, V. Early Soviet Writers. F. A. Praeger Publishers, New York, 1958, pp. 22–29, 53–54.

ДОПОЛНЕНИЯ*

"ВЕСНА" МИЛЛЭ

В голосе слышно поющее пламя,
Точно над миром запела гроза.
Белые яблони сыплют цветами,
В туче лиловой горит бирюза.

Гром прокатился весеннею сказкой,
Влажно дыханье земли молодой...
Буйным порывом и властною лаской
Звуки, как волны, вздымает прибой.

Париж, 1904

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Ни понизь пыльно-сизых гроздий
У стрельчатых и смуглых ног,
Ни белый пламень впалых щек,
Ни светлый взгляд раскосо-козий,
Ни яркость этих влажных уст,
Ни горьких пальцев острый хруст,
Ни разметавшиеся пряди
Порывом взмеенных кудрей
Не тронули души моей
На инфернальном маскараде.

23 августа 1924
Коктебель

* Когда том был уже набран, обнаружились новые материалы, которые мы и приводим ниже. (Ред.).

ДОЛЯ РУССКОГО ПОЭТА

В вековом исканьи света,
В тине пошлости и зла,
Доля русского поэта
Бесконечно тяжела.

Жажда жизни, жажда воли
Исстрадавшейся душой —
Тяжелее этой доли
Не сыскать другой!

Не жилица в этом мире
Наша муза. Ведь она
В глубине самой Сибири
Жгучим горем рождена.

Эти песни прилетели
И родились средь степей —
В буйном ропоте метели,
Под зловещий звон цепей...

1898

19 ФЕВРАЛЯ

И, хоть стены крепостные
Въявь упали, — тем сильней
Сон народный охраняют
Кабаки и ряд церквей.

А чтоб как-нибудь случайно
Потревожен не был он,
Послан был начальник земский
Охранять народный сон...

1898

НАДПИСИ НА АКВАРЕЛЯХ

149

Восход луны встречали чаек крики.
1927

150

Все замерло – холмы, деревья, тучи
В лиловом олове осенних вялых вод.

151

Клубятся медленные тучи,
Коричневые бархаты земли.

152

Крыло полуденной химеры...

153

Пустынные гекзаметры волны.
1925

154

Тревожный ветр клубится над землей.

155

Черной тушью четких теней отчеканенная даль.
1925

ПРИМЕЧАНИЯ К ДОПОЛНЕНИЯМ

"Весна" Миллэ. Впервые: "Око", 6 (19) окт. 1906. Сообщено А.Н. Тюриным.

Женский портрет. – Доля русского поэта. – 19 февраля. По всей вероятности, печатается впервые. Сообщены А.Н. Тюриным.

Надписи к акварелям 149, 153, 155 опубликованы в кн.: Феодосийская Картинная Галерея им. И.К. Айвазовского. Тр., изд. 3-е, 1982; к акварелям 150, 151, 154 опубл. в кн.: Симферопольский Художественный музей. "Мистецтво", К, 1978; надпись к акварели 152 опубл. в кн.: Феодосийская Картинная Галерея им. И.К. Айвазовского. "Мистецтво", К, 1981.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
к I и II тому

В алфавитный указатель включены некоторые первоначальные названия стихотворений с пометкой (прв).

том, стр.

А ароматом прошлое земли *2, 237*
Автобиографические заметки (1907) *2, 7*
Автобиография (1925) . . . . *1, CVII*
Аделаиде Герцык (Лгать не могла, но правды никогда) *2, 102*
Акрополи в лучах вечерней славы (Города в пустыне) *1, 139*
Акрополь (Серый шифер. Белый тополь) *1, 12*
Алтарь, откуда к небесам *2, 239*
Альбомы нынче стали редки *1, 151*
Ангел Времен (Держа в руке живой и влажный шар) *1, 233*
Ангел Мщенья (Народу Русскому: Я Скорбный Ангел Мщенья) . *1, 221*
Ангел непогоды пролил огнь и гром (Над полями Альзаса) . . *1, 193*
Ангел Смерти (В человечьем лике Азраил) *2, 198*
Аполлион (прв) – см. "Война" *2, 363*
Арка... Разбитый карниз (На Форуме) *1, 12*
Армагеддон (Положив мне руки на заплечье) *1, 199*

Багряные своды вечерних дерев *2, 211*
Бал в полном разгаре. *Л. Уланд* (Граф Эберштейн) *2, 349*
Бальмонт (Огромный лоб, клейменный шрамом) *1, 157*
Басы глухие шумов дальних *2, 247*
Бахчисарай (На розовом и бирюзовом) *2, 251*
Бегство (Кто верит в жизнь) *1, 308*
Бегство кентавров. *Эредиа* (Сорвавшись с дальних гор) . . . *2, 331*
Безгрустна грусть сквозь утренний хрусталь *2, 211*
Безмерная журчащая равнина *2, 211*
Безумной, маленькой и смелой (Татиде) *2, 157*
Безумья и огня венец *1, 150*
Берега рассказывают сумеречный сон *2, 211*
Бес Уныньи, бес Молчанья *2, 252*
Бесстыжий Макс; он враг народа! *2, 206*
Бился в вихре прах летучий *2, 211*
Благодарность (прв) – см. "Склоняясь ниц, овеян ночи синью" . *1, 127*
Благословенье (Благословенье мое, как гром) *1, 245*
Бледный свет на серые холмы *2, 211*
Блуждая в юности извилистой дорогой (In mezza di camin...) . . *1, 55*
Бог наш – есть огнь поядающий (Видение Иезекииля) *1, 328*
Богаевскому. Надпись на книге (Киммериан печальная страна) . *2, 153*
Бойня (Отчего, встречаясь, бледнеют люди) *1, 313*
Бойцам любви почетна рана *2, 190*

Большевик (Зверем зверь. С крученкой во рту) *1, 296*
Большие дороги лучатся крестами. *Верхарн* (Ноябрь) *2, 291*
Бонапарт (прв) – см. "Взятие Тюильри" *1, 215*
"Брали на мушку", "ставили к стенке" (Терминология) *1, 316*
Брожу ли я с душой печальной *2, 264*
Бунтовщик (Я – голос вопиющего в пустыне; Путями Каина. 9) *2, 47*
Буржуй (Буржуя не было) *1, 298*
Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль (Две ступени. I. Взятие Бастилии) *1, 214*
Бурые спины холмов над зеркальною зыбью залива *2, 211*
Был влажный вечер, выцветший от зноя *2, 212*
Был долгий мир. Народы были сыты (Путями Каина. 10. Война) *2, 53*
Был к Иисусу приведен (Русь глухонемая) *1, 229*
Был покойник во гробе трехдневен *2, 198*
Быть заключенным в темнице мгновенья (Когда время останавливается, 2) *1, 27*
Быть семенем исчезнувших вселенных *2, 237*
Быть черною землей *1, 57*

В багровых сумерках *2, 212*
В Булонском лесу (прв) – см. "В серо-сиреневом вечере" *1, 18*
В вагоне (Снова дорога. И с силой магической) *1, 6*
В вековом исканьи света... *2, 496*
В вечернем небе буйное смятенье *2, 212*
В глухую ночь шестого века (Преосуществление) *1, 231*
В голосе слышно поющее пламя... . . . . *2, 495*
В городах из сумрака и черни. *Верхарн* (Толпа) *2, 318*
В городе шумном построил ты храм Аполлону Ликею. Надпись на книге Сергею Маковскому *2, 153*
В горькой купели земли крещены мы огнем и тоскою (Надписи, 2) *1, 122*
В деревнях погорелых и страшных (Русь гулящая) *1, 244*
В дикой скачке. *Верхарн* (Осенний вечер) *2, 289*
В дождь Париж расцветает (Париж: 2. Дождь) *1, 14*
В душе моей мрак грозовой и пахучий (Рождение стиха) *1, 23*
В желтых закатах заливы, заливы *2, 212*
В зелено-палевых туманах *2, 212*
В зеленых сумерках, дрожа и вырастая *1, 50*
В знойный полдень был мне глас *2, 183*
В золотых водоворотах *2, 238*
В изломах гор сияет тень *2, 212*
"В Италию!" – громко звенело в ушах *2, 267*

В каждом слове – семя *2, 212*
В какую синюю страну *2, 213*
В камень черный *2, 267*
В комнате скучно... . . . . *2, 179*
В лунных зеркалах арабских сказок *2, 213*
В мастерской (Ясный вечер, зимний и холодный) *1, 53*
В минуты грусти просветленной (Реймская
Богоматерь) *1, 210*
В мирах любви неверные кометы (Corona Astralis) *1, 97*
В моей крови – слепой двойник (Кровь) *1, 59*
В молочных сумерках за сизой пеленой (Париж, 9) *1, 19*
В Москве на Красной площади (Москва) *1, 223*
В мутном свете увялых (На вокзале) *1, 241*
В напрасных поисках за ней (Она) *1, 94*
В начале был мятеж (Путями Каина: 1. Мятеж) *2, 23*
В неверный час тебя я встретил *1, 116*
В непрерывной работе *2, 251*
В осенний день по стынущим полянам (Посев) *1, 193*
В полдень был в пустыне глас *2, 183*
В полях последний вопль довоплен (Сибирской 30-й
дивизии) *1, 312*
В равнинах ужаса. *Верхарн* (Ужас) *2, 287*
В серо-сиреневом вечере (Париж, 7) *1, 18*
В скорбном золоте листов *2, 213*
В слепые дни затменья всех надежд (Л.П. Гроссману) *2, 157*
В туманах потонувшие *2, 213*
В цирке (Клоун в огненном кольце) *1, 22*
В часы заката волны утихали *2, 213*
В человечьем лике Азраил (Ангел Смерти) *2, 198*
В честь жемчужины жемчужин *2, 241*
В шафранных сумерках лиловые холмы *2, 213*
В эти дни (В эти дни великих шумов ратных) *1, 192*
В эту ночь я буду лампадой *1, 149*
В янтарном забытьи полуденных минут *1, 147*
Вальдемоза (прв) – см. "Кастаньеты" *1, 8*
Веет волею изжитых лет *2, 251*
Вейте, вайи! Флейты, пойте! *1, 87*
Венеция (Резные фасады, узорные зданья) *1, 11*
Венеция – сказка (в примеч. к предыдущ. стих.) *1, 407*
Венок сонетов "Corona Astralis" (В мирах любви неверные
кометы) *1, 97*
Венок сонетов "Lunaria" (Жемчужина небесной тишины) *1, 175*
Венчание (прв) – см. "Я к нагорьям держу свой путь" *1, 118*
Верлен, Поль. Стон и рыданья *2, 344*

Верхарн, Эмиль:
1. Человечество (О, вечера, распятые на сводах небосклона) *2, 287*
2. Ужас (В равнинах ужаса) *2, 287*
3. На север (С темными бурями споря) *2, 288*
4. Осенний вечер (В дикой скачке) *2, 289*
5. Ноябрь (Большие дороги лучатся крестами) *2, 291*
6. Декабрь (Откройте, люди!) *2, 292*
7. Святой Георгий (Широкой молнией) *2, 293*
8. Статуя (Монах) (Он крест здесь) *2, 296*
9. Дерево (Одинокое, – лето ль баюкает) *2, 298*
10. Любовь (Спокойным вечером) *2, 300*
11. Микельанджело (Когда Буонаротти) *2, 302*
12. Город (Все пути в Город ведут) *2, 307*
13. Душа города (Во мгле потонули крыши) *2, 310*
14. Города (О, эти города) *2, 314*
15. Толпа (В городах из сумрака и черни) *2, 318*
16. Завоевание (Земля дрожит раскатом поездов) *2, 321*
17. Окровавленная Бельгия (Уж скоро тридцать лет) *2, 324*
18. Защитники Льежа (Пусть мир войной) *2, 327*
19. К Бельгии (Со дней последних битв) *2, 329*

Верь в безграничную мудрость Мою *2, 191*
Весенних токов хмель, и цвет, и ярь (Соломон) *2, 199*
Весна (Мы дни на дни покорно нижем) *1, 207*
"Весна" Миллэ *2, 495*
Весь день звенели сверху струны (Ночь весеннего равноденствия. Цеппелины над Парижем) *1, 209*
Весь жемчужный окоем (М. С. Волошиной) *2, 158*
Ветер с неба хлопья облак вытер *1, 136*
Ветр свистит осенними шелками *2, 213*
Вечер (Тихо все. Стоят чинары) *2, 259*
Вечер за днем беспокойным (Руанский собор: 1. Ночь) *1, 62*
Вечернее (И будут огоньками роз) *1, 153*
Вечерние стекла (Гаснет день. В соборе все поблекло. – Руанский собор, 3) *1, 63*
Вечерняя затеплилась звезда *2, 213*
Вещий крик осеннего ветра в поле *1, 79*
Взбегают тропы по холмам *2, 214*
Взятие Бастилии (Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль. – Две ступени, 1) *1, 214*
Взятие Тюильри (Париж в огне. Король низложен с трона. – Две ступени, 2) *1, 215*
Видение Иезекииля (Бог наш – есть огнь поядающий) *1, 328*
Владенья твои обнимают Европу (Грядущая Россия) *2, 169*

Владимирская Богоматерь (Не на троне – на Ее руке) *2, 105*
Влачился день по выжженным лугам (Киммерийские сумерки:
12. Сехмет) *1, 76*
Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней
(Надписи, 3) *1, 122*
Вместе с тропинками *2, 214*
Во имя грозного закона (Русская революция) *1, 242*
Во мгле потонули крыши. *Верхарн* (Душа города) *2, 310*
Водитель душ измученную душу (Таноб, 3 – Путями
Каина, 12) *2, 69*
Воздушной и дымной вуалью *2, 214*
Возлюби просторы мгновенья *1, 82*
Возьми весло, ладью отчаль *2, 185*
Война (Был долгий мир. Народы были сыты. – Путями
Каина, 10) *2, 53*
Война, которая ждет Тацита (Гражданская война:
1. Расстрелянные. *Гюго*) *2, 345*
Волна шуршит о коктебельский берег *2, 214*
Волны земли смываются волнами моря *2, 214*
Волокнистых облак пряжа *2, 214*
Волошиной, М.С. (Весь жемчужный окоем) *2, 158*
Воскресенье (Сердце острой радостью ужалено. – Руанский
собор, 7) *1, 67*
Вослед (Мысли поют: "Мы устали... мы стынем") *1, 54*
Восставшему в гордыне дерзновенной (Путями Каина:
14. Левиафан) *2, 78*
Вот балерина Эльза Вилль *2, 206*
...Вперед! Вперед! Долой сомненья! *2, 260*
Враждующих скорбный гений (Россия) *1, 191*
Все мы кажемся жалкими *2, 238*
Все прошлое ты сделала неверным *2, 239*
Все пути в Город ведут. *Верхарн* (Город) *2, 307*
Все тот же он во дни войны (Париж в январе) *1, 207*
Вся Русь костер. Неугасимый пламень (Китеж) *1, 235*
Второе письмо (И были дни, как муть опала) *1, 50*
Выйди на кровлю. Склонись на четыре *1, 141*
Выйди, писатель, на поприще жизни *2, 259*
Вышел незванным, пришел непрошенным *2, 201*
Вьются ввысь прозрачные ступени (Руанский собор: 5. Смерть) . . *1, 66*

Газеты (Я пробегаю жадным взглядом) *1, 194*
Гайдан (Я их узнал, гуляя вместе с ними) *2, 206*
Гаснет день, в соборе все поблекло (Руанский собор:
3. Вечерние стекла) *1, 63*

Где острый очерк сизых далей *2, 252*
Где по весенним половодьям *2, 214*
Гейне, Г. Олаф (Пред собором ждут их двое) *2, 351*
Глубь земли... Источенные крипты (Руанский собор:
6. Погребение) *1, 66*
Гностический гимн Деве Марии (Славься, Мария!) *1, 68*
Голова Мадам де Ламбаль (Это гибкое, страстное тело) *1, 213*
Головиной, О.Ф. – Надпись на портрете (Каждый год мы
видим те же сны) *2, 158*
Голод (Хлеб от земли, а голод от людей) *1, 317*
Голубые дали и гулы глубоких аулов *2, 215*
Голубые просторы, туманы (Дикое Поле, 1) *1, 238*
Голых прутьев переплеты *2, 215*
Горечь губ, познавших вкус отравы *2, 250*
Горн свой раздуй на горе (Поэту) *2, 90*
Город. *Верхарн* (Все пути в Город ведут) *2, 307*
Город-Змей, сжимая звенья (Париж: 1. С Монмартра) *1, 13*
Город умственных похмелий *2, 180*
Города. *Верхарн* (О, эти города, напитанные ядом) *2, 314*
Города в пустыне (Акрополи в лучах вечерней славы) *1, 139*
Горчица, хлеб, солдатская похлебка (Обед) *2, 202*
Горькой водой степного колодца *2, 244*
Горючим ядом было христианство (Таноб, 2; – Путями
Каина, 12) *2, 68*
Государство (Из совокупности избытков; – Путями
Каина, 13) *2, 74*
Готовность (Я не сам ли выбрал час рожденья) *1, 319*
Гражданская война. *Гюго*: 1. Расстрелянные (Война, которая
ждет Тацита) *2, 345*
2. На баррикаде (На баррикаде, посреди камней) *2, 347*
Гражданская война (Одни восстали из подполий) *1, 305*
Граф Эберштейн. *Л. Уланд* (Бал в полном разгаре) *2, 349*
Гроза (Запал багровый день; Киммерийские сумерки, 9) *1, 75*
Грозою осененная земля *2, 215*
Громады дымных облаков *2, 215*
Гроссману, Л.П. (В слепые дни затменья всех надежд) *2, 157*
Грот нимф (О, странник-человек!) *1, 61*
Грядущая Россия (Владенья твои обнимают Европу) *2, 169*
Гряды синеющих холмов *2, 215*
Гряды холмов отусклил марный иней (Киммерийские
сумерки: 11. Облака) *1, 76*
Грязную тучу тошнило над городом (Серенький
денек) *2, 191*
Гурты и выкружки, нервюры, каннелюры *2, 249*

Гюго, В. Гражданская война: 1. Расстрелянные (Война, которая ждет Тацита) *2, 345*
2. На баррикаде (На баррикаде, посреди камней) *2, 347*

Да, он умер. Полны удивленья (Над могилой В.К. Виноградова) . *2, 261*
Дафна-заря убегает пред солнцем *2, 240*
Два демона: 1. Я дух механики *1, 161*
2. На дно миров пловцом спустился я *1, 162*
Две ступени: I. Взятие Бастилии (Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль) *1, 214*
II. Бонапарт (Париж в огне. Король низложен с трона) . . . *1, 215*
Дверь отперта. Переступи порог (Дом Поэта) *2, 93*
Двойной соблазн – любви и любопытства *1, 148*
Декабрь (Гости). *Верхарн* (– Откройте, люди, откройте двери) *2, 292*
Дельфы (Стеснили путь хребтов громады) *1, 89*
Демоны глухонемые (Они проходят по земле) *1, 228*
День морозно-сизый расцвел и замер *1, 133*
Дерево. *Верхарн* (Одинокое, – лето ль баюкает) *2, 290*
Держа в руке живой и влажный шар (Ангел Времен) *1, 233*
Дети солнечно-рыжего меда (А.Н. Толстому) *1, 122*
Детство (прв) – см. "О как чутко, о как звонко" *1, 33*
Диана де Пуатье (Над бледным мрамором склонились к водам низко) *1, 21*
Дикий и горький запах земли *2, 242*
Дикое Поле: 1. Голубые просторы, туманы *1, 238*
2. Долго Русь раздирали по клочьям *1, 239*
3. Русь! Встречай роковые годины *1, 240*
Доблесть поэта: 1. Править поэму, как текст заокеанской депеши *2, 89*
2. "Что" важнее, чем "как" *2, 90*
Дожди лучей с кисейных покрывал *2, 215*
Дождь (В дождь Париж расцветает; – Париж, 2) *1, 14*
Долго Русь раздирали по клочьям (Дикое Поле, 2) *1, 239*
Доля русского поэта *2, 496*
Дом Поэта (Дверь отперта. Переступи порог) *2, 93*
Дрожало море вечной дрожью *2, 179*
Другу (Мы, столь различные душою) *1, 195*
Дубы нерослые подъемлют облик крон *2, 182*
Думы непонятные *2, 268*
Душа города. *Верхарн* (Во мгле потонули крыши) *2, 310*
Душа моя широка (Человек) *2, 263*
Душно в комнате! Как только *2, 265*
Дымится море зыбкими столбами *2, 215*

Дымную нежность люблю я *2, 240*
Дэлос (Оком мертвенным Горгоны) *1, 88*

Европа (прв) – см. "Ангел Времен" *1, 233*
Если сердце горит и трепещет *1, 46*
Еще земля трепещет дрожью *2, 253*
Еще не отжиты связавшие нас годы (Надписи, 1) *1, 122*

Жемчужина небесной тишины (Lunaria. Венок сонетов) *1, 177*
Женский портрет *2, 495*
Журчат внизу и поют ключи *2, 249*

За ветвями синеет река *2, 216*
За переплетом строгих пиний *2, 243*
Забыть не значит потерять *2, 237*
Завоевание. *Верхарн* (Земля дрожит раскатом поездов) *2, 321*
Заденет ветер матовым крылом *2, 242*
Зажигая костры по холмам *2, 216*
Закат сиял улыбкой алой (Париж, 6) *1, 17*
Заката алого заржавели лучи *1, 136*
Заклинание (Закрой глаза и разум угаси) *2, 103*
Заклинание (Из крови, пролитой в боях) *1, 326*
Заклинание о Русской Земле (Сорок ден опостясь) *1, 332*
Заклятие (прв) – см. "Заклинание" (Из крови, пролитой
в боях) *1, 236*
Закрой глаза и разум угаси (Заклинание) *2, 103*
Заливы гулкие земли глухой и древней *2, 216*
Замер дух – стыдливый и суровый *1, 123*
Замки Тура и Блуа *2, 241*
Запал багровый день (Киммерийские сумерки: 9. Гроза) *1, 75*
Защитники Льежа. *Верхарн* (Пусть мир войной) *2, 327*
Звенят Весы и клонят коромысла (Созвездия) *1, 93*
Зверем зверь. С крученкой во рту (Большевик) *1, 296*
Звонки стебли травы (Полдень) *1, 92*
Звучит в горах, весну встречая *1, 132*
Здесь был священный лес (Киммерийские сумерки, 5) *1, 72*
Здравствуй, отрок солнцекудрый (Фаэтон) *1, 160*
Зеленый вал отпрянул и пугливо *1, 78*
Зеленый воздух дня и охра берегов *2, 216*
Земля дрожит раскатом поездов. *Верхарн* (Завоевание) *2, 321*
Земля наша велика и обильна (Повесть временных лет) *2, 164*
Земной простор, изрезанный стезями *2, 175*
Земную тягу побеждая *2, 243*
Зеркало (Я – глаз, лишенный век) *1, 47*

Зовет... гудит (Набат. – На башне) *2, 161*

И бездны вниз сорвались под пятой *2, 216*
И будут огоньками роз (Вечернее) *1, 153*
И был повергнут я судьбой *1, 205*
И были брови как стрелы сдвинуты *2, 186*
И были дни, как муть опала (Второе письмо) *1, 50*
И было так, как будто жизни звенья *1, 121*
И вдруг иссяк поток речей *2, 248*
И ветр трагический в развалинах домов *2, 242*
И волны гор, и зеркало залива *2, 217*
И голос мне кричит насмешливый и жесткий *2, 245*
И гудит, гудит, гудит прибой *2, 217*
И день и ночь шумит угрюмо (Когда время останавливается, 3) *1, 27*
И дикий виноград под сенью темных круч *2, 217*
И долго зоркими лучами *2, 253*
И дышит утренняя свежесть *2, 217*
И земля, и небо, и заливы *2, 217*
И знаешь, и волишь *2, 238*
И к морю меж дубов *2, 217*
И каждый прочь побрел вздыхая (Родина) *1, 230*
И когда приблизился праздник Пасхи (Иуда Апостол) *1, 331*
И льнет душа к твоим излогам *2, 217*
И малахитовые дали *2, 218*
...И мир, как море пред зарею *1, 3*
И мироносицы Нерона *2, 247*
И на плече Опун-горы *2, 218*
И на розах усталых *2, 238*
И над садами Тюильри *2, 238*
И нет в мирах страшнее доли *2, 189*
И нет на всей земле такого места *2, 253*
И низких сыртов известняк *2, 218*
И низко над уступами вершин *2, 247*
И озеро меркнет в оправе холмов *2, 218*
И отдала земля мертвых, бывших в ней (прв) – см. "Суд" . . . *2, 81*
И по щитам запутал пятилучья *2, 249*
И, погасив огонь текучий *2, 193*
И под дыханием междупланетной стужи *2, 218*
И прозелень травы, и поросли кустов *2, 218*
И просвет в глубине аллеи *2, 218*
И птица – ночь – снесла яйцо *2, 239*
И розовой жемчужиною день *2, 218*
И синие фаянсовые блюда *2, 249*
И скуден и неукрашен (Молитва о городе) *1, 326*

И снова увидали мы *2, 219*
И солнце на закате *2, 244*
И солнце, полное избытком бытия *2, 219*
И стиль стремительный, и нервный, и нагой *2, 248*
И там, вдали, на отмели пустынной *2, 240*
И тогда, как в эти дни, война (Усталость) *1, 202*
И тусклый свет, как мыльная вода *2, 219*
И, хоть стены крепостные... . . . . *2, 496*
И я был сослан в глубь степей (Пустыня) *1, 140*
Играя в призраки, мы потеряли *2, 246*
Из бездны (Полночные вздулись воды) *1, 227*
Из ветра и пламени *2, 250*
Из звездной бездны внутренних пространств (Аполлион)
(прв) – см. "Война", одна из прв. редакций *2, 363*
Из края в новый край *2, 244*
Из крови, пролитой в боях *1, 326*
Из кулака родилось братство (Путями Каина: 4. Кулак) *2, 32*
Из померкших далей холм *2, 219*
Из совокупности избытков (Путями Каина: 13. Государство) . *2, 74*
Из страны, где солнца свет (Кастаньеты) *1, 8*
Имена, посеянные в мире *2, 239*
Исполнилось пророчество: трихины (Трихины) *1, 224*
История утаена в курганах *2, 176*
Иуда Апостол (И когда приблизился праздник Пасхи) *1, 331*

К Бельгии. *Верхарн* (Со дней последних битв) *2, 329*
К вам душа так радостно влекома (Марине Цветаевой) *2, 153*
К Герцену (Слава великим гробам!) *2, 161*
К древним тайнам мертвой Атлантиды *2, 181*
К излогам гор душа влекома *1, 131*
К лазурному заливу тропы *2, 219*
К твоим стихам меня влечет не новость *1, 23*
К тебе я пришел через воды *1, 118*
К этим гулким морским берегам *1, 24*
Каждый год мы видим те же сны (О.Ф. Головиной – Надпись
на портрете) *2, 158*
Каждый рождается дважды (Четверть века) *2, 98*
Как быстро осенью трава холмов провяла *2, 219*
Как в раковине малой океана (Коктебель) *1, 138*
Как голос вод. *А. де Ренье* (Кровь Марсия) *2, 334*
Как древний грек, встречаясь с человеком *2, 243*
Как земледел над грудой веских зерен (Посев) *1, 325*
Как злой шаман, гася сознанье (Петроград) *1, 223*
Как магма незастывшего светила *2, 200*

Как Микель-Анджеловский "День" *2, 219*
Как Млечный Путь любовь твоя *1, 55*
Как мне близок и понятен (Париж, 3) *1, 15*
Как молоко свернувшееся – ряби *2, 220*
Как некий юноша в скитаньях без возврата *1, 120*
Как нет изобретателя (Путями Каина: 8. Машина) *2, 43*
Как ночь души тиха, как жизни сон ненастен *2, 185*
Как ритм мулюр, как строфы профилей *2, 250*
Как сей пожар дерзнувший взгромоздить (Микельанджело) . . *2, 253*
Каллиера (По картам здесь и город был, и порт) *1, 142*
Камень, проникнутый воздухом далей *2, 220*
Камни древних городов *2, 220*
Карадаг: 1. Преградой волнам и ветрам *1, 137*
2. Над черно-золотым стеклом *1, 137*
Кастаньеты (Из страны, где солнца свет) *1, 8*
Катрин Тео во власти прорицаний (Термидор, 1) *1, 215*
Качанья ветров полны влажных *2, 246*
Килы присаживали мужикам (Колдовство) *1, 255*
Киммериан печальная страна (Надпись на книге Богаевскому) *2, 153*
Киммерийская Сивилла (С вознесенных престолов моих
плоскогорий) *2, 194*
Киммерийские сумерки: 1. Полынь (Костер мой догорал) . . *1, 70*
2. Я иду дорогой скорбной *1, 71*
3. Темны лики весны *1, 71*
4. Старинным золотом и желчью напитал *1, 71*
5. Здесь был священный лес *1, 72*
6. Равнина вод колышется широко *1, 73*
7. Над зыбкой рябью вод *1, 73*
8. Mare Internum (Я – солнца древний путь) *1, 74*
9. Гроза (Запал багровый день) *1, 75*
10. Полдень (Травою жесткою, пахучей и седой) *1, 75*
11. Облака (Гряды холмов отусклил марный иней) *1, 76*
12. Сехмет (Влачился день по выжженным лугам) *1, 76*
13. Сочилась желчь шафранного тумана *1, 77*
14. Одиссей в Киммерии (Уж много дней рекою
Океаном) *1, 78*
Китеж (Вся Русь костер. Неугасимый пламень) *1, 235*
Кишмя кишеть в кафе у Робина (Спекулянт) *1, 300*
Клекот орлий, говор птичий *2, 220*
Клоун в огненном кольце (В цирке) *1, 22*
Когда Буонаротти. *Верхарн* (Микельанджело) *2, 302*
Когда время останавливается: 1. Тесен мой мир *1, 26*
2. Быть заключенным в темнице мгновенья *1, 27*
3. И день и ночь шумит угрюмо *1, 27*

4. По ночам, когда в тумане *1, 28*
Когда, одушевясь идеею святой (Многим) *2, 262*
Когда, устав от гари *2, 252*
Когда февраль чернит бугор (Майе) *2, 155*
Коктебель (Как в раковине малой океана) *1, 138*
Коктебель (прв) – см. "Полынь" *1, 70*
Коктебельские берега (Эти пределы священны уж тем) *2, 231*
Колдовство (Килы присаживали мужикам) *1, 255*
Концом иглы на мягком воске *1, 24*
Корни из Азии, сердце в России (Русь. Фрагменты) *2, 172*
Король (Царь-жертва!) *2, 162*
Космос (Созвездьями мерцавшее Чело. – Путями Каина, 11) . . *2, 58*
Костер мой догорал (Киммерийские сумерки: 1. Полынь) . . . *1, 70*
Кость сожженных страстью – бирюза *1, 165*
Красная весна (прв) – см. "Красная Пасха" *1, 315*
Красная Пасха (Зимою вдоль дорог валялись трупы) *1, 315*
Красногвардеец (Скакать на красном параде) *1, 293*
Крестный путь (прозаич. интермеццо. Руанский собор) *1, 64*
Кровь (В моей крови – слепой двойник) *1, 59*
Кровь Богоматери – в еврейке *2, 254*
Кровь Марсия. *А. де Ренье* (Как голос вод) *2, 334*
Кто верит в жизнь (Бегство) *1, 308*
Кто передаст потомкам нашу повесть (Потомкам) *1, 320*
Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье? (Неопалимая Купина) . . *1, 247*
Кулак (Из кулака родилось братство; – Путями Каина, 4) . . . *2, 32*

Лазурное море *2, 264*
Лазурь небес и золото земли *2, 220*
Лгать не могла, но правды никогда (Аделаиде Герцык) *2, 102*
Лебедь. *Малларме* (Могучий, девственный) *2, 333*
Левиафан (Восставшему в гордыне дерзновенной; – Путями
Каина, 14) *2, 78*
Лежать в тюрьме *2, 161*
Лилово-палевые дали *2, 220*
Лиловые тучи (О, фиолетовые грезы; Руанский собор, 2) *1, 63*
Лишь темным сном души я бытию причастен *2, 242*
Лишь только мир (Сон) *2, 196*
Лишь тот, кто ведает рукопожатье смерти (В.И. Попову) *2, 158*
Луна (Седой кристалл магических заклятий) *1, 385*
Луна восходит в тишине *2, 220*
Луна восходит над заливом *2, 221*
Люблю вечернею порою *2, 258*
Любовь. *Верхарн* (Спокойным вечером) *2, 300*
Любовь твоя жаждет так много *1, 154*

Магия (На отмели незнаемого моря; – Путями Каина, 2) *2, 29*
Майе (Когда февраль чернит бугор) *2, 155*
Майе (Над головою подымая) *1, 152*
Маковскому, Сергею (на книге) (В городе шумном построил
ты храм Аполлону Ликею) *2, 153*
Малларлмэ, Ст.: 1. Лебедь (Могучий, девственный) *2, 333*
2. ...О, зеркало – холодная вода *2, 333*
Марине Цветаевой (К вам душа так радостно влекома) *2, 153*
Материки огня, встающие из мрака *2, 221*
Материнство (Мрак... Матерь... Смерть) *1, 125*
Матрос (Широлиц. Скуласт. Угрюм) *1, 294*
Машина (Как нет изобретателя; – Путями Каина, 8) *2, 43*
Медный бубен гудел *2, 221*
Меч (Меч – создал справедливость; Путями Каина, 5) *2, 34*
Мечты и бред, рожденные темницей (Таноб, 4. – Путями
Каина, 12) *2, 70*
Микельанджело (Как сей пожар дерзнувший
взгромоздить) *2, 253*
Микельанджело. *Верхарн* (Когда Буонаротти) *2, 302*
Милая Вайолет, где ты? *2, 155*
Мир (С Россией кончено... На последях) *1, 226*
Мир закутан плотно *1, 48*
Мир знает не одно, а два грехопаденья *2, 195*
Мир – чаша, до краев наполненная темью *2, 221*
Мне было сказано (Подмастерье) *1, 171*
Мне – Иову сказал Господь (Путями Каина:
14. Левиафан) (прв) *2, 78*
Мне суждено теперь бродить *2, 244*
Многим (Когда, одушевясь идеею святой) *2, 262*
Многочисленны и разны *2, 207*
Могучий, девственный. *Малларлмэ* (Лебедь) *2, 333*
Мое таинственное "Я" *2, 246*
Моей земли панические полдни *2, 221*
Мой легкий путь сквозь лунные туманы *2, 221*
Мой пыльный пурпур был в лоскутьях *1, 117*
Молитва о городе (И скуден и неукрашен) *1, 326*
Молчанье, как полная чаша *2, 221*
Молчат в предвечернем покое *2, 221*
Молчат поля, молясь о сжатом хлебе *2, 243*
Монмартр... Внизу ревет Париж (Пустыня) *1, 5*
Море купало в своем серебре нас *2, 237*
Море, мутное от пены *2, 250*
Морская зыбь и водопад холмов *2, 222*
Москва (В Москве на Красной площади) *1, 223*

Моя земля хранит покой *1, 131*
Мрак... Матерь... Смерть (Материнство) *1, 125*
Мы в тюрьме изведанных пространств (Напутствие
Бальмонту) *1, 158*
Мы дни на дни покорно нижем (Весна) *1, 207*
Мы живем, пока противоречим *2, 237*
Мы заблудились в этом свете *1, 46*
Мы пятый день плывем, не опуская (Плаванье) *1, 306*
Мы, столь различные душою (Другу) *1, 195*
Мысли мои – корни мои *2, 237*
Мысли поют: "Мы устали... мы стынем" (Вослед) *1, 54*
Мысли, что гости *2, 242*
Мятеж (В начале был мятеж; – Путями Каина, 1) *2, 23*

На баррикаде. *Гюго* (На баррикаде, посреди камней;
Гражданская война, 2) *2, 347*
На белых отмелях *2, 222*
На вокзале (В мутном свете увялых) *1, 241*
На грозовом синем небе *2, 222*
На дне долин, напитанных полынью *2, 222*
На дне преисподней (С каждым днем все диче и все глуше) . . . *1, 318*
На дно миров пловцом спустился я (Два демона, 2) *1, 162*
На Дунае (Свежий ветер. Утро. Рано) *2, 266*
На заре свежо и рано *2, 269*
На книге Лафорга (Эти страницы – павлинье перо) *1, 25*
На лучами заката разодранном *2, 222*
На небе тамарисковые тучи *2, 222*
На огненной земле, в экстазе дня и света *2, 222*
На одной из улиц Балтиморы (Эдгар По и Достоевский) *2, 200*
На отмели незнаемого моря (Путями Каина: 3. Магия) *2, 29*
На пол пала лунная тень от рамы *2, 184*
На розовом и бирюзовом (Бахчисарай) *2, 251*
На светлом облаке гранитные зубцы *2, 223*
На Север. *Верхарн* (С темными бурями споря) *2, 288*
На серо-голубые горы *2, 223*
На старых каштанах сияют листы (Париж, 8) *1, 19*
На тверди видимой алмазно и лазурно (Сатурн) *1, 60*
На Форуме (Арка... Разбитый карниз) *1, 12*
Набат. – На башне (Зовет... гудит) *2, 161*
Нагой Эрот – стрелец слепой *2, 239*
Нагота тела, как скользящая ткань *2, 186*
Нагроможденье медных скал *2, 223*
Над бледным мрамором склонились к водам низко
(Диана де Пуатье) *1, 21*

Над головою подымая (Майе) *1, 152*
Над горестной землей – пустынной и огромной *1, 81*
Над законченной книгой (прв) – см. "Не ты ли" *1, 200*
Над зыбкой рябью вод (Киммерийские сумерки, 7) *1, 73*
Над Карадагом мрачные завесы *2, 223*
Над могилой В. К. Виноградова (Да, он умер... Полны
изумленья) *2, 261*
Над перламутровыми лбами *2, 223*
Над полями Альзаса (Ангел непогоды пролил огнь и гром) . . . *1, 193*
Над полями – марные горы *2, 223*
Над призрачным и вещим Петербургом (Петербург) *1, 197*
Над серебристыми холмами *2, 223*
Над синевой зубчатых чащ *1, 134*
Над черно-золотым стеклом (Карадаг, 2) *1, 137*
Надписи: 1. Еще не отжиты связавшие нас годы *1, 122*
2. В горькой купели земли крещены мы огнем и тоскою . . *1, 122*
3. Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней . *1, 123*
Наедине с природой человек (Таноб, 5; – Путями Каина, 12) . . *2, 71*
Написание о царях Московских (Царь Иван был ликом
некрасив) *1, 251*
Напутствие Бальмонту (Мы в тюрьме изведанных
пространств) *1, 158*
Народу русскому: Я скорбный Ангел Мщенья (Ангел
Мщенья) *1, 221*
Не в желто-буром Коктебеле *2, 202*
Не иссякают сны Шехерезад *2, 224*
Не на троне – на Ее руке (Владимирская Богоматерь) *2, 105*
Не отвергайся духа злого *2, 193*
Не ты ли *1, 200*
Не успокоена в покое *1, 148*
Небо в тонких узорах *1, 48*
Небо запуталось звездными крыльями *1, 25*
Неопалимая Купина (Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?) . . *1, 247*
Неслись года, как клочья белой пены (Парижу) *1, 212*
Нет в мире прекрасней свободы *2, 163*
Нет милее ухажора *2, 207*
Нет, не склоненной в дверной раме (М. С. Цетлин) *1, 155*
Нет у меня ничего. *А. де Ренье* *2, 342*
Неторопливые беседы идущих под гору дерев *2, 224*
Ни понизь пыльно-сизых гроздий... . . . . *2, 495*
Но – идущих за Граалем *2, 252*
Но отсвет затененного заката *2, 224*
Но так едка была его пытливость (Таноб, 6; – Путями
Каина, 12) *2, 72*

Но только люблю я не эту толпу *2, 265*
Ночь (Вечер за днем беспокойным; Руанский собор, 1) *1, 62*
Ночь в Колизее (Спит великан Колизей) *2, 268*
Ночь весеннего равноденствия. – Цеппелины над Парижем
(Весь день звучали сверху струны) *1, 209*
Ноябрь. *Верхарн* (Большие дороги лучатся крестами) *2, 291*

О, вечера, распятые на сводах небосклона. *Верхарн*
(Человечество) *2, 287*
О да, мне душно в твоих сетях *2, 182*
...О, зеркало – холодная вода. *Ст. Маллармэ* *2, 333*
О, как чутко, о как звонко *1, 33*
О самом себе *2, 13*
О, странник-человек! (Грот нимф) *1, 61*
О, фиолетовые грозы (Руанский собор: 2. Лиловые тучи) *1, 63*
О, эти города, напитанные ядом. *Верхарн* (Города) *2, 314*
Обед (Горчица, хлеб, солдатская похлебка) *2, 203*
Облака (Гряды холмов отусклил марный иней; Киммерийские
сумерки, 11) *1, 76*
Облака клубятся в безднах зеленых *1, 133*
Облака, простертые над миром *2, 224*
Обманите меня... но совсем, навсегда *1, 117*
Огненных линий аккорд (Париж, 5) *1, 16*
Огонь (Плоть человека – свиток; – Путями Каина, 2) *2, 26*
Огромный лоб, клейменный шрамом (Бальмонт) *1, 157*
Одинокое, – лето ль баюкает. *Верхарн* (Дерево) *2, 298*
Одиссей в Киммерии (Уж много дней рекою Океаном;
Киммерийские сумерки, 14) *1, 78*
Одна луна луне другой *2, 224*
Одни восстали из подполий (Гражданская война) *1, 305*
Оком мертвенной Горгоны (Дэлос) *1, 88*
Окровавленная Бельгия. *Верхарн* (Уж скоро тридцать лет) . . . *2, 324*
Олаф. *Г. Гейне* (Пред собором ждут их двое) *2, 351*
Он был из тех, в ком правда малых истин (Памяти
В.К. Церасского) *2, 92*
Он крест здесь некогда воздвигнул на утесах. *Верхарн*
(Статуя/Монах/) *2, 296*
Он телу придал необычайные размеры *2, 242*
Она (В напрасных поисках за ней) *1, 94*
Она была из Нанта, что в Бретани *2, 253*
Она идет по щебням балок *2, 249*
Она мне грезилась в фригийском колпаке (Революция) *2, 171*
Она склонилась над пустыней *2, 224*
Они проходят по земле (Демоны глухонемые) *1, 228*

Опорошил зеленый иней *2, 224*
Опять бреду я, босоногий *1, 135*
Осенней четкостью зеленых янтарей *2, 225*
Осенние пляски (Осень...) *1, 165*
Осенний вечер. *Верхарн* (В дикой скачке) *2, 289*
Осенний день по склонам горным *2, 225*
Осенних сумерек лиловые миражи *2, 225*
Осень... (Осенние пляски) *1, 165*
Осень... Осень... Весь Париж (Париж, 4) *1, 16*
Осенью (Рдяны краски) *1, 80*
От ветра горного облипшие власы *2, 250*
От Иоанна Лествичника чтенье (Таноб, 1; – Путями Каина, 12) . *2, 67*
От корня головы отрубленное тело *2, 250*
Отвесный взор вперила высота *2, 225*
Откройте, люди, откройте двери. *Верхарн* (Декабрь. – Гости) . *2, 292*
Отныне верю нерушимо *2, 245*
Отроком строгим бродил я *1, 126*
Отчего, встречаясь, бледнеют люди (Бойня) *1, 313*
Охота (прв) – см. "Небо запуталось звездными крыльями" . . *1, 25*

Памяти В.К. Церасского (Он был из тех, в ком правда
малых истин) *2, 92*
Папирус сдержанный, торжественный пергамент *2, 198*
Пар (Пар вился струйкою; – Путями Каина, 7) *2, 40*
Париж: 1. С Монмартра (Город-Змей, сжимая звенья) *1, 13*
2. Дождь (В дождь Париж расцветает) *1, 14*
3. Как мне близок и понятен *1, 15*
4. Осень... Осень... Весь Париж *1, 16*
5. Огненных линий аккорд *1, 16*
6. Закат сиял улыбкой алой *1, 17*
7. В серо-сиреневом вечере *1, 18*
8. На старых каштанах сияют листы *1, 19*
9. В молочных сумерках за сизой пеленой *1, 19*
10. Парижа я люблю осенний, строгий плен *1, 20*
11. Перепутал карты я пасьянса *1, 20*
Париж в бреду. Конвент кипит, как ад (Термидор, 3) *1, 217*
Париж в огне. Король низложен с трона (Две ступени:
2. Бонапарт) *1, 215*
Париж в январе (Все тот же он во дни войны) *1, 207*
Париж зимою 1915 (Слепые застилая дни) *1, 208*
Париж, Царьград и Рим – кариатиды (Lutetia Parisiorum) *1, 211*
Парижа я люблю осенний, строгий плен (Париж, 10) *1, 20*
Парижу (Неслись года, как клочья белой пены) *1, 212*
Перепутал карты я пасьянса (Париж, 11) *1, 20*

Песня могучая, песня народная! *2, 260*
Песчаные холмы, кустарники и воды *2, 225*
Петербург (Над призрачным и вещим Петербургом) *1, 197*
Петровой, А.М. – надпись на книге (Тысячелетнего сердца
семь раз воскресшей Ардавды) *2, 153*
Петроград (Как злой шаман, гася сознанье) *1, 223*
Пещера (Сперва мы спим в пурпуровой пещере) *1, 124*
Письмо (Я соблюдаю обещанье) *1, 35*
Плаванье (Мы пятый день плывем, не опуская) *1, 306*
Пламенный истлел закат *1, 149*
Пластика (Пра, Лиля, Макс, Сергей и близнецы) *2, 203*
Плоть человека – свиток (Путями Каина: 2. Огонь) *2, 26*
Плывущий за руном по хлябям диких вод *1, 189, 386*
По картам здесь и город был, и порт (Каллиера) *1, 142*
По лунно-радужному стеклу *2, 248*
По ночам, когда в тумане (Когда время останавливается, 4) . . *1, 28*
По пескам деревья-арлекины *2, 225*
По траве глухой и бурой *2, 225*
По холмам бегут к заливам тропы *2, 226*
Повесть временных лет (Земля наша велика и обильна) *2, 164*
Погребение (Глубь земли... Источенные крипты;
Руанский собор, 6) *1, 66*
Под знаком Льва (Томимый снами, я дремал) *1, 192*
Под темно-алыми ветвями *2, 226*
Подмастерье (Мне было сказано) *1, 171*
Полдень (Звонки стебли травы) *1, 92*
Полдень (Травою жесткою, пахучей и седой;
Киммерийские сумерки, 10) *1, 75*
Полет ее собачьих глаз (Лиле Эфрон) *2, 156*
Полночные вздулись воды (Из бездны) *1, 227*
Положив мне руки на заплечье (Армагеддон) *1, 199*
Полынь (Костер мой догорал; Киммерийские сумерки, 1) . . . *1, 70*
Поля из мрамора и горы из стекла *2, 226*
Поляны снежные под изморозью звезд *2, 226*
Помочь совсем сойти с ума *2, 244*
Попову В.И. (Лишь тот, кто ведает рукопожатье смерти) *2, 158*
Порох (Права гражданские писал кулак; Путями Каина, 6) . . *2, 38*
Портрет (Я вся – тона жемчужной акварели) *1, 33*
Посев (В осенний день по стынущим полянам) *1, 193*
Посев (Как земледел над грудой веских зерен) *1, 325*
После глубоких и нежных *2, 245*
Последней лаской закат *2, 226*
Последняя из рода Валуа *2, 241*
Послеполуденный нагрев *2, 226*

Потомкам (Кто передаст потомкам нашу повесть?) *1, 320*
Потянул ветерок (Утро) *2, 257*
Поэту (Горн свой раздуй на горе) *2, 90*
Пра (Я Пра из Прей) *2, 204*
Пра, Лиля, Макс, Сергей и близнецы (Пластика) *2, 203*
Права гражданские писал кулак (Путями Каина: 6. Порох) ... *2, 38*
Править поэму, как текст заокеанской депеши (Доблесть
поэта, 1) *2, 89*
Праху – прах... (Путями Каина: 15. Суд) *2, 81*
Преградой волнам и ветрам (Карадаг, 1) *1, 137*
Пред собором ждут их двое. *Г. Гейне* (Олаф) *2, 351*
Предварение о переводах *2, 285*
Предвестия (Сознанье строгое есть в жестах Немезиды) *1, 221*
Председатель (прв) – см. "Большевик" *1, 296*
Прежде нежели родиться – было (Протопоп Аввакум) *1, 261*
Преосуществление (В глухую ночь шестого века) *1, 231*
Придешь, окутанная в саван *2, 241*
Призыв (У излучин бледной Леты) *1, 91*
Прикрыв крылом края долины *2, 226*
Приляг на отмели. *А. де Ренье* *2, 343*
Пришла изночница: в постель *2, 181*
Пройдемте по миру, как дети *1, 34*
Пролог (Ты держишь мир в простертой длани) *1, 198*
Пророк (прв) – см. "Бунтовщик" *2, 47*
Протопоп Аввакум (Прежде нежели родиться – было) *1, 261*
Пурпурный лист на дне бассейна *1, 115*
Пурпурных рощ осенние трельяжи *2, 227*
Пускай осмеян я толпою *2, 257*
Пустынные заливы *2, 227*
Пустыня (И я был сослан в глубь степей) *1, 140*
Пустыня (Монмартр... Внизу ревет Париж) *1, 5*
Пусть мир войной. *Верхарн* (Защитники Льежа) *2, 327*
Путями Каина: 1. Мятеж (В начале был мятеж) *2, 23*
2. Огонь (Плоть человека – свиток) *2, 26*
3. Магия (На отмели незнаемого моря) *2, 29*
4. Кулак (Из кулака родилось братство) *2, 32*
5. Меч (Меч создал справедливость) *2, 34*
6. Порох (Права гражданские писал кулак) *2, 38*
7. Пар (Пар вился струйкою) *2, 40*
8. Машина (Как нет изобретателя) *2, 43*
9. Бунтовщик (Я – голос вопиющего в пустыне) *2, 47*
10. Война (Был долгий мир) *2, 53*
11. Космос (Созвездьями мерцавшее Чело) *2, 58*
12. Таноб (От Иоанна Лествичника чтенье) *2, 67*

13. Государство (Из совокупности избытков, скоростей) 2, 74
14. Левиафан (Восставшему в гордыне дерзновенной) . . . 2, 78
15. Суд (Праху – прах...) 2, 81

Равнина вод колышется широко (Киммерийские сумерки, 6) 1, 73
Разгар террора. Зной палит и жжет (Термидор, 2) 1, 216
Раскрыв ладонь, плечо склонила 1, 116
Расплясались, разгулялись бесы (Северовосток) 1, 310
Расстрелянные. *Гюго* (Война, которая ждет Тацита; Гражданская война, 1) 2, 345
Рдяны краски (Осенью) 1, 80
Революция (Она мне грезилась в фригийском колпаке) 2, 171
Революция губит лучших 2, 176
Резные фасады, узорные зданья (Венеция) 1, 11
Реймская Богоматерь (В минуты грусти просветленной) 1, 210
Ренье, Анри де-: 1. Кровь Марсия (Как голос вод) 2, 334
2. Нет у меня ничего 2, 342
3. Приляг на отмели 2, 343
Родился я в деревне (Сказание об иноке Епифании) 1, 283
Родина (И каждый прочь побрел вздыхая) 1, 230
Рождение стиха (В душе моей мрак грозовой и пахучий) 1, 23
Ропшин (Холодный рот. Щеки бесстрастной складки) 1, 157
Россия (Враждующих скорбный гений) 1, 191
Россия (С Руси тянуло выстуженным ветром) 1, 337
Ртутный отблеск и сиянье оссиановских ночей 2, 227
Россия распятая 1, 353
Руанский собор: 1. Ночь (Вечер за днем беспокойным) 1, 62
2. Лиловые лучи (О, фиолетовые грозы) 1, 63
3. Вечерние стекла (Гаснет день. В соборе все поблекло) 1, 63
Крестный путь (Семь ступеней – проз. интермеццо) 1, 64
4. Стигматы (Чья рука, летучая как пламень) 1, 65
5. Смерть (Вьются ввысь прозрачные ступени) 1, 66
6. Погребение (Глубь земли... Источенные крипты) 1, 66
7. Воскресение (Сердце острой жалостью ужалено) 1, 67
Русская революция (Во имя грозного закона) 1, 242
Русь. Фрагменты (Корни из Азии, сердце в России) 2, 172
Русь! Встречай роковые годины (Дикое Поле, 3) 1, 240
Русь глухонемая (Был к Иисусу приведен) 1, 229
Русь гулящая (В деревнях погорелых и страшных) 1, 244
Рыжие с медными бликами косы 2, 245
Рыжий ветер... радужные дали... . . . . 2, 227

С вознесенных просторов моих плоскогорий
(Киммерийская Сивилла) *2, 194*
С иронией свирельной и кинжальной *2, 251*
С каждым днем все диче и все глуше (На дне
преисподней) *1, 318*
С Монмартра (Город-Змей, сжимая звенья; Париж, 1) *1, 13*
С Россией кончено... На последях (Мир) *1, 226*
С Руси тянуло выстуженным ветром (Россия) *1, 339*
С темными бурями споря. *Верхарн* (На север) *2, 288*
С тех пор, как в пламени косматом и багровом *2, 195*
С тех пор, как тяжкий жернов *1, 114*
Сатурн (На тверди видимой алмазно и лазурно) *1, 60*
Свежий ветер. Утро. Рано (На Дунае) *2, 266*
Свернувшись змеем, время спало *2, 227*
Светло-зеленое море с синими полосами *2, 182*
Светоч косматый в вечернем тумане *2, 193*
Святая Русь (Суздаль да Москва не для тебя ли) *1, 225*
Святое око дня, тоскующий гигант! (Солнце) *1, 61*
Святой Георгий. *Верхарн* (Широкой молнией) *2, 293*
Святой Серафим (У ступеней Божьего престола) *2, 111*
Святой Франциск (Ходит по земле босой монашек) – одна
из главок поэмы "Святой Серафим", в некот. рукописях
автора выделенная в особое произведение *2, 125*
Священных стран *1, 79*
Себя покорно предавая сжечь *1, 114*
Северовосток (Расплясались, разгулялись бесы) *1, 310*
Седой кристалл магических заклятий (Луна) *1, 385*
Седые груды облаков *2, 227*
Седым и низким облаком дол повит *1, 131*
Седым стеклярусом строений *2, 228*
Сей древний град – богоспасаем (Феодосия) *1, 297*
Семь ступеней (Руанский собор: проз. интермеццо
"Крестный путь") *1, 64*
Сердце мира, солнце Алкиана *1, 92*
Сердце острой жалостью ужалено (Руанский собор:
7. Воскресение) *1, 67*
Серень утра и серень прозрачных далей *2, 228*
Серенький денек (Грязную тучу тошнило над городом) *2, 191*
Серый шифер. Белый тополь (Акрополь) *1, 12*
Сехмет (Влачился день по выжженным лугам; Киммерийские
сумерки, 12) *1, 76*
Сибирской 30-й дивизии (В полях последний вопль
довоплен) *1, 312*
Сидела царевна *2, 188*

Синим пламенем над рыжими холмами *2, 228*
Сказание об иноке Епифании (Родился я в деревне) *1, 283*
Скакать на красном параде (Красногвардеец) *1, 293*
Сквозь блеск зеленого стекла *2, 228*
Сквозь желтые смолы полудней *2, 228*
Сквозь зелень сизую растерзанных кустов *2, 228*
Сквозь облак тяжелые свитки *1, 134*
Сквозь прозелень вечерней тишины *2, 228*
Сквозь розово-призрачный свет *2, 229*
Сквозь серебристые туманы *2, 229*
Сквозь сеть алмазную зазеленел восток *1, 34*
Скелеты призрачных дерев *2, 229*
Склоняясь ниц, овеян ночи синью *1, 127*
Слава великим гробам! (К Герцену) *2, 161*
Славься, Мария! (Гностический гимн Деве Марии) *1, 68*
Слепые застилая дни (Париж зимою 1915) *1, 208*
Смертный, избранный богиней (Тангейзер) *1, 10*
Смерть (Вьются ввысь прозрачные ступени; Руанский собор, 5) . . *1, 66*
Снова дорога. И с силой магической (В вагоне) *1, 6*
Снова мы встретились в безлюдьи *2, 190*
Со дней последних битв. *Верхарн* (К Бельгии) *2, 329*
Собирались на работу ночью (Террор) *1, 314*
Созвездия (Звенят Весы и клонят коромысла) *1, 93*
Созвездьями мерцавшее Чело (Путями Каина: 11. Космос) . . . *2, 58*
Сознанье строгое есть в жестах Немезиды (Предвестия) *1, 221*
Солнце (Святое око дня, тоскующий гигант!) *1, 61*
Солнце жаром палит *2, 258*
Солнце! Твой родник *1, 132*
Соломон (Весенних токов хмель, и цвет, и ярь) *2, 199*
Сон (Лишь только мир) *2, 196*
Сорвавшись с дальних гор. *Эредиа* (Бегство кентавров) *2, 331*
Сорок ден опостясь (Заклинание о Русской Земле) *1, 332*
Соседствие Корана и Талмуда *2, 251*
Сочилась желчь шафранного тумана (Киммерийские
сумерки, 13) *1, 77*
Спекулянт (Кишмя кишеть в кафе у Робина) *1, 300*
Сперва мы спим в пурпуровой Пещере (Пещера) *1, 124*
Спит великан Колизей (Ночь в Колизее) *2, 268*
Спокойным вечером. *Верхарн* (Любовь) *2, 300*
Спускалась ночь. Погасли краски *1, 33*
Среди верховных ритмов мирозданья *2, 201*
Станет солнце в огненном притине *1, 85*
Старинным золотом и желчью напитал (Киммерийские
сумерки, 4) *1, 71*

Старые письма (Я люблю усталый шелест) *1, 44*
Статуя (Монах). *Верхарн* (Он крест здесь некогда воздвигнул на утесах) *2, 296*
Стеклянная прозрачность предвечерий *2, 229*
Стенькин суд (У великого моря Хвалынского) *1, 259*
Стеснили путь хребтов громады (Дельфы) *1, 89*
Стигматы (Чья рука, летучая как пламень; Руанский собор, 4) *1, 65*
Стон и рыданья. *Верлен* *2, 344*
Странник (прв) – см. "Как некий юноша в скитаньях без возврата" *1, 120*
Строители коралловых атоллов (Таноб, 7; – Путями Каина, 12) *2, 73*
Ступни горят. В пыли дорог душа *1, 120*
Суд (Праху – прах...; Путями Каина, 15) *2, 81*
Судьба замедлила сурово *1, 113*
Суздаль да Москва не для тебя ли (Святая Русь) *1, 225*

Таиах (Тихо, грустно и безгневно) *1, 45*
Так странно свободно и просто *2, 186*
Там мастер-ювелир. *Эредиа* (Ponte Vecchio) *2, 331*
Там с вершин отвесных (Via Mala) *1, 9*
Там с минарета кличет муэдзин *2, 251*
Там у моря есть дом *2, 261*
Тангейзер (Смертный, избранный богиней) *1, 10*
Таноб (Путями Каина, 12): 1. От Иоанна Лествичника чтенье . *2, 67*
2. Горючим ядом было христианство *2, 68*
3. Водитель душ измученную душу *2, 69*
4. Мечты и бред, рожденные темницей *2, 70*
5. Наедине с природой человек *2, 71*
6. Но так едка была его пытливость *2, 72*
7. Строители коралловых атоллов *2, 73*
Татиде – надпись на портрете (Безумной, маленькой и смелой) *2, 157*
Твоей тоской душа томима *1, 135*
Темны лики весны (Киммерийские сумерки, 3) *1, 71*
Теперь я мертв. Я стал строками книги *1, 113*
Термидор: I. Катрин Тео во власти прорицаний *1, 215*
II. Разгар террора. Зной палит и жжет *1, 216*
III. Париж в бреду. Конвент кипит, как ад *1, 217*
IV. Уж фурии танцуют карманьолу *1, 217*
Терминология ("Брали на мушку", "ставили к стенке") *1, 316*
Террор (Собирались на работу ночью) *1, 314*
Тех не отпустит Коктебель *2, 229*

Тесен мой мир (Когда время останавливается, 1) *1, 26*
Тихо все. Стоят чинары (Вечер) *2, 259*
Тихо, грустно и безгневно (Таиах) *1, 45*
Тишина от луны, от холмов и от скал Карадага *2, 229*
То в виде девочки, то в образе старушки *1, 150*
Тобик (Я фокс-терьер по роду...) *2, 205*
Толпа. *Верхарн* (В городах из сумрака и черни) *2, 318*
Толстому, А. Н. (Дети солнечно-рыжего меда) *1, 122*
Томимый снами, я дремал (Под знаком Льва) *1, 192*
Тонкой дымкой прикрытые дали *2, 229*
Травою жесткою, пахучей и седой (Киммерийские сумерки:
10. Полдень) *1, 75*
Травою покрыто зеленою *2, 257*
Трели ("Filiae et filii") *1, 167*
Трепещет и плещет *2, 230*
Три дня *2, 273*
Трихины (Исполнилось пророчество: трихины) *1, 224*
Туманные сиянья и лучи *2, 230*
Ты держишь мир в простертой длани (Пролог) *1, 198*
Ты живешь в молчаньи темных комнат (Черубине де Габриак) . . *1, 147*
Ты из камня вызвал мой лик *2, 185*
Ты проросла, как скудный терн *2, 243*
Тысячелетнего сердца семь раз воскресшей Ардавды
(А. М. Петровой – надпись на книге) *2, 153*
Тяжелый шрифт земли и ленты облаков *2, 230*

У великого моря Хвалынского (Стенькин суд) *1, 259*
У излучин бледной Леты (Призыв) *1, 91*
У ступеней Божьего престола (Святой Серафим) *2, 111*
Убиенный много и восставый (Dmetrius-Imperator) *1, 256*
Уж много дней рекою Океаном (Киммерийские сумерки:
14. Одиссей в Киммерии) *1, 78*
Уж скоро тридцать лет. *Верхарн* (Окровавленная Бельгия) . . . *2, 324*
Уж фурии танцуют карманьолу (Термидор, 4) *1, 217*
Ужас. *Верхарн* (В равнинах Ужаса) *2, 287*
Узы мышц, подушки душной плоти *2, 252*
Уланд, Л. Граф Эберштейн (Бал в полном разгаре) *2, 349*
Усталость (И тогда, как в эти дни, война) *1, 202*
Утро (Потянул ветерок) *2, 257*
Утро (Чуть свет, Андрей приносит из деревни) *2, 202*

Фаэтон (Здравствуй, отрок солнцекудрый) *1, 160*
Феодосия (Сей древний град – богоспасаем) *1, 297*
Фиалки волн и гиацинты пены *1, 142*

Француз (Француз – Жулье...) *2, 204*

Хин, Р.М. (Я медленно вхожу в ваш кабинет) *1, 156*
Хлеб от земли, а голод от людей (Голод) *1, 317*
Холмы, окованные медью *2, 230*
Холмы пустынь и синих гор зубцы *2, 230*
Холодная эффектность декораций *2, 248*
Холодный рот. Щеки бесстрастной складки (Ропшин) *1, 157*
Хрусталь земли сквозь утренний топаз *2, 230*

Царь-жертва! (Король) *2, 162*
Царь Иван был ликом некрасив (Написание о царях
Московских) *1, 251*
Цветаевой, Марине (К вам душа так радостно влекома) *2, 153*
Цветенье белых облаков *2, 230*
Цветов развертывая свиток *2, 244*
Цеппелины над Парижем. – Ночь весеннего равноденствия
(Весь день звучали сверху струны) *1, 209*
Цетлин, М.С. (Нет, не склоненной в дверной раме) *1, 155*

Человек (Душа моя широка) *2, 263*
Человечество. *Верхарн* (О, вечера, распятые на сводах
небосклона) *2, 287*
Чем глубже в раковины ночи *1, 219*
Чему учат иконы? *2, 277*
Черной тушью четких теней *2, 231*
Чертит гранью бриллианта *2, 241*
Черубине де Габриак (Ты живешь в молчаньи темных
комнат) *1, 147*
Четверть века (Каждый рождается дважды) *2, 98*
"Что" важнее, чем "как" (Доблесть поэта, 2) *2, 90*
Что подвиг одному, другому – грех *2, 254*
Что скучнее сизого моря *2, 241*
Чудесно возникали *2, 231*
Чуть свет, Андрей приносит из деревни (Утро) *2, 202*
Чья рука, летучая как пламень (Руанский собор:
4. Стигматы) *1, 65*

Широки окоемы гор *2, 194*
Широкой молнией. *Верхарн* (Святой Георгий) *2, 293*
Широлиц. Скуласт. Угрюм (Матрос) *1, 294*
Шоссе... Индийский телеграф *2, 187*

Эдгар По и Достоевский (На одной из улиц Балтиморы) *2, 200*

Эпилог (прв) – см. "Таиах" *1, 45*
Эредиа, Х.М.: 1. Бегство кентавров (Сорвавшись с
дальних гор) *2, 331*
2. Ponte Vecchio (Там мастер-ювелир) *2, 331*
Эта светлая аллея *1, 49*
Эти облачные пряжи *2, 231*
Эти пределы священны уж тем (Коктебельские берега) *2, 231*
Эти страницы – павлинье перо *1, 25*
Эти творческие сны *2, 245*
Это гибкое, страстное тело (Голова Мадам де Ламбаль) *1, 213*
Это танец влажно-зыбкий *2, 239*
Эфрон, Лиле (Полет ее собачьих глаз) *2, 156*

Я быть устал среди людей *1, 119*
Я верен темному завету *1, 123*
Я – Вечный Жид. Мне люди братья *1, 385*
Я воззвал Орла от Востока *2, 249*
Я вся – тона жемчужной акварели (Портрет) *1, 33*
Я – глаз, лишенный век (Зеркало) *1, 47*
Я глазами в глаза вникал *1, 119*
Я – голос вопиющего в пустыне (Путями Каина:
9. Бунтовщик) *2, 47*
Я дух механики (Два демона, 1) *1, 161*
Я ждал страданья столько лет *1, 31*
Я живу в глухом размахе *2, 246*
Я жизни творческое семя *2, 240*
Я зрею медленно во тьме *2, 246*
Я иду дорогой скорбной (Киммерийские сумерки, 2) *1, 71*
Я их узнал, гуляя вместе с ними (Гайдан) *2, 206*
Я к нагорьям держу свой путь *1, 118*
Я как трава, разбуженная солнцем *2, 246*
Я люблю тебя, тело мое *2, 187*
Я люблю усталый шелест (Старые письма) *1, 44*
Я медленно вхожу в ваш кабинет (Р. М. Хин) *1, 156*
Я не пойду в твой мир гонцом *2, 183*
Я не просил иной судьбы у неба *2, 89*
Я не сам ли выбрал час рожденья (Готовность) *1, 319*
Я ничего не объясняю *2, 250*
Я погружен горящим корнем *2, 240*
Я полдень духа, к солнцу на вершину *2, 239*
Я, полуднем объятый *1, 121*
Я – понимание. Поэты, пойте песни *2, 181*
Я Пра из Прей (Пра) *2, 204*
Я пробегаю жадным взглядом (Газеты) *1, 194*

Я проходил, а вы стояли *2, 247*
Я, сам не зная, что Фалог *2, 247*
Я соблюдаю обещанье (Письмо) *1, 35*
Я – солнца древний путь (Киммерийские сумерки:
8. Mare Internum) *1, 74*
Я – соль земли *2, 189*
Я счастьем слеп, тоска же видит зорко *2, 247*
Я узнаю себя в чертах *1, 154*
Я фокс-терьер по роду... (Тобик) *2, 205*
Я шел сквозь ночь *1, 59*
Янтарный свет в зеленой кисее *2, 231*
Ясен вечер... Облаков громады *2, 231*
Ясный вечер, зимний и холодный (В мастерской) *1, 53*

1919 год (прв) – см. "На вокзале" *1, 241*
19 февраля *2, 496*
Amori Sacrum (прв) – см. "Второе письмо" *1, 50*
Corona Astralis. Венок сонетов (В мирах любви неверные
кометы) *1, 97*
Dies illa tam amara (прв) – см. "Суд" *2, 81*
Dmetrius-Imperator (Убиенный много и восставый) *1, 256*
"Filiae et filii" (Трели) *1, 167*
Horas non numero nisi serenas /Надпись на диске солнечных часов/
(Море купало в своем серебре нас) *2, 237*
In mezza di camin... (Блуждая в юности извилистой дорогой) . . *1, 55*
Κλητικοι (Вейте, вайи! Флейты, пойте!) *1, 87*
Lunaria. Венок сонетов (Жемчужина небесной тишины) *1, 177*
Lutetia Parisiorum (Париж, Царьград и Рим – кариатиды) *1, 211*
Mare Internum (Я – солнца древний путь; Киммерийские
сумерки, 8) *1, 74*
Ponte Vecchio. *Эредиа* (Там мастер-ювелир) *2, 331*
Via mala (Там с вершин отвесных) *1, 9*

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В I ТОМЕ, И ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ I ТОМА

	Напечатано	Следует читать
стр. XII, строка 15-16	"Чему учат нас иконы?"	"Чему учат иконы?"
стр. XXII, строка 12	интернализировавшуюся	интернационализировавшуюся
стр. XXIII, строки 5-4 снизу	"Племена"	"Пламена"
стр. XXV, строка 9	святой Серафим Саровский	"Святой Серафим Саровский"
строка 17 снизу	"Племена"	"Пламена"
строка 13 снизу	"Племена"	"Пламена"
стр. XLI, строка 1	Пропущено в начале строки	est
строка 6	"A poem shuld...	"A poem should...
стр. XLVI, строка 10 снизу	ими выдуманного соцреализма.	выдумавших соцреализм.
стр. CVIII, строка 12	Мечтаю о юге и о том...	Мечтаю о юге и молюсь о том...
стр. CIX, строки 2-3	– был годом моего рождения. Я ходил с караваном...	– был годом моего духовного рождения. Я ходил с караванами...
строка 12	Франса, стиху – у Готье и у Эредиа...	Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа...
строка 15	Андора...	Андорра...
строка 16	Прадо, Ватикан. Улицы...	Прадо, Ватикан, Уффицы...

стр. CX, строка 10 снизу	прикрывающую реальность революции.	прикрывающую подлинную реальность революции.
стр. CXI, строка 3	речи снова возвращается	речи мне возвращается
строка 7	меня не испугали	не испугали меня
строка 15 снизу	преисподней террора я вынес	преисподней Террора и Голода я вынес
стр. 39, строка 1, гл. 9.	... утро в Hall'e	... утро в Halle'e
стр. 68, ГНОСТИЧЕСКИЙ ГИМН ДЕВЕ МАРИИ стих 5:	Mula-Pracriti –	Mula-Prakriti –
стр. 69, там же, строка 5:	Морем свита,	Морем овита,
стр. 138, КОКТЕБЕЛЬ строка 1:	Как в раковинке малой – океана	Как в раковине малой – океана
стр. 186, строка 6	Ты жалкий труп отвергнутого мира.	Ты жадный труп отвергнутого мира.
стр. 215	II. БОНАПАРТ	II. ВЗЯТИЕ ТЮИЛЬРИ
стр. 221, ПРЕДВЕСТИЯ дата стих.	Июнь 1905. С.-Петербург	20 июня 1905. Париж
стр. 231, строка 6 сверху	marareutur	moriuntur
стр. 257, строка 6 снизу	Тут тогда меня уж стало много:	Тут меня тогда уж стало много:
стр. 294, МАТРОС строка 1:	Широколиц. Скулат. Угрюм.	Широлиц. Скуласт. Угрюм.
стр. 314, ТЕРРОР строки 13-14:	Ночью гнали разутых, голодных, По оледенелой земле,	Ночью гнали разутых, голых По оледенелым камням,

стр. 316, строка 3	Была опалена огнем и зноем.	Была опалена огнем и гноем.
стр. 319, строка 1 снизу	Говорю: "Ты прав, что так судил!"	Говорю: "Ты прав, что так судил!
стр. 320, строка 4 сверху	Господи, – вот плоть моя!	Господи, – вот плоть моя!"
стр. 344, РОССИЯ строка 6		И в чудеса и в преданный народ
стр. 358, строка 17	Прихватил только Грабаря...	Прихватим только Грабаря...
стр. 397, строка 5	в январе 1900 и январе 1901 года.	с октября 1900 по август 1901 года.
стр. 398, строка 20 снизу	стр. 31–38 хроники).	стр. 37–38 хроники).
стр. 399, строка 15	настоянный на гальском	настоенный на гальском
стр. 407–408		АКРОПОЛЬ. Впервые – "Око", 6/19 окт. 1906. Разночтения: Стих 12: Как струна висит колонна 14: И сквозь ветку кипариса 24: Завернув полукольцо,
стр. 411, строка 20 снизу	(Margarita Woloscin.	(Margarita Woloschin.
стр. 416		В ЦИРКЕ. Впервые: "Двадцатый Век", 5/18 апр. 1906.
стр. 426		ПИСЬМО. Впервые – "Перевал", 1907, № 12.
стр. 431, строка 6	Поэта, мал. серии).	Поэта, мал. серия).

стр. 433,	БЫТЬ ЧЕРНОЮ ЗЕМЛЕЙ:	Впервые: "Перевал", 1906, № 2.	Впервые: "Перевал", 1906, № 3.
стр. 434,	САТУРН.		САТУРН. Впервые: "Вестник Теософии", 1908, №3. Разночтение: стих 10: Живые ткани тел, а тело было звук.
стр. 437,	ГНОСТИЧЕСКИЙ ГИМН ДЕВЕ МАРИИ.		Впервые: "Вестник Теософии", 1908, №2. Разночтения: стих 27: Мать-Афродита – 44: Несущихся звезд 46: Голубая завеса. 49: Мы круг завершили.
стр. 442,	ЗЕЛЕНЫЙ ВАЛ ОТПРЯНУЛ И ПУГЛИВО.		Впервые: "Русь", 25 дек. 1907.
стр. 444,	СЕРДЦЕ МИРА, СОЛНЦЕ АЛКИАНА.		Впервые: "Русь", 25 дек. 1907.
стр. 450,	строка 1 снизу	(С. Гречишников,	(С. Гречишкин,
стр. 460,	КОКТЕБЕЛЬ		Разночтение: стих 1: Как в раковинке малой – океана
стр. 460,	ГОРОДА В ПУСТЫНЕ.		Разночтение (или опечатка?) в "Б-ке Поэта": стих 3: Трояды скорбь среди немых холмов.
стр. 462,	ФИАЛКИ ВОЛН И ГИАЦИНТЫ ПЕНЫ.		Впервые: "День Поэзии в Крыму. 1965".
стр. 462,	строки 9 и 8 снизу	A book of Homage of Shakespeare	A book of Homage to Shakespeare

стр. 470, строка 2	см. стр. 191 настоящего тома	см. стр. 385 настоящего тома.
стр. 481, строка 10	(M. Wolochin	(M. Woloschin
стр. 482, строка 12	("Речь", 30 окт/12 ноября 1916)	("Речь", 31 окт./13 ноября 1916)
стр. 483, ДРУГУ.		Разночтение: стих 3: И тесно связаны тоскою
стр. 487, строка 17	С. Гречишникова	С. Гречишкина
стр. 505, строка 11	романсированные	романизированные
стр. 510, КРАСНОГВАРДЕЕЦ.		Впервые: "На Посту", 1924, № 1.
МАТРОС.		Впервые: "На Посту", 1924, № 1.
стр. 519, РОССИЯ.	глава 3, строка 19 –	Разночтение: Его познал, взрастил и всхолил Павел.
стр. 521, строки 10 и 9 снизу	строющуюся	строящуюся

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиографические заметки

Автобиография-анкета. – Максимилиан Александрович Волошин 9
О самом себе 13

Книга четвертая. – Путями Каина. Трагедия материальной культуры.

I. Мятеж 23
II. Огонь 26
III. Магия 29
IV. Кулак 32
V. Меч 34
VI. Порох 38
VII. Пар 40
VIII. Машина 43
IX. Бунтовщик 47
X. Война 53
XI. Космос 58
XII. Таноб 67
XIII. Государство 74
XIV. Левиафан 78
XV. Суд 81

Книга пятая. – Паралипомена.

I. Паралипомена
Я не просил иной судьбы у неба... 89
Доблесть поэта 89
Поэту 90
Он был из тех... (Памяти В.К. Церасского) 92
Дом поэта 93
Четверть века 98
Аделаиде Герцык 102
Заклинание 103
Владимирская Богоматерь 105

II. Святой Серафим. Поэма 111

III. Послания
Алекс. Мих. Петровой 153
Богаевскому 153
Сергею Маковскому 153
Марине Цветаевой 153
Милая Вайолет, где ты? 155
Майе 155
Лиле Эфрон 156
Татиде 157
Л.П. Гроссману 157
М.С. Волошиной 158
Вс. И. Попову 158
О.Ф. Головиной 158

IV. Стихи и неоконченные поэмы о России и революции
К Герцену 161
Лежать в тюрьме... 161
Набат (На башне) 161
Король 162
Нет в мире прекрасней свободы... 163
Повесть временных лет 164
Грядущая Россия 169
Революция 171
Русь (Фрагменты) 172

Земной простор, изрезанный стезями... 175
Революция губит лучших... 176
V. Разные стихотворения
В комнате скучно... 179
Дрожало море вечной дрожью... 179
Город умственных похмелий... 180
Я – понимание... 181
К древним тайнам мертвой Атлантиды 181
Пришла изночница... 181
Светло-зеленое море с синими полосами 182
Дубы нерослые... 182
О да, мне душно в твоих сетях 182
Я не пойду в Твой мир гонцом... 183
В полдень был в пустыне глас... 183
На пол пала лунная тень от рамы 184
Как ночь души тиха... 185
Возьми весло, ладью отчаль... 185
Ты из камня вызвал мой лик... 185
Нагота тела, как скользящая ткань... 186
И были брови как стрелы сдвинуты... 186
Так странно свободно и просто... 186
Я люблю тебя, тело мое... 187
Шоссе... Индийский телеграф 187
Сидела царевна... 188
И нет в мирах страшнее доли... 189
Я соль земли... 189
Бойцам любви – почетна рана... 190
Снова мы встретились в безлюдьи... 190
Тебя встречал я ночью... 191
Верь в безграничную мудрость Мою... 191
Серенький денек 191
И, погасив огонь текучий... 193
Не отвергайся духа злого... 193
Светоч косматый в вечернем тумане... 193
Широки окоемы гор... 194
Киммерийская сивилла 194
С тех пор как в пламени... 195

Мир знает не одно, а два грехопаденья... 195
Сон 196
Был покойник во гробе трехдневен... 198
Папирус сдержанный... 198
Ангел смерти 198
Соломон 199
Эдгар По и Достоевский 200
Как магма незастывшего светила... 200
Среди верховных ритмов мирозданья... 201
Шуточные стихотворения
Корнею Чуковскому 201
Не в желто-буром Коктебеле... 202
Шуточные стихи о Коктебеле
Утро 202
Обед 203
Пластика 203
Француз 204
Пра 204
Тобик 205
Гайдан 206
Подписи под портретами на стенах коктебельского кафе "Бубны" 206

VI. Надписи на акварелях 1–148 211

Книга шестая. – Иверни. Стихи юношеских и студенческих лет. Из прозы. Избранные переводы.

I. Иверни 237

II. Стихи юношеских и студенческих лет
Пускай осмеян я толпою... 257
Травою покрыто зеленою 257
Утро 257
Люблю вечернею порою... 258
Солнце жаром палит 258
Вечер 259
Выйди, писатель, на поприще жизни... 253

...Вперед! Вперед! Долой сомненья! 260
Песня могучая, песня народная... 260
Там у моря есть дом... 261
Над могилой В.К. Виноградова 261
Многим 262
Человек 263
Брожу ли я с душой печальной... 264
Лазурное море... 264
Но только люблю я не эту толпу... 265
Душно в комнате! Как только... 265
На Дунае 266
"В Италию!" – громко звенело в ушах... 267
В камень черный... 267
Ночь в Колизее 268
Думы непонятные... 268
На заре. Свежо и рано... 269

III. Из прозы
Три дня. Фантазия. 273
Чему учат иконы? 277

IV. Избранные переводы
Предварение о переводах 285
Эмиль Верхарн 287
Хозе Мариа де Эредиа 331
Стефан Маллармэ 333
Анри де Ренье 334
Поль Верлен 344
Виктор Гюго 345
Людвиг Уланд 349
Генрих Гейне 351

Примечания 357
Библиография 403
Дополнения 545
Алфавитный указатель 551
Опечатки I тома 579
Список фотографий 590

СПИСОК ФОТОГРАФИЙ

М.А. Волошин. Коктебель. Ок. 1926–1930.

М.А. Волошин. Феодосия, 1896.

М.А. Волошин. Париж, 1901.

М.А. Волошин. 1903.

М.А. Волошин. Набросок Е. Кругликовой. Париж, 1903.

М.А. и М.С. Волошины. Коктебель, 1925.

М. Волошин в своей мастерской. Коктебель, 20-е годы.

М.А. Волошин. Ленинград, 1924.

М.А. и М.С. Волошины. Коктебель, ок. 1927.

М.А. Волошин. Ок. 1927–1929.

М.А. Волошин. Коктебель. Ок. 1926–1930.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 2 FÉVRIER 1984
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE

N° 8530